

ПО СТОПАМ ГОСПОДА

Каждое слово этого триллера вонзается вам под кожу, как острый нож! Стивен Кинг

onal Bestseller

ПО СТОПАМ ГОСПОДА

УДК 821.111(73) ББК 84 (7Сое) A36

Серия «The International Bestseller» основана в 2005 году

Greg Iles THE FOOTPRINTS OF GOD

Перевод с английского В. Задорожного Серийное оформление А. Кудрявцева

Компьютерный дизайн Ю. Мардановой

Печатается с разрешения Hero's Journey Media Corp. и литературных агентств Aaron Priest Literary Agency, Inc. и Permissions & Rights Ltd.

Подписано в печать 14.09.07. Формат $70x90^{-1}/_{22}$. Усл. печ. л. 20,88. Тираж 5 000 экз. Заказ № 1358.

Айлс. Г.

А36 По стопам Господа: [роман] / Грег Айлс; пер. с англ. В. Задорожного. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИ-ТЕЛЬ, 2008. - 572, [4] с. — (The International Bestseller).

> ISBN 978-5-17-047212-3 (ООО «Изд-во АСТ») ISBN 978-5-9713-6627-0 (ООО Изд-во «АСТ МОСКВА») ISBN 978-5-9762-4913-4 (ООО «ХРАНИТЕЛЬ»)

«Тринити».

Суперкомпьютер, способный заменить ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ MO3T.

Секретная разработка величайших ученых современности.

Не просто прорыв в мире высоких технологий, а дерзкая попытка изменить ход развития человечества.

Но неожиданно ученые, работающие над «Тринити», НАЧИНАЮТ ГИБНУТЬ ОДИН ЗА ДРУГИМ...

Профессор Дэвид Теннант — единственный, в чьих силах продолжить или остановить работу над опасным проектом. И он готов пойти на смертельный риск...

УДК 821.111(73) ББК 84 (7Сое)

© Greg Iles, 2003

© Перевод. В. Задорожный.

Школа перевода В. Баканова, 2006 © ООО «Издательство АСТ», 2006 Будем осторожны и не сотворим себе из разума Бога.

Альберт Эйнштейн

Все вещи возвращаются к Одному. Но к чему возвращается Одно?

Коан дзэна

Глава 1

— Меня зовут Дэвид Теннант. Я магистр медицины и профессор этики в медицинском колледже университета штата Виргиния. Если вы смотрите эту видеозапись — значит, я уже умер.

Я сделал глубокий вдох и как следует сосредоточился. Поменьше патетики!

Видеокамера «Сони» стоит на треноге напротив меня. Жидкокристаллический экран я повернул так, чтобы видеть себя. В последние несколько недель я сильно похудел. Глаза красные от усталости и обведены черными кругами. Больше похож на преступника в бегах, чем на человека, скорбящего об усопшем друге.

— Не знаю, как и начать. Так и вижу Эндрю на полу, мертвого. Это они убили его, я знаю... Однако не буду забегать вперед. Вот вам факты. Я родился в 1961 году в Лос-Аламосе, штат Нью-Мексико. Отец — Джеймс Говард Теннант, физик-ядерщик. Мать — Энн Теннант, педиатр. Эту видеозапись я делаю в здравом уме и твердой памяти. Как только она будет готова, я запечатаю ее в конверт, а конверт передам своему поверенному — пусть вскроет в случае моей смерти, от чего бы я ни умер.

Шесть часов назад моего коллегу, профессора Эндрю Филдинга, нашли мертвым на полу около рабочего стола в его кабинете. Внешне очень похоже на инфаркт. Не могу доказать, но уверен — его убили.

Последние два года мы с ним работали в научно-исследовательской группе, которую финансируют на пару Агентство национальной безопасности и Управление перспективных исследовательских программ — то самое Управление, благодаря которому в семидесятые годы двадцатого века был создан Интернет. Наша группа строжайше засекречена. Ее называют «Тринити» — так же, как и проект, над которым мы работаем.

Я скосил взгляд на лежащий на моих коленях «смитвессон» тридцать восьмого калибра. В кадр он не попадал. Зато на душе спокойнее, когда он тут, рядом. Я снова уставился на красную лампочку камеры.

— Два года назад основателю компании «Годин суперкомпьютинг» Питеру Годину было откровение — чтото вроде того легендарного мгновения, когда яблоко упало на голову Исаака Ньютона. Только Година осенило во сне. Вот так — за здорово живешь, ни с того ни с сего — семидесятилетний ученый сделал самое ошеломляющее открытие в истории науки.

Проснувшись среди ночи, Годин тут же позвонил Джону Скоу, заместителю директора Агентства национальной безопасности в форте Джордж-Мид, штат Мэриленд.

Уже к шести утра они на пару сочинили письмо президенту Соединенных Штатов, которое мгновенно ушло к адресату. Его содержание потрясло Белый дом.

Я знаю об этом из первых рук. Мой брат был близким другом теперешнего президента США со студенческих времен. Брат умер три года назад, но благодаря ему президенту известно о моей работе — именно поэтому я оказался в гуще последующих событий.

Я поглаживал прохладный металл револьвера и размышлял, что же мне сказать, а что пропустить. «Ничего не пропускай», — твердил голос в моей голове. Голос моего отца. Пятьдесят лет назад ему довелось сыграть некую

8

роль в секретной истории Америки — и это бремя, я думаю, прискорбно сократило его дни. Отец

умер в 1988 году затравленным человеком, уверенным в том, что «холодная война» между США и СССР, которую он в дни своей молодости косвенно, как научный сотрудник, с таким энтузиазмом раздувал и поддерживал, закончится войной горячей и полным уничтожением цивилизации. Ядерного апокалипсиса, впрочем, все же не произошло — но лишь по счастливой случайности. Итак, «ничего не пропускай»...

— Послание Година президенту, — продолжал я, — дало столь же впечатляющие результаты, что и обращение Альберта Эйнштейна в начале Второй мировой войны к президенту Франклину Делано Рузвельту, в котором он рассказал о теоретической возможности создания атомной бомбы — в том числе и немецкими учеными. Реакцией на письмо Эйнштейна стал «Манхэттенский проект» — глубоко засекреченная попытка опередить нацистскую Германию в деле создания ядерного оружия. Результатом письма Питера Година был проект подобного масштаба, только во много-много раз амбициозней.

Проект «Тринити» начинался в Треугольнике науки в Северной Каролине — под «крышей» подставной компании, за которой скрывалось АНБ — Агентство национальной безопасности.

Только шесть человек на планете обладают всей полнотой информации о проекте «Тринити». Теперь, когда Эндрю Филдинг мертв, нас осталось пятеро. Кроме меня, это Питер Годин, Джон Скоу, Рави Нара...

Я вскочил, сжимая в руке револьвер, — кто-то стучал в дверь дома. Сквозь тюлевые занавески я увидел фургон «Федерал экспресс», припаркованный у тротуара. К сожалению, из окна не было видно, кто стоит у двери.

- Кто там? громко спросил я.
- «Федерал экспресс», отозвался хриплый мужской голос. Распишитесь в получении.

Я не ждал никакой почты.

Письмо или пакет? — крикнул я.

- Письмо.
- От кого?
- М-м... От Льюиса Кэрролла.

Я вздрогнул. Пакет от мертвеца? Только один человек мог отправить мне пакет, назвавшись именем автора «Алисы в Стране чудес». Хулиганистый Эндрю Филдинг. Значит, за день до своей смерти он мне что-то отправил?

Многие недели Филдинг как одержимый искал нечто во всех лабораториях проекта «Тринити» — в том числе и в компьютерах. Похоже, таки нашел. За что его и убили. Вчера в поведении Филдинга я заметил странности, чрезмерные даже для такого знаменитого чудака, как он. Но уже сегодня утром Филдинг выглядел совершенно нормальным, то есть в меру чудным.

— Так будете брать или нет? — спросил мужской голос.

Подняв револьвер на уровень груди, я пошел к двери и левой рукой открыл ее на длину цепочки. Через щель я увидел парня лет двадцати в форме «Федерал экспресс». Волосы стянуты на затылке в короткий хвост.

- Давайте сюда письмо. И на чем расписываться.
- Это цифровой аппарат. Никому не даю.
- Тогда суйте его сюда не выпуская из руки.
- Псих ненормальный! бормотнул парень, но все же просунул мне через щель плоскую оранжевую коробку с кнопками и экраном и свисающей на шнурке специальной ручкой.

Я быстро и небрежно расписался на чувствительном экранчике.

Спасибо.

Парень сунул мне через щель письмо. Я бросил его на диван, закрыл дверь, дождался у окна, когда фургон отъедет, и только после этого опять взял письмо в руки.

«Льюис Кэрролл» написано знакомыми каракулями Филдинга. В плотном конверте — лист бумаги. Когда я потянул его на себя, на руки просыпался серовато-белый порошок. Из-за его цвета в моей голове пронеслось: «Сибирская язва!»

Маловероятно, конечно. Однако только что мой лучший друг скончался при подозрительных обстоятельствах. Попробуй тут не стать параноиком!

Я бросился в кухню и тщательно вымыл руки с мылом. Потом проворно вытащил из шкафа медицинский чемоданчик. Внутри был обычный докторский набор: болеутоляющие и рвотные средства, антибиотики и стероидные мази. В отделении на защелке я нашел то, что искал: упаковку «Ципро», мощного антибиотика широкого спектра действия. Я проглотил одну пилюлю, запил водой из-под крана, затем надел хирургические перчатки. В качестве последней предосторожности я достал из корзины для грязного белья футболку и обвязал ею лицо, защищая нос и рот. Затем сунул сложенный пополам конверт в один полиэтиленовый пакет-зип для быстрой заморозки, а письмо — в другой. Оба пакета я герметично закрыл и положил на стойку в кухне.

Мне ужасно хотелось побыстрее прочитать письмо, но какая-то часть меня противилась этому: Филдинга, возможно, убили из-за того, что я найду на этой страничке. Даже если его прикончили по другой причине, все равно от письма я не ожидал ничего хорошего.

Ковер в передней я тщательно почистил пылесосом, — чтоб и крупинки серовато-белого порошка не осталось. При этом я размышлял: а не ошибаюсь ли я насчет смерти Филдинга? Точно ли его убили? Не поспешил ли я с выводами?

Последние недели мы с Филдингом провели в состоянии растущей подозрительности, и не без причины. Да и время убрать Филдинга было выбрано чертовски удачно...

Пылесос обратно в шкаф я класть не стал — вышел через заднюю дверь и выбросил его в дальний угол двора. Лучше потом новый купить.

Письмо на кухонной стойке не давало покоя. Я чувствовал себя как солдатская жена, которая отказывается прочитать телеграмму. Но я-то уже знал, что мой друг мертв. Откуда же такой страх?

«Да оттуда, — ответил кто-то в моем мозгу. Голосом Филдинга. — Боишься голову из песка вытаскивать. Любимое занятие американцев — прятать голову в песок...»

Страшно сердитый оттого, что покойники не менее навязчивы, чем живые, я схватил пакет с письмом и стал читать.

Лаконичное послание было написано от руки:

Дэвид!

Нам нужно встретиться еще раз. Я наконец-то высказал Годину свои подозрения. Его реакция ошеломила меня. Доверять бумаге ничего не стану, но я убедился в своей правоте. В субботу вечером мы с Лу Ли направляемся в голубой уголок. Пожалуйста, присоединяйся к нам. Там место более или менее укромное, можно спокойно поговорить. Кажется, тебе самое время снова войти в контакт с другом твоего покойного брата, хотя я опасаюсь, что и он уже ничего не сможет сделать — так далеко все зашло. Есть силы, против которых, однажды их разбудив, люди беспомощны. Боюсь, беспомощно даже человечество в целом. Если со мной что случится, не забудь про золотую штучку, которую я тебе однажды дал на хранение. Ах, что за жуткие времена, дружище! Итак, до субботы.

Подписи не оказалось, но в конце были нарисованы голова кролика и циферблат.

Белый Кролик — ласковое прозвище, данное Филдингу его кембриджскими студентами-физиками. А при себе он всегда имел золотые карманные часы: это и есть та «золотая штучка», которую он мне однажды дал на хранение.

Мы встретились в коридоре, на бегу. Он сунул мне часы на цепочке: «Старик, ты не против подержать их у себя часок? Спасибо». И зашагал дальше. А через час за-

глянул ко мне в кабинет и часы забрал. Мол, не хотел идти с ними в лабораторию магнитно-ре-

зонансных исследований — вдруг тамошние сильные магнитные поля испортят механизм. Да только мне эта история показалась странной: Филдинг бывал в лаборатории чуть ли не каждый день — и до того случая, и после, а часы передал мне для перестраховки только один раз. Эти золотые часы наверняка были в его кармане и в момент смерти. Любопытно, что в тот день произошло на самом деле?

Я перечитал записку.

«В субботу вечером мы с Лу Ли направляемся в голубой уголок».

Лу Ли — так звали новую жену Филдинга. Она была китаянка. «Голубой уголок», ясное дело, кодовое название приморского домика в Нэгс-Хеде на северокаролинском побережье. Три месяца назад Филдинг спрашивал, где бы ему провести медовый месяц, и я предложил домик в Нэгс-Хеде, до которого всего несколько часов на машине. Филдингам место сразу полюбилось, и мой друг-англичанин вспомнил о нем, когда захотел обсудить свои опасения в укромном месте.

Руки у меня дрожали. Написавший эту записку теперь лежит холодный на холодном же столе в морге — если он сейчас вообще в морге. Мне не сообщили, куда увезли тело моего друга. То ли и впрямь не знали, то ли не сочли нужным уведомить. А этот серовато-белый порошок... Его туда насыпал сам Филдинг — и забыл упомянуть в записке? А если не он, то кто? Убийца?

Я отложил письмо и вернулся к видеокамере. Отмотал пленку назад — до того момента, когда я пошел открыть парню из «Федерал экспресс».

Видеопослание я решил записать из страха, что меня прикончат прежде, чем я расскажу президенту все, что мне известно. Письмо Филдинга ничего не изменило. Но теперь, глядя в объектив, я никак не мог сосредоточиться. Опережая мысль Эндрю, я уже пробовал связаться с другом моего покойного брата. В то же мгновение, когда я увидел Филдинга мертвым на полу

13

в его кабинете, я понял, что надо немедленно поговорить с президентом. Однако президент был в Китае. Несмотря на это, как только я освободился и вышел из лаборатории «Тринити», я позвонил в Белый дом из ресторана «Шоуниз» — там был «безопасный телефон», который мне когда-то посоветовал Филдинг. Команды наблюдения, как правило, в автомобилях — что ты делаешь в глубине помещения, им не видно, и факт звонка они не зафиксируют. Вдобавок геометрия ресторана крайне затрудняет подслушивание на расстоянии с помощью параболического микрофона.

После того как я произнес в трубку кодовое слово «Тринити», оператор Белого дома соединил меня с каким-то человеком, который неприветливо осведомился, зачем я звоню. Я попросил соединить меня с Ивэном Маккаскеллом, главой президентской администрации, с которым я познакомился во время визита в Овальный кабинет.

- Маккаскелл в Китае с президентом.
- В этом случае доложите президенту, что с ним хочет незамедлительно побеседовать Дэвид Теннант по поводу проекта «Тринити». О чем никто другой из занятых в проекте знать не должен.

Человек обещал передать мое сообщение и повесил трубку.

Между Северной Каролиной и Пекином тринадцать часов разницы. То есть у них там, в Китае, уже завтрашний день и светло. Сообщение я оставил четыре часа назад, а ответа пока что не получил. Но встреча на высшем уровне — дело серьезное, и передачу моей просьбы могли отложить. Мне оставалось только гадать, что происходит. Проведает кто из занятых в проекте «Тринити» о моем звонке раньше президента — и я с ним уже не встречусь: ликвидируют, как Филдинга.

Я нажал кнопку «запись» на пульте дистанционного управления и продолжил рассказ перед камерой:

 За прошлые шесть месяцев я прошел путь от благородного научного дерзания до вопроса: Боже, в какой стране я живу? Я видел, как нобелевские лауреаты поступаются совестью и принципами, чтобы найти...

Я резко замолчал. Чье-то лицо мелькнуло за одним из окон, выходящих на улицу. Кто-то быстро заглянул внутрь. Хоть занавески и не совсем прозрачные, сомнений не было. Волосы до плеч. Черты лица вроде бы женские.».

Я начал было вставать — и тут же рухнул обратно на стул. По моим зубам словно разряды тока забегали, будто я жевал алюминиевую фольгу металлическими коронками. Вдруг отяжелевшие веки потянуло вниз. «Только не теперь! — подумал я, в панике опуская руку в карман за пузырьком с лекарством. — Господи, только не теперь!»

Последние шесть месяцев ведущие ученые, занятые в проекте «Тринити», страдали какими-то пугающими нарушениями функций нервной системы. Симптомы у всех были разные. Моим крестом была нарколепсия — внезапные непродолжительные, до получаса, приступы сна, которые случаются в любое время и в любой обстановке. Нарколептические припадки и сами по себе не подарок, а мне при этом еще и диковинные сны снились! Дома я обычно не сопротивлялся и впадал в сон, подобный трансу. Но когда приступы случались на рабочем месте или за рулем автомобиля, я вытаскивал себя из затягивающего омута внезапной «отключки» с помощью срочной дозы амфетаминов.

Я потряс темную склянку. На слух пустая. Да, последнюю пилюлю проглотил вчера. Стимуляторы мне в свое время дал Рави Нара, участвующий в нашем проекте невролог, но теперь мы друг с другом не разговаривали.

Я еще раз попытался встать — позвоню в аптеку, чтобы немедленно доставили нужное лекарство. Смешная мысль! Ноги не подчинялись. Все конечности словно свинцом налились. Лицо горело, веки сами собой закрывались.

А незваный гость опять заглядывал в окно. Я поднял револьвер и прицелился — увы, только

мысленно. Револьвер — вот он, по-прежнему лежит у меня на коленях. Даже инстинкт выживания не мог разогнать заполняющий голову туман. Я опять взглянул на окно. Лицо пропало. Точно, женщина. Теперь я был совершенно уверен. Послали убить меня женщину? Конечно. Прагматики. Выбрали то, что лучше всего сработает.

Теперь кто-то яростно дергал дверную ручку. Переборов густеющий туман в голове, я взял-таки револьвер и нацелил его на вход. Мощный удар в дверь — словно ее пытались высадить. Я сделал еще одно титаническое усилие — и палец лег на курок. Но именно в тот момент, когда осовевший мозг послал указательному пальцу приказ: «Жми!» — мое сознание погасло. Словно свечу задули.

Эндрю Филдинг в одиночестве сидел за столом в своем кабинете, неистово затягиваясь сигаретой. После столкновения с Годином у него до сих пор дрожали руки.

Сшибка произошла накануне, однако Филдинг имел привычку мысленно повторять подобного рода драматические сцены — мучаясь тем, что показал себя в споре неловким дураком, и бросая в лицо невидимому противнику железные доводы, которые вовремя не пришли в голову.

Ссора была венцом многих недель подавленности и отчаяния. Филдинг любил споры только теоретические в царстве физики, а конфликтовать в жизни не любил и не умел. И потому «разборку» с Годином откладывал сколько мог.

Филдинг загасил сигарету в пепельнице, встал и принялся шагать туда-сюда по кабинету, теперь он прокручивал в голове одну из главных загадок квантовой физики: как две частицы, запущенные одновременно из одного источника, одновременно же ухитряются достигнуть конечного пункта, хотя одна из них может при этом проделать путь в десять раз длиннее. К примеру, два «Боинга-747» вылетели разом из Нью-Йорка в Лос-Анджелес; один полетел напрямую, а другой сделал большой крюк на юг, до Май-

ами, и только затем свернул на запад. Тем не менее оба приземлились в международном аэропорту Лос-

16

Анджелеса одновременно. «Боинг», который двигался по прямой, летел со скоростью света. Но второй самолет, сделавший крюк до Майами, его все-таки догнал. Из чего следует, что второй «Боинг» умудрился превысить скорость света. То есть специальная теория относительности Эйнштейна хромает... по всей вероятности. На эту проблему Филдинг убил много времени. Но даже сносная гипотеза не родилась...

Он закурил еще одну сигарету и стал думать о письме, отправленном через «Федерал экспресс» Дэвиду Теннанту. В этом письме он мало что объяснил. Практически ничего, все подробности — при встрече в Нэгс-Хеде. Сегодня Теннант будет весь день работать с ним рядом — их кабинеты в нескольких шагах друг от друга. Однако Теннант мог бы с таким же успехом находиться на острове Фиджи. Здесь им не пообщаться. Каждый квадратный метр научного комплекса «Тринити» под прицелом замаскированных видеокамер и напичкан «жучками». Если письмо не перехватят, Теннант получит его ближе к вечеру. Для пущей безопасности Филдинг велел жене бросить письмо в ящик «Федерал экспресс» в помещении даремского почтового отделения — да так, чтобы ее не приметил «хвост». За супругами ученых следили от случая к случаю и всегда только из машины, но береженого Бог бережет.

Теннант был лично знаком с президентом, по крайней мере бывал на коктейлях в Белом доме. В 1998 году Филдинг получил Нобелевскую премию — однако его ни разу не приглашали на Даунинг-стрит, 10. И вряд ли когда-нибудь пригласят. Правда, на одном приеме он обменялся беглым рукопожатием с британским премьер-министром, но это совсем не то. Совершенно не то.

Филдинг сделал длинную затяжку, глядя на рукописи на письменном столе. Там ждут своего времени задачки, которые не по зубам современной математике. С ними слабо справиться даже самому мощному из нынешних суперкомпьютеров. Впрочем, на планете есть одна машина, которая могла бы сдвинуть многие проблемы с мертвой точки, — по крайней мере Филдинг на это на-

деялся. И если его надежда оправдается, само понятие «суперкомпьютер» очень скоро будет звучать не менее странно и архаично, чем слово «абак». Но эта же машина, которой окажутся по плечу уравнения любой сложности, будет способна на куда большее, чем просто вычисления. Питер Годин пообещал великим ханам в Вашингтоне, что она сделает все, что ни пожелаешь, и даже больше того. Именно это «больше того» пугало Филдинга. Пугало жутко — до холода в сердце. Кто может предсказать, чем обернется для человечества создание подобной штуковины! Речь шла, естественно, о «Тринити».

Филдинг всерьез прикидывал, не улизнуть ли ему домой. И тут в его левом глазу словно что-то вспыхнуло. Боли не было. Только глаз задернуло пеленой — а в левой лобной доле мозга будто что-то взорвалось. «Инсульт, — отрешенно констатировал он. — У меня удар». На удивление спокойно потянулся к телефону, чтобы набрать 911, и вдруг вспомнил, что в четырех дверях от его кабинета работает всемирно знаменитый невролог.

Однако позвонить быстрее, чем дойти. Филдинг уже положил руку на трубку, но события в его голове стремительно и неумолимо стали развиваться дальше, к разрушительной развязке. То ли сгусток крови закупорил сосуд, то ли сосуд разорвался, но левый глаз внезапно перестал видеть совсем. Режущая боль где-то в глубине черепа. Падая на пол, Филдинг еще успел подумать о той непостижимой частице, которая была проворнее света, игнорировала законы современной физики и натягивала нос Эйнштейну. Задачка: если бы Эндрю Филдинг двигался с такой же невероятной скоростью, что и эта частица, поспел бы он к Рави Нару вовремя, чтоб его успели спасти?

Ответ: нет, Эндрю Филдинга уже ничто и никто не спасет.

Его последней связной мыслью было что-то вроде молитвы или мольбы: пусть где-то в неведомом мире квантов сознание продолжает существовать — после того, что люди называют смертью. Филдинг считал религию пустым обманом. Однако на заре двадцать первого столетия проект «Тринити» внезапно воскресил надежду на бессмертие.

Удар о пол был диковинно мягким. Казалось, пол расступился— как вода.

Дернувшись всем телом, я вдруг очнулся и схватил револьвер.

Незваная гостья дергала дверь, которой не позволяла открыться только цепочка.

Все еще ошалелый от своего видения, я безуспешно пробовал встать. Это был первый в моей жизни сон такой степени реальности. Впечатление, будто только что умер я, будто это я только что был Эндрю Филдингом — в момент его смерти...

 Профессор Теннант? — раздался громкий женский голос. — Дэвил! Вы дома?

Мой психиатр?

Стиснув лоб левой рукой, я силился вернуться в реальный мир.

- Профессор Вайс? Рейчел? Это вы?
- Да! Снимите же цепочку!
- Иду, иду... Вы там одна?
- Ну да! Откройте же дверь!

Я сунул пистолет под подушку на диване и побрел к двери.

И только когда я коснулся цепочки, меня вдруг пронзила мысль: а ведь я никогда не говорил моему психиатру, где живу!

Глава 2

У Рейчел Вайс были смоляные волосы, оливковая кожа и глаза как ониксы. Одиннадцать недель назад, во время первого терапевтического сеанса, я мысленно сравнивал ее с Ребеккой из «Айвенго» Вальте-

ра Скотта. Только в романе красота Ребекки дикая, необузданная. А сосредоточенно-серьезный вид Рейчел Вайс отбивал всякое желание задуматься, хороша ли она собой, нарядно ли одета. Словно профессор Вайс сама нарочно и тшательно прятала все то, что могло бы помещать людям видеть в ней только замечательного клинициста.

- Это что за дела? воскликнула она, указывая на подушку, под которую я сунул револьвер. — Решили лечиться самым радикальным методом?
  - Нет. А как вы нашли мой дом?
- Позвонила в университет, где вы раньше преподавали, и секретарша подсказала. Два предыдущих сеанса вы пропустили, но всякий раз по крайней мере заранее предупреждали меня по телефону. А сегодня я вас ждала, ждала, а вы даже позвонить не потрудились! Учитывая ваше настроение в последнее время, я вообразила самое худшее. И вот примчалась... - Тут Рейчел заметила видеокамеру на треноге. — О, Дэвид, вы опять за свое?
  - Это не то, что вы думаете.

Похоже, мои слова ее не убедили. Пять лет назад пьяный водитель столкнул машину моей жены в придорожный пруд. Глубина вроде бы небольшая, но и Карен, и моя дочь Зуи захлебнулись прежде, чем прибыла помощь. Я работал в больнице, куда их привезли, и лично наблюдал, как врачи «скорой помощи» безуспешно пытались спасти мою дочь, в которой еще теплилась жизнь. Эта нежданная трагедия меня сломала. Я днями сидел перед телевизором, снова и снова прокручивая видеоролики, на которых Зуи училась ходить, смеялась у Карен на руках, обнимала меня в свой третий день рождения... Моя врачебная практика сначала скукожилась, а потом и вовсе Богу душу отдала, и я погрузился в самую что ни на есть клиническую депрессию. Это был единственный факт моей личной жизни, который я в деталях обсуждал с профессором Вайс, — да и то лишь потому, что на третьем сеансе она рассказала, что всего год назад ее единственный ребенок умер от 20

На откровенность она пошла специально, в уверенности, что истинная причина моих снов — трагическая гибель моей семьи. Рейчел тоже потеряла не только ребенка. Ее муж не справился с тягостными последствиями болезни сына — бросил семью и вернулся в Нью-Йорк. Рейчел — так же как и я — провалилась в глубочайшую яму депрессии, из которой в конце концов все же выкарабкалась — с помощью врача и лекарственных препаратов. Однако я, весь в отца, свою частную жизнь охранял от других с яростным упрямством. И поэтому самостоятельно прошел через весь ужас внезапного возврата в одиночество. Не было и дня, чтоб я не вспоминал с тоской жену или дочь, но время, когда я, обливаясь слезами, в тысячный раз просматривал старые видеозаписи, — то черное время все же миновало.

С Карен и Зуи сегодняшнее никак не связано, — сказал я.
 Пожалуйста, закройте дверь.

Рейчел, зажимая в руке ключи от машины, по-прежнему стояла в дверном проеме. Ей явно хотелось поверить мне.

- Что же в таком случае происходит? спросила она.
- Дело в моей работе. Да заходите вы. И дверь закройте. Пожалуйста.

Еще секунду поколебавшись, Рейчел закрыла за собой дверь и сказала, глядя мне прямо в глаза:

 Что ж, быть может, вам пора рассказать мне коечто о своей работе.

Мое нежелание говорить на эту тему давно было яблоком раздора между нами. Рейчел полагала, что пациент должен доверять врачу так же, как священнику на исповеди, ибо врач связан такой же клятвой неразглашения. Поэтому мое непреклонное молчание оскорбляло ее. По ее мнению, секретность исследований была выдумкой моего недужного ума. И не надо, мол, ее стращать тем, что знать о моей работе опасно для других. Сочинил себе целый фантастический мир — лишь бы не дать изучающему взгляду проникнуть в душу!.. Я

не обижался. По требованию Агентства национальной безопасности при первой встрече с Рейчел Вайс я назвался выдуманным именем. Однако не прошло и десяти секунд после нашего рукопожатия, как она узнала меня — вспомнила лицо с обложки моей книги. Мою попытку остаться инкогнито она классифицировала как обычную паранойю медицинского светила — и я не пробовал ее разубедить. Но затем, неделя за неделей, я наотрез отказывался говорить о своей работе и проявил воистину маниакальное желание «оградить» эту часть своей жизни. И диагноз профессора Вайс, очевидно, начал неумолимо сдвигаться в сторону шизофрении.

Рейчел было невдомек, что мне разрешили видеться с ней лишь после того, как я закатил форменный скандал Джону Скоу, главе проекта «Тринити». Свою нарколепсию я считал результатом эксперимента, которому меня, среди прочих, подвергли несколько месяцев назад. Так сказать, производственная травма! И я стоял на том, что без профессиональной помощи психоаналитика мне никак не разобраться в диковинных снах, которые сопутствовали моим приступам.

Сначала из форта Джордж-Мид специально для меня доставили самолетом аэнбэшного психиатра, помешанного на медикаментозном лечении. Его диагноз: хронический стресс и депрессия. У психиатра было только два желания: напичкать меня без меры «таблетками радости» и попутно выпытать секрет, как стать автором всемирно известной книги по медицине. Затем выписали откуда-то женщину-психотерапевта, опять же из своих, мастерицу лечить неврозы у людей, которые годами работают в обстановке полной секретности. Символику снов она знала на уровне нескольких популярных брошюр, прочитанных в студенческие годы — «для расширения кругозора». И она, вслед за коллегой, пыталась начинить меня по самое горло антидепрессантами и нейролептиками. Словом, в распоряже-

тами и неиролептиками. Словом, в распоряжении Агентства национальной безопасности не

оказалось нужного мне психоаналитика, наторевшего в разборе снов.

Созвонившись с друзьями в университете штата Виргиния, я узнал, что всего в пятнадцати милях от нас, в медицинском колледже университета Дьюка, работает один из ведущих американских психоаналитиков-юнгианцев — Рейчел Вайс. Скоу пытался запретить мне встречу с «посторонним» специалистом, но под конец нашей перепалки я рубанул: «Хотите удержать — надевайте наручники! Только прежде не забудьте позвонить президенту — ведь это он направил меня работать в вашем проекте».

— Случилось что-то неприятное... — сказала Рейчел. — Что именно? Ваши галлюцинации опять изменились?

«Галлюцинации! — с горечью подумал я. — Ни разу не назвала их просто снами!»

- Они стали сильнее? В них появилось больше личного? Вы напуганы?
- Эндрю Филдинг умер, произнес я безжизненным голосом.

Рейчел растерянно заморгала.

- Кто такой Эндрю Филдинг?
- Физик.
- Эндрю Филдинг, физик, умер?

Вот мерило успеха Филдинга: врач, бесконечно далекий от квантовой физики, тем не менее слышал его имя. Ничего удивительного. Я знавал шестилетних детишек, для которых Белый Кролик был не персонаж из сказки, а дядя-ученый. Человек, почти до конца раскрывший загадку темной материи во Вселенной, на астрофизическом небосводе был звездой номер два, уступая только Стивену Хокингу.

- Умер от инсульта, сказал я. По крайней мере так говорят.
  - Кто говорит?
  - Наши сотрудники.
  - Вы работаете с Эндрю Филдингом?

- Работал. Последние два года.
- Рейчел изумленно покачала головой.
- И вы полагаете, что он умер не от инсульта?
- Да.
- А вы его осматривали?
- Только поверхностно. Он упал в своем кабинете и скончался на полу. В последний момент перед смертью к нему подоспел другой врач. И этот врач утверждает, что у Филдинга, по всем признакам, был левосторонний паралич и разрыв левого зрачка. Но...
  - Но что?
- Я ему не верю. Филдинг умер от удара слишком быстро. В течение четырех-пяти минут.

Рейчел критически поджала губы.

- Такое иногда происходит. Особенно при массивном кровоизлиянии.
- Крайне редко. А чтобы и зрачок лопнул это и вовсе диковина.

Строго говоря, и почти мгновенная смерть, и лопнувший зрачок могли иметь место при естественной смерти от обширного инсульта. Однако, говоря о странности этой смерти, я имел в виду другое. Хоть Рейчел и прекрасный психиатр, у нее нет моих шестнадцати лет терапевтической практики, когда у врача появляется что-то вроде шестого чувства. Многое начинаешь угадывать интуитивно. Больного чувствуешь и диагноз ставишь полубессознательно. Филдинг моим пациентом не был, но за эти два года он столько, между прочим, поведал о своем здоровье, что интуиция уверенно подсказывала мне: у больного с таким анамнезом не могло быть обширного кровоизлияния в мозг.

- Послушайте, я понятия не имею, где его тело, и уверен, что вскрытие производить не станут, поэтому...
- Почему же не будет вскрытия? перебила меня Рейчел.
  - Потому что я уверен его убили.
- Вы только что сказали, он умер в своем кабинете.

- Правильно.
- Думаете, его убили прямо на рабочем месте? Ссора? Несчастный случай?

Видя, что до нее не доходят мои намеки, я высказался без обиняков:

- Я имею в виду преднамеренное убийство. Тщательно продуманное, профессионально исполненное убийство.
- Но... но зачем кому-то понадобилось убивать Эндрю Филдинга? Ведь он же был старик, да?
  - Ему было всего шестьдесят три.

Мне вдруг представился мертвый Филдинг на полу кабинета: рот открыт, невидящие глаза уставлены в потолок — и у меня возникло острое желание рассказать Рейчел все. Впрочем, достаточно было одного взгляда в сторону окна, чтобы подавить в себе это глупейшее желание. Там, где-то в траве, может прятаться параболический микрофон.

— Это все, что я имею право сказать. Извините. Вам лучше уйти, Рейчел.

С решимостью в лице она сделала пару шагов по направлению ко мне.

— Никуда я отсюда не уйду. Послушайте, в нашем штате разрешено не производить вскрытие трупа лишь в том случае, если человек умер в присутствии врача. Кто бы ни умер, закон для всех один. А при наличии каких-то подозрений — и подавно.

Ее наивность меня рассмешила.

- Да не будет никакого вскрытия, сказал я убежденно. А будет истинного результата все равно никто не узнает.
- Дэвид, ну что вы такое несете... Мы живем в демократической стране!
- Честное слово, я действительно ничего прибавить не могу. Не стоило говорить даже то, что я уже сказал. Я хотел только, чтобы вы поняли: это не мои больные фантазии, это реальность! Грубая и страшная реальность!

- Почему же вы не можете сказать больше? спросила Рейчел и тут же сделала останавливающий жест своей изящной ручкой. Нет-нет, позвольте мне самой ответить... Сказав больше, вы рискуете навлечь на меня большую беду, так?
  - Так.

Она насмешливо закатила глаза.

- Дэвид, вы с самого начала потребовали максимальной секретности. Я пошла вам навстречу. Коллегам, которые могли вас случайно встретить возле моего кабинета, я наплела, что помогаю знаменитому Теннанту собирать материал для его второй книги. Ради вас я солгала.
- Я вам очень благодарен, и вы это знаете. Однако если мои подозрения насчет Филдинга верны, то даже наималейшая болтливость с моей стороны может стоить вам жизни. Неужели вы не в состоянии понять такой простой вещи?
- Не понимаю и никогда не пойму. Что у вас за работа такая, которая прямо-таки кишит опасностями?

Я только головой покачал.

- Как в той дурацкой шутке. Рейчел коротко рассмеялась. «Правду я вам сказать могу, но тогда мне придется тут же вас убить». Классический пример рассуждений параноика.
  - Вы и впрямь верите, что я фантазирую?

Ответ Рейчел был сформулирован предельно осторожно:

- Я верю, что вы верите всему, что говорите.
- Ага, значит, я просто во власти бреда.
- Нельзя же отрицать, что в последнее время вас тревожат галлюцинации! Некоторые из недавних классические религиозные видения.
- Большинство снов к религии не имеет никакого отношения, напомнил я Рейчел. Вдобавок я атеист. Это тоже в рамках психоаналитической классики?
- Нет, соглашусь, случай необычный. Но вы отказались обследоваться по поводу вашей нар-

колепсии. Или эпилепсии. Даже элементарную пробу крови на сахар и ту не хотите делать!

Должен ли я признаться, что до нее мной занимался невролог, который считается лучшим в мире?

- Все необходимые обследования я прошел на работе.
- Кто же у вас там такой замечательный врач? Физик Эндрю Филдинг? Разве он был заодно и магистром медицины?

Не стерпев ее иронии, я осмелился сделать еще шажок в сторону правды:

— Меня обследовал профессор Рави Нара.

У нее рот открылся от удивления.

- Рави Нара? Нобелевская премия в области медицины?
  - Он самый, брезгливо кривясь, подтвердил я.
  - Вы работаете бок о бок с самим Рави Нара?..
- Увы. К вашему сведению, на самом деле этот «гений» жуткий придурок и подлец. Именно Нара утверждает, что Филдинг умер от инсульта.

У Рейчел был растерянный вид.

- Дэвид, не знаю, что и сказать. Вы действительно работаете с этими суперзнаменитостями?
- Неужели не верится? В конце концов, я и сам более или менее известен.
- Да, вы известны, однако... не в той же степени. Что же вас всех собрало вместе? Над чем вы можете трудиться сообща, будучи специалистами в таких далеких друг от друга областях?
- Да, еще два года назад области нашей работы были и впрямь далеки друг от друга.
  - Что вы хотите этим сказать?
  - Все, все, Рейчел, возвращайтесь к своим пациентам.
- Встречу с последним сегодняшним пациентом я отменила, чтобы поехать к вам.
- A-а, я нанес вам убыток. Припишите потерянное время к моему счету я заплачу.

Рейчел густо покраснела.

- Зачем вы меня оскорбляете? Пожалуйста, скажите откровенно, что с вами происходит. Я по горло сыта вашими галлюцинациями!
  - Моими снами.
- Называйте их как хотите. Для успеха мне нужно больше, чем просто знать содержание ваших галлюцинаций.
- Да, для вашего успеха этого недостаточно. Но под успехом мы с вами подразумеваем разное. С самого начала нашего общения вы пытаетесь разгадать загадку человека по имени Дэвид Теннант. Меня же интересует лишь тайный смысл моих снов.
- Как же вы не понимаете: ваши сны нельзя разгадать отдельно от вас! Сны существуют не сами по себе, а в вашем сознании! Вы...

Тут зазвонил телефон, и Рейчел осеклась.

Я вскочил и, трепеща от предчувствия, побежал к тому аппарату, что стоял в кухне. Возможно, это президент Соединенных Штатов.

- Профессор Теннант, отчеканил я, повинуясь многолетней привычке.
- Профессор Дэвид? раздался в трубке истеричный женский голос с азиатским акцентом. Это была Лу Ли, китайская жена Филдинга.. Точнее, вдова Филдинга...
- Да. Лу Ли, простите, что я сам не позвонил вам. Я пытался найти какие-то искренние слова сочувствия и утешения, но в голову приходили только затасканные обороты. Я не знаю, как выразить вам всю глубину моего потрясения от утраты Эндрю...

Мне ответом был ураган слов на кантонском диалекте китайского языка. Даже ничего не понимая, было легко угадать, что на другом конце провода обезумевшая от горя вдова. Бог знает, какую версию смерти Филдинга изложили ей аэнбэшники — эти церберы проекта «Три-

нити» — и как она к этой версии отнеслась. В Америку Лу Ли приехала всего лишь три месяца на-

- зад кстати, визу она получила в рекордные сроки: в госдеп позвонили из Белого дома и далеко не деликатно попросили в данном случае резину не тянуть.
- Я знаю, сегодня ужасный для вас день, полным искреннего сочувствия голосом сказал я. Но попробуйте успокоиться и выслушать меня.

Лу Ли задыхалась от рыданий.

- Сделайте несколько глубоких вдохов, посоветовал я, про себя прикидывая, что именно говорить вдове, какую версию предпочесть. Безопаснее придерживаться той «легенды», на постоянном использовании которой с самого начала проекта «Тринити» настаивало Агентство национальной безопасности. Сотрудники многочисленных компаний, работающих тут же, в Треугольнике науки, знают только некую фирму «Аргус оптикал», которая разрабатывает какие-то оптические элементы для компьютеров, используемых правительством в оборонной программе. Вполне вероятно, что Лу Ли известна лишь эта «официальная» версия. Оберегая жену от неприятностей, Филдинг наверняка держал рот на замке. Что вам сказали в нашей фирме? спросил я осторожно.
- Энди мертвый! кричала Лу Ли. Они говорить, он умирать от крови в голова, но я ничего не знать. Я не знать, что делать!

Я не видел ни малейшего смысла сообщать вдове свою гипотезу о том, что Филдинга хладнокровно прикончили.

- Лу Ли, Эндрю было шестьдесят три года, да и хорошим здоровьем он не отличался. И кровоизлияние в мозг в его случае не такой уж большой сюрприз.
- Вы не понимать, профессор Дэвид! Энди меня предупреждать.

Я сильнее сжал трубку телефона.

- Что вы имеете в виду?

Еще один залп на кантонском китайском, затем малопомалу Лу Ли опять вернулась на свой запинаюшийся английский. 29 — Энди был говорить мне, что это случиться будет. Он был говорить, если это случается ему, ты звонить профессор Дэвид. Он знать, что делать.

От боли сжало сердце. Вот, значит, до какой степени Филдинг доверял мне...

- Что я могу для вас сделать?
- Приезжать сюда. Пожалуйста. Говорить с Лу Ли.
   Сказать, почему это случается с Энди.

Я колебался. Не исключено, что Агентство национальной безопасности подслушивало наш разговор. Рвануть сейчас к Лу Ли — не значит ли это подставить и ее, и себя? Но был ли у меня выбор? Мог ли я предать память друга?

- Хорошо, Лу Ли. Буду у вас через двадцать минут.
- Спасибо, спасибо, профессор Дэвид! Пожалуйста, спасибо.

Я повесил трубку и повернулся, чтобы идти обратно в гостиную. Рейчел стояла в дверном проеме кухни.

- Я должен уйти, сказал я. Признателен вам за заботу и благодарен за то, что вы приехали меня проведать. Знаю, это выходит за рамки служебного долга.
- Я еду с вами. Часть разговора я слышала и еду с вами.
  - Исключено.
  - Почему?
  - Нечего вам там делать. Ваше дело сторона.

Рейчел с вызовом сложила руки на груди.

- Для меня тут все проще простого. Говорите вы правду, а не бредите в конце нашей короткой поездки я обнаружу заплаканную вдову Эндрю Филдинга, которая подтвердит мне все, что вы тут нарассказывали.
- Не обязательно. Понятия не имею, что Филдинг доверил своей жене, а о чем умолчал. К тому же Лу Ли едва говорит по-английски.
- Эндрю Филдинг поленился обучить свою супругу нашему языку?
- Во-первых, он бегло говорил на кантонском диалекте китайского. Как, впрочем, и на вось-

ми других языках. Во-вторых, Лу Ли пробыла в Штатах считанные месяцы.

Рейчел решительно одернула юбку.

Ваше упрямство подсказывает мне, чего вы боитесь. Поехав с вами, я тут же разоблачу вашу историю как очередную галлюцинацию.

Я пришел в ярость.

- У меня большой соблазн взять вас с собой и ткнуть носом в ошибку. Но я вас пощажу. Вы просто не хотите понять, насколько опасна вся эта ситуация. Вы можете *погибнуть*. Уже сегодня вечером.
  - Позвольте вам не поверить.

Я схватил пакет с серовато-белым порошком и конвертом «Федерал экспресс» и протянул его Рейчел:

— Вот. Несколько минут назад я получил письмо от Филдинга. И в конверте был этот порошок.

Она пожала плечами.

- Похоже на обычный пляжный песок. Что это такое?
- Не знаю. Но боюсь, что в порошке вирус сибирской язвы. Или какая другая зараза, от которой, возможно, погиб Филдинг.

Рейчел смело взяла пакет. Я думал, она изучает порошок. На самом деле она внимательно читала обратный адрес на конверте.

- Тут стоит: отправитель Льюис Кэрролл. Очень мило!
- Это код. Подпишись Филдинг своим настоящим именем, оно бы угодило в компьютерную систему «Федерал экспресс». Агентство национальной безопасности выудило бы его оттуда в два счета и проведало бы о письме. А «Льюис Кэрролл» выбран неспроста у Филдинга в университете было прозвище Белый Кролик. Впрочем, вы ведь про это слышали, да?

Рейчел сдвинула брови, словно всерьез обдумывала мой вопрос.

- По-моему, нет. А где само письмо?

Я рукой показал в сторону гостиной.

В пакете на диване. Только не вздумайте открыть.
 Рейчел прошла к дивану, взяла записку и быстро прочитала ее.

- Но тут нет подписи...
- Разумеется. Мало ли кто мог увидеть эту записку!
   Вместо подписи кролик внизу.

Рейчел смотрела на меня с прежним недоверием.

- Дэвид, возьмите меня с собой. Только убедившись лично, что вы говорите правду, я отнесусь к вашим предостережениям с полной серьезностью. Давайте разом покончим с сомнениями.
- Ну да, бросьте меня в воду, чтобы я лично удостоверилась, что там акулы!.. Поверьте мне, акул там предостаточно. Но когда вы увидите это собственными глазами, будет уже слишком поздно.
  - С подобными фантазиями...

Я вернулся в кухню и взял со стойки ключи от машины. Рейчел шла за мной по пятам.

— Так что, все-таки упорствуете? — спросил я, устало вздыхая. — Тогда поезжайте за мной в своей машине.

Она отрицательно помотала головой.

- И не мечтайте. Вы оторветесь от меня на первом же перекрестке с красным светом.
- Ваши коллеги подсказали бы вам, как опасно ехать в автомобиле с пациентом, когда он следует за своей параноидальной фантазией. Особенно если он вдобавок и нарколепсией страдает.
- Мои коллеги вас не знают. А что касается внезапных впадений в сон... до сих пор вы себя за рулем не угробили. Значит, и впредь будем надеяться на лучшее.

Я вынул револьвер из-под диванной подушки и сунул его за пояс.

Вы меня не знаете, — мрачно промолвил я.

Рейчел сначала пристально посмотрела на рукоять револьвера, потом мне в глаза.

Думаю, я вас все-таки знаю, — сказала она. — И мне очень хочется помочь вам.

Будь она только моим психиатром, я бы спокойно послал ее куда подальше. Но во время долгих психоаналитических сеансов мы как-то сблизились, объединенные невысказанным чувством, какое возникает между двумя людьми, каждый из которых испытал огромную потерю. Несмотря на то что мое поведение казалось ей поведением совершенно больного человека, она проявляла такую заботу обо мне, которой я давно ни от кого не видел. Конечно, чистейший эгоизм взять ее с собой... Однако вот вам неприглядная правда: мне не хотелось встречаться с Лу Ли один на один.

Глава 3

Гели Бауэр сидела в темном чреве здания «Тринити» — в подвальном комплексе, освещенном только многочисленными дисплеями и экранами видеослежения. Отсюда с помощью электроники велся контроль за всеми служебными помещениями и за людьми, задействованными в проекте, — где бы они ни находились. Достаточно было нескольких ударов по клавишам — и Гели соединялась с суперкомпьютерами Агентства национальной безопасности в форте Джордж-Мид и могла, если нужно, подслушивать беседы или руководить событиями даже на другой стороне земного шара. Хотя она к своим тридцати двум годам успела насладиться многими видами власти, никогда прежде она не испытывала такого упоения собственным могуществом: весь мир был повязан электроникой, и она легкими прикосновениями к клавиатуре вертела им как хотела.

Официально Гели работала в компании «Годин суперкомпьютинг», штаб-квартира которой находилась в Маунтин-Вью, штат Калифорния. Но поскольку компания имела статус почти правительственной 33 организации и АНБ, по сути, было у нее на побегушках, это автоматически возносило Гели на самую вершину власти. Сочти Гели какую-то ситуацию критической, она была вольна останавливать поезда, закрывать международные аэропорты, перенацеливать спутники наблюдения, поднимать в небо Америки вооруженные вертолеты и давать им приказ открыть огонь на поражение. Кто из ее современниц имел такую же власть? По могуществу она могла в определенной степени конкурировать даже с собственным отцом — и Гели эту власть из рук выпускать не намеревалась.

На мониторе перед ней находилась распечатка телефонной беседы между Дэвидом Теннантом и неизвестным сотрудником Белого дома. Теннант звонил сегодня в первой половине дня из ресторана «Шоуниз». Но Гели на экран больше не смотрела. По телефону-наушнику она общалась с парнем из своей службы безопасности, который вел наблюдение за домом Теннанта.

- Я слышала только обрывок беседы в кухне, а весь разговор между Дэвидом и профессором Вайс был явно длиннее и происходил в другом месте.
  - Возможно, они вычислили, что их подслушивают?
- Не похоже. Но эта Вайс та еще штучка. Опасная тихоня.
  - Что прикажете сделать?
- Зайдите в дом и проверьте исправность микрофонов.

Гели нажала клавишу и соединилась с молоденьким связистом по имени Томас Корелли, который прослушивал дом Эндрю Филдинга.

- Что у вас, Томас?
- Обычный фоновый шум. Телевизор.
- Вы слышали, что говорила миссис Филдинг Дэвиду Теннанту?
  - Да, но ее китайщину трудно понять.

- Я припаркован на подъездной дорожке к дому соседей. А самих соседей нет.
- Теннант появится минут через пять. С ним будет женщина, профессор Рейчел Вайс. Будьте начеку и держите меня в курсе.

Отключив связь с Корелли, Гели четко и громко произнесла:

Фотография. Вайс, Рейчел.

Фото Рейчел Вайс тут же появилось на мониторе. Лицо снято крупно телеобъективом, когда она выходила из университетской больницы. Хоть Рейчел Вайс и была старше ее на три года, типаж был Гели знаком по одноклассницам из дорогой швейцарской частной школы-интерната. Истовые отличницы. В основном еврейки. Даже не зная фамилии и не заглядывая в файл с ее персональными данными, Гели догадалась бы, что Рейчел еврейка. По одному выражению лица на фотографии. Несмотря на модно распушенные волосы, создавалось впечатление, что Рейчел Вайс несет на своих плечах всю тяжесть мира. Темные глазищи великомученицы, преждевременные складки у рта. Среди психоаналитиков школы Юнга профессор Вайс — фигура мирового масштаба. А таких высот достигают лишь те, кто понастоящему одержим работой.

Гели была категорически против контактов Рейчел Вайс и Дэвида Теннанта. Однако Скоу проявил мягкотелость — разрешил. Скоу полагал, что нельзя уж слишком натягивать поводок, иначе жди неприятностей. Но случись что — не он, а Гели поплатится головой: куда, мол, смотрела? Чтобы оградить себя от возможных неожиданностей, Гели после каждого психотерапевтического сеанса получала по своим каналам распечатки бесед профессора Вайс с Теннантом. Вдобавок все телефонные разговоры пациента и врача прослушивались. Плюс раз в неделю один из оперативников проникал в офис Вайс и делал фотокопию историю болезни Теннанта — для пущей гарантии, чтоб уж ничего не упустить.

Со штатскими всегда одна морока. То же самое было когда-то в Лос-Аламосе с «Манхэттенским проектом». В обоих случаях правительство пыталось управлять группой высокоодаренных цивильных ученых, которые сами представляли наибольшую угрозу для своей работы: несведущие в делах секретности упрямцы со всяким идеологическим мусором в голове! Если вы берете на работу самых мозговитых людей планеты, вы получаете команду неуправляемых чудил.

Теннант — типичный чудила. Как и Филдинг. Как и великий невролог Рави Нара, тоже лауреат Нобелевской премии. Все шестеро ведущих ученых проекта «Тринити» подписали неслыханно строгий документ о неразглашении — и при этом вели себя, как дети, которые воображают, что им все позволено. Для них весь мир — что-то вроде Диснейленда. А среди ученой братии врачи — самые безалаберные. Чего уж там, даже армейские доктора воображают, что устав не про них писан. Однако сегодня вечером Теннант, похоже, так далеко высунется, что она ему голову наконец-то отрубит!

В наушниках запищало — сигнал сотрудника, наблюдавшего за домом Теннанта.

- Ну что? спросила она, связавшись с ним.
- Я в доме. Вы не поверите: все дырочки, за которыми стоят наши микрофоны, аккуратно залеплены замазкой!
  - У Гели нехорошо кольнуло сердце.
- Как Теннант мог обнаружить в стенах эти дырочки, они ведь не толще человеческого волоса?
  - Без сканера не найти.
  - А если просто с лупой?
- Да, если ты уверен, что «жучки» есть и у тебя хватит терпения осмотреть каждый дюйм в доме. Но даже сутки пролазав с лупой, можно что-то пропустить.
- У терапевта и вдруг сканер! Впрочем, по-36 нятно. Штучки Филдинга.

- Теннант получил письмо через «Федерал экспресс». Есть где-нибудь конверт?
  - Нет.
- Значит, с собой прихватил... Что еще видите? Чтонибудь необычное?
  - Видеокамера на треноге.
  - Проклятие! А пленка в ней?
  - Сейчас проверю... Нет.
  - Еще что?
- Пылесос валяется под забором на заднем дворе.
   Раньше его там не было.
- Что за чертовщина? Пылесос? Выньте мешок и принесите сюда. Отправим содержимое вертолетом в форт Джордж-Мид пусть разберутся в лаборатории. Что еще?
  - Больше ничего особенного.
  - Еще раз внимательно осмотритесь и уходите.

Гели отключила связь и сказала:

— Скоу, домашний телефон.

Компьютер соединил ее с особняком в Роли, где жил генеральный директор проекта «Тринити».

- А, Гели! — не слишком приветливо сказал Скоу. — Что у вас там?

Слыша аристократический выговор Джона Скоу, Гели Бауэр всегда невольно вспоминала манеру говорить Джона Фицджералда Кеннеди. Но Скоу, даром что из бостонской надменной элиты, мозгами обделен не был. В этих кругах принято изучать гуманитарные науки или юриспруденцию, однако Скоу имел ученые степени астронома и математика и в течение восьми лет работал заместителем директора по спецпроектам в Агентстве национальной безопасности. И отвечал прежде всего за успешную работу сверхсекретного Центра по разработке суперкомпьютеров. Формально Скоу был начальником Гели, но в их отношениях всегда присутствовало нездоровое напряжение. Без его разрешения Гели не имела права только убивать, в остальном руки у

нее были развязаны: безопасностью проекта «Тринити» она занималась совершенно независимо. Такой свободой она была обязана лично Питеру Годину. Тыча всем бесчисленными утечками информации из правительственных лабораторий, он добился права формировать службу безопасности проекта по своему усмотрению и из своих людей, которые отчитывались только перед ним.

Старик вышел на Гели Бауэр в момент, когда она увольнялась из вооруженных сил. Преданная армии и ее традициям душой и телом, Гели оказалась не в силах выносить чванливых бюрократов в мундирах и того, что вербовать на службу, по ее мнению, стали всякий сброд. Тут и подвернись Годин — о такой работе она мечтала всю жизнь, да только прежде не верила, что подобная возможность где-либо существует.

Ей было предложено возглавить службу безопасности спецпроектов компании «Годин суперкомпьютинг». Оклад — 700 тысяч долларов в год. Сказочное предложение, бешеные деньги. Впрочем, Годин миллиардер, может себе позволить. Условия найма уникальные. Выполнять любые приказы Година, не задавая вопросов и при необходимости переступая через все законы. Абсолютный запрет разглашать, на кого она работает, в какой компании и чем занимается. Нарушение карается смертью. Гели получила право нанимать кого угодно в свою службу безопасности — но на тех же условиях: абсолютная секретность и то же наказание за болтливость. Ее особенно поразило то, что такой публичный деятель, как Годин, осмелился столь недвусмысленно сформулировать свои требования. Позже она узнала, что Годин вышел на нее через ее отца, генерала Бауэра. Это разъяснило многое. Гели уже давно практически не общалась с отцом, но он, в силу своего положения, имел возможность знать о ней все. А по тому, как Годин иногда поглядывал на нее, она угадывала, что ему известно о ней больше, чем хотелось бы. Вероятно, кое-что просочилось из Ирака после операции «Буря в пустыне». Питер Годин нанял не просто суперэксперта по безопасности. Он хотел иметь в своем распоряжении профессионального убийцу. Что ж, Гели была и тем, и другим.

А Джон Скоу не был ни тем и ни другим. В отличие от Година, который когда-то служил матросом и воевал в Корее, Скоу был ветераном лишь академических боев. Будучи заметной фигурой в Агентстве национальной безопасности, он никогда не видел крови на собственных руках и рядом с Гели порой выглядел человеком, которому сунули поводок с пит-бультерьером.

- Гели, повторил Скоу, вы меня слышите?
- Профессор Вайс явилась к Теннанту домой, сказала она в головной телефон.
  - С какой стати?
- Не знаю. Нам не удалось подслушать их беседу. Сейчас они вдвоем едут к дому Филдинга. Лу Ли Филдинг звонила Теннанту. Очень расстроенная.

Скоу секунду-другую молчал.

- Отчего бы им и не утешить вдову? Что здесь такого?
- Уверена, именно так будет звучать их версия происходящего.

Детали она пока придерживала — пусть Скоу сначала отреагирует на ситуацию в целом.

- Позволим им зайти в дом?
- Разумеется. Вы же будете слышать их разговор, да?
- Возможно, нет. Уже была проблема с микрофонами в доме Теннанта.
  - Что за проблема?
- Теннант залепил микрофоны замазкой. И что-то делал с видеокамерой она стояла на треноге напротив пустого стула. Мой человек проверял пленки там нет. Гели сделала паузу, чтобы Скоу проняло как следует. Теннант нейтрализовал микрофоны; следовательно, хотел что-то записать на видеопленку или поговорить с профессором Вайс без посторонних ушей. В любом случае это выглядит паршиво.

Она помолчала, слушая сопение Скоу в трубке.

- Все в порядке, наконец сказал он. Не волнуйтесь, ситуация рассосется.
- Похоже, вам известно что-то, чего я не знаю, сэр, отчеканила Гели.

Скоу только хихикнул в ответ на заряд презрения, вложенный в последнее слово «сэр». Тертый калач из Агентства национальной безопасности был по-своему довольно крут. Умел явить отрешенную холодность математического ума.

— Знать больше — привилегия босса, Гели. Кстати, сегодня утром вы проявили себя молодцом. Я приятно поражен.

Гели вспомнился труп Филдинга на полу кабинета. Ликвидация прошла довольно гладко, хотя задумана была по-глупому. Уж если убивать, тогда и Теннанта заодно. Чего проще организовать совместную поездку Филдинга и Теннанта, мало ли куда... Банальная автомобильная катастрофа. И концы в воду.

- Теннант уже переговорил с президентом, сэр?
- K сожалению, понятия не имею. Именно поэтому держитесь на расстоянии. Контролируйте ситуацию, но ничего не предпринимайте.
- «Федерал экспресс» днем доставил Теннанту какое-то письмо. Мы до него добраться не смогли — прихватил с собой в машину. Однако мы обязаны знать содержание этого письма.
- Сумеете кинуть взгляд прекрасно. В противном случае хотя бы выясните в «Федерал экспресс», кто отправитель.
  - Этим уже занимаются.
  - Хорошо. Только не...

На том конце провода далекий голос жены Скоу позвал: «Джон!»

— Ладно, держите меня в курсе, — поспешно закончил Скоу и повесил трубку.

Гели закрыла глаза и сделала пару глубоких вдохов, чтобы успокоиться. Она настаивала на ликвидации Теннанта вместе с Филдингом, однако Годин уперся как баран. Да, соглашался он, Теннант нарушал инструкции и встречался с Филдингом вне служебных помещений. Да, Теннант поддержал попытку Филдинга приостановить выполнение проекта «Тринити». И проект временно заморозили как раз благодаря личному знакомству Теннанта с президентом. Но не было никаких доказательств, что Теннант помогал англичанину сорвать проект или что Филдинг делился с ним опасной информацией, которой он обладал. Так как Гели не имела ни малейшего представления, что стояло за словами «опасная информация», ей было крайне трудно решать, оставить Теннанта в живых или нет. Она могла лишь напомнить Годину поговорку «Береженого Бог бережет», но тот не уступил. Ничего, уступит. И очень скоро.

Гели произнесла: «Фотография. Филдинг, Лу Ли».

На мониторе появилось изображение темноволосой китаянки. Лу Ли Филдинг, в девичестве Ченг. Родилась в Кантоне, КНДР. Сорок лет. Специалист по прикладной физике. Профессор.

— Еще одна ошибка, — проворчала Гели. Лу Ли Ченг нечего делать в Соединенных Штатах, а уж тем более рядом с научной верхушкой самого засекреченного экспериментального проекта в стране!

Гели связалась с Томасом Корелли в автомобиле наблюдения рядом с домом Филдинга.

- Видите что-нибудь необычное?
- Нет.
- Могли бы вы обыскать машину Теннанта, когда он приедет?
  - Смотря где припаркуется.
- Найдете в машине конверт «Федерал экспресс» откройте, прочитайте и аккуратно положите на место. И снимите на пленку момент их приезда.
  - Без проблем. А что мы, собственно, ищем?

Сама пока не знаю. Выполняйте.

Гели взяла со стола пачку «Голуаз», вынула сигарету и оторвала у нее фильтр. При вспышке спички она увидела свое отражение на мониторе. Золотые волосы, высокие скулы, синевато-стальные глаза, зловещий шрам после ожога... Она так привыкла к уродливому бугристому наросту на левой щеке, что считала его неотъемлемой частью своего лица — как глаза или рот. Один пластический хирург как-то предложил ей даром удалить отметину, но она решительно отказалась. Шрамы имеют свой смысл: напоминают о полученных ранах. Этот шрам оставила рана, которую Гели поклялась никогда не забыть.

Она тронула клавишу — и подключила к своим наушникам микрофоны в доме Филдинга. Затем сделала глубокую затяжку, откинулась в кресле и пустила струйку едкого дыма в потолок. Много чего Гели Бауэр ненавидела, но больше всего она ненавидела ждать.

Глава 4

Мы ехали в полном молчании. «Акура» мчалась в сумерках без задержек: от моего пригорода до дома Эндрю Филдинга, неподалеку от университета штата Северная Каролина в Чапел-Хилле, в этот час вечера дорога почти пуста. Рейчел, как я и ожидал, была возмущена запретом разговаривать, принимая его за очередную блажь моего воспаленного воображения.

Когда я только начал работать в проекте «Тринити», меня поразили изуверские методы обеспечения безопасности, которые попирали все права человека. Другим ученым это было не в диковинку, в том числе и Филдингу. Все они прежде участвовали в сверхсекретных проектах и воспринимали навязчивые меры безопасности как необходимое зло. Впрочем, в «Тринити» даже

42

привычные ко всему ветераны стонали: мол, тут что-то совершенно беспрецедентное!

Наблюдение было всеохватывающим и повсеместным: за нами и вне лабораторного комплекса постоянно приглядывали! Любые протесты гасили строгим лаконичным напоминанием: американские ученые, создававшие атомную бомбу, жили многие месяцы за колючей проволокой — вот как тогда боялись утечки информации! А вам после рабочего дня позволено гулять на свободе, вот и приходится платить кое-какими неудобствами.

Филдингу с некоторых пор это перестало казаться убедительным аргументом. Почти еженедельно кого-нибудь из ученых — якобы по методу случайного тыка — усаживали за детектор лжи. От нас не скрывали, что и у себя дома мы не совсем наедине с собой. Сегодня днем, прежде чем начать записывать видеопослание, я был вынужден залепить замазкой крошечные отверстия в стенах, за которыми скрывались сверхминиатюрные микрофоны. Филдинг когда-то нашел их с помощью специального сканера, который он смастерил у себя дома, и пометил булавками. Теперь пригодилось.

Ускользать от наблюдения службы безопасности проекта «Тринити» стало для Филдинга чем-то вроде увлекательного спорта. Он предупредил меня, что конфиденциальный разговор в автомобилях совершенно исключен. Начинить машину «жучками» проще простого. Но даже «чистый» автомобиль довольно несложно прослушивать при помощи современных чудо-микрофонов. То, как англичанин играет в кошки-мышки со всемогущим Агентством национальной безопасности, в свое время забавляло меня. Но теперь не осталось сомнений в том, кто смеялся последним.

Я покосился на Рейчел. Странно находиться вместе с ней в тесном пространстве машины. За пять лет после гибели жены у меня были две связи с женщинами — обе до моего назначения в «Тринити» два года назад. Общение с Рейчел не походило на романтическую связь. На протяжении последних трех месяцев мы с ней по два часа в неделю сидели в ее больничном каби-

нете и обсуждали наиболее тревожащую часть моей теперешней жизни — сны. Лежать на кушетке по всем правилам психоанализа я отказался. Благодаря многочисленным вопросам Рейчел и тому, как она интерпретировала мои ответы, я узнал о ней, похоже, больше, чем она узнала обо мне. И все же очень многое в ней осталось скрыто от меня.

Прежде она работала в нью-йоркской больнице, а в Дарем перебралась, чтобы преподавать горстке врачейординаторов принципы психоанализа по Юнгу — искусство умирающее в современном мире фармакологической психиатрии. Наряду с приемом частных пациентов она занималась и кое-какой исследовательской работой.

После двух лет воздержания и одиночества, когда все силы и помыслы были отданы проекту «Тринити», для меня был бы волнующим длительный близкий контакт с любой более или менее интеллигентной и обаятельной женщиной. Но Рейчел могла предложить куда больше, чем просто развитой ум. Восседая в кожаном кресле, безупречно одетая, с темными волосами, стянутыми во французскую косу, она наблюдала за мной во время беседы с такой неослабевающей сосредоточенностью, словно проникала взглядом в самые глубины моего сознания туда, куда даже я сам не имел доступа. Иногда ее лицо — и особенно ее глаза — становилось пространством моего обитания. Тут я жил, тут я исповедовался, тут находил судью, которому доверял. Но эти внимательные глаза не торопились с приговором — по крайней мере в начале нашего общения. Рейчел подробно расспрашивала меня относительно некоторых образов в моих нарколептических видениях, затем критически разбирала данные мной ответы. Время от времени она предлагала собственные интерпретации моих снов, но в отличие от аэнбэшных психиатров, с которыми я беседовал до того, она не становилась в позу непогрешимого авторитета. Казалось, мы оба ведем поиск

и она лишь подталкивает меня к наиболее верной самостоятельной интерпретации.

— Дэвид, совсем не обязательно катать меня на машине весь вечер, — сказала Рейчел. — Я не буду держать на вас эла, если наше приключение на этом и закончится.

«Правильно, — подумал я, — мания кругом видеть секретные заговоры правительства — добротный классический психоз. А на психов не обижаются».

- Проявите немного терпения. Мы почти приехали. Рейчел не спускала с меня скептических глаз.
- Кстати, а Нобелевская премия это сколько по деньгам? спросила она вдруг.
- Приблизительно миллион долларов. Филдинг, впрочем, получил немного меньше, чем Рави Нара, потому что...

Тут я осекся — вдруг сообразил, что она не премией и не Филдингом интересуется, а просто начинает прощупывать границы моих «фантазий», чтобы лучше их разоблачить как досужие домыслы.

Я сосредоточился на дороге — нечего спорить, все равно через несколько минут она лично убедится, что моя паранойя хотя бы частично основана на фактах. Любопытно, какое впечатление это произведет на нее? Может, она наконец перестанет упрямиться и более серьезно отнесется к моей собственной интерпретации снов, даром что мое толкование кажется абсурдным.

Начиная с нашего первого сеанса, Рейчел стояла на том, что она не в силах правильно расшифровать мои «галлюцинации» без подробного знания всего моего прошлого и того, над чем я работаю. Однако моей откровенности были поставлены очень тесные рамки. Филдинг предупредил меня, что АНБ рассматривает любого постороннего, кто знает хоть что-то о проекте «Тринити», как угрозу национальной безопасности — со всеми вытекающими последствиями. Кроме этого естественного беспокойства за судьбу Рейчел Вайс, меня удерживала от откровений глубокая уверенность в том, что нарколептические видения не имеют ни малейшего отношения к моему прошлому и к моей личности

вообще. У меня было стойкое впечатление, что образы рождались не в моем мозгу, а приходили извне.

Нет-нет, никаких чужих голосов в голове, характерных для шизофрении. Скорее видения в исконном, религиозном смысле слова. Но человека, который перестал верить в Бога еще мальчишкой, подобные вещи только раздражают и пугают.

Мои первые нарколептические припадки, кстати, снами не сопровождались. Попросту внезапные пробелы в существовании. Вернее, черные дыры в моей жизни. Промежутки времени, потерянного для памяти навсегда. Обычно было так: сижу в своем кабинете перед компьютером — и вдруг какая-то странная вибрация во всем теле, как будто ты дрожащий камертон, только настроенный на сумасшедше высокую ноту. Затем это общее диковинное ощущение очень быстро локализуется — в зубах. Как я позже узнал, это классический признак начала нарколептического припадка. Потом ощущаешь сонливость... и вдруг резко вскидываешься и просыпаешься. Смотришь на часы — прошло двадцать, а иногда и сорок минут. Куда они делись? Это очень похоже на действие общего наркоза. Полный провал в памяти.

Сны начались после недели регулярных внезапных «вырубаний». Первый сон повторялся снова и снова и пугал меня куда больше, чем уже привычные получасовые отключки.

Помню, как сильно была заинтригована Рейчел, когда я впервые рассказал ей об этом сне.

Обычно она весьма осторожна в своих интерпретациях, однако в правильности понимания того первого сна она нехарактерным образом уверена совершенно.

Утопая в глубоком кресле напротив ее стола и закрыв глаза, я описывал Рейчел то, что видел так часто.

Я сижу в абсолютно темной комнате. Света нет, ни единого фотона. И мертвая, мертвейшая тишина. Будь у меня пальцы, я мог бы ими потрогать свои глаза и уши... будь у меня глаза и уши. Но я ничего не вижу,

и ничего не слышу, и ничего не чувствую. Более того, я ничего не помню. У меня нет прошлого. А поскольку я ничего не вижу и ничего не слышу, то у меня и настоящего нет. Я просто существую. Вся реальность сводится к тому, что я существую. Очевидно, именно так чувствует себя жертва паралича: тело и большая часть мозга больше не функционируют. Я в моем сне могу думать, но это какоето псевдомышление, без образов. Скорее произвожу вопросы, чем мыслю. И вот какие вопросы я беспрестанно произвожу и повторяю: «Кто я?», «Откуда я?», «Почему я один?», «Был ли я здесь всегда?», «Буду ли я здесь всегда?»

Эти «мысли» мое сознание не заполняют. Эти вопросы — cymb мое сознание, оно ими исчерпывается!

Времени в нашем понимании не существует, есть только последовательная смена вышеназванных вопросов. В конечном итоге вопросы сводятся к единственному заклинанию: «Откуда я? Откуда я?» Я — нечто непонятное с непоправимо искалеченным мозгом, которое сидит в кромешной тьме и полном беззвучии и задает тьме и беззвучию один и тот же вопрос: «Откуда я? Откуда я?»

- Ну, разве вам не очевидно? сказала Рейчел. Вы до сих пор не преодолели потрясение в связи с гибелью жены и дочери. Их потеря отрезала вас от мира и от себя самого. Вы повреждены. Вы ранены. Ваша оболочка в реальном мире симулирует активную жизнь, а настоящий Дэвид Теннант сидит в темной комнате, ничего не думая и ничего не чувствуя. Так и должно быть: большое горе и большая боль неощутимы, это просто абсолютное отупение.
- Да ни при чем тут моя потеря! раздраженно возразил я. Преодолел я свое горе, преодолел! Не живу я больше им!

Рейчел только вздохнула и покачала головой.

— Нет хуже пациентов, чем врачи, — сказала она без улыбки.

Неделю спустя я доложил ей, что в моем регулярном сне кое-что изменилась.

- Теперь в темной комнате я не один. Там есть что-то.
  - Что именно?
  - Не знаю. Не вижу. Там ведь темно.
  - Но вы каким-то образом угадываете, что оно там?
  - Да.
  - Это нечто человек?
- Нет. Оно очень маленькое. Висящая в воздухе сфера. Я бы сказал, черный мячик для игры в гольф, плавающий во тьме.
  - Как вы различаете его в полной темноте?
  - Он темнее темноты. И тянет меня к себе.
  - Тянет в каком смысле?
- Затрудняюсь сказать. Ну, как сила земного притяжения действует на предметы... Однако тут как бы сила эмоционального притяжения... В моем сне мне почему-то известно, что Оно знает ответ на все мои вопросы. Оно знает, кто я такой и почему застрял в непроглядной тьме.

Этот сон, с крошечными вариациями, повторялся снова и снова. Но и в нем в конце концов возникли перемены. Да еще какие! Однажды вечером, за книгой, я отключился уже привычным образом. И опять оказался в знакомом бессветном пространстве - с тупым упрямством задавая черному шару все тот же вопрос. И вдруг ни с того ни с сего шар взорвался — внезапное, опаляющее сетчатку извержение света! После густейшей и бесконечной тьмы даже зажженная спичка показалась бы взрывом света, но тут-то не спичка вспыхнула! Тут было столько света во все стороны, как при взрыве водородной бомбы. Только этот взрыв не схлопнулся и не превратился в атомный гриб; он продолжал расширяться в пространстве — с неостановимой мощью и неописуемой скоростью, и возникло жуткое ощущение, что этот взрыв света пожирает меня... Но я оставался невредимым! После того как свет начал поглощать темноту, бывшую ког-

да-то мной, у меня отчего-то появилась уверенность, что этот процесс может длиться хоть миллиарды лет — и все равно я не буду уничтожен окончательно никогда. Однако страх от этого не уменьшался.

Как толковать сон, Рейчел решительно не знала. В следующие три недели она только слушала, а я, закрыв глаза, взахлеб рассказывал о происходящем в моих снах — о рождении звезд и галактик, об их жизни и гибели: черные дыры; сверхновые звезды; сверкающие туманности, похожие на присыпанные пудрой алмазы на черном бархате тьмы; планеты — новорожденные или умирающие. Казалось, я мог видеть разом всю Вселенную — от края до края — и наблюдать, как она расширяется во тьму — в меня — со скоростью света.

- Вы видели подобные картины прежде? спросила Рейчел. Наяву?
  - Как и где я мог видеть подобное?
- Вам знакомы фотографии, сделанные космическим телескопом «Хаббл»?
  - Конечно.
  - Очень похоже на то, что вы описываете.

Это замечание привело меня в отчаяние.

- Ничего вы не понимаете! Я ведь не просто вижу все то, о чем рассказываю. Я это всеми чувствами ощущаю. Так, как если бы я наблюдал за играющими детьми, или за кровавой битвой, или за любовниками в постели. Это не рассматривание картинок; это полная гамма эмоций, реальное переживание реальных событий.
  - Продолжайте.
- Вот я наблюдаю планету. Парю над ней. Она скрыта за облаками. Но это не привычные нам облака, а ядовито-зеленые тучи, истерзанные ураганами. Я пронизываю облака, как спускающийся спутник. Там, внизу, океан. Но не синий, а красный, кипящий. Я погружаюсь в него глубоко-глубоко. Я что-то ищу... и не нахожу. Океан пуст.
- Ваш рассказ наводит на множество мыслей, сказала Рейчел. Начнем с цветовой гаммы. Красный цвет может быть исполнен глубокого смысла. А пустота океана символ бесплодия, отражение ва-

шей скорби. — Она на мгновение-другое задумалась, потом спросила: — А что вы искали в том океане?

- Понятия не имею.
- А если напрячься? Уверена, вы знаете, что вы там искали.
  - Не Карен и Зуи!
- Дэвид! с упреком в голосе воскликнула Рейчел. Если вы полагаете, что образы в ваших снах не имеют символического значения, то чего ради вы вообще обратились ко мне?

Я резко открыл глаза. На лице Рейчел ни единой эмоции. Как ловко прячется ее эмпатия за занавесом профессионализма! Однако правду не скроешь: Рейчел проектирует на меня собственную горечь от потери семьи, приписывает мне собственные сиюминутные чувства.

 Я здесь, потому что не могу найти разгадку моим снам самостоятельно. Успел перечитать гору книг по теме, но они не помогли.

Рейчел мрачно кивнула: понимаю.

- Каким образом вы столь подробно запоминаете свои галлюцинации? — спросила она. — Проснувшись, вы их записываете?
- Нет. Они совершенно не похожи на обычные сны, которые чем больше пытаешься вспомнить, тем скорее забываешь. Это, кстати, что характерная особенность нарколептических видений?
- Да, вкрадчиво подтвердила Рейчел. Ладно, продолжим. Карен и Зуи погибли в воде. Утонули. Руки Карен были наверняка изрезаны. Из головы, после удара о руль, тоже текла кровь. Вот вам и красный океан. Откинувшись на спинку кресла, Рейчел смотрела в потолок и говорила как по писаному. В ваших галлюцинациях отсутствуют люди, тем не менее вы испытываете сильнейшие эмоции. Вот вы упомянули кровавую битву. А сами вы когда-либо бывали в настоящем бою?

— Но вы знаете, что Карен *билась* за жизнь Зуи. Она *сражалась* за то, чтобы выжить. Вы же мне все это сами рассказывали!

Я закрыл глаза. Я избегал представлять в деталях, как именно погибла моя семья, однако время от времени сознание само рисовало жуткие подробности. После сальто в воздухе автомобиль упал в пруд крышей вниз, затонул и увяз в иле — там было примерно полметра вязкой грязи. Из-за короткого замыкания не действовал мотор, опускающий окна, а двери не открывались. Сломанные кости рук и ног Карен говорят о ярости, с которой она пыталась разбить стекла. Она была женщина маленькая, субтильная, но боролась до конца. Как рассказал мне санитар, бывший на месте несчастного случая, когда автомобиль наконец вытащили из ила и стали открывать дверцы, Карен была на заднем сиденье: одной рукой она прижимала к себе Зуи, другая рука свободно плавала — изрезанная, с разбитыми костяшками пальцев.

Было нетрудно догадаться, как все происходило. Когда вода стала заполнять автомобиль, а Карен тщетно пыталась открыть окна или двери. Зуи запаниковала. Любой запаникует в подобной ситуации, а ребенок тем более. При таких обстоятельствах одни матери продолжали бы искать выход, игнорируя вопли ужаса своего ребенка. Другие ничего бы не делали — только успокаивали ребенка и молились, чтобы поскорее прибыла помощь. Карен пыталась совместить обе стратегии: обняла Зуи, говорила ей какие-то успокаивающие слова, при этом свободной рукой и ногами до последнего дыхания била в стекло, пытаясь выбраться из машины, ставшей гробом. То, что она, захлебываясь, по-прежнему обнимала Зуи, свидетельствовало о любви, которая сильнее предсмертного ужаса... и это знание давало моей душе хоть какой-то покой.

— Зеленые тучи и красный океан не имеют ни малейшего отношения к автомобильной катастрофе пятилетней давности, — сердито сказал я. 51

- Нет? Тогда расскажите мне больше о своем детстве, чтобы я могла...
  - Мое детство тут ни при чем.
  - Откуда вам знать! стояла на своем Рейчел.
  - Я знаю.
  - В таком случае расскажите мне о своей работе.
  - Я преподаю медицинскую этику.
  - Больше года назад вы ушли в бессрочный отпуск.
     Я резко вскинул голову и открыл глаза.
  - Откуда вам это известно?
  - Слышала в больнице.
  - От кого?

52

- Не помню. Случайно подслушала чей-то разговор. Среди медиков вы весьма известная персона. Врачи в Дьюке то и дело цитируют вашу книжку. Как, впрочем, и в ньюйоркской больнице, где я прежде работала. Ну, так правда это или нет? Вы больше не преподаете в университетском медицинском колледже, вы в бессрочном отпуске?
- Давайте ограничимся обсуждением моих снов, хорошо? Так безопасней для нас обоих.
  - Безопасней в каком смысле?

На это я ничего не ответил.

До сеанса на следующей неделе сны успели опять измениться.

— Я смотрю на Землю откуда-то из космоса. Чудесней ничего не видел!.. Синее, и зеленое, и завихрения белых облаков... Это живое существо, идеальная самодостаточная система. Я ныряю сквозь облака вниз. О, здесь всюду жизнь! В океане планктон, медузы, кальмары, морские змеи, акулы. На суше тоже изобилие всяческих живых существ. Бесконечные джунгли. Симфония оттенков зеленого. На побережье рыбы выбираются из воды и растят из плавников ноги. Диковинные крабы выползают на песок и превращаются в животных, которых я никогда и нигде не видел. Время мчится с сумасшедшей скоростью, и я соб-

ственными глазами наблюдаю весь процесс эволю-

исходил на самом деле. Динозавры превращаются в птиц, грызуны — в млекопитающих. Приматы теряют шерсть. Ледники надвигаются и сминают джунгли, потом тают, уступая место саваннам. Двадцать тысяч лет проходит за время одного вдоха...

- Не торопитесь, посоветовала Рейчел. А то вы перевозбуждаетесь.
  - Как я мог видеть все это?
- Вы сами знаете ответ. В мозгу мы способны сочинить любую картинку и затем вообразить, что она реальность. Тот же вид Земли из космоса просто расхожее место современной культуры. Кто из нас не видел фотографию планеты из космоса раз пятьдесят, начиная с детства!
- По-вашему, мой мозг способен создавать животных, которых я никогда не видел? Животных, которые выглядят вполне реалистично?
- Конечно. Убедительны ведь картины Иеронима Босха! А весьма правдоподобные картинки убыстренной эволюции я видела в какой-то телепередаче. Еще до эпохи компьютерной анимации журнал «Лайф» делал подобные вещи с помощью фотоколлажей. Вопрос не в том, откуда взялись образы; вопрос в том, почему вы видите во сне именно это, а не что-то другое.
- Правильно! Я к вам хожу, чтобы докопаться до ответа именно на этот вопрос.
- Во сне про эволюцию вы являетесь частью всего этого сюрреалистического пейзажа?
  - Нет.
  - А что вы ощущаете, глядя на все это?
  - Я по-прежнему что-то ищу.
  - Что именно?
- Не знаю. Я похож на птицу, которая с высоты высматривает на земле и в море... что-то.
  - В своем сне вы птица?

В ее голосе прозвучала надежда. Очевидно, в ее соннике птицы означают нечто определенное.

- Нет.
- А кто же вы?
- По сути никто или ничто. Просто пара глаз. Без хозяина.
  - Наблюдатель.
  - Да. Бестелесный наблюдатель.

Рейчел задумчиво покусывала кончик шариковой ручки. Впервые при мне она утратила контроль за своим поведением.

- А вы сами что думаете почему вам все это видится?
- Тут у меня совершенно четкое мнение, решительно сказал я, отлично понимая, что следующей фразой сильно ее удивлю. Я полагаю, кто-то мне все это nokasubaem.

Рейчел сделала большие глаза. Нарочито театрально.

- Вы серьезно?
- Да.
- И кто же вам все это показывает?
- Понятия не имею. А по-вашему, с какой стати я все это вижу во сне?

Рейчел раздумчиво покачала головой. Я мысленно представил ее мозг в этот момент: миллионы нейрончиков истерично потрескивают, торопливо обрабатывая мои слова с помощью фильтров, установленных ее превеликим образованием и немалым опытом.

— Эволюция — синоним изменения, — медленно произнесла она. — Вы наблюдаете изменения в неестественно высоком темпе. Изменения, которые никому не подконтрольны. Знаете, я начинаю предполагать, что ваши навязчивые галлюцинации имеют некоторое отношение к вашей работе.

«А вот это замечание, возможно, в самое яблочко!» — подумал я, хотя вслух ничего не сказал. Просто стал рассказывать дальше. Пока я помалкивал о своей работе, Рейчел ничего не грозило.

Впрочем, тема ускоренной эволюции отпала сама собой, ибо она скоро ушла из моих снов. А

то, что в них стало доминировать, потрясло меня до сокровенных глубин души.

В снах появились люди. Оставаясь невидимкой, я наблюдал их в течение считанных секунд. Словно был зрителем фильма, склеенного из случайной нарезки кадров. Вот идет женшина с ребенком. Вот мужчина тянет сосуд с водой из колодца. А вот воин с гладиусом — тем самым коротким мечом, про который нам рассказывала миссис Уэйли в восьмом классе на уроке латинского языка. Это древнеримский солдат. Тут я впервые догадался, что «кадрики» не совсем случайные, что я подглядываю во вполне определенную эпоху. Волы тянут плуг. Молодая женщина продает себя на улице. А вот денежный меняла. В руках у него золотые и медные монеты с властным профилем императора. На монетах имя: Тиберий. Что-то слышанное в школьные годы. Я справился в Интернете. Память не подвела. Тиберий, преемник Августа, видный военачальник, в бытность императором большую часть времени также проводил в военных походах. Среди немногих важных событий его правления самым важным (разумеется, с точки зрения потомков) была казнь одного еврейского крестьянина, который называл себя царем иудейским.

- Ваш отец был глубоко религиозным человеком? тут же спросила Рейчел, когда я поведал ей о новых образах.
- Нет. Он... короче, у него был более основательный подход к жизни.
  - Что вы под этим подразумеваете?
  - Не важно.

Сердитый вздох.

- А ваша мать как относилась к религии?
- Верила, что есть нечто большее человека, но на официальную церковь смотрела со скепсисом.
- Значит, в детстве вы не впитали никаких религиозных идей?
- Пару лет ходил в воскресную школу. Но все пропустил мимо ушей.

- Школа какой конфессии?
- Методистской. Только потому, что была ближе других к нашему дому.
  - В школе показывали фильмы о жизни Иисуса?
  - Не исключено. Не помню.
- Вы росли в Окридже, штат Теннесси, да? В таких местах любят кино. И конечно, все мы видели великие библейские эпопеи пятидесятых годов. «Десять заповедей». «Бен-Гур». Были фильмы на эту тему и позже.
  - К чему вы клоните?
- Материал для этих галлюцинаций помимо вашей воли — накапливался в вашем подсознании на протяжении многих лет. В каждом из нас его предостаточно, даже в самом отпетом атеисте. Но ваши галлюцинации, похоже, движутся в определенном направлении. А именно в сторону Иисуса из Назарета.
- Вы слышали о подобных снах прежде? спросил я.
- Разумеется. Многие «видят» Иисуса. Кто-то с ним лично общается, кто-то получает от него послания. Однако в последовательности ваших галлюцинаций есть своя логика. И реализм, который чужд необузданным религиозным навязчивым фантазиям. К тому же вы стоите на том, что вы атеист. Или по крайней мере агностик. Очень любопытно, во что все это разовьется.

Спасибо, конечно, что она мной интересуется. Но где ответы на мои вопросы?

- Так что же, по-вашему, все это значит? Рейчел поджала губы и покачала головой.
- Ваша взяла. Я уже сомневаюсь, что ваши галлюцинации связаны с потерей жены и дочери. Но я слишком мало знаю о вашей жизни, чтобы сделать компетентное заключение.

Патовая ситуация. Никакого выхода. Я по-прежнему был убежден, что мое прошлое не имело ни малейшего отношения к моим «галлюцинациям». И об-

шего отношения к моим «галлюцинациям». И обсуждать его не намеревался.

В следующие дни бессвязные «кадры» сна начали сменяться внятными эпизодами, и некоторые персонажи стали постоянными. Люди, которых я снова и снова видел во сне, мало-помалу превратились в старых знакомых, почти друзей. Потом мне стало казаться, что они даже нечто большее, чем просто знакомые или друзья. Во мне росло чувство, что я помнил эти лица не исключительно по предыдущим снам, — я этих людей когдато знал лично. Я описывал их Рейчел, стараясь быть предельно точным во всех деталях.

Вот я сижу в кругу бородачей, которые увлеченно меня слушают. Раз они меня слушают — значит, я что-то говорю. При этом я сам себя во сне не слышу и содержания своих речей не знаю.

Вижу лицо женщины, в котором одновременно и чтото ангельское, и самое обычное, земное. Ее глаза знакомы мне так, как могут быть знакомы только глаза матери. Но это не глаза моей матери — той, которая вырастила меня в Окридже. Эта женщина любовно смотрит на меня. Рядом с ней бородатый мужчина — он взирает на меня с отеческой гордостью. Однако мой отец ни разу в жизни бороду не отпускал и всегда был чисто выбрит...

Вижу ослов... финиковые пальмы... голых детишек... коричневую реку. Чувствую песок под ногами, потом прохладу и упругость воды, в которую я ныряю. Вижу девочку, красивую и темноволосую, которая украдкой целует меня и тут же, покраснев, убегает. Я иду сквозь толпу взрослых. На всех лицах читается: это дитя не походит на других детей. Мужчина с горящим взором стоит по пояс в воде; к нему тянется очередь из мужчин и женщин, которых он погружает в воду; вынырнув, отфыркиваясь и выплевывая воду, они отходят в сторону с широко открытыми счастливыми глазами.

Иногда последовательность событий во сне нарушалась совершенно, и шел набор бессвязных фрагментов. Но когда логика наконец возвращалась, мне становилось особенно не по себе. 57

Вот я сижу возле кроватки маленького мальчика. Его глаза закрыты. Он уже два дня как парализован и не в состоянии двигаться. Его мать и тетя сидят рядом со мной. Они принесли еду, холодную воду и лечебные мази, чтобы втереть в кожу несчастного. Я тихо говорю ему в ухо чтото ласковое, успокаивающее. Приказываю женщинам держать его за руки. Потом наклоняюсь к бездвижному тельцу и торжественно произношу имя больного мальчика. Его веки вдруг напрягаются, выдавливая какую-то слизь из глаз. Затем глаза распахиваются — и освещаются радостью: мальчик узнал мать. Та смотрит на него, затаив дыхание — и радостно вскрикивает, заметив движение его рук. Затем подхватывает сына с кроватки и обнимает, а он в ответ обвивает ее своими ручками. И мать, и ее сестра рыдают от счастья...

Я ужинаю с группой женщин. Маслины и хлебные лепешки. Некоторые женщины избегают моего взгляда. После трапезы меня ведут в спальню, где на кровати лежит беременная девушка. Мне говорят, что ребенок слишком долго в ее чреве, а схватки не начинаются. Есть подозрение, что ребенок уже мертв. Я прошу женщин выйти. Беременная девушка боится меня. Я успокаиваю ее ласковыми словами, затем поднимаю одеяло и кладу руки ей на живот. Он вздут и натянут как барабан. Держа руки на животе страдалицы, я долго что-то бормочу нараспев, призывно обращаясь к ребенку. Через некоторое время девушка радостно ахает и зовет женщин. Она почувствовала пинок маленькой ножки!.. «Мой ребенок ожил!» Женщины обступают меня. Каждая норовит коснуться меня, словно я обладаю какой-то невидимой целительной силой. «Воистину, он тот самый!» — повторяют они.

- Это все библейские истории, сказала Рейчел. Они известны миллионам школьников. Ваши галлюцинации не оригинальны.
- Извините, я читал Новый Завет, возразил я. Там нет ничего про то, как Иисус излечил мальчика от паралича. Или про то, как он ужинал с женщинами, а затем вызвал схватки у беременной.

— Но оба эпизода связаны с излечением. А вы — врач. Похоже, ваше подсознание приписывает Иисусу ваши собственные способности. Или наоборот. Я все больше и больше склоняюсь к тому, что ваши проблемы связаны с работой. Скажите честно, вы перестали заниматься практической медициной? Я знавала практикующих врачей, которые вдруг начинали чахнуть, занявшись чисто исследовательской деятельностью. Они впадали в депрессию, ибо им не хватало эмоционального удовлетворения от излечения конкретных больных. Возможно, в вашем случае происходит нечто в этом роде...

Она верно угадала, что я ушел из практической медицины, но мои «галлюцинации» явно не были диковинным выражением ностальгии по дням в белом халате.

- Впрочем, не исключена и другая интерпретация, задумчиво добавила Рейчел. В рамках моей первоначальной версии. Образ исцеления словом Божьим может быть подсознательным желанием вернуть к жизни Карен и Зуи. Подумайте об этом варианте. Ну-ка, какие два самых известных чуда, сотворенных Иисусом?
  - Воскресение Лазаря.
- Верно. А второе, если я правильно помню, оживление маленькой девочки.
- Да, вы помните правильно. Хотя вряд ли это верное толкование моего сна.

На лице Рейчел была улыбка многотерпения.

 Не будем спорить. По крайней мере одно ясно: ваше прилежное подсознание в конце концов само разъяснит свое послание.

Эта встреча оказалась нашим последним сеансом. Потому что вечером мне было совсем новое сновидение — и передавать Рейчел его содержание я не имел ни малейшего намерения.

Новый сон был яснее прежних. В нем я говорил на неведомом мне языке, но при этом сам себя слышал и понимал. Я шел по песчаной дороге. Остановился у колодца. Колодец был глубокий, до воды ру-

кой не достать. Но тут появилась женщина с сосудом на веревке. Я попросил у нее напиться. Похоже, она удивилась, что я с ней заговорил, — мы, как я догадался, принадлежали к разным народам. Я вдруг сказал ей, что вся вода в колодце не утолит ее жажды. Мы поговорили какое-то время, и в ее взгляде появилось непритворное восхищение.

- Думаю, ты пророк, сказала она. Ты видишь многие вещи, которые скрыты.
  - Я не пророк, возразил я.

Она долго молча смотрела на меня. Затем произнесла:

— Сказывают, однажды явится Мессия — объяснить нам смысл вещей. Что ты думаешь про это?

Я потупился, но слова правды рвались наружу. Я поднял глаза и сказал:

Я — тот, чей приход провозвещали.

Женщина не рассмеялась, а опустилась на колени и благоговейно коснулась моей ноги — затем пошла прочь, непрестанно оглядываясь на меня...

Я резко проснулся — весь в поту. Я не кинулся к телефону, чтобы звонить Рейчел и назначать внеурочный сеанс. Зачем? Я больше не верил в спасительную силу интерпретации моих снов. Потому что не сны это. Это воспоминания.

- О чем вы думаете? вдруг спросила Рейчел.
- «Акура» уже подъезжала к университетскому городку.
- Думаю, с какой стати вы впутались в эту историю.
   Рейчел выпрямилась в кресле и озабоченно посмотрела на меня.
- Я здесь, потому что вы пропустили подряд три сеанса. Из чего делаем вывод, что ваши дела совсем плохи. Вероятно, галлюцинации снова резко изменились и вы напуганы до смерти.

Руки мои на руле напряглись еще больше, однако я нашел в себе силы смолчать. Неизвестно, кто нас слушает. Вернее, очень даже известно, кто нас слушает.

- Отчего вы не говорите мне всей правды? сказала Рейчел. Как может правда навредить?
  - Сейчас не время. Да и место неподходящее.

Университетский театр был впереди и выше. А справа, ниже шоссе, за деревьями прятался Лесной Амфитеатр — летняя сцена под открытым небом. После крутого поворота вправо машина съехала с темного холма и покатила по улице, между рядами внушительных особняков, в которых жили штатные профессора и состоятельные молодые ученые.

Дом Филдинга был хоть и двухэтажный, но относительно маленький и далеко в стороне от дороги. Он выбрал такое более или менее уединенное место сознательно: уютное гнездышко для себя и своей китайской невесты, которую он надеялся выманить в Америку.

- И куда мы приехали? спросила Рейчел.
- До дома Филдинга уже рукой подать.

Я смотрел в направлении дома, но видел только темноту. Я ожидал, что в доме будут гореть все огни — как у меня после потери Карен и Зуи. Меня охватила паника. Я ошутил себя героем какого-нибудь фильма семидесятых годов про правительственные заговоры. Он приближается к хорошо знакомому дому, где был только вчера, — а там ни души и мебель вся вывезена. Или еще хуже — там живет совсем другая семья. И якобы не первый месяц.

К счастью, на веранде дома замигал свет. Очевидно, Лу Ли наблюдала за улицей, стоя у окна в темноте, и теперь подавала мне сигнал. Я огляделся, нет ли поблизости подозрительных машин. Обычно я без труда вычислял машины аэнбэшников, которые меня «пасли». Возможно, ребятам из службы безопасности было просто наплевать, замечаем мы их или нет. Или, что более вероятно, нам сознательно давали почувствовать, что мы под постоянным наблюдением. Сегодня вечером я не видел ничего подозрительного. И это настораживало. Не исключено, что именно сегодня наблюдатели не желают быть замеченными. Я свернул на подъезд-

ную дорожку к дому Филдинга и затормозил у закрытой двери гаража.

- И здесь живет лауреат Нобелевской премии? иронически протянула Рейчел, показывая рукой на скромный домик.
- Жил, уточнил я. Оставайтесь здесь. Я подойду к двери один.
- Ой, ради Бога! сказала Рейчел. Это даже смешно. Бросьте игру, признайтесь, что запутались в своих фантазиях. Давайте просто выпьем где-нибудь кофе и обсудим ваш душевный тупик.

Я схватил Рейчел за руку и жестко посмотрел ей в глаза.

— Слушайтесь меня, черт побери! Возможно, я перестраховываюсь и все в порядке, но поступим мы именно так, как я сказал. Если все о'кей — я вам свистну. Тогда и подойдете.

Я быстро зашагал к двери дома моего мертвого друга, нарочито помахивая руками с растопыренными пальцами — показывая на всякий случай, что я не вооружен. Но револьвер был при мне, и я о нем не забывал.

Глава 5

Гели Бауэр внимательно слушала отчет Корелли о происходящем возле особнячка Филдинга.

- Теперь они заходят в дом. Теннант поднимается по ступеням первым. Профессорша топчется на дорожке. Ага, вот и она поднимается. Погодите-ка... Ну, дела! Правый карман штанов Теннанта подозрительно топырится. У него, похоже, при себе пушка.
  - Видна рукоять?
  - Нет, но очень похоже на оружие.

Черт побери, что задумал Теннант?.. В наушнике слабо потрескивало.

- Не дергайтесь. Сидите и следите, чтобы все микрофоны работали.
- Вдова только что открыла им дверь. Приглашает жестом внутрь.
  - Ладно, держите меня в курсе.

Гели отключила связь с Корелли. Если Теннант вооружен — значит, боится за собственную жизнь. Стало быть, убежден, что Филдинга убили. Но с какой стати он всполошился? Препарат, убивший Филдинга, вызвал смертельное кровоизлияние в мозг, то есть заурядный инсульт. Без вскрытия факт убийства ничем не докажешь. А вскрытия, разумеется, не будет. Теннант, судя по всему, знает больше, чем думает Годин. Если полученное Теннантом письмо именно от Филдинга, там могла быть какая-то улика.

Она опять произнесла: «Скоу, домашний телефон». Компьютер подчинился.

Скоу снял трубку после второго гудка.

- А теперь-то что? спросил он неприветливо.
- Теннант и Вайс всю дорогу практически не разговаривали друг с другом.
  - Подумаещь!
- Это неестественно. Оба говоруны. И вдруг воды в рот набрали.
- Теннант знает, что он под колпаком. Это была ваша идея: чтоб они знали о слежке и ее боялись.
- Да, но Теннант всегда вел себя легкомысленно. И вдруг стал таким осторожным. Он что-то затевает!
- После смерти друга крыша слегка поехала. Ничего удивительного.
  - Он вооружен.

Ошарашенное молчание на другом конце провода.

- Понятно. Значит, крыша *сильно* поехала. Но мы ведь знали, что у него в доме имеется пистолет.
  - Одно дело в доме. Другое в кармане.

Скоу рассмеялся.

— А ведь это вы его застращали, Гели. Так люди на вас реагируют!.. Нет, кроме шуток, вы

должны успокоиться. Все в рамках разумного. Подозрения у Теннанта появились давно, это мы знаем. А сегодня умер его ближайший друг. В подобной ситуации немножко мании преследования — вещь естественная. Просто не нужно провоцировать его на еще большую подозрительность.

Ах, как жаль, что приходится общаться с этим болваном! Вот бы сейчас с Годином переговорить! Гели уже несколько раз набирала номер его сотового для частных разговоров, но Годин не отвечал и на оставленные сообщения никак не отозвался. Впервые за все время работы в проекте «Тринити» она не могла связаться с шефом. Как назло, в такой критический момент...

- Послушайте, я думаю...
- Знаю я, что вы там думаете! перебил ее Скоу. Не смейте ничего предпринимать без моего одобрения! И бросил трубку.
  - Козел! в сердцах сказала Гели.

Нажав кнопку, она соединилась со штаб-квартирой АНБ в форте Джордж-Мид. Ответил молодой человек по фамилии Конклин.

- Еще раз добрый день, мисс Бауэр. Вы опять насчет письма «Федерал экспресс»?
  - Что узнали?
- Письмо бросили в ящик в почтовом отделении города Дарем, штат Северная Каролина. Имя отправителя: Льюис Кэрролл.

Итак, все-таки Филдинг. Белый Кролик. Разумеется, письмо относил на почту не он — жену послал. Гели отключила связь и откинулась на спинку кресла, обдумывая ситуацию.

Семь часов назад по приказу Година она убила человека. Крайне смутно представляя зачем. Угрызения совести ее не мучили. Филдинг ставил под угрозу осуществление проекта; по условиям ее контракта, это доста-

точная причина для ликвидации. А если нужно еще какое-то высшее моральное оправдание, то

разве проект «Тринити» не был жизненно важен для национальной безопасности США? Прикончить Филдинга было так же естественно, как грохнуть шпиона, пойманного на месте преступления. Однако Гели теперь вдруг разобрало любопытство: почему, собственно, убрали Филдинга? Годин сказал, что Филдинг саботировал проект и воровал информацию. В это Гели не очень-то верилось. Жестко и заранее продуманные меры исключали саботаж в любой форме. Воровство информации? Вынести чтолибо из здания просто невозможно. А компьютеры под абсолютным контролем нанятых Скоу техников-аэнбэшников: так сказать, ни один бит информации не ушмыгнет без предварительной проверки на секретность.

Так из-за чего же погиб Филдинг? Шесть недель назад, давя на власти медицинскими и этическими резонами, он на пару с Теннантом действительно приостановил осуществление проекта. Если его убили за это, отчего же так тянули? И почему казнили только его, а Теннанта пощадили?

Накануне вечером Питер Годин явился к Гели в подавленном состоянии. Никогда прежде она не видела Година таким пришибленным, на грани нервного срыва. Неужели ради продолжения проекта он готов на все? О технической стороне «Тринити» она знала ничтожно мало, зато ей было отлично известно, что до успеха еще очень и очень далеко. Это прочитывалось на лицах ученых и инженеров.

Целью проекта «Тринити» было создание суперкомпьютера. Не заурядного сверхгиганта, еще одного «Крэя» или еще одного «Година» каких-нибудь доселе невиданных размеров, но машины, которая будет действительно мыслить. Гели понятия не имела, за чем дело стало: если в Америке и в мире столько головастых ученых, отчего они так долго топчутся на месте, почему никак не создадут искусственный разум? Со слов Година, которого смешило ее наивное возмущение по поводу неповоротливости ученых, Гели имела представление о том, как зарождался проект «Тринити».

В 1994 году один ученый из лабораторий компании «Белл» выдвинул и обосновал гипотезу, что на основе принципов квантовой физики можно построить компьютер, который будет способен взломать любой из современных электронных кодов, притом мгновенно. Про квантовую физику Гели только слышала, но достаточно было простой смекалки, чтобы понять, почему квантовый компьютер произведет революцию в мире. Современное цифровое шифрование базируется на математических операциях умопомрачительной сложности. Его используют и банки, и корпорации, и правительственные организации. «Заурядные» суперкомпьютеры — вроде тех, что сейчас использует АНБ, — взламывают шифры путем банального перебора вариантов: так подбирают ключ к замку из связки ключей, только тут речь о связке из запредельного количества ключей. Процесс взлома, невзирая на чудовищную быстроту суперкомпьютеров, занимает порой сотни часов. Но квантовый компьютер — в теории — мог пробовать все возможные ключи одновременно. Неправильные ключи разом аннулируют друг друга, оставляя только подходящий. На это нужны не часы, не минуты. Квантовый компьютер мог бы взламывать цифровые шифры мгновенно, по щелчку пальцев. Такая машина похоронит современные принципы шифрования, а страна, которая будет иметь это чудо, получит решающее стратегическое преимущество перед другими державами.

Ввиду потенциальной ценности квантового суперкомпьютера, АНБ вплотную занялось его созданием. Проект был наречен «Призрачным» (намек на определение, данное Альбертом Эйнштейном бесконтактному взаимовлиянию некоторых квантовых частиц). Руководителем назначили Джона Скоу. Однако название проекта оказалось пророческим. Спустя семь лет и спустив 600

66

миллионов долларов из тайного бюджета АНБ, команда Скоу не могла представить рабочий обра-

зец, который был бы способен конкурировать хотя бы с карманным компьютером.

Карьера Скоу на том бы и закончилась, но тут ему вдруг позвонил Питер Годин, который на протяжении многих лет успешно строил «стандартные» суперкомпьютеры по заказу АНБ. Годин предлагал сотворить машину, которая произведет в мире не меньший переворот, чем квантовый компьютер. У Година был манок, против которого правительство устоять не могло: его машину можно было построить, опираясь на уже существующие технологии! Надо, мол, их только немного улучшить. Больше того, после беседы с Эндрю Филдингом, звездой квантовой физики, который уже согласился работать над новым проектом, Годин утверждал, что его сверхсуперкомпьютер будет попутно иметь и квантовые способности универсальной отмычки ко всем современным шифровальным кодам!

Соблазнив президента сочными обещаниями, Годин сумел добиться практически всего, чего требовал. Ему уже ни в чем не было отказа. Своя территория и специальные помещения для создания новой машины - пожалуйста. Неограниченный доступ к тайным правительственным финансовым фондам — пожалуйста. Словом, по размаху дело быстро опередило «Манхэттенский проект», благодаря которому США в кратчайший срок получили атомную бомбу. К тому же Годин имел право нанимать и увольнять ученых по собственному усмотрению. Со стороны правительства за проектом надзирал Джон Скоу, с которым у Година были давние доверительные отношения (много лет назад он дал крупную взятку Скоу, чтобы тот предпочел проект его машины предложению Крэя и занялся именно годинским вариантом в своем Центре по разработке суперкомпьютеров). Президент выдвинул только одно условие: чтобы среди ученых был человек, который будет осуществлять этический контроль над происходящим. На эту роль 67 был выбран Дэвид Теннант.

И поначалу Теннант казался только соринкой в глазу. Все шло как нельзя лучше.

Но вот прошло два года. Потрачен почти миллиард долларов, а показать правительству нечего. В секретных коридорах наисекретнейших служб Агентства национальной безопасности начинали поговаривать о новом призрачном проекте. Этот Джон Скоу — мастер запарывать масштабные задумки!.. Впрочем, фигура Питера Година пока что всех успокаивала. Даже его враги признавали, что свои обещания он имел привычку выполнять. Хотя уже перешептывались: а не откусил ли старик на этот раз больше, чем может прожевать? Челюсти уже не те — возраст! Искусственный интеллект, разумеется, куда меньшая химера, чем квантовый компьютер. Однако сколько компаний обанкротилось, обещая его по-быстрому создать!

Но все это никак не объясняло для Гели необходимость казни Филдинга. Совершенно очевидно, что вплоть до вчерашнего вечера Годин рассматривал блистательного физика из Великобритании в качестве ключевой фигуры проекта «Тринити», от которой зависит успех или неуспех дела. И вдруг такой поворот: ладно, мы и без Филдинга обойлемся! Что изменилось?

Повинуясь интуитивному импульсу, Гели набрала несколько команд на клавиатуре, и на экране появилась опись личных вещей Филдинга, которую она, по приказу Година, сделала после его смерти. Чего только не было в офисе Филдинга! Столько странных безделушек и памятных вещей! Больше похоже на профессорский кабинет в университете, чем на рабочее место физика-практика.

Конечно, книги. Экземпляр «Упанишад» на санскрите. Томик Йейтса. Три зачитанных романа Раймонда Чандлера. «Алиса в Зазеркалье». Всякие научные книги и трактаты. Далее вещи вполне несуразные. Четыре пары кубиков для игры в кости, одна из них — шулерская, с грузиком. Клык кобры. Медная печатная форма с обложкой «Пентхауса». Язычок саксофона. Тибетский

кой «Пентхауса». Язычок саксофона. Тибетский молельный шар. Обтрепанный стенной кален-

дарь с рисунками Эшера. Такая же обтрепанная афишка ночного клуба в английском городе Ньюкасле, где Джимми Хендрикс играл в 1967 году, с автографом великого гитариста. Вставленное в рамку письмо Стивена Хокинга — признание, что он проиграл какое-то пари насчет какойто темной материи во Вселенной. Компакт-диски Ван Моррисона, Джона Колтрэйна, Майлса Дэвиса.

Список вещей на этом не заканчивался, но ничто в нем не вызывало подозрений. Гели лично пролистала каждую книгу, а техник проверил каждый компакт на подлинность — не хранится ли под видом музыки украденная информация. Помимо всякого барахла, в кабинете Филдинга были его бумажник, его одежда и драгоценности. Драгоценности — громко сказано. Золотое свадебное кольцо, позолоченные карманные часы на цепочке с хрустальным брелком.

Проглядывая опись, Гели внезапно подумала: а на месте ли все эти вещи? Она лично заперла их в камере хранения. Однако ключ от этой комнаты имелся также и у Джона Скоу. Вдруг Филдинга велели убить, чтоб забрать нечто бывшее в его владении? Возможно, как раз поэтому хотели, чтобы он умер именно на работе. Дабы гарантированно получить нужное им «нечто». Если догадка правильна, это «нечто» он должен был носить при себе; в противном случае можно было просто украсть вещь из его кабинета.

Гели уже хотела идти для более тщательной проверки в камеру хранения, но тут в ее наушниках снова раздался условный писк.

- Похоже, у нас опять проблема, сказал Корелли.
- Что такое?
- Все как в доме Теннанта. Они уже внутри и разговаривают, но я лишь иногда слышу невнятные голоса как будто беседуют в соседней комнате за плотно закрытой дверью.
  - Черт!

Гели сама подключилась к микрофонам в доме Филдинга. Вообще глухо. Никаких звуков.

- Тут что-то не так, пробормотала она. Затем спросила Корелли: Что у вас с собой?
- Есть параболический микрофон, но через стены или через оконное стекло он не берет. Мне нужен лазерный прибор.
- У меня есть. Гели мысленно прикинула свои возможности. Доставим вам через... двенадцать минут.
- Возможно, через двенадцать минут их и след простынет.
  - А прибор ночного видения у вас с собой?
  - Я не ожидал полномасштабной операции.

Что за незадача!

— Так, — сказала Гели. — Все нужное пришлем. А вы пока проверьте автомобиль Теннанта — нет ли там конверта «Федерал экспресс». Дайте мне точный адрес, где вы припаркованы.

Записав адрес, Гели нажала сигнал тревоги. Тут же, в глубине подвала, была комната с нарами. Ее использовали в ситуациях, когда всей команде приходилось работать круглосуточно. Там можно было поспать между сменами.

Через тридцать секунд из комнаты отдыха прибежал высокий блонлин с заспанным лицом.

- В чем дело?
- Аврал. Гели показала на кофейный автомат у стены. — Хлебни.

Немец Риттер Бок был единственным членом ее команды, которого наняла не она, а Питер Годин. Бывший десантник и бывший боец германской антитеррористической бригады, Риттер работал прежде в элитной частной службе безопасности, которая поставляла Годину телохранителей для путешествий по Европе и Дальнему Востоку. Годин взял Риттера на постоянную службу после того, как тот предотвратил попытку похищения миллиардера. Безжалостный и хладнокровный, с опытом, выходящим далеко за рамки борьбы с террором, этот двад-

цатидевятилетний парень был лучшим в коман-70 де Гели. А поскольку в детстве она каждое лето проводила в Германии, то они могли общаться и на немецком.

Риттер быстрыми глотками пил дымящийся кофе, поглядывая на Гели поверх кружки. Сероглазый, с колючим взглядом, он напоминал Гели мальчишку, в которого она была влюблена девочкой, когда гостила у отца, служившего в американских войсках, размещенных в Германии.

— Тебе нужно срочно доставить лазерную экипировку Корелли. Он у дома неподалеку от университетского городка. Вот адрес.

Она вырвала листок из блокнота и положила его на стол.

Риттер только фыркнул и кивнул. Быть посыльным ему не улыбалось, но в подобных случаях он не жаловался и работой для салаг не брезговал — в ожидании настоящих заданий, для которых он был рожден и обучен.

- Лазер в вещевой?
- Да. И прихвати четыре прибора ночного видения. Допив кофе, Риттер взял записку с адресом и вышел, не сказав ни слова. Гели любила его молчаливую манеру. Американцы боятся пауз в разговоре, готовы любую глупость сказать, лишь бы не молчать, словно тишина опасный враг. А Риттер был экономен на усилия — что в разговоре, что в деле. Поэтому ему цены нет. Временами они просто работали вместе, временами Гели с ним спала. До сих пор это не создавало проблем. В армии она вела себя точно так же: зачем отказываться от удовольствия, если подворачивается случай. Такой она была уже в швейцарской школе-интернате. Разумеется, риск есть всегда. Нужно уметь обращаться с агрессивными мужчинами — или женшинами. И ловко сглаживать последствия разрывов. С обеими задачами Гели пока что успешно справлялась.
- Корелли! позвала она, подключившись к связи. Что слышите теперь?
  - По-прежнему ничего. Неразборчивые шумы.

— Я подняла по тревоге Риттера. Он уже в пути.

Тишина на том конце связи, только электростатический шорох. Гели улыбнулась. Риттера явно не любили — с ним чувствовали себя не в своей тарелке.

- Слышите меня, Корелли?
- Так точно. Я сейчас как раз в машине Теннанта.
- Что видите?
- Конверта «Федерал экспресс» не обнаружил. Должно быть, Теннант прихватил его с собой.
  - Ладно.
  - Что делать теперь?
  - Возвращайтесь в свой автомобиль и ждите Риттера.

Гели отключила связь и вспомнила про Филдинга и про свое желание еще раз осмотреть его личные вещи. У нее было чувство, будто она что-то упустила — или какой-то вещи недостает. А инстинкт ее еще никогда не подводил. Однако сейчас не время бросать центр управления. Как только Риттер доберется до места, события начнут разворачиваться стремительно.

Глава б

Я быстро затащил Рейчел в холл филдингского дома. Дверь за нами мгновенно закрылась. Мы стояли перед миниатюрной азиаткой. Лу Ли Филдинг прожила большую часть своих сорока лет в коммунистическом Китае, но английский понимала вполне хорошо, хотя говорила на нем довольно скверно.

- Кто этот женщина? спросила она, указывая на Рейчел. — Ведь вы не иметь жена — так, профессор Дэвид?
- Это Рейчел Вайс. Мой хороший друг. Кстати, тоже врач.

Лу Ли подозрительно прищурилась.

- Она работать на компания?
- Вы имеете в виду «Аргус оптикал»?
  - «Т'инити», сказала она, не выговаривая «р».

- «О! подумал я про себя. Первый сюрприз».
- Нет-нет! Она профессор в медицинском колледже университета Дьюка.

Лу Ли несколько долгих секунд разглядывала Рейчел. Потом слабо улыбнулась, вежливо поклонилась и сказала:

Хорошо, проходить, пожалуйста. Спешить, пожалуйста.

Лу Ли провела нас в гостиную. С печальной улыб-кой я вспомнил времена, когда Филдинг жил в этом доме один: в его холостяцком логове всегда было так, словно только что смерч прошел. Книги, газеты и бумаги лежали где попало и как попало, десятки грязных кофейных чашек, пивные бутылки, переполненные пепельницы оказывались в самых экзотических местах и на всех плоских поверхностях. С появлением Лу Ли дом чудесным образом преобразился в образцовое гнездышко чистоты и порядка — в духе учения дзэн. Больше не было вони сигарет и стоялого пива; пахло воском и лимоном.

Садиться, пожалуйста, — сказала Лу Ли.

Мы с Рейчел сели на диван со множеством подушек. Лу Ли устроилась на краешке стула напротив нас. Она пристально разглядывала Рейчел, которая с любопытством вертела головой по сторонам, пока ее взгляд не остановился на грамоте в рамке.

— Это и есть Нобелевская премия? — с уважительным придыханием спросила Рейчел.

Лу Ли не без гордости кивнула.

- Энди получать Нобель девяносто восьмой год. Я тогда жить Китай, но мы знать его работа. Все физики поражаться его работа.
- Ваш муж действительно был великим человеком, сказала Рейчел спокойно, хотя по глазам было заметно, что она взволнована. А как вы познакомились?

Пока Лу Ли отвечала на своем ломаном английском, я в который раз с удивлением размышлял о союзе этой женщины и моего покойного друга. Фил-

динг познакомился с Лу Ли, когда читал лекции в Пекине в рамках китайско-британской дипломатической инициативы. Она преподавала физику в Пекинском университете и сидела в первом ряду на всех девяти лекциях Филдинга. Партийные бонзы устроили несколько приемов в честь лауреата Нобелевской премии, и Лу Ли не пропустила ни один. Они с Филдингом быстро стали неразлучной парочкой — и ко времени его отъезда из Китая были влюблены друг в друга по уши. Затем последовали два с половиной года разлуки — Филдингу пришлось отчаянно биться, чтобы получить для нее выездную визу в Америку. Хотя его усилия якобы поддерживали самые большие шишки из АНБ и переговоры вроде бы происходили на высочайшем уровне, китайские власти уперлись намертво. Филдинг дошел до того, что стал всерьез думать о нелегальной переправке Лу Ли в Штаты — через подпольных деляг, тайно вывозящих людей из Китая. К счастью, я убедил его, что это слишком опасно: его невеста может погибнуть в пути или оказаться в тюрьме.

Все мгновенно переменилось, как только Филдинг заподозрил, что мы все страдаем от побочных эффектов наших исследований, и принялся вставлять палки в колеса проекту «Тринити». Как будто по волшебству китайские бюрократы вдруг устыдились своего бессердечия — и через считанные дни Лу Ли уже летела в Вашингтон. Филдинг прекрасно понимал, что его невесту спешно доставили в Америку лишь для того, чтобы ублажить его и отвлечь. Но плевать на причины, главное — результат. К тому же прибытие Лу Ли нисколько его не угомонило. Англичанин продолжал кропотливо расследовать каждое настораживающее происшествие в лаборатории «Тринити». И другие ученые постепенно возненавидели его как возмутителя спокойствия.

Когда в разговоре Лу Ли и Рейчел наступила пауза, я сказал:

 — Лу Ли, прежде всего позвольте мне выразить глубокую скорбь в связи с кончиной Эндрю...

Китаянка замотала головой:

— Нет, соболезновать не есть причина, почему я звать вас сюда. Я хочу знать о сегодня утром. Что действительно случаться с моим Энди?

Но как я мог говорить искренне в этом доме, где у стен такие чуткие уши!

Лу Ли заметила растерянность на моем лице, вскочила со стула, прошла к камину, вытащила из дымохода закопченную картонную коробку и поставила ее передо мной на кофейный столик. Эту коробку я уже видел. Филдинг держал в ней самодельное электронное оборудование для выявления «жучков». Лу Ли открыла крышку и вынула предмет, напоминавший устройство, считывающее штрих-коды в супермаркетах.

— Сегодня утро перед работа Энди проходиться по весь дом с волшебной палкой, — сказала Лу Ли. — Все микрофоны прочь. Можно говорить теперь.

Я покосился на Рейчел. Подтекст сказанного был яснее ясного. Лу Ли знала не только то, что компания «Аргус оптикал» — всего лишь прикрытие проекта «Тринити», но и была в курсе грубых аэнбэшных методов слежки. Отлучись Лу Ли хоть на какое-то время — в химчистку или в бакалею, Гели Бауэр, вероятно, весь дом Филдинга перевернула бы вверх дном. Я даже удивлялся, как у нее хватало терпения столько часов удерживаться от тотального обыска.

- Сегодня вы за весь день хоть раз выходили из дома? спросил я.
- Нет, ответила Лу Ли. Они не говорить Лу Ли, в какой больница увозить Энди.

Мне не верилось, что Филдинга увезли в морг одной из местных больниц. Вероятнее всего, труп доставили самолетом прямо в штаб-квартиру АНБ в форте Джордж-Мид, штат Мэриленд. Там у них своя бригада патологоанатомов... или что похуже. Разумеется, англичане позже могут устроить скандал: где тело нашего нобелевского лауреата? — но в этом случае

отдуваться будет госдеп, а АНБ останется в стороне. Впрочем, Великобритания и Штаты связаны общим договором об охране государственных тайн — и англичане всегда в конечном счете проявляют покладистость, когда американцы начинают с помпой вещать об интересах национальной безопасности.

— И все-таки нам лучше говорить шепотом, — сказал я тихонько, показывая пальцем на стену. — А уходя, я прихвачу коробку с собой. Боюсь, что АН... — тут я осекся и поправился: — ...сотрудники службы безопасности нашей компании обышут ваш дом при первой же возможности, как только вы куда-нибудь отлучитесь. Будет очень нехорошо, если они найдут вот эту «волшебную палку».

Лу Ли выросла в коммунистической стране с безжалостной тайной полицией и знала, на что способны секретные службы.

- Они убивали моего Энди? прошептала она.
- Надеюсь, нет. Учитывая состояние здоровья Эндрю, его возраст и привычку выкуривать по пачке сигарет в день, инсульт исключить нельзя. Однако... в общем, говоря по совести, я не думаю, что это был удар. А вы... на каком основании вы предполагаете, что его убили?

Лу Ли закрыла глаза — по ее щекам потекли слезы.

- Энди знать, что такое могло случаться с ним. Он мне говорить.
- Он высказывал опасения за свою жизнь только однажды? Или много раз?
- Много раз. Последние две недели много, много раз.

Я сделал долгий вдох, чтобы успокоиться.

- Лу Ли, вы знаете, для чего Эндрю приглашал меня в Нэгс-Хед?
- Он хотеть разговаривать с вами. Это все, что Лу Ли знает. Энди был очень испуганный о работе. Испуганный о «Тринити». Испуганный о...
  - Чего еще он боялся?
- **76** Годин. Он боялся Годин.

В глубине души я давно подозревал, что все упрется именно в Година. Ненавидеть Джона Скоу было проще простого — высокомерный технократ без моральных тормозов. Но особенного страха он не внушал. Годин, с другой стороны, был само обаяние — любить его было легко: гений, патриот в лучшем смысле слова, человек твердых взглядов. Однако, поработав с ним некоторое время, вы ощущали некую его неутолимую фаустианскую жажду знаний любой ценой — вопреки препонам и моральным границам. Каждый чувствовал подкоркой: кто будет стоять между Годином и его целью, тот долго там не простоит!

Поначалу отношения Година и Филдинга складывались хорошо. Они были примерно одного поколения; к тому же Годин обладал даром Роберта Оппенгеймера — умел заинтересовать талантливых ученых, сочетая более или менее тонкую лесть с обещанием великих открытий. Но медовый месяц их отношений длился не долго. Для Година «Тринити» была данной свыше миссией — и он рвался к цели исступленно, слепо. Филдинг был человек другого склада. Англичанин не поддерживал мысль, что если нечто теоретически возможно, то реализовать это следует непременно. И еще меньше он верил в то, что цель оправдывает любые средства.

- Энди предполагал показать мне какие-либо бумаги? спросил я с надеждой.
- Я так не думать, сказала Лу Ли. Каждый вечер он делать записки, но каждый вечер перед идти спать он записки сжигать. Тут она указала на камин. Энди быть очень секретный. Всегда хотеть защитить Лу Ли. Всегда защищать Лу Ли!

«Для меня он делал то же самое», — подумал я. Внезапно мне вспомнилась одна фраза из письма Филдинга, и я спросил:

 Сегодня утром, идя на работу, Эндрю взял с собой карманные часы?

Лу Ли ответила без промедления:

- Он брать они на работа каждый день. Вы не видели они сегодня?
- Нет. Но я уверен, что часы вам непременно вернут вместе с его личными вещами.

Нижняя губа Лу Ли опять начала дрожать — похоже, снова будет плакать... нет, справилась с собой. Наблюдая такой стоицизм китаянки, я вдруг ощутил свою печаль с новой силой — и несколько иначе. Конечно, острота моей скорби по Филдингу несравнима с тем ужасом. который я пережил после потери жены и дочери. Однако день его смерти и для меня черный день. К тому же я начинал видеть и другой, более высокий смысл этой утраты: Эндрю Филдинг принадлежал к когорте сынов двадцатого столетия, которые нашли ответы на некоторые капитальные вопросы человеческого существования и устройства мира. Сознание того, что вот теперь этот великий ум больше не действует, рождало во мне чувство новой зияющей бреши в цивилизованном обществе — умер не просто мой друг, род человеческий сократился на единицу, потеря которой нанесла ему колоссальный и непоправимый ущерб.

— Что теперь будет с Лу Ли? — тихо спросила вдова Филдинга. — Меня посылать обратно Китай?

«Вот уж что исключено, так исключено!» — подумал я. Одной из причин, почему проект «Тринити» держался в такой тайне, было подозрение на самом верху, что и другие страны работают над чем-то похожим. У коммунистического Китая богатая история воровства военных наступательных технологий. Агентство национальной безопасности ни при каких обстоятельствах не позволит китайскому физику, который был близок к самому сердцу проекта, вернуться на родину. Больше того, сама жизнь вдовы Филдинга теперь под вопросом. Но до тех пор, пока я не переговорил с президентом, для защиты Лу Ли я не мог сделать практически ничего.

Вас ни в коем случае не вышлют, — заверил
 я ее. — Относительно этого даже не волнуйтесь.

Энди был говорить, правительство делать что хотеть.

Тут фары автомобиля осветили гостиную — какаято машина медленно проехала мимо дома. Выдержав напряженную паузу, я промолвил тише прежнего:

— Нет, Лу Ли, правительство не вольно делать что захочет... Мне неприятно это говорить, но в данной ситуации вам лучше сотрудничать с Агентством национальной безопасности и оставаться тише воды, ниже травы. Чем меньше неприятностей и неудобств вы им причините, тем меньше они будут ошущать вас как угрозу. Вы понимаете?

Лицо китаянки напряглось.

- Значит, я должна позволить им убивать моего Энди и не говорить ничто? И не делать ничто?
- Мы не уверены, что Энди был убит. И вы сейчас, при всем желании, ничего в одиночку сделать не сможете. Только будете зря рисковать жизнью. Предоставьте действовать мне. Я позвонил президенту и жду ответного звонка. Президент как раз в Китае такое вот забавное совпаление. В Пекине.
- Я видеть на телевидении. Энди был говорить мне, вы знать этот президент.
- Да, я встречался с ним. Он был другом моего брата— и именно он назначил меня на работу в проект «Тринити». Обещаю вам во что бы то ни стало узнать всю правду о смерти Эндрю. Это моя прямая обязанность по отношению к покойному. Я большой его должник.

Лу Ли внезапно улыбнулась сквозь слезы.

- Энди был быть хороший человек. Добрый, веселый. И очень толковый.
  - Да, умней его долго искать, согласился я.

Впрочем, что значат слова «толковый» или «умный» в применении к гению типа Эндрю Филдинга? Все равно что про слона говорить «большой». Нос у меня «большой». И слон «большой». Филдинг принадлежал к самому крохотному братству на планете — уз-

кому кружку людей, которые *действительно* понимают тайны квантовой физики — научной области, в которой — согласно шутке кембриджских студентов Филдинга — работают только те, кто слишком умен, чтобы стать профессором.

Рейчел удивленно взвизгнула, потому что в комнату вдруг вкатился белый меховой шар и запрыгнул на колени к Лу Ли. Китаянка улыбнулась и стала ласково гладить болонку, полунапевая на своем кантонском: «Майя, Майя».

Болонку присутствие чужих смущало, но она не лаяла, только кареглазо таращилась на меня.

- Вы ведь знать моя Майя, профессор Дэвид?
- Да. Имел честь познакомиться.
- Энди был покупать для Лу Ли. Назад шесть недель. Майя был мой ребенок. Мой ребенок до момент, когда Бог благословлять Энди и меня настоящий...

Она застенчиво осеклась.

До этого я даже не догадывался, что мой шестидесятитрехлетний друг надеялся иметь ребенка от своей сорокалетней жены!

Как жаль, — произнес я, ощущая всю бесполезность слов. — Как жаль...

У Рейчел был вид, словно и она что-то хотела сказать. Но она промолчала. Бывают моменты, когда даже одаренный психиатр не находит слов.

Пока Лу Ли печально смотрела в пол, пытаясь сдержать слезы, я лихорадочно думал.

Если Филдинг подозревал, что его могут убить, и делился не раз этими опасениями с женой, то Агентство национальной безопасности могло знать, что он сболтнул жене лишнее. А уж про то, что я сейчас в доме покойного, они и подавно знают. Если возле дома есть шпики, они, разумеется, уже сфотографировали Рейчел, опознали ее и теперь ломают голову, зачем она сюда явилась.

— Похоже, Майю пора выгулять, — веселым тоном громко сказал я.

Лу Ли вышла из транса и непонимающе уставилась на меня.

- Мы с Рейчел охотно выгуляем вашу собачку! добавил я, при этом нарочито гримасничая, чтобы до Лу Ли дошел скрытый смысл моих слов.
  - Спасибо. Но Майя не имеет потребность...

Я остановил китаянку поднятой ладонью.

 Думаю, свежий лесной воздух будет всем нам полезен, — сказал я. — Правда, Рейчел?

Лу Ли еще секунду-другую буровила меня растерянным взглядом, затем ее лицо наконец осветилось пониманием.

Да-да. Быть хорошая идея. Я не выходить целый день. Майя хотеть гулять.

Я огляделся в поисках бумаги. Возле телефона лежал отрывной блокнотик. Я взял его и написал: «Есть у вас диктофон?» Оторвал листок и на следующем написал номер своего сотового телефона.

Лу Ли взяла мою записку, прочитала вопрос, метнулась в кабинет Филдинга и принесла диктофон «Сони» — не цифровой, а с микрокассетой. Я сунул диктофон в карман и подвел женщин к стеклянным дверям, которые открывались во внутренний дворик.

Майя поковыляла за нами — впрочем, стараясь держаться поближе к хозяйке. Лу Ли наклонилась к болонке и прикрепила поводок к ошейнику.

Я знал, что если пройти метров сто через лес, то мы выйдем к университетскому Лесному Амфитеатру. Во время двух последних встреч мы с Филдингом ходили именно туда, чтобы переговорить без посторонних ушей.

— Хотя Эндрю, как вы говорите, очистил дом от микрофонов, лучше все-таки перестраховаться, — прошептал я Лу Ли. — Мне обязательно нужно хотя бы несколько минут очень серьезно поговорить с Рейчел, причем вне дома. Поэтому сделаем так. Оставайтесь здесь, запритесь, а Майю дайте нам. Мы прогуляемся через лес к Амфитеатру и скоро вернемся. Мой со-

товый при мне, его номер в блокноте возле вашего телефона. Если случится что-либо странное или подозрительное — тут же позвоните мне, и я мигом прибегу.

У Лу Ли был растерянный и взволнованный вид.

- Вы брать Майя с собой?
- Для прикрытия. Понимаете? Как повод для прогулки в лес.

Лу Ли неохотно кивнула, затем опустилась на колени, что-то прошептала собачке в ухо и скрылась в доме. Я сгреб тихо поскуливающую болонку, стремительно пересек с ней в руках задний двор, за которым начинался лес. Мы торопливо зашагали по узкой дорожке. Рейчел с трудом поспевала за мной: деревья стояли кучно, ветки цепляли одежду.

- Что теперь? испуганным шепотом спросила Рейчел.
- Не нервничайте. Я должен серьезно поговорить с вами.

Я не видел конкретной сиюминутной опасности, но страх сидел во мне глубоко и прочно. Я даже не сразу заметил, что болонку теперь держу не двумя руками, а только одной, левой. А в правой руке я сжимал бог знает когда и как вынутый револьвер.

Глава 7

- Риттер прибыл, браво доложил Корелли. Уже направил лазер на фасад.
  - Что слышит? спросила Гели.
- Внятные шумы, но никаких разговоров. Как будто по дому передвигается только один человек. Возможно, остальные двое в задней комнате.
- Пусть Риттер сменит позицию. Лазер на окна во двор. Быстро.
  - Будет сделано.
- Гели от нетерпения ерзала в кресле. В доме **82** Филдинга происходило что-то непонятное, и был

только один способ узнать, что именно. Примерно через минуту в наушниках раздался более низкий голос Риттера:

- Nichts.
- И через окна во двор ничего не слышно? разочарованно переспросила Гели.
  - Nein.
- Стало быть, они в курсе, где «жучки», и прикрыли их.
  - Как они могли прознать?
  - Филдинг.
- Достал этот ублюдок! встрял голос Корелли. Вечно играл с нами в игры.

Гели согласно кивнула. В общении с коллегами по проекту «Тринити» Филдинг казался анекдотически рассеянным профессором; на самом же деле он был самым проницательным сукиным сыном во всей компании ученых.

- Похоже, они из дома улизнули, сказала Гели. —
   Филдинг и Теннант проделывали подобный фокус дважды. Якобы собачку выгуливать. Я пошлю команду в лес.
  - Nein, сказал Риттер. Теннант их услышит.
  - Есть предложение получше?
  - Пойду в одиночку.
- Хорошо, я расставлю наших ребят по периметру.
   Как бы Теннант не попробовал удрать!
- Не думаю. Бежать таким образом глупо. А Теннант не дурак.
  - Почему же глупо?
- Когда собираются делать ноги, женщин с собой не берут. Двигаться надо быстро и тихо.

Гели усмехнулась:

- Теннант вам не чета, Liebchen.

Риттер рассмеялся:

- По-вашему, мужчина именно таким и должен быть?
- Он американец, воспитанный на Юге.
   Подобных парней я знаю по армии. Прирожден-

ные герои. С романтической жилкой. Из-за того и гибнут чаще других.

— Что-то вроде англичан, да? — сказал Риттер. Гели невольно вспомнила Эндрю Филдинга.

- Да, что-то вроде. Ну а теперь давайте за ними, в лес. А Корелли пусть контролирует вход в дом.
  - Ja.

Гели вскочила и стала нервно прохаживаться по узкому проходу между стеллажами с электронным оборудованием. Подмывало опять позвонить Джону Скоу, но тот приказал больше его не беспокоить. Ладно. Вот попробует Теннант смыться — тогда она и позвонит этому самодовольному ублюдку: будет ли он и дальше благодушествовать про длинный поводок?

Глава 8

Я молча и тихо двигался в темноте по заросшей тропинке между деревьями. Зато от Рейчел было шума как от слепого медведя, который ломится через кусты. На манхэттенской улице она, вероятно, маневрировала не хуже полузащитника на футбольном поле, но лес был для нее стихией чуждой. Я замедлил шаг, чтобы она меня догнала, и приказал уцепиться сзади за мой пояс — и не отставать. Она без возражений подчинилась.

Метрах в тридцати от дома я негромко спросил:

- Ну, теперь-то вы верите моему рассказу о Филдинге?
- Пока я верю только в то, что вы с ним работали в одной организации, сказала Рейчел. А что его убили в этом я не убеждена. Как, впрочем, и вы сами.

Я перелез через толстый ствол поваленного бурей дерева, затем помог Рейчел перебраться через него.

Вы меньше слушайте, что я говорю вдове, я ее просто оберегаю. На самом деле я не сомневаюсь, что
 Филдинга убили. Из участников проекта «Три-

нити» только два человека выступали против того, что делалось. Филдинг — и вот он мертв. Второй — ваш покорный слуга.

- Значит, теперь вы наконец-то расскажете мне о своей работе?
- Только если вы захотите выслушать. Надеюсь, до вас дошло, насколько опасна эта информация. Ну, любопытства не поубавилось?

Рейчел тихо ойкнула — какие-то колючки впились ей в руку. Переведя дыхание, она скомандовала:

- Рассказывайте!
- Когда вы сегодня явились в мой дом, я как раз делал видеозапись, чтобы передать ее своему адвокату в запечатанном конверте. Случись что со мной, адвокату было бы предписано вскрыть этот конверт. Закончить запись мне, увы, не удалось. И, буду честным до конца, я не вполне уверен, доживу ли я до завтрашнего утра, успею ли оставить документ для адвоката.

Рейчел споткнулась, повисла на моем поясе и чуть не повалила меня на землю. Болонка в моей левой руке сердито тявкнула.

- Ш-ш-ш! приказал я. Как ни странно, Майя действительно больше не подавала голоса, хотя для нее прогулка была, несомненно, сплошным стрессом.
- Отчего же вы не позвонили в полицию? спросила Рейчел. Ведь очевидно, что Лу Ли разделяет ваши подозрения, поэтому у полиции будет достаточно оснований начать тшательное...
- Городская полиция, перебил я ее, не имеет права вмешиваться в дела Агентства национальной безопасности. А проект «Тринити» находится под прямым контролем АНБ.
  - Тогда звоните в ФБР!
- Это все равно что просить ФБР расследовать махинации ЦРУ. Между всеми этими ведомствами столько соперничества, недоверия и неприязни, что в ФБР сто раз подумают, стоит ли связываться, и реакция

  85

последует в лучшем случае через несколько недель. Поэтому — если вы действительно хотите помочь — станьте моим живым видеомагнитофоном. Внимательно выслушайте мой рассказ, а затем возвращайтесь домой и помалкивайте обо всем.

- A если с вами что-нибудь случится?
- Вот тогда вы начнете говорить. Звоните в Си-энэн или в «Нью-Йорк таймс» и выложите им все, что вам известно. Причем в этом случае чем скорее вы свяжетесь с прессой, тем больше шансов, что вы избегнете моей участи.
- А почему бы вам самому не связаться с Си-эн-эн или «Нью-Йорк таймс»? Прямо сейчас, не откладывая!
- Потому что я не имею стопроцентных доказательств. Потому что президент может позвонить мне в любой момент и после разговора с ним я буду в безопасности. И наконец, пусть это звучит по-мальчишески, речь идет о национальной безопасности, об огромной государственной тайне. Вот почему я не тороплюсь вмешивать прессу.

Я сунул револьвер в карман, взял Рейчел за руку, и мы зашагали дальше. За темными деревьями было чтото еще более черное. Стена. Я знал, что где-то тут незапертый служебный вход. Дверь, к счастью, нашлась быстро, и мы с Рейчел попали в залитую лунным светом чашу университетского театра под открытым небом.

— Боже, какая красотища! — воскликнула Рейчел.

Словно некий волшебник перенес каменный амфитеатр из Греции в лес Северной Каролины. Справа от нас было сценическое возвышение, слева — каменная лестница, ведущая к верхним рядам. Где-то еще выше, за зарослями, проходило шоссе, по которому мы сюда приехали. Оно угадывалось только по быстрым прерывистым вспышкам света автомобильных фар между деревьями:

Мы с Рейчел сели в первом ряду. Болонку я привязал к одной из стоек сцены. Пока Майя с

интересом обнюхивала новое место, я поставил диктофон на каменную скамью и нажал на «запись».

— Говорит Дэвид Теннант, магистр медицины. Я нахожусь в университетском Амфитеатре и беседую с профессором Рейчел Вайс из медицинского колледжа университета Дьюка.

Я остановил запись и проверил качество. Сойдет. Бросив взгляд на светящийся циферблат наручных часов, я сказал:

— Нам нужно уложиться в десять минут. Максимум.

Рейчел пожала плечами — мол, делайте, как вам удобнее. Но в ее глазах светился неподдельный интерес. Я возобновил запись.

— На протяжении последних двух лет я был одним из участников спецпроекта Агентства национальной безопасности. Он известен под кодовым названием «Тринити» и осуществляется в комплексе помещений в Треугольнике науки — в десяти милях отсюда. «Тринити» — грандиозная и щедро финансируемая правительством попытка создать искусственный разум. Компьютер, который действительно способен думать.

На Рейчел мои слова не произвели большого впечатления.

А разве современные компьютеры не думают? — простодушно спросила она.

Это всеобщее нелепое заблуждение теперь меня изумляло, но до начала работы в «Тринити» я и сам воображал, что компьютер — это думающая машина. Уже лет пятьдесят писатели-фантасты и кинорежиссеры стращают нас «гигантским электронным мозгом», который завладевает всем миром. А вышедший в 1968 году и ставший классикой жанра фильм Стэнли Кубрика «Космическая одиссея 2001» вбил в сознание людей образ взбесившегося говорящего компьютера, который губит людей на космическом корабле. Затем произошла эффектная и стремительная цифровая революция: компьютер стал частью нашей повседневной жизни. В итоге ря-

довой обыватель всерьез полагает, что до создания искусственного интеллекта рукой подать, нужно только прибавить еще немножко ума и скорости современному компьютеру. Наивность необычайная! Однако мне было некогда просвещать Рейчел насчет сверхсложных нейронных структур нашего мозга и пока что непреодолимых трудностей создания искусственного интеллекта; нужно было на скорую руку дать ей основные понятия и проинформировать о проекте «Тринити».

- Вы слышали об английском математике Алане Тьюринге? сказал я. Во время Второй мировой войны он был среди тех, кто помог взломать коды немецкой шифровальной машины «Энигма».
- Тьюринг? переспросила Рейчел. Я что-то слышала про «тест Тьюринга».
- «Тест Тьюринга» классическая проба на способность машины мыслить на уровне человека. По Тьюрингу, машину можно будет назвать разумной лишь в том случае, если человек, сидя по одну сторону стены и набирая вопросы на клавиатуре, при чтении ответов, приходящих из-за стены, будет убежден, что ему отвечает другой человек. Сам Алан Тьюринг предсказывал, что подобное случится уже к концу двадцатого столетия, но «тест Тьюринга» разоблачает любой современный компьютер в два счета. Если мы будем просто развивать и улучшать существующие технологии, нам не видать искусственного разума еще как минимум лет пятьдесят!
- А тот ай-би-эмовский шахматный компьютер, который побил Гарри Каспарова? возразила Рейчел. Я где-то читала...
- Знаменитый «Дип Блю»? Мой тихий смех Амфитеатр преобразил в странный хрустящий звук. Он одержал победу над Каспаровым за счет того, что сами компьютерщики называют «грубой силой». В память «Дип Блю» загнали все когда-либо сыгранные шахмат-
- ные партии, и перед каждым ходом он мгновенно просчитывал миллионы вариантов вперед. Компь-

ютер блестяще играет в шахматы — и при этом совершенно не понимает, что он делает, чем он занят. А Гарри Каспаров, благо он человек и природа дала ему мозг, никогда не должен просчитывать миллионы и миллиарды возможностей перед любым, даже самым бесхитростным ходом — без чего компьютер просто не может обойтись. Знания и опыт позволяют Каспарову интуитивно, минуя последовательное размышление, перепрыгивать к правильному решению; к тому же во время каждой партии он научается чему-то новому. Человек в отличие от машины играет инстинктивно. А что значит «инстинктивно», на самом деле не знает никто.

Рейчел внимательно слушала.

- Ну и к чему вы ведете?
- К тому, что компьютеры думают не так, как люди. Вернее, они не думают вообще. Просто рабски выполняют заложенные в них программы. В рекламе много трепа о «программном обеспечении, которое само думает за вас». Полная чушь. Серьезные исследователи теперь даже сам термин «искусственный интеллект» боятся всуе использовать, дабы не вводить себя и других в заблуждение!
- Ладно, будем считать, что я поняла. Теперь о проекте «Тринити». Что это такое?
  - Современная чаша Святого Грааля.
  - Что вы этим хотите сказать?
- Все норовят создать компьютер, который будет работать подобно человеческому мозгу и не хуже человеческого мозга. Загвоздка в том, что мы на самом деле понятия не имеем, как работает мозг человека! В последнее время объем информации о деталях работы мозга растет стремительно, но любой специалист скажет, что до сих пор мы имеем только гору фактов, а не разгадку. И вот два года назад одному ученому вдруг пришла в голову гениально простая мысль, как обойти это вроде бы непреодолимое препятствие наше незнание того, как работает мозг. Не знаем ну и плевать! Мы мозг возьмем и скопируем. Не

понимая, что делаем. Зато используя уже существующую технологию.

- И кто этот ученый?
- Питер Годин. Ученый-миллиардер.
- Это который «Годин суперкомпьютинг»?

Теперь она удивила меня своей информированностью.

- Правильно.
- В подвалах нашей университетской лаборатории по изучению физики высоких энергий стоят четыре годинских суперкомпьютера, пояснила Рейчел.
- Проект «Тринити» задуман Годином и осуществляется под его руководством.

Теперь в лице Рейчел поубавилось скепсиса: чем больше деталей она узнавала, тем меньше у нее было причин цепляться за свою теорию «чокнутого Теннанта».

- А с помощью какой из существующих технологий можно скопировать мозг?
  - Магнитно-резонансная томография.
- МР-интроскопия? пораженно воскликнула Рейчел.
- Да. Так просто. У вас, как в любой современной больнице, сканирование головного мозга, наверное, заурядная повседневная процедура?
  - Разумеется.
- И во время процедуры вы получаете огромное количество информации?
- Да, обычно куда больше, чем мы способны понять и интерпретировать.
- Так вот, Рейчел, я видел магнитно-резонансные визуализации, которые содержат информации в сто тысяч раз больше тех, что вы видите у себя на работе. Разрешение на экранах наших аппаратов в сто тысяч раз больше.

Рейчел ошарашенно заморгала.

- Фантастика какая-то! Это сколько же можно различить при таком чудовищном увеличении!
- Я своими глазами видел снимок момента
   передачи возбуждения от нейрона к нейрону че-

рез синаптическую щель. В проекте «Тринити» мы способны видеть на экране работу человеческого мозга на молекулярном уровне.

— Сказки!

Любой врач на месте Рейчел сказал бы то же самое.

— Нет. Такой томограф уже существует. И находится в лаборатории в десяти милях отсюда. Только никто об этом не знает.

Рейчел покачала головой.

- Бессмыслица какая-то! Зачем компании держать подобное открытие в секрете? Это же золотое дно!
- Потому что это не частная лавочка. Это сверхсекретный правительственный проект.
- Магнитно-резонансная томография подобного качества принесет изобретателям сотни миллионов долларов, а то и миллиарды! С ее помощью злокачественные клетки в мозгу можно отлавливать практически поодиночке до того как они скопятся в опухоль!
- Совершенно верно. Именно поэтому проект «Тринити» вызывал и вызывает у меня сомнения этического порядка. Подло прятать подобное изобретение от больных раком! Однако оставим на время нравственную сторону проблемы. Сосредоточимся на фактах. Итак, мы уже имеем магнитно-резонансный томограф, дающий трехмерную картину мозга. И его разрешающая способность до молекулярного уровня.
- Моментальные снимки работающих молекул мозга? Потрясающе!
- Можно выразиться и так. Рави Нара употребляет термин «нейрослепки».
- «Нейрослепки». Удачно сказано. Передает трехмерность снимков.
- Рейчел, вы можете представить себе нейрослепок мозга?
- Я могу представить, что один-единственный такой нейрослепок совершил бы револю-

цию в неврологии. Но, как я понимаю, конечной целью проекта «Тринити» является не это.

- Нейрослепок это же человек, мозг которого просканирован. В самом буквальном смысле. Мы имеем его мысли, его воспоминания, его страхи и так далее. Мы имеем его всего в нейрослепке!
- Но, извините, это же всего-навсего картинка пусть и трехмерная, и с немыслимым разрешением.
- Тут вы ошибаетесь. Да, картинка. Но не всего лишь. Это закодированное факсимиле *каждой* молекулы в мозгу. Причем с точнейшим пространственным адресом и исчерпывающей электрохимической характеристикой. Значит...
- Погодите, не торопитесь, дайте сообразить... Господи, да вы же хотите сказать, что они способны загрузить один из нейрослепков в компьютер?
- Хотят загрузить. Пока что не способны. Именно над этим мы бъемся день и ночь на протяжении двух лет. Годин предсказал, что нам понадобится на это пятнадцать двадцать лет. На самом деле мы уже через девятнадцать месяцев работы где-то на середине пути. Подобных темпов история не знала. Единственный исторический прецедент «Манхэттенский проект» во время Второй мировой войны.

Рейчел собиралась что-то сказать, но я остановил ее поднятой рукой. Мое внимание привлекла проезжающая по шоссе машина — выше нас, за деревьями. Свет фар мелькал в просветах леса вдвое медленнее, чем свет других машин. Примерно над нами машина еще больше сбавила скорость, потом водитель дал газ — и скрылся за поворотом.

- Давайте поторапливаться, сказал я.
- Предположим, я верю вашему рассказу о «Тринити». Но почему Северная Каролина? Почему над этим проектом работают именно здесь?

Вопрос из ряда неожиданных.

— Вот вы лучший в мире психоаналитик шко-92 лы Юнга...

- Ну, вы хватили! Скажем так: один из лучших психоаналитиков.
  - И почему вы работаете в Северной Каролине? Она удивленно вскинула брови.
- Да потому что здесь знаменитый университет Дьюка. И здесь уютно. Но пример со мной — неудачный.
- Отчего же? Питер Годин настаивал на научном городке в Маунтин-Вью, штат Калифорния. АНБ, главный финансист проекта, хотело разместить нас рядом со своей штаб-квартирой в форте Джордж-Мид, штат Мэриленд. И Треугольник науки выбрали в качестве компромиссного варианта. С одной стороны, гнездо высоких технологий. С другой глухомань.
- Какова же конечная цель проекта? Во что Агентство национальной безопасности вкладывает такие деньжиши?
- Наше правительство рассматривает всякую революционную идею в науке с одной точки зрения: а что она даст для военного потенциала? Если машина на основе нейрослепка теоретически возможна, то наше правительство желает быть первым, у кого эта штуковина появится.
- А как этот компьютер можно использовать в военных целях?
- Вспомните операцию «Буря в пустыне», войны в Афганистане и Ираке. Современная война предельно компьютерована. Всех областей военного применения компьютеров и не перечислишь: дешифровка, контроль во время испытаний ядерного оружия, информационная война, начиненные электроникой самолеты, вертолеты и танки, спутники слежения... Однако «Тринити» будет не просто шагом вперед. Рядом с сегодняшними суперкомпьютерами он то же, что «мерседес» рядом с телегой. А если Филдинг был прав и «Тринити» вдобавок получит и квантовые способности, это смерть всей современной системе шифрования. Вот почему АНБ уже истратило почти миллиард долларов на этот амбициознейший проект.

Рейчел напряженно обдумывала мои слова.

— Стало быть, «Тринити» не просто более быстрый суперкомпьютер. Это искусственный разум, думающий компьютер, так?

Я отрицательно мотнул головой:

— Нет, думающий компьютер пока что недостижимая мечта. Речь идет о копировании конкретного человеческого мозга, создании *цифрового существа*, которое во всех отношениях является человеком. Это цифровое существо будет иметь познавательные способности, воспоминания, надежды и мечты самого обыкновенного человека... словом, абсолютно все, кроме тела. С огромным преимуществом: скопированный мозг будет работать со скоростью компьютера. То есть как минимум в миллион раз быстрее биологического оригинала.

Рейчел почти неслышно пробормотала:

- Вот, оказывается, почему Эндрю Филдинг и Рави Нара работали бок о бок!
- Вы все правильно поняли. Проект Питера Година свел вместе двух лауреатов Нобелевской премии квантового физика и невролога, представителей научных областей, у которых прежде не было ни единой точки соприкосновения.

Я проверил микрокассету — пленка еще не закончилась.

- Но потенциал «Тринити» не ограничивается сказанным. Как только нейрослепок мозга скажем, Рейчел Вайс загрузят в компьютер, скорость далеко не единственное преимущество, которое он будет иметь в сравнении с Рейчел Вайс из плоти и крови.
  - Что вы хотите сказать?
- Предположим, я решил выучить китайский язык. Мне потребовалось три года интенсивных занятий, чтобы достичь более или менее приличных результатов. Вас это впечатлило. Вы тоже хотите бегло говорить на китайском!

Если у вас приблизительно такие же способности, как у меня, то и вам понадобится года три. Вот он, главный недостаток человеческого мозга: все мы учимся примерно с одной скоростью, относительно медленно. Но для компьютерной модели вашего мозга этой проблемы просто не существует. Вы переводите в цифровую форму самый полный словарь китайского языка, китайскую грамматику, всю китайскую литературу за пять тысяч лет и все китайские газеты за последние сто лет — и загружаете в память вашего нейрослепка. Процесс загрузки займет несколько секунд. Вы сэкономили как минимум три года. А в следующие двадцать секунд вы можете «выучить» всю квантовую физику.

Рейчел ошарашенно помотала головой.

- Получается, за пару минут или за пару часов в мой компьютерный нейрослепок можно загрузить всю сумму знаний человечества?
  - Теоретически для этого нет никаких препятствий.
  - Дэвид, но это же... это же почти Бог!
- Отчего же «почти»? Вы забываете, что эта компьютерная Рейчел Вайс была бы не только всезнающей. Она была бы вечной. При желании эту Рейчел Вайс можно загрузить в другой компьютер. Или скопировать. Разве это не бессмертие?

Рейчел растерянно кусала губы.

- Ну, начинаете мне верить? сказал я.
- А вы что делаете в проекте «Тринити»?
- Президент назначил меня советником по этическим проблемам, которые могут возникнуть в процессе работы. Когда-то у некоторых участников «Манхэттенского проекта» возникли возражения морального характера против создания атомной бомбы но их никто и слушать не хотел. Нынешний президент решил не повторять тогдашнюю ошибку. По мнению президента, если проект «Тринити» завершится успехом, его результат должен вызвать минимум негодования в обществе. И возможные отрицательные с моральной точки зрения моменты нужно отслеживать заранее, чтобы не дать злу осуществиться. Президент знал моего

брата по колледжу и читал мою книгу по медицинской этике — или, скорее, видел снятый по ней документальный научно-популярный телесериал. Вот две причины, почему советником по этике стал именно я. Такая вот моя нехитрая история...

Рейчел секунду-другую задумчиво смотрела на бегущие полукругом каменные скамьи.

- Ничего себе «нехитрая история»!.. Сумасшедшая история, безумная история! Глаза Рейчел горели во тьме. Вы сказали, что за девятнадцать месяцев уже пройдено почти полпути. Значит, все-таки остаются еще какие-то серьезные проблемы?
- Нужно построить суперкомпьютер, способный вместить нейрослепок мозга целиком. Хотя человеческий мозг работает относительно медленно, в нем поразительно много одновременно функционирующих частей. Примерно сто триллионов потенциальных связей, которые способны действовать разом. И эти сто триллионов далеко не всё, это только для обработки данных. Но даже эти сто триллионов связей пожирают тысячу двести терабайт компьютерной памяти.

Рейчел пожала плечами.

- Для меня эти терабайты пустой звук.
- Полная подшивка «Уолл-стрит джорнал» за шесть миллионов лет.

Вот теперь Рейчел открыла рот от удивления.

- Когда проект «Тринити» только-только раскручивали, ни один суперкомпьютер на планете не имел такой вместительности. Интернет как единое целое был сравним по объему, но это не слишком надежно связанная и плохо управляемая россыпь компьютеров.
  - А теперь?
- «Ай-Би-Эм» строит суперкомпьютер под названием «Блю Джин», который будет способен конкурировать с мозгом по объему обрабатываемой информации,

но и он не сможет делать вещи, доступные пятилетнему ребенку.

- «Тринити» что-то совсем другое?
- Ничего общего. Хотя бы потому, что «Блю Джин» это махина: пятнадцать метров в длину, пятнадцать в ширину, тонны холодного воздуха для охлаждения. «Тринити» будет величиной с «фольксваген-жук». И Годин считает, что это не предел. Он любит повторять: человеческий мозг весит три фунта и использует только десять ватт электричества. Как он говорит, решение большой проблемы должно быть и внешне красиво. Элегантно.

Рейчел обвела рассеянным взглядом каменный амфитеатр. Похоже, она пыталась мысленно представить будущее, которое так властно врывалось в настоящее.

- И как близко «Тринити» к завершению?
- В нашей лаборатории уже есть опытный образец.
   Сто двадцать триллионов связей и фактически неограниченная память.
  - Работает?
  - Нет.
  - Почему?
- Да потому что мало загрузить нейрослепок в компьютер. С ним надо как-то общаться. Человеческий мозг взаимодействует с миром через биологическое тело с пятью чувствами. А теперь вообразите ваш мозг, вложенный в металлическую коробку. Какой от него толк, даже если он при этом «живой»? Он глух, слеп и парализован. Дрожащая масса неизбывного ужаса, и ничего больше. Впрочем, нет, это и дрожать не способно нечему дрожать. И я скажу так: слава Богу, что нейрослепок не имеет контакта с миром. Если эта штуковина получит возможность слышать, и видеть, и действовать кто предскажет последствия!

Рейчел тут же полюбопытствовала:

- А что плохого, собственно, может сделать «Тринити»?
- Ну, вспомните хотя бы «Космическую Одиссею 2001»! Бортовой разумный компьютер казался самым надежным в мире. А в итоге истребил всех чле-

нов команды космического корабля. Теперь вообразите еще более «разумного» электронного психа, имеющего доступ в Интернет!

- Ну и что?
- Стоит одному компьютеру типа «Тринити» войти в Интернет и все промышленно развитые страны мгновенно станут его заложницами. Он в состоянии обрубить все правительственные коммуникации, парализовать банки и биржу, нарушить движение поездов, сделать воздушное движение неуправляемым, взять под свой контроль ядерные ракеты, системы ПВО... Словом, он может всех поставить на колени и требовать что угодно.

Рейчел в замешательстве покачала головой.

- Но что нужно... мозгу в металлическом ящике без рук, без ног и так далее?
- Будто вы не знаете, что нужно всякому разумному существу. И в особенности если у него ни рук, ни ног и так далее, но при этом есть все человеческие качества.
  - Власть?
  - Совершенно верно.

Тут я вздрогнул, потому что зазвонил мой сотовый. На экранчике светилось имя звонящего: Эндрю Филдинг.

- Лу Ли? Что-то произошло?
- Ничто не произошло, раздался в ответ голос Лу
   Ли. Я волноваться о Майя. Я слышать снаружи шум.
   Пожалуйста, возвращаться, профессор Дэвид.

Болонка прекратила что-то вынюхивать возле себя и, склонив набок голову, прислушивалась, словно догадалась, что звонит ее хозяйка.

- Хорошо, мы возвращаемся. Прямо сейчас.
- С ней все в порядке? озабоченно спросила Рейчел, как только я отнял сотовый от уха.
- Да. Просто хочет, чтоб мы побыстрее вернулись.
   Но мы сперва немного подождем.
  - Чего?
- АНБ, вне сомнения, прослушивает мой телефон. И теперь они знают, что мы пойдем к

дому. Если их люди здесь, в лесу, то и они двинутся к дому. И мы их услышим.

Рейчел с тревогой уставилась на стену, которая отделяла нас от леса.

- Вы думаете, мы тут не одни?
- Ну вот, сказал я с усмешкой, теперь вы боитесь, что за деревьями действительно может кто-то оказаться.

Она вскочила со скамьи, напряженно вглядываясь в дверь, через которую мы вошли в театр. Было нетрудно вообразить, что за ней нас в темноте поджидают.

- Вы сказали, Филдинга убили, потому что вы с ним были против продолжения проекта. А в чем конкретно выражалось ваше сопротивление?
- Мы не просто сопротивлялись. Мы добились того, что проект остановили. Точнее, приостановили. Что будет теперь, после гибели Филдинга, можно только гадать. Активно боролся прежде всего Филдинг, но без моего прямого обращения к президенту вряд ли удалось бы достичь такого результата. Это сродни попытке затормозить работу над атомной бомбой во время Второй мировой войны почти безнадежное дело. Практически все участники проекта смотрели на меня и Филдинга как на предателей.
- Почему вы так настойчиво боролись за сворачивание проекта?
- Не знаю, чем руководствовался Филдинг. Он, оберегая меня, говорил мне не все. Но мои мотивы просты. Шесть месяцев назад мы впервые опробовали супертомограф тот самый, на котором видна каждая молекула мозга. С животными все прошло гладко, никаких проблем. Затем наступил черед шести ученых из узкого кружка самых посвященных. Я был одним из добровольцев. В течение недели после томографии у нас появились странные неврологические нарушения. У каждого свои. По мнению Филдинга, это побочное действие магнитно-резонансной томографии.

- MPT не имеет побочных действий! возмущенно возразила Рейчел.
- Больничные аппараты совершенно безвредны это правда. Наша-то машина мощнее их в энное количество раз! На суперпроводниках, с повышенными возможностями пульсации...

Майя вдруг насторожилась и беспокойно зарычала. Я прислушался. В лесу вроде бы ни звука. Но что мои уши против собачьих!.. Я сунул диктофон в карман, взял в левую руку Майю, вынул револьвер, и мы с Рейчел вышли из Амфитеатра через тот же служебный вход, через который вошли.

В лесу, после освещенного луной театра под открытым небом, темнота казалась особенно густой.

- Идите прямо за мной и не отставайте, шепнул я Рейчел, подныривая под разлапистую низкую ветку.
  - Вы кого-нибудь слышали?
  - Нет.

Не будь со мной Рейчел, я бы двинулся к дому не торопясь, бесшумно и со всякими уловками. Но теперь выбирать не приходилось: скорость — наш единственный козырь. Я стремительно шагал то по тропинке, то через подлесок, спрямляя путь и не обращая внимания на шум, который мы производили. Я старался предупредить Рейчел о каждой ветке, которая могла хлестнуть ее, но пару раз она все-таки вскрикнула от боли. Однако держалась молодцом: хоть и спотыкалась, но от меня не отставала. Вскоре мы увидели дом. Лу Ли поджидала нас у задней двери — в прямоугольнике света из комнаты. У меня тревожно сжалось сердце: такая легкая цель для снайпера!

Как только мы с Рейчел добежали до дома, я втащил обеих женщин в комнату, проворно закрыл стеклянную дверь и выключил свет. Майя лаяла от счастья и прыгала вокруг хозяйки.

Через плечо я шепнул Рейчел: «Вызовите так-100 си», — и она пошла к телефону в другую комнату. С мокрыми от слез глазами Лу Ли взяла собачку на руки, словно ей вернули отнятое дитя. Я сочувственно коснулся локтя китаянки, но Майя вдруг сердито облаяла меня, и я отдернул руку.

- Хотел бы остаться у вас до утра, чтоб вам спокойней было, тихо сказал я, но это будет выглядеть крайне подозрительно. Завтра с утра я пойду на работу как ни в чем не бывало и постараюсь найти ответы на кое-какие вопросы поэтому мое поведение сейчас должно выглядеть настолько нормальным, насколько это возможно. Вы понимаете?
  - Да.
- Я заберу с собой коробку с игрушкой Эндрю. Будет досадно, если ее здесь найдут. Хорошо?

Лу Ли закивала, ласково поглаживая болонку.

- Перед отъездом я на минуту загоню свою машину в гараж так никто не узнает, что именно я вынес из дома. Если вас спросят, что мы с Рейчел у вас делали, говорите, что, мол, приезжали выразить соболезнования по поводу смерти супруга. Если эти типы каким-то образом слышали обрывки нашего разговора, в объяснения не вступайте играйте роль тронувшейся от горя вдовы.
  - Что такое «тронувшейся»?
- Ну, пораженная печалью. Ничего не понимающая от горя.

В ответ она со стоической грустью улыбнулась.

— Лу Ли не надо это играть. Лу Ли это чувствовать.

Я порывисто обнял ее, крепко прижал к себе: мужайтесь! Потом наклонился к ее уху и почти неслышно прошептал:

— В письме, что Энди послал мне через «Федерал экспресс», было немного белого порошка. Очень похожего на песок. Я принес пакетики с порошком сюда. Они сейчас на кушетке. Вы знаете, что это за вещество?

Лу Ли метнула взгляд на кушетку. Белые пакеты были отчетливо видны в полумраке.

- Нет. Я это белое ничего не знать.

- Это вы бросили письмо в почтовый ящик?
- Да. Как вы догадаться?
- Не имеет значения.

Не мог же я объяснить Лу Ли, что в своем последнем сне я был в голове ее покойного мужа — в его предсмертные минуты. Тут меня вдруг потянуло вон из этого дома — устал.

- Рейчел, что с такси?
- Вот-вот будет, отозвалась она.
- Идите, пожалуйста, в гараж, попросил я Лу Ли. Я вам посигналю, и вы откроете мне дверь. Когда машина будет внутри, дверь закройте.
  - О'кей.

Лу Ли молча выскользнула из комнаты.

Я взял свои пакетики с кушетки, и мы с Рейчел перешли в темную гостиную, широкие окна которой выходили на улицу. В ожидании такси мы сели на диван у окна.

- Такси для меня? шепотом спросила Рейчел.
- Да.
- Но мой автомобиль остался возле вашего дома.
- Не думаю, что вам охота ночью возвращаться к моему дому. Можете, конечно, забрать машину утром. Но я бы на вашем месте предпочел переждать, у моего дома не появляться и ехать в клинику на такси.
- Я слышала, вы сказали Лу Ли, что с утра пойдете на работу...
  - Если президент не позвонит до утра, то да.
- Чего ради? Если они убили Филдинга, им ничего не стоит и вас убить!

Ее взволнованный вопрос доставил мне своего рода извращенное удовольствие.

 Похоже, вы уже совсем освоились внутри моего бреда.

Губы Рейчел напряженно подрагивали. Я понял, что ей не до шуток, она всерьез напугана.

— Ладно, извините. Пожелай они меня убить, **102** я был бы давно трупом. Если меня захотят убрать

сегодня ночью — их воля, ничто им не помешает. Но я думаю, их останавливает страх перед реакцией президента. Если я доживу до завтрашнего утра, то смогу спокойно идти на работу — там моя жизнь не в меньшей и не в большей опасности, чем дома.

Рейчел вздыхала, потирая виски косточками пальцев.

— Не знаю, как будут развиваться события, — шептал я дальше. — Если вас начнут допрашивать, старайтесь говорить побольше правды, чтобы не запутаться. Вы приехали ко мне, потому что я пропустил три сеанса. Мне позвонила вдова только что умершего друга. У нее в Америке ни одной родной души, поэтому вы вызвались ехать со мной, — чтобы по-женски утешить ее. Мы немного успокоили вдову и пошли в лес выгулять болонку. Вот и все, что вам известно.

Рейчел вглядывалась в мое лицо в тусклом свете луны и далеких уличных фонарей.

- Я не этого ожидала, сказала она.
- Знаю. Вы всерьез полагали, что я душевнобольной. Она совсем по-девичьи закусила губу.
- Да, я и впрямь думала, что вы не совсем здоровы. Хотя в глубине души надеялась, что не права. Но теперь я перепугана до смерти. В психиатрических проблемах я кое-что понимаю. То, что происходит, к психиатрии не имеет никакого отношения.

Я привлек ее к себе и быстро зашептал ей в ухо:

— Умоляю вас побыстрее забыть все, что здесь было. Вспомните лишь в том случае, если со мной случится что-либо нехорошее. Тогда поднимайте крик до самых небес. И в этом будет ваша надежда на спасение. — Я отпустил Рейчел и немного отодвинулся от нее. — В ваш больничный кабинет я никогда не вернусь.

Она смотрела на меня так, словно я сказал: «Мы с вами никогда больше не увидимся». Что, собственно говоря, и было моим внутренним ощущением в тот момент.

[—] Дэвид...

А вот и ваше такси.

Я встал и удостоверился, что к дому подъехало именно такси. Все нормально. Огонек на крыше. Впрочем, что им стоит организовать такси со своим водителем...

У Рейчел был совершенно растерянный вид.

- Ну, не волнуйтесь вы так, сказал я. Со мной все будет в порядке. Вы мне очень помогли.
- Ни черта я для вас не сделала, с горечью промолвила Рейчел.

Я потянул ее в простенок, чтобы нас не было видно через окно, вынул из диктофона микрокассету и сунул ей в руку.

- Хотите мне помочь, вот возможность. Ладно, идемте. А впрочем, я хотел бы попросить вас еще об одном.
  - Не стесняйтесь, говорите.

Я показал ей пакеты.

- Может ли кто-нибудь в вашем Дьюке исследовать этот порошок на инфекцию или на ядовитость?
- Конечно. У нас есть ребята, которые этим зарабатывают на жизнь.

Я снял чехольчик с одной из думок на диване, вложил в него пакетики с белым порошком и свернул.

- Только с предельной осторожностью, попросил я, передавая ей сверток.
  - Или я не медик?

Я пожал ей руку.

— Спасибо. Теперь можете идти.

Она вдруг встала на цыпочки и коротко, но нежно поцеловала меня в губы.

— Будьте осторожны. Умоляю вас, будьте осторожны! Пока я приходил в себя от удивления, Рейчел быстро сунула сверток под блузку и выскользнула в прихожую. Через мгновение я услышал, как за ней захлопнулась парадная дверь.

Из окна я проследил за отъездом такси. Потом вышел к своей «акуре» и проделал все, о чем мы договорились с Лу Ли.

В закрытом гараже Лу Ли открыла дверь со стороны пассажира и положила на сиденье завернутую в полотенце закопченную картонную коробку Филдинга с его «игрушкой». Я подался в сторону маленькой китаянки, схватил ее за запястье и заглянул в глаза.

— Скажите мне правду, Лу Ли, — произнес я едва слышным шепотом. — Вы знаете конечную цель проекта «Тринити»?

Несколько секунд мы молча смотрели друг другу в глаза. Потом она кивнула.

- Никогда и никому об этом не говорите. Никогда и никому.
- Лу Ли из Китая, Дэвид. Лу Ли знать, что случаться с длинный язык.

Мне вдруг вспомнилась ее жалкая фигурка в прямоугольнике света, когда она поджидала нас с Рейчел на заднем дворе: цель в ожидании убийцы.

— Слушайте, — сказал я внезапно. — Не могу я оставить вас одну. Поехали со мной. Прямо сейчас. Берите Майю и едем. Со мной не пропадете.

Лу Ли печально улыбнулась.

 Вы хороший человек. Как Эндрю. Только вы не волноваться. Лу Ли уже принять свои меры.

Я опешил. Какие собственные меры могла принять эта женщина? У меня даже никаких догадок не возникало. Я был уверен, что в Штатах она практически никого не знает. И уж тем более никого из высокопоставленных лиц, которые в этом случае хоть какая-то защита.

- Что за меры вы имеете в виду?

Лу Ли только головой покачала.

— Дэвид лучше не знать. О'кей? Я буду быть хорошо.

Как ни странно, я ей поверил. Открытие, что Лу Ли не такая уж беспомощная и потерянная вдова, какой она кажется, побудило меня задать еще один вопрос:

— В письме Эндрю сказано: если с ним что-нибудь случится, я должен вспомнить про его карманные часы. Что такого особенного в этих часах? 105

Лу Ли долго-долго смотрела мне в глаза, потом вдруг решилась:

- Не часы. Берелок.
- Брелок?
- Да, берелок.

Я закрыл глаза и представил себе золотые часы Филдинга. Жестоко исцарапанная драгоценная семейная реликвия. Часы на цепочке — такие прежде носили в жилетном кармане. А на конце цепочки — камушек-кристалл в форме сердечка.

— Камень на цепочке? — спросил я.

Лу Ли радостно улыбнулась.

— Дэвид умный человек. Дэвид будет понимать.

Глава 9

Гели Бауэр расхаживала между рядами аппаратуры в подвальном центре безопасности и орала в головной телефон на Джона Скоу. Прежде она никогда не теряла самообладание в разговоре с ним, но теперь, без влиятельной поддержки Година, она обнаружила, что Скоу может быть диким упрямцем, от которого кто угодно на стену полезет.

— Вы что, оглохли? Или вы не врубаетесь в то, что происходит?

Скоу отвечал ей невозмутимо и свысока:

— Вы сказали мне буквально следующее: профессор Теннант и профессор Вайс посетили скорбящую вдову профессора Филдинга и выгуляли ее собаку. Профессор Вайс поцеловала профессора Теннанта, перед тем как уехать к себе домой в такси.

Гели закрыла глаза и попыталась справиться с душившей ее яростью.

— Теннант перед отъездом загнал свою машину в гараж Филдинга и закрыл дверь. Вне сомнения, он что-то забрал из дома — и не хотел, чтобы мы узнали, что именно.

- Вполне вероятно, согласился Скоу. Но вы же сами доложили теперь они разъехались по домам. В чем проблема?
- Мы ни черта не слышали, вот в чем проблема! Они блокировали все микрофоны точно так же, как в доме Теннанта! И Вайс бросила свой «сааб» возле дома Теннанта, хотя было бы естественней, если б Теннант подбросил ее до своего дома и она уехала оттуда на собственном автомобиле. Вместо этого она вызвала такси. С какой стати? Не исключено, что Теннант планирует бегство. Не исключено, что он намерен предать гласности содержание проекта «Тринити». А может, он хочет сделать и то, и другое: удрать и связаться с прессой.
  - Ваша паранойя ему еще и не такое припишет.
- Риттер подслушал часть их разговора. Эта парочка обсуждала неприятные побочные действия магнитно-резонансной томографии.
- Ерунда! Побочные эффекты Супер-МРТ этический конек Теннанта, он всем про это уши прожужжал. Плевать. С главными вещами это никак не связано.
- Но прежде они добрых десять минут о чем-то говорили и мы не в курсе о чем. И Риттеру кажется, что в руке Теннанта он видел диктофон.

Скоу с досадой вздохнул.

- Что же, по-вашему, необходимо сделать?
- Обоих немедленно ликвидировать.

Аэнбэшник так и ахнул:

- Я не ослышался?
- Сами знаете, что не ослышались. Мы вынуждены предположить, что Вайс имеет исчерпывающую информацию о проекте «Тринити» и знает о подозрениях Теннанта относительно причины смерти профессора Филдинга.
- Профессор Вайс никак не связанная с проектом законопослушная гражданка.
- Не хотите ликвидировать разрешите мне допросить их... с пристрастием.

Ответом было долгое-предолгое молчание. Наконец Скоу сухо осведомился:

- Кто-либо из наших следует за такси с профессором Вайс?
- Риттер, мой лучший агент. Может запросто организовать несчастный случай.

Голос Скоу разом изменился, в нем появился металл:

- А теперь внимательно слушайте меня, Гели. Пусть ваш агент допасет профессора Вайс до ее дома и свернет слежку. При этом она его вообще не должна заметить. И чтоб он не смел и дыхнуть в ее сторону!
  - Что-о-о?
- Я приказываю отозвать вашего пса. Далее. Вашей команде следовать за профессором Теннантом до его дома, оставить стандартного дежурного и отдыхать.

У Гели дух захватило от возмущения.

- Под угрозой безопасность всего проекта! Налицо грубые нарушения секретности. Пустим дело на самотек потеряем контроль над ситуацией... если мы его уже не потеряли!
- Мисс Бауэр, завтра президент Соединенных Штатов может пригласить Дэвида Теннанта в Овальный кабинет. Вы эту вероятность хорошо прочувствовали? Не исключено, что президент уже беседовал с Теннантом. Поэтому вам, милочка, следует немедленно успокоиться. Любым способом. Примите транквилизатор. Или трахнитесь. Не люблю быть грубым, но приходится. И последнее... Я тут в уютном кругу семьи. Поэтому беспокоить меня разрешаю лишь в том случае, если Теннант выйдет на связь с президентом или кого-нибудь пристрелит на улице.
- Официально заявляю вам, что я категорически против такого легкомысленного решения.
  - Ну и ладно.
  - Я хочу поговорить с Годином.
  - Это невозможно. Сейчас он вне пределов досягаемости.

- В Маунтин-Вью, разбирается с кризисной ситуацией.
  - Он же был тут, в городе, еще во время ленча!
- Питер купил «Гольфстрим-5», чтобы летать, а не любоваться.

Гели слышала, как где-то далеко визгливо ссорятся сыновья Скоу, что-то бубнит телевизор.

- Боюсь, я не могу принять вашу оценку ситуации. Я не вправе игнорировать мои обязанности лишь потому, что вам не хватает мужества принять решение, необходимое для защиты проекта «Тринити».
- Вы совсем рехнулись? Сегодня вечером я дважды беседовал с Питером. Я отлично знаю, чего он хочет и чего он не хочет. Если вы сейчас позволите себе самовольные действия, даже ваш отец не спасет вашу задницу.

Если Гели прежде просто не любила Скоу, то теперь она его ненавидела.

Отключив связь, она тупо уставилась на экран компьютера, на котором по-прежнему высвечивался список личных вещей Филдинга. «Клык кобры». Какого дьявола этот нобелевский придурок держал у себя в кабинете клык кобры?

Надо было, как она и собиралась, сходить в камеру хранения и еще раз без спешки перебрать его личные вещи, но перепалка со Скоу настолько выбила ее из колеи, что Гели решила отложить на потом это нудное дело.

Она и прежде работала, имея самое приблизительное представление о сути проекта «Тринити». В армии ее научили не задавать вопросов. Там можно двадцать четыре часа в сутки охранять здание и не знать, что в нем — ядерные боеголовки или ящики с нижним бельем. Однако теперь у нее появилось неприятное ощущение, что она не знает слишком многого. Казалось, стержневая тайна «Тринити» держала мертвой хваткой всех и вся. Но вот критическая ситуация — а Гели приходится сидеть сложа руки. Когда надо срочно переговорить с Годином, он вдруг пропал с концами!

Загнанная в тупик, Бауэр связалась с Риттером и приказала ему снять слежку за Рейчел Вайс. Молчаливый молодой немец сейчас пригодится ей здесь, в центре безопасности. Скоу велел успокоиться? Что ж, она последует его совету. А способ быстро успокоиться Гели знала только один: перестать отдавать команды и на несколько минут подчинить себя мужчине.

Глава 10

Живительный сон без снов... Но, проснувшись, я тут же вспомнил мертвого Филдинга на полу его кабинета — и сердце дико заколотилось. Солнце било через щель между занавесками. Ночь пережил, слава Богу. Я хлопнул радиобудильник по макушке и заткнул его пронзительные вопли.

Президент так и не позвонил. Я проверил автоответчик — на случай если я спал слишком крепко. Ни одного сообщения. Стараясь гнать мрачные мысли, на которые наводило молчание президента, я позвонил Лу Ли. Автоответчик. Все еще голосом Эндрю. И шутливым тоном. Я быстро повесил трубку. Будем надеяться, что смекалистая вдова Филдинга к настоящему моменту уже по меньшей мере в сотне миль от Чапел-Хилла. Я зашел в ванную, щелкнул за собой замком и начал торопливо бриться.

Вчера, когда я вернулся от Лу Ли, возле моего дома стоял автомобиль наблюдения. Как только я подъехал, аэнбэшники тут же смылись. Забрав из машины все компрометирующие вещи, я зашел в дом и позвонил Рейчел. Все в порядке, она добралась без приключений. Два часа я лежал одетый на кровати с открытыми глазами, мучительно прислушиваясь: вломятся или не вломятся? Размышлял я и о карманных часах Филдинга. Тусклое исцарапанное золото корпуса, желтый циферблат с рим-

скими цифрами... «Не часы, — сказала Лу Ли. — 110 Брелок». Как-то я поинтересовался у Филдинга, что это за кристалл на конце цепочки. Тот ответил: подарил тибетский монах из окрестностей Лхасы — мол, камушек гарантирует *безупречную память*. Филдинг почему-то очень смеялся, рассказывая это. Тогда смысл шутки до меня не дошел. Теперь я его вдруг понял.

Среди компьютерных технологий, радикально усовершенствованных командой «Тринити», было голографическое хранение памяти. Инженеры «Тринити» научились хранить информацию не в традиционных микрочипах, а в виде голограмм — в молекулах устойчивых кристаллов. Симметрично расположенные атомы кристаллов вмещали неимоверное количество информации, которая записывалась и считывалась при помощи лазерного луча. Правда, те кристаллы, что я видел в лаборатории голографии «Тринити», размером напоминали футбольный мяч. Но ведь теоретически можно было использовать и небольшие кристаллы, меньшей вместимости (и все равно огромной!). Именно такой кристалл служил брелком на цепи золотых часов Филдинга!

Каким-то образом гениальный англичанин ухитрялся скачивать данные по проекту «Тринити» в свой кристаллический брелок. Поскольку вне предельно узкого кружка ученых и инженеров никто даже и не подозревал о такой возможности, Филдингу не грозило разоблачение на проходной.

Но зачем он воровал информацию? Продавать тому, кто больше предложит? Нет, Филдинг — человек старой закалки; нуждайся он в деньгах даже самым отчаянным образом, торговать корпоративными тайнами ему бы и в голову не пришло. Но вдруг у него были какие-то скрытые идеологические мотивы? К примеру, политически наивные представления, что все нации должны иметь доступ к новейшей научной технологии? Не исключено. Однако Филдинг никогда не казался мне идеалистом-дурачком, способным простодушно вручить кому попало такое мощное оружие, как компьютер «Тринити». Все разговоры с Филдингом толкали к противопо-

ложному выводу: он хотел, чтобы *ни одна* страна не обладала таким опасным оружием.

Не тут ли кроется ответ? Он не воровал, он занимался саботажем — планировал каким-то образом воспрепятствовать успешной реализации проекта «Тринити». Подобное объяснение казалось мне наиболее вероятным. Впрочем, не имея достаточно информации, я мог только гадать. До тех пор пока часы не окажутся в моих руках, я никому ничего доказать не смогу.

Я принял очень горячий душ — чуть не сварился — и, в легких летних брюках и спортивной куртке, зашагал к своему автомобилю, стараясь поменьше думать о том, что мне предстоит. Моей первейшей целью возвращения в лабораторный корпус «Тринити» было добыть карманные часы Филдинга. Говоря по совести, у меня не было выбора — ехать или не ехать на работу. Останься я дома — это привлекло бы ко мне еще большее внимание со стороны АНБ. Попробуй я бежать (как, надеюсь, это сделала Лу Ли), вся сыскная мощь Агентства национальной безопасности была бы направлена против меня. Поэтому оставалось только упрямо делать вид, что ничего не произошло, вести себя как обычно и тянуть время до звонка президента. А уж тогда, обеспечив себе тыл, я смогу каким-то образом отомстить за смерть Филдинга!

Когда нет пробок, от моего пригорода в Чапел-Хилле до комплекса «Тринити» можно домчаться за двадцать минут. Треугольник науки, изысканный рай для корпоративных научных исследований, находится между Роли и Даремом и назван по треугольнику, который образуют три важнейших северокаролинских университета. Тамошние тихие, зеленые улочки с обширными лужайками справа и слева наводят на мысль о дорогом загородном клубе, но вместо полей для игры в гольф на семи тысячах акров Треугольника науки располагаются научные лаборатории «Дюпона», «Локхида» и прочих громких фирм.

Из сорока пяти тысяч ученых, ежедневно приезжающих туда работать, едва ли триста знали, что де-

лается за стенами комплекса «Тринити». Сегодня дорога была свободна, но я ехал на самой малой скорости — с ребячливым желанием никогда не доехать.

От небольшого щита с надписью «Аргус оптикал» до лабораторного комплекса «Тринити» метров двести. Неприступно-неприветливое пятиэтажное здание из стали и затемненного стекла, шестьдесят акров леса, целый подземный городок и посадочная площадка для вертолетов. Сталь и стекло — это внешняя упаковка, напоказ. Настоящие, внутренние стены — из суперсовременного медного сплава под кодовым названием «Буря». Эта оболочка непроницаема для электромагнитных волн. Тот же принцип защиты от шпионажа применен и в зданиях АНБ в форте Джордж-Мид.

Поскольку здание было построено в низинке, своего рода глубокой чаше, то первые два этажа вообще не видны прохожему из-за ограды комплекса, а главный вход находится на третьем этаже, и к нему можно попасть, только пройдя по крытой галерее длиной метров тридцать. Эта галерея перед самым входом в здание сужалась. Там вас встречали офицер охраны, сверхчувствительные металлодетекторы, электронные «носы» для распознавания взрывчатых веществ и флюороскопы. Покажите пропуск с фотографией, приложите палец для сканирования и дайте тщательно обыскать себя и все, что вы с собой несете.

Я подошел к галерее и нажал кнопку. Дверь сводчатого прохода загудела и открылась — я зашагал дальше. Приближаясь к охраннику, я старался выглядеть как можно беззаботнее, хотя внутренне весь вибрировал от страха и напряжения.

— Доброе утро, профессор, — приветствовал меня толстяк средних лет по имени Генри.

Я втайне считал, что этот Генри чей-то родственник и тут по блату. Другие охранники были не старше тридцати — мускулистые парни и девушки без единой жиринки, с идеальной кожей и бараньими глазами.

Генри отличался не только возрастом и дородно-

стью, он единственный из охранной братии не брезговал здороваться с профессорами.

- Доброе утро, Генри, сказал я.
- Не забудьте, в девять собрание в конференц-зале.
- Спасибо.
- У вас только четыре минуты.

Я покосился на часы и кивнул.

— Все еще не могу прийти в себя после смерти профессора Филдинга, — сказал Генри. — Говорят, помер раньше, чем приехала машина «скорой помощи».

Я вздохнул и сделал подобающе-печальное лицо. Ведь тут видеокамера и микрофоны, и надо соответствовать.

- Инсульт штука коварная.
- Что ж, не худший способ отдать Богу душу. Я имею в виду — недолго мучиться.

Я выдавил улыбку и положил указательный палец правой руки на панельку сканера. Аппарат удовлетворенно пискнул: сошлось. После этого я прошел сквозь П-образные ворота — как в аэропорту, только длиннее, с куда большим количеством всяческих детекторов. Конференц-зал и административные офисы находились на пятом этаже. На двери кабинета Филдинга красовалась желтая полицейская лента. Кто ее нацепил? Вряд ли АНБ допустило сюда полицию. Быстро проверив, нет ли кого в коридоре, я взялся за ручку двери. Заперто. Тут, ясное дело, не заурядный замок из супермаркета. Если карманные часы Филдинга все еще в его кабинете, мне до них не добраться.

Я прошел по коридору дальше, к своему кабинету, и сел к главному компьютеру. Он был частью закрытой сети, которая обслуживала ученых и технический персонал в пределах здания «Тринити» и не имела никакой связи с внешним миром. В Интернет я мог входить при помощи второго компьютера, имевшего связь только в одну сторону, — можно было получать информацию, но порты для экспорта файлов отсутствовали. Электронная поч-

экспорта файлов отсутствовали. Электронная почта действовала лишь в пределах здания. На экране главного компьютера мигало напоминание о собрании. Машинально я открыл список полученных электронных писем и с холодком в сердце поймал себя на том, что ищу обычное послание от Филдинга: он любил забрасывать мне всякую юмористическую мелочевку. Анекдот или забавную цитату вроде афоризма Томаса Генри Хаксли: «Ученые старше шестидесяти приносят больше вреда, чем пользы!» Но сегодня письмеца от него не было. И больше никогда не будет.

Я обвел свой кабинет унылым взглядом. Без Филдинга я осиротел. Шесть недель назад мы на пару остановили проект «Тринити», вызвав у коллег бурю возмущения. Но причину побочных неврологических явлений после Супер-МРТ мы так и не обнаружили. В одиночку мне проблему не решить. И как теперь отбиваться от желающих немедленно возобновить работы, я понятия не имел.

То, что я вызвался добровольцем на супертомографию, не было бесшабашной глупостью. Все свято верили в ее полную безвредность. Теория была проста: эволюция обезьяны в homo sapiens происходила при постоянном наличии магнитного поля Земли; мы безбедно живем в этом магнитном поле; наши МР-томографы генерируют магнитные поля в тридцать тысяч раз мощнее обычных фоновых — и никак не вредят здоровью, что доказано годами их использования. Чего же бояться? Однако разработанный у нас Супер-МР-томограф давал магнитные поля в восемьсот тысяч раз мощнее магнитного поля Земли. Нас заверили — это не опасно, а побочные проблемы типа нагрева ткани успешно решены во время экспериментов с животными.

Тем не менее через несколько дней после суперсканирования у каждого из шести добровольцев вдруг обнаружились настораживающие неврологические отклонения.

Ютта Клейн, главный проектировщик Супер-МРТ, перенесла краткосрочную потерю памяти. У Рави Нара развилась болезненная гиперсексуальность (его несколько раз поймали на мастурбации — в соб-

ственном кабинете и в туалете). У Джона Скоу появился тремор рук, Питер Годин начал страдать от эпилептических припадков, а бедняга Филдинг заработал синдром Туретта: он временами непроизвольно выкрикивал непристойные слова или бессмысленные куски фраз. Ну а меня Супер-МРТ наградил проклятой нарколепсией.

Рави Нара, наш увенчанный Нобелевской премией невролог, не сумел найти убедительного медицинского объяснения внезапному шквалу непохожих друг на друга заболеваний. Поэтому сканирование на Супер-МТР было временно приостановлено. Работы над самим компьютером «Тринити» продолжались, но инженеры Година были вынуждены экспериментировать, имея только первые шесть нейрослепков — и без надежды получить в ближайшее время новые. Никто не знал, насколько эти нейрослепки удачны, сделаны они с достаточным разрешением или нет, хватит ли их для «прорыва к созданию опытного образца».

Поскольку Рави Нара только руками разводил, то Филдинг пробовал сам, в редкие свободные минуты, разобраться с проблемой побочных явлений суперсканирования. Шесть недель спустя он высказал предположение, что эти проблемы вызваны нарушением квантовых процессов в нашем мозгу — и подкрепил свою гипотезу двадцатью страницами сложнейших математических выкладок. Рави Нара яростно возражал: мол, за всю историю неврологии ни один факт не указал на то, что работа человеческого мозга както связана с квантовыми процессами. Хотя только считанные физики поддержали эту внезапную и ошеломляющую теорию функционирования сознания (впрочем, среди них была такая фигура, как Роджер Пенроуз), Филдинг трудился не покладая рук, чтобы ее доказать.

Питер Годин поначалу отнесся благожелательно к теории Филдинга, но вскоре опыты по суперсканированию мозга приматов возобновились — и опять шимпанзе и орангутангам процедура не причиняла ни малейшего видимого вреда. Филдинг не сдавался: обезь-

яний разум, мол, ниже человеческого, оттого и квантовые процессы у них не задействованы, в том у нас и разница с ними! Теперь Годин только отмахивался от него, как от назойливой мухи. В конце концов я доложил о подозрениях Филдинга президенту — и тот официально приостановил проект, пока причина настораживающих побочных явлений не будет установлена.

Это случилось шесть недель назад. С тех пор мы с Филдингом вкалывали по двенадцать — шестнадцать часов в день, пытаясь доказать его теорию нарушений на квантовом уровне во время суперсканирования. Я чувствовал себя как помощник Альберта Эйнштейна: гений работал, а я затачивал ему карандаши и записывал за ним прозрения. Но все усилия этой светлейшей головы оказались напрасны. Доказательств не находилось. Уж слишком много белых пятен в наших знаниях о работе человеческого сознания.

И вот Филдинг мертв. Теперь некому доказать прямую связь между суперсканированием и нашими неврологическими расстройствами. А в одиночку, на основе только гипотезы, я не смогу долго сдерживать напор коллективной воли продолжать проект во что бы то ни стало.

Сражение разгорится прямо сейчас, через пару минут. Собрание для приличия начнется с минуты молчания и нескольких не вполне искренних фраз по поводу «безвременной кончины» и «постигшей нас большой утраты», а затем полетят пух и перья.

По дороге к конференц-залу мое лицо заливал пот — я был во власти самых недобрых предчувствий.

Но конференц-зал оказался пуст.

Такого еще не бывало, чтоб я первым пришел на собрание! В отличие от меня другие руководители были подчеркнуто пунктуальны. Я налил себе кофе из электрического кофейника, сел в самый дальний конец комнаты и старался не паниковать.

Где же, черт побери, остальные? Наблюдают за мной откуда-нибудь? Где их проклятая каме-

ра? За этой огромной фотографией на стене? Справа от меня висел черно-белый групповой портрет основных участников «Манхэттенского проекта»: Оппенгеймер, Сцилард, Ферми, Вигнер, Эдвард Теллер. Они стоят тесным дружеским полукругом на фоне горной цепи Оскура в Нью-Мексико — гиганты науки двадцатого века, у каждого впереди великая известность или великий позор — в зависимости от того, как вы относитесь к результату их трудов. Некоторые, подобно «ястребу» Теллеру, прожили жизнь без угрызений совести и удостоились торжественных похорон с приспущенными флагами и воинским салютом; другим повезло меньше. К примеру, Роберт Оппенгеймер поплатился за протест против создания американцами водородной бомбы, был обвинен в 1953 году в «нелояльности» и лишен допуска к секретным проектам. Хоть он трудился и дальше и занимал почетные места в разных комиссиях, но в науке совершил, похоже, куда меньше, чем мог бы. Однако в том 1944 году они были дружной компанией веселых молодых людей. В темных европейских костюмах среди белого песка пустыни, они взирали с фотографии на дебатирующих в конференц-зале участников проекта «Тринити» подобно святым заступникам: глаза исполнены чудного сочетания юмора, смирения и мудрости. Единственный ученый «Тринити», который был во всех отношениях на их уровне, вчера скончался в собственном кабинете.

В коридоре раздались голоса. Я выпрямился в кресле. Идут. У меня возникло подозрение, что у них было свое, предварительное, собрание, на котором они выработали тактику поведения со мной.

Первой появилась Ютта Клейн, единственная женщина в нашей команде ученых. Руководитель исследовательского центра компании «Сименс» в Германии, седовласая Клейн тоже была лауреатом Нобелевской премии в области физики. Компания «Сименс» любезно «одолжила» ее нам на время работы над проектом «Три-

118 нити». Это она, вместе с Филдингом и группой

инженеров компании «Дженерал электрик», разработала и построила супер-магнитно-резонансный томограф четвертого поколения.

- Guten Morgen, сухо сказала она и села справа от меня — с непроницаемым лицом почтенной матроны.
  - Morgen, отозвался я.

Вслед за Клейн вошел Рави Нара. Он сел за три стула от меня - подчеркивая, как далеко мы с ним разошлись в последнее время. В одной смуглой руке молодой индийский невролог держал шоколадный пончик, другая висела на перевязи. Я с трудом удержался от злорадной улыбки. Четыре дня назад Рави Нара зашел в комнату с аппаратом Супер-МРТ с кружкой кофе и поставил ее на стойку. А кружка частично из металла. Когда Клейн включила томограф, чтобы просканировать мозг шимпанзе, кружка перелетела через всю комнату и с такой силой толкнула руку невролога на корпус аппарата, что ему раздробило локтевую кость. Клейн сказала, что он еще легко отделался. В день самого первого включения Супер-МТР женщина-техник, тоже из «Сименса», была убита металлической тележкой аппарата ЭКГ, которая вдруг превратилась в пушечное ядро и проломила ей череп.

Доброе утро, Дэвид.

Я поднял голову и увидел с иголочки одетого и подтянутого Джона Скоу, который прошествовал к креслу во главе стола. Заместитель директора АНБ, наиболее авторитетный американский специалист в области информационной войны, Скоу был официальным руководителем проекта «Тринити». На самом же деле последнее слово в любом вопросе имел Питер Годин — он выбирал направление исследований и определял их темпы. Отношения между Скоу и Годином были зеркальным повторением отношений генерала Лесли Гроувса и Роберта Оппенгеймера в Лос-Аламосе. Гроувс был строгий и требовательный начальник, но он всегда уступал Оппенгеймеру, ибо душой и главным двигателем на-

чинания был именно ершистый физик. Поэтому и существовал диковинный парадокс: в военное время в важнейшем военном проекте имел последнее слово не генерал, а штафирка.

- Доброе утро, Скоу, сказал я, даже не попытавшись улыбнуться.
- То, что вчера случилось, для всех нас ужасный удар, — почти не двигая тонкими губами, проворковал он с аристократическим бостонским акцентом. — Но для вас, Дэвид, я знаю, это особенная, большая и личная потеря.

Сколько искренности было в его словах, можно только гадать. Такой наторелый бюрократ владеет голосом не хуже актера.

— Питер вот-вот будет, — сказал он. — Похоже, отныне он наш постоянный замыкающий.

Я печально улыбнулся про себя. В прошлом Филдинг всегда приходил последним... а то и вовсе не приходил. Когда он манкировал собранием, на розыски обычно посылали меня. Искать долго не приходилось — как правило, Филдинг потел над уравнениями в своем кабинете.

Негромкое чертыханье в коридоре предшествовало появлению Питера Година. Истинный руководитель проекта «Тринити» страдал от ревматического артрита, и во время очередного многодневного приступа пройти даже несколько шагов было для него сущим мучением. Годину шел семьдесят второй год, и он был значительно старше всех ученых, занятых в проекте. Когда он родился, не то что компьютера, еще и телевизора-то не существовало! И тем не менее «старец» проекта «Тринити» на протяжении последних сорока лет добился в компьютеростроении столь многого и так быстро, что современные ученые хлыщи из Кремниевой долины рядом с ним кажутся ленивыми посредственностями.

Подобно Сеймуру Крэю, отцу суперкомпьютера, Годин был в начале пятидесятых годов двадцатого века одним из инженеров-зачинателей компьютеростроения и работал в «Контрол дейта корпорейшн».

В 1957 году он ушел из компании вместе с Сеймуром Крэем и помогал ему создавать фирму «Крэй рисёрч». Годин был в командах, создававших знаменитые «6600» и «Крэй-1». Но когда у Крэя стал разваливаться слишком амбициозный и непомерно раздутый проект «Крэй-2», Годин решил, что настало время выйти из тени наставника. Он обошел банки, в два счета получил шестимиллионный кредит, и через шестьдесят дней в Маунтин-Вью, штат Калифорния, начала работу его собственная фирма «Годин суперкомпьютинг». Пока Сеймур бился над новаторской супермашиной «Крэй-2», Годин вместе со своей крошечной командой создал изящную и надежную машину с четырьмя процессорами, которая превосходила «Крэй-1» по скорости в шесть раз. Ничего особенно нового, однако государственные военные лаборатории этот компьютер покупали охотно, платя по восемь миллионов за штуку. Годин быстро расплатился с долгами и получил возможность разрабатывать суперкомпьютер своей мечты.

Успешно конкурируя с целыми странами, производящими компьютеры, и с фирмой Сеймура Крэя, Питер Годин укрепился на рынке суперкомпьютеров и постоянно оставался в научном авангарде отрасли. Когда внезапное завершение «холодной войны» практически поставило крест на производстве военных суперкомпьютеров, Годин быстро переключился на разработку вычислительных машин параллельной обработки, и в середине девяностых его компьютеры преобладали или полностью вытеснили машины Крэя и в ПВО, и в АНБ, и в Пентагоне, и в Лос-Аламосе, и в ракетных бункерах.

Старик вошел в конференц-зал, и все подняли на него глаза.

Два года назад, когда я присоединился к команде, Годин выглядел чуть старше Эндрю Филдинга, которому тогда был шестьдесят один год. Но руководство проектом «Тринити» чудовищно состарило Година в рекордный срок. Порой его лицо отекало, и у него был вид ракового пациента на стероидах. Порой он 121

вдруг неимоверно худел — лицо скелета, впавшие глаза, редкие волосы. А сегодня он выглядел так, словно может рухнуть, не пройдя нескольких шагов от двери до стола. Годин признался мне как-то, что в дни высшего творческого напряжения его тело подвергается катастрофическим физическим изменениям. А когда работалось, Годин трудился подряд по пятьдесят — шестьдесят часов без сна и отдыха. Хоть он и понимал, что подобные подвиги в считанные недели съедают годы его жизни, ему казалось, что это справедливая плата за ту массу удивительного, что он успел совершить за время своего пребывания на земле.

Годин обвел собравшихся медленным взглядом. При этом его бледно-голубые глаза задержались особенно долго на мне. Затем он поприветствовал всех коротким кивком и опустился в пустое кресло рядом со Скоу.

- Теперь, когда мы в сборе, торжественно произнес Скоу, я должен прежде всего сказать несколько слов о постигшей нас вчера ужасной потере. Вскрытие подтвердило, что профессор Филдинг скончался от массивного кровоизлияния в мозг. Он...
- Погодите! перебил я. Кто его вскрывал и где? Судебно-медицинский эксперт? Здесь, в Северной Каролине?

Скоу снисходительно покосился на меня.

- Ах, Дэвид, вы же знаете требования секретности. Местные власти мы привлекать не вправе. Свидетельство о причинах смерти профессора Филдинга выдано патологоанатомом Агентства национальной безопасности в форте Джордж-Мид.
- Как интересно! не удержался я. У АНБ, оказывается, есть свой патологоанатом? Еще понятно, зачем агентству нужен психиатр: взлом шифровальных кодов противника та еще работа, постоянный стресс. Но чего ради им иметь в штате патологоанатома?
- Агентство имеет всю гамму медицинских специалистов, пояснил Скоу менторским то-

ном. — Одни — штатные сотрудники, других периодически привлекают для консультаций.

Он быстро взглянул на Година. Тот сидел с закрытыми глазами и, казалось, уже дремал.

— Дэвид, — сказал Скоу, — у вас есть какие-то сомнения относительно причин смерти профессора Эндрю Филдинга?

Вот оно. Брошенная перчатка. Принимать бой или нет?

— Ведь вы как-никак опытный терапевт, — продолжал Скоу. — Возможно, вы заметили что-то необычное в картине инсульта?

Я почувствовал напряжение в воздухе. Все навострили уши и ждали, что я скажу. Особенно Рави Нара, который первым диагностировал летальное кровоизлияние в мозг.

Выдержав паузу, я произнес:

— Нет. Насколько мне известно, Рави Нара, который был рядом с Филдингом в предсмертные минуты, констатировал паралич, потерю речи и разрыв зрачка. Налицо более или менее обычные симптомы удара. Разве что... жертвы инсульта, как правило, так быстро не умирают. Внезапность этой смерти меня ошеломила.

Словно воздух выпустили из воздушного шара, грозившего лопнуть. У всех плечи опали, все задвигались, стали покашливать. Как по команде «вольно».

О да, да, конечно, — великодушно пропел Скоу. —
 Внезапность этой смерти всех нас ошеломила. И Эндрю был воистину незаменим.

Задушил бы этого гада Скоу! Последние шесть месяцев он спал и видел, как бы избавиться от непокладистого Филдинга, и рьяно искал ему замену — да только никого не нашел. Люди такого ума и такой квалификации действительно незаменимы.

— И чтобы показать, насколько я искренен, говоря это, — добавил Скоу, — мы вообще откажемся от попытки заменить Филдинга кем-либо другим. 123

Похоже, только Ютту Клейн это заявление потрясло в той же степени, что и меня. Лучше Филдинга в научных проблемах, связанных с проектом «Тринити», разбирался только Годин. Именно благодаря Филдингу мы успешно справились с дюжиной технологических препятствий, которые казались непреодолимыми. Проблемы, над которыми неделями бились программисты и инженеры, для эксцентричного англичанина были чем-то вроде задачек на сообразительность из тестов для определения коэффициента умственного развития — он их решал за четверть часа. В этом смысле Филдинг и впрямь был абсолютно уникален. Хотя в основном он занимался квантовыми аспектами проекта «Тринити». И эти аспекты игнорировать было попросту невозможно. Квантовая физика в моем представлении что-то вроде современной алхимии — только *эта* алхимия работала и давала результаты. Двигать проект вперед без специалиста, который разбирается во всех этих квантовых заморочках, просто безумие.

- Но что вы планируете предпринять в связи с побочными действиями Супер-МРТ? — спросил я. — Вы же в курсе, что Филдинг связывал их с нарушением работы мозга на квантовом уровне.
- Не смешите нас! так и взвился Рави Нара. Нет ни единого доказательства наличия квантовых процессов в человеческом мозге. Нет, не было и никогда не будет!
  - Успокойтесь, профессор Нара, сказал Скоу.

Я смерил невролога презрительным взглядом.

 Когда в этой комнате сидел Филдинг, — сказал я, вы были куда менее заносчивы.

Нара не побелел от ярости только потому, что был смуглый от рождения.

Теперь Скоу опять обратился ко мне с терпеливой улыбкой:

 Дэвид, мы с Питером уверены, что вы на пару с Рави вполне способны разобраться в странных медицинских аномалиях после суперсканирования. А привлекать к делу на этом этапе нового физика было бы излишним и ненужным риском для безопасности проекта.

Я понимал, что не время и не место дальше обсуждать эту проблему. Лучше поговорю о ней с президентом.

— Будут ли тело Филдинга и его личные вещи переданы вдове?

Скоу неспешно прокашлялся.

— Насколько мне известно, миссис Филдинг неожиданно исчезла. Поэтому останки Эндрю будут кремированы — согласно его письменному завещанию.

Сожжены — со всеми свидетельствами убийства! Все у этих мерзавцев продумано. Я силился не выдать своих эмоций и оставаться внешне безразличным. Итак, Лу Ли благополучно сбежала. Или нет? Ведь если они ее поймали и убили, то официальная версия была бы та же: «миссис Филдинг неожиданно исчезла».

Годин вдруг открыл глаза и коснулся рукой запястья Скоу.

— Вы что-то хотите добавить, Питер? — спросил Скоу. Годин неторопливо потер пальцами правой руки почти лысую макушку. Потом руку уронил и долго молчал. Неподвижный, буддоподобный, он только поводил своими блекло-голубыми глазами. Годин говорил редко, но когда он говорил, весь мир слушал.

— Не время препираться из-за пустяков, — сказал он. — Вчера мы потеряли гиганта мысли. Мы с Эндрю Филдингом расходились во многих вопросах, но я уважал его больше, чем любого ученого, с которым мне когда-либо доводилось работать.

Я не мог скрыть своего удивления. Все присутствующие подались вперед и ловили каждое тихо сказанное слово Година. Опять гипнотический взгляд прошелся по всем нам — слева направо. Годин заговорил снова, так же негромко, но голосом не стариковским, а глубоким и властным:

От начала истории и до наших дней потребности войны — главная движущая сила на-

уки. Присутствуй здесь сегодня Филдинг, он бы тут же заспорил. Дескать, к расцвету науки ведет врожденное любопытство человечества. Однако говорить так — значит, принимать желаемое за действительное. Именно конфликты между людьми подхлестывают изобретательность и делают возможными технологические прорывы. Истина прискорбная, и все-таки действительность именно такова — разумный человек не должен закрывать на это глаза. Мы живем в царстве фактов, а не в вымышленном мире философов. Философы подвергают сомнению реальное существование Вселенной — и делают круглые глаза, когда им наподдают коленом в зад и спрашивают: ну как, ощущаете реальность или по-прежнему в ней сомневаетесь?

Рави Нара хихикнул. Годин ожег его яростным взглядом.

— Энди Филдинг благодушным идеалистом не был. Он был как они. — Годин кивнул в сторону черно-белой фотографии на стене. — Подобно Роберту Оппенгеймеру, Энди грешил некоторым мистицизмом. Но при этом был одаренным теоретиком с практической жилкой.

Годин забросил прядь седых волос за ухо, обвел всех нас на этот раз быстрым взглядом и продолжал:

— Наука на службе у войны всегда приносит дивные подарки мирному времени. Сверхчеловеческие усилия Оппенгеймера в кратчайшие сроки создать ядерную бомбу ускорили завершение Второй мировой войны и дали миру безопасную ядерную энергию. Перед нами — теперь нас осталось только пятеро — стоят задачи не меньшей важности. Мы не примеряем на себя тогу Господа, как нас частенько упрекал Филдинг. Бог — всего лишь продукт человеческого мышления. «Бог» выработан в процессе эволюции как защитный механизм против осознания нашей смертности. Когда мы наконец успешно загрузим первый нейрослепок в компьютер, нам придется иметь дело и с той частью мозга, где сидят наши тысячелетия-

ми выработанные представления о Боге. Для тех, кому по душе антропоморфные выражения, мож-

126

но сформулировать так: нам придется иметь дело с Ним. Но Бог, предсказываю я, доставит нам не больше хлопот, чем прочие атавизмы нашего сознания. Потому что успешная реализация проекта «Тринити» сделает ненужным защитный механизм по имени «Бог». Итогом нашей работы будет уничтожение смерти — она перестанет быть нашей владычицей. И конечно, нет задачи выше и благородней, чем дать человечеству бессмертие.

Годин положил свои руки с изуродованными артритом пальцами на стол.

— А сегодня... сегодня мы скорбим по человеку, который имел мужество отстаивать свои убеждения. Пока мы в силу мрачной необходимости были сосредоточены на военном и шпионском потенциале грядущего опытного образца «Тринити», Филдинг прозревал день, когда он сможет сесть перед нашим компьютером и задать ему вечные вопросы: «С чего началась жизнь на Земле?», «Почему и зачем мы здесь?», «Каков будет конец Вселенной?» В шестьдесят три года Энди Филдинг обладал энтузиазмом ребенка — и не стыдился этого. Да и чего тут стыдиться?

Годин печально мотнул головой.

Мне будет его страшно не хватать.

Мое лицо горело. Я ожидал, что все ограничится парой крокодильих слез Джона Скоу, а затем будет провозглашено немедленное возвращение к полномасштабной работе над проектом: разбегаемся по лабораториям и засучиваем рукава! Но Питер Годин показал класс. Его слова подтверждали, что он отлично знал своего противника.

— После того как причина неврологических расстройств будет найдена, — сказал в завершение Годин, — мы возобновим работу над проектом. Если нам понадобится квантовый физик — мы наймем подходящего. Чего мы определенно делать не будем — так это идти напролом, невзирая на выявленные опасности. Филдинг преподал мне важный урок благоразумия.

Годин несколько секунд молчал, осторожно массируя суставы правой руки. В конференц-зале стояла мертвая тишина.

— Мы все перенесли серьезный психологический шок. Я предлагаю каждому отдохнуть три дня — после ленча все свободны. Встретимся в этом же зале во вторник утром. Разумеется, на этот период времени обычные меры безопасности вне территории проекта остаются в силе.

Он замолчал, но никто не шелохнулся и не издал ни звука. Мы были поражены: человек, который обычно вкалывал вдвое больше остальных, без выходных и передышек, и нещадно заставлял нас работать быстрее и больше, — этот человек вдруг предлагает сделать паузу. То, что он сейчас сказал, настолько расходилось с его натурой, что мы не знали, как реагировать.

Скоу первым осмелился подать голос.

— Вот и замечательно. Небольшой отпуск очень кстати. А то дома меня почти не видят. Жена даже разводом грозит.

Годин только насупился и снова закрыл глаза.

Скоу вопросительно покосился на него и спросил:

- Стало быть, собрание заканчиваем?

Старик открыл глаза, неуклюже встал и молча захромал прочь из конференц-зала.

— Ну, в общем, все всё поняли, — сказал Скоу.

Но его уже никто не слушал.

Я вышел в коридор и медленно направился в сторону своего кабинета, глядя в спину ковыляющего впереди Питера Година. Собрание прошло совсем не так, как я ожидал. Совсем не так.

Годин стал сворачивать в перпендикулярный коридор — и вдруг остановился и повернулся ко мне лицом. Наши глаза встретились. Он явно поджидал меня. Ничего не оставалось, как подойти к нему.

Вы ведь с Филдингом были очень близки,
 да? — спросил Годин.

- Я любил его. И безмерно им восхищался.

Годин понимающе кивнул.

— Два вечера назад я прочел вашу книгу. Оказывается, вы больший реалист, чем я предполагал. Мне понравилась ваша позиция по отношению к абортам, к использованию ткани эмбрионов для научных исследований и клонирования, к непомерным расходам на обреченных больных и к эвтаназии. Я согласен с вами по всем пунктам — по всем.

Мне было трудно представить, что только сейчас, после двух лет совместной работы, Питер Годин удосужился пролистать книгу, которая стала причиной моего прикомандирования к проекту «Тринити».

Годин несколько секунд молча смотрел куда-то за мое плечо, затем взглянул мне прямо в глаза.

— Во время собрания меня осенила одна мысль... Знаете игру в гипотезы? Если б вы могли на машине времени перенестись в прошлое и прикончить Гитлера до всех его преступлений — вы бы убили его?

Я улыбнулся:

- Это формулировка идеалиста, а не реалиста.
- Не знаю, не знаю... Ну, вопрос с Гитлером это, конечно, игра в поддавки, сказал Годин. Выберем проблему более деликатную. Имей вы возможность вернуться в 1948 год и знай вы, что некий Натурам Годзе намерен убить Ганди, вы бы застрелили этого Натурама чтобы предотвратить гибель Ганди?

Я задумался.

— В действительности вы хотите знать, — сказал я, — где самое дальнее звено в цепи событий, которое я готов вырвать. А вы... вы бы убили мать Гитлера? Разумеется, до его рождения.

Теперь была очередь Година улыбнуться.

- Суть моего вопроса вы угадали правильно. А на ваш вопрос я отвечу однозначно: «да».
- Если разбираться еще пристальней, то ваш вопрос — о прочности причинно-следственных

связей. Предотвратило бы Вторую мировую войну убийство матери Гитлера? Или место Адольфа занял бы другой, ибо из массы униженных Версальским договором непременно вынырнул бы кто-то, кто повел бы Германию тем же путем?

Немного подумав, Годин сказал:

— Вариант весьма вероятный. Ладно, еще пример. Пятьдесят второй год, вы знаете, что бестолковый лаборант сейчас уничтожит клеточные культуры Джоунаса Солка. Открытие способа лечения полиомиелита будет отсрочено на годы или на десятилетия. Вы убили бы того невинного лаборанта-придурка?

Голова моя гудела от напряжения. У меня было чувство, что Годин играет со мной, как кошка с мышкой. И при этом я знал, что Питер Годин никогда не тратит время на досужую игру.

— К счастью, реальная жизнь не ставит перед нами такие дилеммы, — сказал я. — Только задним числом мы можем формулировать подобные вопросы.

Годин холодно усмехнулся.

— А вот с этим, профессор, позвольте не согласиться. По-моему, Гитлера можно было остановить — к примеру, на тех же злосчастных переговорах в Мюнхене. Современники имели тысячи возможностей остановить фюрера на любом этапе его деятельности.

Годин отечески потрепал меня по руке.

Что ни говорите, пища для размышлений!

Он повернулся, захромал дальше и скрылся за поворотом коридора.

А я стоял, словно громом пораженный. Разговор меня потряс. Я пытался угадать подтекст услышанного.

Годин ничего спроста не скажет. И только что был не праздный треп об истории и об этике. Годин с шокирующей откровенностью говорил об убийстве. По его мнению, существует такая вещь, как оправданное убийство.

Я ошарашенно покачал головой. Ну и наглец! 130 Он говорил о Филдинге. Годин объяснил мне на историческом примере, что убийство Филдинга было необходимо и целесообразно. Ни в чем не повинный Филдинг стал на пути великого дела — и его пришлось устранить.

По дороге в свой кабинет я вдруг заметил, что меня бьет дрожь. Никто не спросил о моем звонке в Белый дом. Никто не упомянул мой вчерашний визит к вдове Филдинга. Ни слова не было сказано о Рейчел Вайс. И три свободных дня дают мне бездну возможностей связаться с президентом. В принципе могу и лично слетать в Вашингтон. Что, черт возьми, все это значит?

На пороге своего кабинета я остановился как вкопанный. Высокая жилистая блондинка с глазами цвета электрик и рифленым шрамом на левой щеке восседала в моем кресле и что-то читала на экране моего компьютера. Гели Бауэр собственной персоной! Если Эндрю Филдинга прикончил кто-то из здешних, то именно она.

— Привет, профессор, — сказала Гели Бауэр, криво улыбаясь. — У вас такой удивленный вид. А я-то думала, вы меня с нетерпением ждете.

Глава 11

Я молча стоял в дверном проеме своего кабинета. Буквально секунду назад я облегченно вздохнул и расслабился — и вот нате вам! Я был парализован страхом. То, что Гели Бауэр — женщина, никоим образом не успокаивало мой взбесившийся пульс. Как и все ее подчиненные, она была поджарая и крепкая, с хищным огоньком в глазах. От нее исходила спокойная уверенность в себе — как от альпиниста мирового класса, который запросто, без страховки, на одних пальцах может подняться по вертикальной скале. Легко представить, как она часами, ни о чем не думая, кроме правильной опоры для рук и ног, двигается вверх, вверх, вверх. А как оценить, насколько она умна, — на фоне гениев, ко-

торых собрал проект, кто не смотрится бледно! Но по предыдущим беседам я знал, что соображает она быстро. Ко всем ученым, за исключением горстки важнейших научных руководителей «Тринити», она относилась как к заключенным в тюрьме строгого режима. Я объяснял это тем, что она дочь облеченного огромной властью армейского генерала. Грубоватый Рави Нара называл ее «терминатор с сиськами»; лично я всегда считал ее терминатором с мозгами.

- Чем могу быть полезен? произнес я наконец.
- Должна задать вам несколько рутинных вопросов, — сказала Гели Бауэр. — Ничего особенного.

Действительно ли это рутинный визит? За два года Гели Бауэр побывала в моем кабинете раз пять-шесть, не больше. Ее я видел преимущественно через стекло во время проверок на детекторе лжи, которым меня периодически подвергали.

- Годин только что дал нам три свободных дня. Может, отложим до моего возвращения?
  - Боюсь, дело не терпит отлагательства.

У нее был легкий неопределенный акцент выпускницы европейской элитной частной школы.

— Вы же сказали, что ничего особенного.

В ответ только механическая улыбка.

- Присаживайтесь, профессор.
- Вы в моем кресле.

Гели и не подумала встать. Она упивалась возможностью хамить.

- Вы обычно не занимаетесь рутиной лично, сказал я. Чем обязан?..
- Смерть профессора Филдинга создала нестандартную ситуацию. Мы должны убедиться, что знаем максимально много о сопутствующих ей обстоятельствах.
  - Профессор Филдинг скончался от инсульта.

Она несколько секунд молча всматривалась в мое лицо. Шрам на ее левой шеке напоминал мне о тех, что я видел в госпиталях у ветеранов вьетнамской войны. Ветераны рассказывали, что осколки фосфорной гранаты прожигали себе путь глубоко под кожу и там гасли, но когда хирурги вскрывали рану, опять активизировались на воздухе — и калечили врачей. Гели Бауэр пострадала не иначе как от этого варварского оружия. Вообще-то женщину с подобным шрамом я бы только уважал: красавица с такой отметиной знает про жизнь больше своих благополучных сестер. Однако все прежние контакты с Гели наводили меня на мысль, что, пройдя через ад, она ничему, кроме ненависти, не научилась.

 Меня интересуют ваши отношения с профессором Филдингом.

Любопытно, что она никогда не прячется за бюрократическим «мы», «нас». Всегда «я», «меня». Ясно, что безопасность проекта «Тринити» она воспринимает как свое личное дело.

- Серьезно? сказал я, словно для меня это большой сюрприз.
  - Как вы охарактеризовали бы эти отношения?
  - Он был моим другом.
- Вы встречались с ним и общались вне рабочих помещений проекта?

Ответив «да», я признаюсь в грубом нарушении правил безопасности, придерживаться которых я когда-то обязался своей подписью. Но Гели наверняка имеет в виду видеозапись наших с Филдингом встреч.

- Да, сказал я.
- Это большое нарушение.

Я театрально закатил глаза.

- Подайте на меня в суд.
- Не ерничайте. Нам ничего не стоит посадить вас в тюрьму.

Ах ты черт! Но что мне остается, кроме как отшучиваться?

133

— Ну, если меня упрячут в кутузку, здешним тайнам точно ничего грозить не будет.

Гели что-то поправила в своих золотых волосах. Словно ястреб охорашивается.

- Профессор, ведя себя столь легкомысленно, вы можете потерять свое место.
- А-а, теперь дошло, зачем вы явились. Меня уволить.

Улыбка скользнула по губам Гели.

- Давайте не будем драматизировать ситуацию. Я просто пытаюсь побольше узнать о Филдинге.
- А зачем? Он мертв. Скончался. Его больше нет с нами.
  - Что вы с ним обсуждали во внерабочее время?
  - Футбол.
  - Футбол?
- Да, Филдинг был заядлый болельщик. Фанат английской команды «Арсенал». Надоел мне этими разговорами до смерти, но общаться с ним мне нравилось.
  - Вы скрываете правду.
  - С чего вы взяли?
- Вы на пару с профессором Филдингом боролись за прекращение проекта.
- Неправильная формулировка. У меня были кое-какие этические возражения против одной из сторон проекта. У Филдинга были возражения другого порядка.
  - Он хотел остановить работы над проектом!
- Лишь до тех пор, пока не будет выяснена причина неврологических побочных действий супертомографии.
- Он обсуждал эти побочные эффекты с кем-либо, кому доступ к информации «Тринити» не разрешен?
  - Понятия не имею.
  - Со своей женой, к примеру?

Я старался, чтобы ни один мускул на моем лице не выдал меня.

— В высшей степени сомневаюсь.

Гели многозначительно поиграла бровями.

 Вчера вечером вы провели почти час в доме вдовы Филдинга. Значит, все-таки следили. Впрочем, я и не сомневался. Как же, убив Филдинга, не пронаблюдать за реакцией его лучшего друга! Стало быть, они знают и про то, что со мной была Рейчел.

- Заехал принести соболезнования.
- Вы обсуждали секретную информацию с Лу Ли Филдинг. Китайским физиком.
  - Ничего подобного я не делал!

Вообще-то я полагал, что после брака с Филдингом Лу Ли стала британской или американской подданной. Но не время было обсуждать эти тонкости.

- Миссис Филдинг исчезла. А мне очень хотелось бы поговорить с ней.
  - Ну, это уже ваша проблема.

Гели игнорировала мой сарказм.

- Если это вы помогли ей бежать пахнет государственной изменой.
  - А разве Лу Ли совершила какое-либо преступление?
  - У Гели был прежний непроницаемый вид.
- Вот это мы и хотим узнать. Возможно, она была инструментом в чьих-то преступных руках.
- «Кристалл», внезапно подумал я. Не исключено, что Гели уже знает про часы Филдинга.
- Выходит, теперь вы всех Филдингов потеряли. Досадно, да? — продолжал я все тем же шутливым тоном.

Но Гели огорченной не выглядела. Сама невозмутимость.

- Вчера вечером Лу Ли пожаловалась, что ее не пустили к телу мужа, сказал я. Она чрезвычайно расстроилась.
  - За это отвечаю не я.
- А как насчет личных вещей Филдинга? Лу Ли упоминала, в частности, его золотые карманные часы. Семейная реликвия.

Гели поджала губы и покачала головой:

 Часов не помню. Но как только миссис Филдинг объявится, мы разберемся. Врет! За два года общения с Филдингом она видела его часы по меньшей мере сто раз — золотые карманные часы в наши времена обращают на себя внимание.

 Надо бы проверить вас сегодня на детекторе лжи, сказала Гели.

Я почувствовал, как у меня вспотели подмышки от волнения.

Извините, сегодня не получится, — решительно заявил я.

Ее глаза сузились. Я отказывался впервые за все время.

- Почему же?
- Я только что потерял близкого друга. Ночь практически не спал. Чувствую себя отвратительно.
  - Профессор Теннант!
- Сегодня я не в настроении подвергать себя вашим фашистским штучкам. И точка!

Гели Бауэр откинулась в моем кресле и смотрела на меня с явно растущим интересом.

— При поступлении на работу вы подписали документ, согласно которому вас можно посадить за детектор лжи в любой момент. Так что это дело не добровольное и ваше согласие мне не требуется.

Мой животный страх был так велик, что хоть с кулаками на Гели бросайся. Всю свою жизнь я был предельно свободен. Даже терапевтом я имел собственную практику и был сам себе хозяин. А когда книгу писал — был ограничен только собственными способностями. Поэтому в атмосфере «Тринити», с ее диктатурой секретности, я страдал своего рода духовной клаустрофобией — задыхался от несвободы.

Мой отец, участвуя в разработке ядерного оружия в Лос-Аламосе и Окридже, испытывал те же чувства. И его снова и снова усаживали за детектор лжи. Но теперь времена холодной войны кажутся идиллическими. Нынче

в распоряжении АНБ детекторы лжи — на базе магнитно-резонансной технологии; в отличие от

традиционных аппаратов они практически никогда не ошибаются.

Принцип простой: для лжи человеческий мозг задействует большее количество нейросвязей, чем для правды. Даже патологический лгун сначала мысленно представляет правильный ответ и только потом произносит вслух только что придуманную или заранее заготовленную ложь. На экране томографа мозг лгуна по количеству очагов активности похож на рождественскую елку с лампочками. Именно Филдинг добился прекращения проверок на «томографе лжи» — мол, они способны лишь усугубить наши неврологические расстройства после супертомографии. Это была временная победа Филдинга в войне против вторжения в нашу частную жизнь. Однако и традиционный детектор лжи — штука преотвратная и по нервам бъет жутко. Вдвойне мерзко, что за него тебя могут посадить в любой момент, ни с того ни с сего. Живешь словно в антиутопии по Оруэллу, в вечном напряжении — особенно неприятном, если тебе действительно есть что скрывать.

— А как вы меня принудите? — спросил я с вызовом. — Что-нибудь вколете? Или свяжете?

Похоже, Гели бы и не прочь...

— Нет? Запрещено? Ну, тогда забудьте про детектор лжи.

Она подняла к лицу указательный палец и рассеянно провела им по шраму.

- Не понимаю, профессор, отчего вы сегодня такой агрессивный.
  - Отлично понимаете!
  - Вы что-то скрываете.
  - Еще неизвестно, кто из нас сейчас менее искренен!
  - Вы пытаетесь саботировать проект «Тринити».
- Каким образом? И зачем мне это нужно? Проект уже приостановлен.

Гели внимательно осматривала свои ногти — два из них были обгрызены. Похоже, она человек куда более нервный, чем кажется со стороны. 137

Каким образом саботировать? — переспросила она. — Да предав его гласности!

Вот он, самый великий кошмар параноидального военного мышления. Они дико боятся огласки.

- Я ничего не разглашал.
- Но хотите?
- Нет.
- Вы разговаривали с президентом Соединенных Штатов?
  - Вообще когда-нибудь?

Впервые в ее голосе прозвучала нотка раздражения.

- Я имею в виду после смерти профессора Филдинга.
- Нет.
- Вы звонили в Белый дом и оставили сообщение для президента.

Теперь я почувствовал пот и на лбу.

- Да.
- Вы звонили из телефона-автомата.
- Ну и что?
- Почему вы не воспользовались своим сотовым?
- Батарейка сдохла.

Эту маленькую ложь никак не проверишь.

- Могли бы подождать и позвонить из дома.
- Приспичило поговорить прямо в тот момент.
- И часто у вас бывает настроение прямо сейчас поговорить с президентом Соединенных Штатов?
  - Время от времени.
- Вы звонили в связи со смертью профессора Филдинга?
  - Это было одним из поводов.

Свой следующий вопрос она, казалось, долго взвешивала.

— Вы предупредили сотрудника Белого дома, что о вашем звонке не следует уведомлять руководство проекта «Тринити», верно?

У меня сердце екнуло. Как эти гады прозна-138 ли, что именно я сказал сотруднику Белого дома из телефона-автомата? Тут могло сработать только тотальное слежение за всей телефонной сетью. В подвалах форта Джордж-Мид компьютеры АНБ ежедневно прослушивают миллионы частных телефонных звонков запись включается, если прозвучит одно из сотен или тысяч ключевых слов типа «пластиковая бомба», «президент», «шифровка», «гексоген»... наверняка и «Тринити» в этом списке. Мне вспомнилось, что «Тринити» я упомянул в первой же фразе разговора — в ответ на вопрос оператора Белого дома, по какому поводу я звоню.

Я заставил себя посмотреть Гели в глазах.

— В проект меня назначил лично президент. Не АНБ меня сюда прислало. Ни Джон Скоу, ни Питер Годин меня не выбирали. Я тут для того, чтобы оценивать этические аспекты текущей работы. Если мне кажется, что есть проблема, я уполномочен докладывать президенту напрямую. То есть минуя руководство проекта.

Итак, перчатка брошена. Я сознательно бравирую своим особым положением среди сотрудников проекта «Тринити». Мне позволено то, что им не позволено.

Гели подалась вперед. В ее голубых глазах сверкал вызов.

- Сколькими сотовыми телефонами вы пользуетесь, профессор Теннант?
  - Олним.
  - А другие есть?

Этот вопрос мне многое открыл. Итак, они в курсе, что я звонил в Белый дом, но не знают, перезвонил ли мне президент. Они прослушивают мои телефоны — те, о существовании которых им известно, — и опасаются, что у меня есть другие, неподконтрольные каналы связи. Если их это волнует — значит, у них нет уверенности, что президент у них в кармане, и у меня сохраняется шанс убедить его в верности моих подозрений.

— У Рейчел Вайс есть сотовый телефон, — сказала Гели Бауэр, не спуская с меня глаз и ловя все оттенки моей реакции. 139

Я сделал глубокий вдох и произнес ровным голосом:

- А вы видели современного врача без сотового телефона?
- В здешних местах профессора Вайс вы знаете лучше, чем кого бы то ни было.
  - Вполне естественно. Ведь она мой психиатр.
- Она единственный человек за стенами проекта, с кем вы за последние два месяца обменялись более чем полусотней слов.

Я удивленно спросил себя, так ли это.

- То же характерно и для профессора Вайс, сказала Гели.
  - Что вы имеете в виду?
- Она ни с кем не видится. Общается на работе и по поводу работы. В прошлом году ее сын умер от рака. После смерти мальчика муж оставил ее и вернулся в Нью-Йорк. Шесть месяцев назад профессор Вайс стала принимать приглашения коллег мужского пола. Ужин в ресторане, поход в кино и тому подобное. Максимум два свидания с каждым. А два месяца назад эти свидания вдруг вообще прекратились.

Это меня не удивило. Рейчел была женщиной требовательной и разборчивой. Такой не просто с ходу найти подходящего мужчину.

- Ну и что?
- Полагаю, профессор Вайс влюблена в вас.

Я рассмеялся — искренне рассмеялся. Впервые после того, как увидел бездыханное тело Филдинга на полу.

— Мисс Бауэр, к вашему сведению: профессор Вайс совершенно уверена, что я страдаю галлюцинациями. Возможно, я клинический шизофреник.

Это не смутило Гели.

- Вчера вечером она вас поцеловала. В доме Филдинга.
  - Это был поцелуй соболезнования. Я был убит смертью Филдинга.

140 Гели мой ответ проигнорировала.

- Что вы рассказывали профессору Вайс о проекте «Тринити»?
- Ничего. И вы сами прекрасно об этом знаете. Думаю, все сеансы моей психотерапии записаны на пленку.

Мое предположение Гели подтвердила небрежным кивком — поразив меня откровенностью своего цинизма.

- Но влюбленные находчивы. Вот и вчера вечером у вас был несанкционированный контакт.
- Вчера вечером я впервые встречался с Рейчел Вайс вне ее кабинета. Я сердито сложил руки на груди. И я отказываюсь обсуждать этот вопрос. Рейчел Вайс не имеет никакого отношения к нашему проекту, ничего про него не знает и не узнает. А вы вторгаетесь в личную жизнь законопослушной американской гражданки, которая никогда не подписывала никаких обязательств, ограничивающих ее свободу.

С улыбкой удовлетворенной садистки Гели возразила:

— Когда речь идет о проекте «Тринити» — побоку неприкосновенность любой личной жизни. Согласно «Директиве номер 173 о национальной безопасности», мы вправе задержать профессора Вайс на сорок восемь часов — даже без права позвонить адвокату.

Тут я наконец потерял терпение и взорвался:

— Гели, да вы хоть знаете, что такое проект «Тринити»?

То, что я ненароком назвал ее по имени, стерло улыбку с ее губ, а мой вопрос поставил ее в неловкое положение и увел в глухую оборону. Признаться, что она не в курсе сокровенных тайн «Тринити», было унизительно. А не согласиться — значит рисковать быть с треском уволенной. Несколько секунд она жгла меня возмущенным взглядом, но в итоге промолчала.

Я решил, что незачем загонять ее в угол.

— Ну, — сказал я, делая примирительный шаг ей навстречу, — согласимся на том, что *мне* известна конечная цель проекта. И прежде чем вы не уз-

наете во всех деталях, над чем мы работаем и чем это может обернуться для человечества, — не торопитесь со слепым рвением выполнять любые приказы, как бравый немчик.

Я нашел ее болевую точку. Гели так напряглась, словно сейчас рванется мне морду бить. Я инстинктивно сделал шаг назад, горько сожалея о своих опрометчивых словах. Нет ничего глупее, чем нажить личного врага в лице Гели Бауэр! Это хуже чем глупо, это сродни самоубийству. Не исключено, что эта сучка собственными руками прикончила Филдинга. Тут я понял, что моя дурацкая задиристость именно от этого, — я подозреваю в ней убийцу моего лучшего друга.

— Ладно, разговор закончен, — сказал я, доставая из кармана автомобильные ключи. — Во вторник утром вернусь. А до тех пор пусть ваши доберманы-пинчеры держатся подальше от меня.

Я повернулся к ней спиной и пошел вон из комнаты.

Профессор Теннант!

Я шел дальше.

- Теннант!!!

Я вызвал лифт. Когда дверь открылась, я вошел в кабинку — и тут же выскочил. Гели небось ничего не стоит нажать какую-нибудь кнопочку и превратить лифт в тюремную камеру. Впрочем, она и все выходы из здания может запросто блокировать... Ладно, лестница все равно как-то надежнее.

На лестничной площадке четвертого этажа мне вспомнился Филдинг в клубах табачного дыма. Англичанин курил, как заводская труба, прикуривая одну сигарету от другой. Но в здании «Тринити» курение было строжайше запрещено даже ведущим ученым. И федеральный закон ни при чем — просто у Питера Година была аллергия на табак. Но, всегда находчивый, Филдинг и тут не оплошал: нашел-таки укромное местечко, где он мог беспрепят-

ственно предаваться дурной привычке. На четвертом этаже в лаборатории новых материалов

имелась большая вакуумная камера, которую на ранней стадии проекта использовали для испытания новых материалов. Там в отличие от самой лаборатории и всех прочих помещений в здании не было датчиков дыма. О существовании этой теперь ненужной камеры все уже успели позабыть, а Филдинг для верности заложил вход в нее пустыми коробками. Когда я нигде не мог найти англичанина, я знал, что он в своей личной курилке.

Находясь в здании «Тринити» и опасаясь за свою жизнь, рассуждал я, Филдинг вряд ли стал бы держать при себе кристаллический брелок. Спрятать его в кабинете было бы глупо — найдут при обыске. А вакуумная камера находилась на расстоянии всего одного этажа — и он мог быть уверен, что рано или поздно мне придет в голову мысль пошарить в его «курительной берлоге».

Я свернул на четвертый этаж и зашагал к лаборатории. Из двери справа вышли два инженера из фирмы «Сан микросистемс» и посторонились, пропуская меня. Я им улыбнулся и пошел медленнее, дожидаясь, пока они свернут за угол. Наконец я юркнул в лабораторию новых материалов.

Как я и ожидал, здесь никого не было. Я быстро отодвинул коробки, закрывавшие стальную дверь. Страшноватая на вид черная вакуумная камера походила на декомпрессионную камеру для ныряльщиков: иллюминатор, железное колесо, при помощи которого задраивают большой люк. Я крутанул колесо — люк открылся, автоматически включился свет внутри.

С бьющимся сердцем я зашел в камеру. Еще недавно на широких полках было полно инструментов, тисков и зажимов, валялись куски материала, который здесь испытывали. Пусто. Даже сами полки пропали. Идеальная чистота — словно прошлись шлангом со сжатым воздухом. «Гели Бауэр успела поработать!» — решил я.

Если Филдинга угораздило спрятать карманные часы в этой камере, теперь брелок уже в чужих руках. Я проворно выбрался из камеры — готовый к тому, что в лаборатории меня с кривой улыбкой подстерегает Гели Бауэр. Но в комнате по-прежнему никого не было. Я вышел в коридор и, ни с кем не столкнувшись, благополучно добрался по лестнице до третьего этажа. Тут, у пульта охранной службы, меня ожидал «телесный контакт» с толстяком Генри.

Всякий выходящий из здания «Тринити» подвергался личному обыску: из здания не то что компакт-диск клочок бумаги нельзя было вынести. Филдинг наверняка всякий раз хохотал в душе, когда Генри, с пыхтением проверяя каждый карман и каждую складку одежды, игнорировал кристаллический брелок часов.

Когда я подошел к столу, Генри что-то тихо говорил в микрофон на воротнике.

Я топтался у стола в ожидании обыска.

- Чего резину тянем, Генри? сказал я нетерпеливо.
- Минутку, профессор.

Мое сердце бешено заколотилось. Кто там с ним говорит? Возможно, Гели Бауэр как раз отдает приказ: задержать Теннанта, не дать ему выйти из здания...

— Извините, я тороплюсь, — сказал я. — У меня деловая встреча.

Генри покосился на меня, затем сказал себе в воротник:

— Ну да, он тут, рядом со мной.

Ну, слава тебе Господи. Если Гели спрашивает, где я, это значит, что она не отслеживала мой путь через видеокамеры и о моем странном крюке в лабораторию новых материалов не знает. Но теперь она спешит сюда. Моя лимбическая система кричала: делай ноги! Хотя это глупо: далеко ли я убегу? У миляги Генри на пузе автомат, и вряд ли он будет колебаться, стрелять или нет. Однако мне стоило великого усилия воли не побежать по галерее в сторону свободы.

Генри внимательно слушал чей-то голос в своем ухе, и вид у него был смущенный. Это окончательное решение? — наконец спросил он. — Ну ладно, будет исполнено.

Он встал из-за стола. Я вдруг понял, что настал, возможно, момент истины. Если Генри положит руку на автомат, я должен не думать, а делать то, что подскажет инстинкт выживания. Я весь напрягся — не спуская глаз с его правой руки, готовый к мгновенному действию. Но Генри шагнул ко мне и стал, знакомо покряхтывая, опускаться на корточки, чтобы начать стандартный обыск снизу сверх.

Итак, Гели в конце концов решила позволить мне выйти из здания. Почему? Да потому, что она до сих пор не знает наверняка, переговорил я с президентом или нет!

— Порядок, профессор, можете идти, — сказал Генри, заканчивая процедуру дружеским хлопком по плечу. — А мне было почудилось — она хочет, чтобы я вас тут задержал.

Я встретился глазами с Генри — странно он как-то смотрел, непонятно. И вдруг до меня дошло. Он любит Гели Бауэр не больше моего. И боится ее как сатаны.

Только-только я миновал бронированную стеклянную дверь и оказался на открытом пространстве, как зазвонил мой сотовый телефон. Я нажал кнопку и поднес телефон к уху.

- Да?
- Дэвид! Куда вы, черт возьми, пропали!
- Только не произносите вслух вашего имени! быстро крикнул я, узнав голос Рейчел.
  - Я уже час не могу до вас дозвониться!

Оно и понятно: медный панцирь «Тринити» блокирует сотовую связь.

- Говорите по-быстрому что случилось?
- Вы были в моем больничном кабинете сегодня утром?
  - В вашем кабинете? Разумеется, нет. А что?
- Там жуткий кавардак! Ваша история болезни пропала. И все вверх дном.

Тяжело дыша от волнения, я продолжал идти к своему автомобилю.

- Сегодня я даже в ваших краях не был. Да и зачем мне вламываться в ваш кабинет?
- Чтобы сделать свой бред более убедительным в моих глазах! Уверить меня в реальности ваших галлюцинаций! Доказать, что вас действительно преследуют!

Казалось, она на грани истерики.

- Погодите, вы что, вчера вечером ничего не поняли? так и ахнул я. Нам нужно срочно поговорить. Но не по телефону. Вы сейчас где, у себя в кабинете?
  - Нет, я на шоссе номер 15.

Значит, Рейчел где-то между медицинским колледжем университета Дьюка и Чапел-Хиллом.

- Вы в такси?
- Нет, утром я съездила и забрала свою машину.
- Давайте встретимся там, где вы застали меня за видеозаписью.
  - Вы имеете в виду...
- Вы знаете где! Я уже в пути. А теперь повесьте трубку.

Она подчинилась.

Мне понадобилась вся сила воли, чтобы последние метры до автомобиля пройти шагом, не сорвавшись на бег.

Глава 12

Белый «сааб» Рейчел был припаркован перед моим домом. Сама она сидела на ступеньке у входа — сгребла подбородок в ладошку и ждет, как старшеклассница звонка на урок. Вместо обычной «униформы» — шелковой блузы и юбки — на ней были джинсы и свободная белая хлопковая рубашка. Я посигналил. Она вскинула голову и без улыбки уставилась на мою машину. Коротко мах-

нув ей рукой, я загнал машину в гараж, прошел через дом и открыл парадную дверь.

— Извините, что заставил вас ждать, — сказал я, обшаривая улицу взглядом — нет ли незнакомых машин.

У Рейчел были красные, заплаканные глаза. Она вошла в гостиную, но не села, а беспокойно расхаживала по комнате.

- Расскажите подробней, что случилось.

Она на пару секунд остановилась, заглянула мне в глаза и возобновила свое беспокойное перемещение по гостиной.

- Я заглянула в больницу проверить пациента, который два дня назад пытался покончить жизнь самоубийством.
  - Ну и?..
- Решила забежать в свой кабинет и кое-что надиктовать в историю болезни. Как вошла, сразу поняла, что там кто-то побывал. То есть кабинет-то был заперт и замок не взломан, но шестое чувство подсказало что-то не то. Понимаете?
  - Вы же сказали «вверх дном».

Она заморгала.

- Ну, это я сгоряча. Но многие вещи не на своих местах. Я педант, люблю, когда у каждой вещи свое место. Книги по размеру, газеты и журналы в определенном порядке... не важно, можно долго перечислять.
- Вы сказали, история моей болезни пропала... Или это тоже маленькое преувеличение?
  - Пропала.
  - А другие истории болезни на месте?
  - **—** Да.
- Тогда все понятно. Хотя зачем воровать, когда так элементарно просто скопировать? К тому же я уверен, что ваши отчеты о сеансах со мной давно им известны прочитывались каждую неделю.

Рейчел застыла как вкопанная и недоверчиво воззрилась на меня.

Каким образом они это делали?

- Регулярно прокрадывались в ваш кабинет. Скорее всего в первую же ночь после каждого сеанса.
  - Почему же я прежде ничего не замечала?
  - Возможно, на сей раз они очень спешили.
  - Почему?
  - Они боятся.
  - Чего?
  - Меня боятся. Того, что я сделал. Или могу сделать. Она присела на краешек дивана, словно готовилась

она присела на краешек дивана, словно готови в любой момент сорваться и уйти.

- Давайте будем наконец точны в формулировках, Дэвид. Мне пора знать, они это кто? АНБ?
- И да, и нет. Они служба безопасности проекта «Тринити», который финансируется Агентством национальной безопасности.
- По-вашему, именно люди из службы безопасности убили Эндрю Филдинга?
  - Да.

Она устало прикрыла глаза.

— Мой друг в медицинской лаборатории проверил белый порошок, что вы мне дали. Там нет ни сибирской язвы, ни других известных патогенов или ядов. — Она открыла глаза и внимательно наблюдала за моей реакцией. — Дэвид, это самый обыкновенный песок. Гипс. Я имею виду минерал. Ничего страшного.

Я быстро соображал. Не может быть этот песок без значения, не может! Микрочипы делают из кремния, тоже своего рода песок. Возможно, Годин открыл некий новый полупроводник на основе гипса? Возможно, Филдинг пытался намекнуть мне на что-то, о чем он не мог прямо написать?

Вы пробовали еще раз дозвониться до президента? — спросила Рейчел.

Я с глупым видом вытаращился на нее.

— Что такое?

— Я же забыл проверить автоответчик. Из-148 вините... Я помчался в кухню. На автоответчике одно сообщение. Когда я нажал кнопку, на фоне легких потрескиваний раздался мужской голос:

— Профессор Теннант? С вами говорит Ивэн Маккаскелл, руководитель администрации президента. Мы встречались с вами в Белом доме пару лет назад. Только что получил ваше сообщение. Надеюсь, вам не надо объяснять, как мы все тут заняты. Я не имею права беспокоить президента, пока не знаю точно, о чем вы хотите с ним поговорить. Но с вами я хотел бы побеседовать безотлагательно. Пожалуйста, оставайтесь у аппарата. Я позвоню, как только у меня будет время.

Я испытал такое мощное чувство облегчения, что закружилась голова и пришлось опереться на стол. Автоответчик подсказывал, что Маккаскелл звонил двадцать минут назад.

- Кто это был? спросила Рейчел с порога кухни.
   Я нажал кнопку и дал ей прослушать сообщение полностью.
- Должна признать, сказала она, голос очень похож на голос Ивэна Маккаскелла.
- Похож? Это он и есть. Неужели вы вчера вечером не сделали никаких выводов из увиденного и услышанного?

Она отодвинула стул от кухонного стола и села напротив меня.

- Послушайте, Дэвид. Вы знаете, почему я здесь и почему я вчера вечером вам помогала?
  - Говорите, не томите.
  - Из-за вашей книги.
  - Из-за моей книги?
- Ну да. Каждый день в больнице я сталкиваюсь с вещами, про которые мне никто не говорил, когда я училась на врача. Конкретные тупиковые случаи, из которых нет никакого легального выхода. Жизненные дилеммы, по поводу которых у правительства не хватает мужества высказаться прямо. Вы, не бо-

ясь последствий, швырнули миру правду в лицо: смотрите и не закрывайте глаза! Правда об абортах. Что важнее — продлить на год жизнь умирающего человека или сохранить новую жизнь? Вы написали с предельной откровенностью об эвтаназии. Бог мой, вы даже осмелились рассказать, как помогли умереть собственному брату!

Я закрыл глаза, и мне представился старший брат. Разрушительное действие болезни привело сначала к тому, что он, полностью парализованный, мог только поднимать веки. А затем и этого не мог. В начале его смертельной болезни мы заключили определенный договор. Наступило время этот договор выполнить. Именно тогда я обещал помочь ему уйти из жизни.

— Что меня хвалить? — сказал я. — В последний момент я чуть было не отступил.

Она схватила меня за руку.

— Но в итоге ведь вы не отступили! Вы рисковали. Однако при этом помогли многим людям, которых вы лаже не знаете. Зато они знают вас. К примеру, вы мне помогли. И вот теперь вы больны, нуждаетесь в помощи уже не первый месяц, а обычная терапия в вашем случае не срабатывает. Вы возвели вокруг себя стену и не пускаете меня внутрь, не даете мне помочь вам! - Не выпуская мою руку, она смотрела на меня ласково и ободряюще. — Я верю, что вы участвуете в какой-то очень важной работе. Но позвольте мне задать вам вопрос. Если компьютер «Тринити» действительно будет таким, как вы его описываете, то почему вы? Ну да, вы написали замечательную книгу. И президент случайно был другом вашего покойного брата. Но, извините, разве это позволяет вам в одиночку быть экспертом по этическим проблемам такого масштаба?

Тут она попала в точку. Была еще одна причина. Я так долго держал ее в тайне, что каждое слово признания давалось мне с мучительным усилием.

Мой отец был ядерщиком, — тихо сказал
 я. — В войну работал в Лос-Аламосе. Самый

молодой физик, участвовавший в «Манхэттенском проекте».

Темные глаза Рейчел светились интересом.

- Продолжайте, продолжайте.
- Я закончил Массачусетский технологический институт. Факультет теоретической физики. Медицинское образование получил позже.
- Боже мой! Выходит, я действительно ничего о вас не знаю!

Я тронул ее за плечо.

- Вы знаете обо мне больше, чем кажется. Так вот, мой отец принадлежал к группе ученых, которые стали возражать против использования бомбы: Лео Сцилард, Юджин Вигнер и прочие. Немцы сдались, японцы не имели необходимых ресурсов для создания атомной бомбы. Группа моего отца настаивала на том, что достаточно показать японским военным действие нашей бомбы на полигоне, а не губить жизни десятков тысяч мирных жителей. Их доводы проигнорировали — никому не известный город Хиросима вошел в историю... Однако теперь мы живем в совсем другом мире. Как только президент осознал все значение замысла «Тринити». - ведь речь идет, в сущности, о том, чтобы освободить человеческий разум от смертного тела! - он понял, что ему задним числом не простят, если он не будет думать о моральной и этической сторонах революционных исследований. Публика расшумится, противники станут наживать на его небрежностях политический капитал. Вы же видите нынешнюю отвратительную свистопляску вокруг клонирования и использования ткани эмбрионов для генетических исследований! Поэтому он жестко потребовал иметь при проекте эксперта-надзирателя по этике. Он знал мою книгу и то, что широкая публика убеждена в моей способности без обиняков говорить правду. Плюс к этому он был лично знаком с моим братом. Плюс мое первое образование. Плюс тот факт, что мой отец участвовал в «Манхэттенском проекте» и протесто-151

вал против Хиросимы. Так сказать, моральный ригоризм у этой семьи в крови — и для учебника истории очень красиво! Словом, президент решил, что я самый подходящий кандидат для этой щекотливой работы.

Рейчел почала головой.

- Как же вас угораздило стать врачом, а не физиком? Все бы ей копаться в чужой голове! Или это обычное женское любопытство?
- После Хиросимы мой отец не знал покоя. Эдвард Теллер готовился делать водородную бомбу еще мощнее атомной. Оппенгеймер выступал против. Отец присоединился к его протестам... увы, тщетно. И решил уйти на другую работу. Однако генерал Гроувз хотел, чтобы он продолжал работать на войну, и отец в итоге согласился на перевод в федеральную научную лабораторию в Окридже, штат Теннесси. Там он занимался проблемами, не связанными напрямую с созданием термоядерного оружия.
- Отчего же он совсем не ушел из военной промышленности?
- В конце концов он это сделал. Но вспомните, был разгар «холодной войны». Патриотический долг и все такое. Да и ссориться с военными было себе дороже. Того же Оппенгеймера на протяжении многих лет травили за его неприятие водородной бомбы и не подпускали к большой науке. В Окридже папа познакомился с мамой. И вообще жилось там лучше. Родился мой брат. Я, незапланированный, появился на свет много лет спустя. Так сказать, дитя оплошности. Я улыбнулся, вспомнив, с какой трогательной неловкостью родители на старости лет признались мне в этом. Я вырос в Окридже, но когда был подростком, папа бросил ядерную физику, и мы перебрались в Хантсвил, штат Алабама, где он стал работать на космос.
  - Пока не вижу связи с медициной.
- Мама была педиатром в Окридже. Совершила много хорошего. Было нетрудно заметить, что от своей работы она получала гораздо больше удовлетво-

рения, чем отец от своей. Вот это и повлияло на меня в конечном итоге.

Я время от времени бросал взгляд на телефон: ну зазвони, зазвони!

— Вчера вечером я сказал только часть правды. Когда президент предложил мне работать над проектом «Тринити», это показалось мне диковинным актом высшей справедливости. Судьба давала мне возможность, которой отец не имел в Лос-Аламосе, осуществлять хоть какой-то нравственный контроль, не пускать на самотек научные работы, которые грозят навеки изменить наш мир, и пока что непонятно, в какую сторону. Именно это я ощутил в день посещения Овального кабинета. Потому и влип!

Рейчел с убитым видом вздохнула.

- Стало быть, это все реально, да? Я имею в виду «Тринити».
- Реальнее некуда... И я страшно рад, что мне хотя бы Маккаскелл перезвонил. Президент нам сейчас нужен позарез!

Я вскочил, чтобы еще раз с детской радостью прослушать Маккаскелла на автоответчике, и тут меня качнуло от странной слабости. Я надеялся, что это просто нервное истощение, но в коренных зубах уже начинался знакомый «электрический зуд». Я вспомнил, что так и не пополнил запас амфетаминов. Кинулся к холодильнику, достал банку «Маунтин дью», проворно открыл ее и стал пить, пить — в надежде, что содержащийся в ней кофеин предотвратит приступ.

Рейчел с беспокойством за мной наблюдала.

- Дэвид, с вами все в порядке? Вы как-то нетвердо стоите на ногах.
- Похоже, сейчас вырублюсь, сказал я, делая еще один глоток «Маунтин дью».

У Рейчел округлились глаза.

- Вырубитесь? Неужели приступ нарколепсии?

До сих пор она ни разу не видела меня во время приступа. Я кивнул: да, нарколепсия. В тот же момент словно что-то черное мелькнуло перед глазами, оставив меня с тягостным чувством разлитой в воздухе неопределенной угрозы, словно кто-то невидимый вломился в комнату, и теперь я ощущаю его враждебное присутствие.

- Что-то я упустил...
- Вы о чем?

Моему мысленному взору предстала Гели Бауэр.

— Мы в опасности, в опасности, — забормотал я.

Рейчел была страшно взволнована, но, похоже, боялась больше за меня, чем какой-то беды извне.

- Что за опасность?
- Все одно к одному. Годин вдруг дарит трехдневный отпуск... Из вашего кабинета крадут мою историю болезни... И Маккаскелл звонит как-то кстати. Я определенно что-то недопонимаю, но сейчас слишком утомлен, чтобы думать...
- А я-то полагала, что звонок Маккаскелла хорошая новость!
  - Хорошая. Да вот только...

Несмотря на непреодолимую сонливость, я ощутил отчаянную потребность в оружии. Револьвер меня бы очень успокоил.

- С-сделайте одолжение. Подождите меня тут две м-минутки.
  - Что такое? Вы куда? забеспокоилась Рейчел.
  - К соседу.

Я быстро зашагал к задней двери.

- Дэвид! А если вы отключитесь?
- Никому не открывайте! крикнул я. Если зазвонит телефон, снимите трубку и скажите, что я через секунду буду.

Выбежав из дома во двор, я продрался через живую изгородь, которая отделяла участки друг от друга. Рысцой пробежав три двора, я оказался у того соседского са-

райчика, за которым сегодня ночью — приблизительно в два часа утра — спрятал закопченную картонную коробку Филдинга. В коробку с его электронной «волшебной палкой» для поиска микрофонов я сунул свое недозаписанное видеопослание президенту, письмо Филдинга и револьвер.

Ночью я принял решение не стрелять в людей, которые явятся по мою душу. И спрятал револьвер от самого себя. Теперь это решение показалось мне наивным. Бороться нужно до конца! Я опустился на колени, нашарил в высокой траве коробку, схватил ее и помчался обратно — через соседские живые изгороди. Исхлестанный ветками, я наконец оказался в своем дворе. Бежал я уже на автопилоте, тупо тараща глаза. Меня разбирало все больше и больше. Ноги заплетались — словно я крепко перебрал.

Рейчел поджидала меня у задней двери.

О, это же вчерашняя коробка! — воскликнула она. — Зачем она вам?

Я снял крышку, чтобы Рейчел увидела револьвер. Она отшатнулась.

- Дэвид, вы меня пугаете!
- Вам нужно побыстрее исчезнуть отсюда. А как только я поговорю с Маккаскеллом, вы будете в полной безопасности.

Я положил коробку на пол, вынул из нее револьвер, сунул его себе за пояс и повел Рейчел к двери на улицу.

— Проведите сегодняшний день в каком-нибудь многолюдном месте — скажем, в большом торговом центре. Посидите там в кафе, пройдитесь по магазинам. К себе домой ни ногой — до тех пор, пока я не позвоню и не скажу, что все в порядке.

Она вдруг уперлась и повернулась ко мне.

— Прекратите, Дэвид! Никуда я не пойду. Вы сейчас в таком состоянии, что можете случайно нажать курок и застрелить себя.

Я хотел отвечать, но мой язык заплетался все больше и больше, в глазах темнело. Похоже, через минуту я потеряю сознание. 155

Я отключаюсь...

Она схватила меня за руку и потянула в гостиную, ища глазами, куда бы меня усадить или положить. Я слабо махнул рукой в сторону гостевой спальни. Наполовину на себе она дотащила меня до кровати и дала мне рухнуть поперек матраца.

- Есть у вас лекарство?
- Кончилось.

Звук удаляющихся шагов. Потом стук дверец кухонных шкафов и голос Рейчел, которая вслух рассуждала сама с собой. Когда ее голос стал приближаться, я коекак перевернулся. Темный силуэт в дверном проеме.

- Кофе уже варится... Вы еще соображаете?
- Отчасти.

Рейчел следила за мной профессиональным взглядом — как за кроликом во время медицинского эксперимента.

— У вас на кухне шаром покати. Только чипсы и кусок окаменелого сыра. Когда вы последний раз были в супермаркете?

Я честно постарался вспомнить. В прошлые недели я работал как проклятый, без перерывов и пауз: помогал Филдингу — впрочем, почти ничего не понимая в тех экспериментах, которые он проводил.

Рейчел присела на кровать рядом со мной и прохладными кончиками пальцев нащупала мою сонную артерию.

— Я такой же была в свое время... — Глядя на часы, она шепотом считала удары пульса. — Я имею в виду, после того как сына потеряла. Тоже не помнила, когда последний раз была в супермаркете. Счета не оплачены. Посуду вымыть, самой помыться или почисть зубы — труд непосильный. Думаю, мужчине тяжелей вернуться к нормальной жизни. Женщины больше любят порядок — и через какое-то время начинают через силу заниматься домашним хозяйством. Рутинная работа по-

тихоньку вытаскивает из ямы. Именно она не дала **156** мне свихнуться.

Я слабо улыбнулся. Мне нравилось, что Рейчел, даром что профессиональный психиатр, не избегает слов типа «свихнуться». Мне нравилось чувствовать ее пальцы у себя на шее. Это прикосновение мне кого-то напомнило — только я не мог понять, кого...

- Когда у вас день рождения? вдруг спросила она.
   Я не мог вспомнить.
- Дэвил!!!

Меня накрыла черная волна — я погрузился во тьму.

Я иду по тротуару в пригороде, разглядывая ровные ряды аккуратных домиков.

Это улица Плакучих Ив. Я живу на улице Плакучих Ив— по крайней мере приезжаю сюда ночевать.

Но эта улица имеет мало общего с той, на которой я жил мальчишкой. На улице Плакучих Ив одних соседей я знаю только в лицо, других не знаю вообще. АНБ приказало мне не заводить друзей среди местных жителей, и этот приказ выполнить легче легкого. На улице Плакучих Ив никто не спешит знакомиться с соседями. В Окридже дома были поменьше и поплоше, зато каждого в округе я знал по имени. В Окридже моего детства ребятишки больше времени проводили на улице, чем дома. Здесь, на фешенебельной улице Плакучих Ив, газоны подстригают наемные садовники. А в Окридже лужайки были крохотными феодальными владениями: отцы семейств могли часами обсуждать, какая марка газонокосилки лучше, когда и какие удобрения следует вносить в почву.

Пройдя поворот, я вижу собственный дом. Белый с зеленым кантом. Со стороны очень уютное жилище, но своим Домом я его никогда не чувствовал. Черный лабрадор шествует в одиночку через улицу — здесь так странно видеть собаку без владельца. По улице катит «лексус». Проезжая мимо, машина замедляет движение. Я приветливо машу рукой водителю — статной женщине властного вида. Она не отвечает и смотрит на 157

меня настороженно, словно я опасный чужак. Я перехожу улицу и оказываюсь у двери своего дома.

Достав из заднего кармана ключ, вставляю его в замок, который находится прямо в шарообразной дверной ручке. Но... но это же не мой ключ! Это что-то тонкое и длинное, похоже на короткий напильник с массой зазубрин. Недолго поорудовав отмычкой, я слышу щелчок, открываю дверь, быстро проскальзываю внутрь и закрываю дверь за собой.

Сую руку в правый карман. Там что-то большое и прохладное. Я вынимаю пистолет. Вижу его впервые. Из другого кармана достаю перфорированный глушитель и неспешно навинчиваю на ствол. Пистолет с глушителем смотрится особенно красиво, как законченное произведение искусства. Стоя в передней, я слышу звон посуды в кухне. Там кто-то есть. Я осторожно ступаю вперед проверяю, не скрипят ли половицы, затем проворно крадусь в сторону кухни...

Я очнулся в дикой панике и тут же выхватил револьвер из-за пояса. Не пистолет — револьвер. И без глушителя. Хотел окликнуть Рейчел, но вовремя одумался. Одним рывком скатился с кровати и на цыпочках пошел к двери спальни.

Сначала я услышал, как Рейчел тихо напевает что-то себе под нос. Кажется, «Калифорнию» Джонни Митчелла.

Затем услышал, как в передней скрипнула половица. Я глубоко вдохнул и затаил дыхание.

Скрипнула другая половица. Кто-то медленно, очень медленно пересекал переднюю справа налево. Закрыв глаза, чтобы лучше улавливать звуки, я ждал. Через секунду скрипнуло опять. Я начал про себя медленно считать: раз, два, три... Досчитав до десяти, положил руку на дверную ручку и стал ее поворачивать. Повернув до упора, я рва-

нул дверь на себя и, с револьвером в вытянутой **158** руке, выскочил в переднюю, целясь влево.

Там, слева от меня, стоял высокий молодой блондин — почти на пороге кухни. Его вытянутые вперед руки были уже в кухне и мне не видны. Но в них, несомненно, был пистолет с глушителем.

Я нажал на спусковой крючок.

Ни выстрела, ни отдачи. Я забыл взвести курок! Спусковой крючок прошел только половину пути. Пока я исправлял свою ошибку, блондин резко повернулся, и я увидел знакомый черный пистолет с глушителем. Я смотрел прямо в бездонную черную дыру его дула. Но тут револьвер наконец сработал. Громыхнул выстрел, и я машинально закрыл глаза. Когда я их открыл, блондина передо мной не было. Он лежал на полу.

Визг Рейчел иглой вонзился в мои барабанные перепонки.

Из головы блондина хлестала кровь. Я сделал несколько быстрых шагов вперед и с силой наступил на запястье руки, все еще сжимавшей пистолет. Рейчел продолжала визжать как резаная. Я быстро посмотрел в ее сторону. Лицо серое от ужаса, рот безобразно распахнут в крике.

— Прекратите! — заорал я. — Заткнитесь!

Она продолжала стоять с открытым ртом. Но больше не кричала.

Я выхватил пистолет из руки блондина, затем проверил его плечевой пульс. Нитевидный. Пуля вошла в голову чуть выше правого уха. Стекленеющие серые глаза открыты, зрачки расширены и неподвижны. Наклонившись, увидел ошметки мозга на полу. Парень и пяти минут не протянет.

Я не столько увидел, сколько ощутил, что Рейчел вышла. Я выпрямился и посмотрел в сторону кухни. Рейчел держала в руке телефон.

- Поставьте на место!
- Нужно вызвать «скорую»!
- Ему не выжить.
- Откуда вам знать?!

- Как врачу мне все понятно. Не верите, сами осмотрите его. А был бы шанс его спасти все равно я бы не рискнул звать на помощь.
  - Но почему?
- Кто, по-вашему, вломился к нам средь бела дня?
   Обкуренный бродяга? Сбежавший из дурдома психопат?
   Поглядите на него внимательно!

Рейчел пару секунд молча разглядывала умирающего.

— Первый раз вижу. Вы с ним знакомы?

Я впервые по-настоящему вгляделся в лицо блондина. Не то чтобы я с ним был знаком, однако прежде видел. Проходил мимо него, направляясь на стоянку автомобилей у здания «Тринити». Высокий, сероглазый... подобно Гели Бауэр, он походил на альпиниста-экстремала или элитного десантника.

 Я и впрямь знаю этого парня! Он работал под началом Гели Бауэр.

Рейчел потерянно смотрела на меня.

- Что за Гели?
- Некоронованная королева «Тринити». Правая рука Година. И цепной пес АНБ. Кто-то из хозяев приказал ей убрать и меня. А заодно, очевидно, и вас.

Трудно, неимоверно трудно было признать очевидное — меня «заказал» лично Питер Годин: кто же не знает, что в «Тринити» ничего не происходит без его одобрения!

- Нам следует вызвать полицию, сказала Рейчел. Они поймут. Этот тип хотел меня застрелить, и вы меня защитили. Это самооборона... или, на худой конец, убийство при смягчающих вину обстоятельствах.
- Полиция? Я же вам сказал, местная полиция не имеет права соваться в дела АНБ.
- При чем здесь АНБ? Он вломился в чужой дом и мог убить хозяев. Обычная уголовщина.

Я горько усмехнулся:

— АНБ — самая большая и самая секретная 160 спецслужба в Соединенных Штатах. Все, что они делают, имеет гриф «совершенно секретно». К примеру, без специального судебного постановления ни один полицейский следователь не войдет в штаб-квартиру АНБ в форте Джордж-Мид.

- Тут вам не форт Джордж-Мид!
- Каждый аэнбэшник ходячий форт Джордж-Мид. К чему ни прикоснется АНБ, все становится фортом Джордж-Мид!.. Поймите же, пока я не переговорю с президентом, мы можем полагаться только на самих себя. Никто нам не поможет, никто нас не выручит.

Рейчел с ужасом смотрела на растущее озерцо крови под головой убитого.

- И все-таки не исключено, что это просто обкуренный бродяга, — сказала она упрямо.
- До чего же туго до вас доходит! Ведь именно поэтому они украли мою историю болезни из вашего кабинета!
  - Что вы имеете в виду?
- Они готовились к вашему убийству. Нет чтобы скопировать мою историю болезни и оставить ее на месте они ее выкрали! Значит, не хотели, чтобы полиция Дарема после вашей гибели нашла ниточку, которая может вывести их на проект «Тринити».

Хотя Рейчел недоверчиво качала головой, против моей логики возразить было нечего. Я сунул пистолет с глушителем за пояс, а свой «смит-вессон» взял в правую руку.

 Двигаем отсюда. По-быстрому. Возможно, он не один явился и где-то рядом другие.

Ее глаза округлились.

— Другие?

Внезапно мне все стало ясно.

— АНБ прослушивает мои телефоны. Как только Ивэн Маккаскелл наговорил сообщение на мой автоответчик, они поняли, что я до сих пор не побеседовал с президентом. Это был для них зеленый свет: можно прикончить! Я, дурак, так обрадовался звонку Маккаскелла, что не просчитал его роковые последствия.

161

Я схватил Рейчел за руку. Ее ладонь была холодная и мягкая.

- Нам надо удирать. Без промедления. Иначе нам конец.
  - Удирать куда?
- Куда угодно. Только бы поскорее исчезнуть отсюда.
  - Нет. Мы ничего дурного не совершили.
  - Это никого не интересует.

Я показал ей рукой на тело в луже крови (теперь уже было очевидно, что парень больше не дышит).

- По-вашему, и этот труп моя галлюцинация?
- Вы убили его, сказала она голосом обиженного ребенка.
- И ни секунды не жалею. Он собирался пустить пулю вам в лоб.

Рейчел пошатнулась. Я поддержал ее и повел в спальню для гостей, где еще несколько минут назад я лежал без сознания.

— Побудьте здесь. Мне нужно кое-что взять. — Я пытался сунуть ей в руки пистолет, но Рейчел с ужасом его оттолкнула. — Да берите же! — настаивал я, силой вкладывая пистолет ей в руку. — Запомните: выйдете из дома одна — вас тут же шлепнут.

Рейчел отупело таращилась на меня.

Я вынул из-за пояса пистолет с глушителем и снял его с предохранителя.

- Обещайте ждать.
- Обещаю, сказала она убитым голосом.

Я побежал по лестнице на второй этаж. Моя спальня была слева от лестницы, а справа — пустая спальня, которую я превратил в чулан. Я подтянул старенький стул к шкафу, залез на шкаф, дотянулся до листа фанеры, который закрывал лаз на чердак, и отодвинул его. Потом, крякнув от напряжения, на руках подтянулся вверх.

Полусогнувшись, чтобы не разбить голову о 162 гвозди, торчавшие из балок надо мной, я огляделся. Через вентиляционные отверстия проходило немного света — достаточно, чтобы сориентироваться. Почти на четвереньках я переместился влево. Там, метрах в пяти от лаза, валялись молоток и ломик. Четыре недели назад я нарочно швырнул их на покрытую толстым слоем пыли розовую изоляцию из стекловолокна, чтобы они производили впечатление небрежно брошенных и забытых. Потом я двинулся дальше — к тайнику под полом чердака. Молотком круша дерево, я вбил ломик между толстыми фанерными панелями, налег на него и поднял одну из панелей. Там, в черной яме между балками, лежала небольшая нейлоновая спортивная сумка. Я вытащил ее, открыл «молнию» и в неверном свете увидел прямоугольник паспорта и две толстые, перехваченные резинками пачки банкнот. В каждой по сто штук. Двадцать тысяч долларов.

Пять недель назад, когда Филдинг приказал мне на всякий случай заготовить в тайнике «узелок на черный день», я подчинился ему со смехом, лишь бы не спорить. Но мудрый Филдинг знал, что неминуемое произойдет — и тогда я буду несказанно благодарен ему за предусмотрительность. Я затянул «молнию», на четвереньках дополз обратно до отверстия и швырнул мешок на пол чулана. Затем нырнул в отверстие, повис на руках, нашупал ногами шкаф и встал на него. Машинально закрыл отверстие куском фанеры. Оказавшись наконец на полу, я живо представил себе, как Рейчел в панике бежит вон из дома. Схватив мешок, я ринулся вниз.

Однако она по-прежнему сидела на кровати в состоянии нервного ступора.

- Пора уходить. Ну, готовы?

Она только моргала.

Я схватил ее за руку и заставил встать.

— Умоляю вас, будьте хорошей девочкой, придите в себя на пять минут. Будем в безопасности — тогда и шлепайтесь в обморок. Все, идемте!

Я повел Рейчел через гостиную и кухню к большой кладовке, из которой можно было по-

пасть в гараж. На пару секунд оставил ее в кладовке, сбегал к задней двери и взял коробку Филдинга. Вернувшись, отобрал у Рейчел пистолет и сунул ей в руки коробку. Она подчинялась, как механическая кукла.

— Не выпускайте это из рук, — приказал я. — И ждите здесь, я позову.

Чтобы не дать страху возобладать, я сразу, рывком открыл дверь и выскочил в гараж, держа пистолет в вытянутой руке и водя им из стороны в сторону, готовый стрелять в любом направлении.

В гараже вроде бы никого.

Я быстро обошел свою «акуру», торопливо опустился на колени и заглянул под нее.

- Сюда, Рейчел! крикнул я поднимаясь. Быстро! Ее туфли зацокали по гладкому цементу. Я открыл Рейчел дверь со стороны пассажира, забрал у нее коробку Филдинга и положил на заднее сиденье.
- Если случится что-нибудь плохое, то оно случится прямо сейчас, сказал я, кладя руки на руль. Пригнитесь так, чтоб вас не было видно.

Рейчел сползла вниз, но макушка осталась на уровне бокового стекла.

— Ниже, совсем на пол. — Я рукой надавил ей на голову. — Сидите там и не высовывайтесь!

Я коснулся кнопки на пульте дистанционного управления, прикрепленного к солнцезащитному щитку. С легким подвыванием широкая белая дверь гаража медленно пошла вверх. Сжимая в руке пистолет, уже с опытом убийства, я оглядывался назад на растущий прямоугольник света, ожидая увидеть чьи-то ноги.

Никого.

Как только дверь гаража поднялась на минимально необходимую высоту, я дал полный газ задним ходом. «Акура» визгнула шинами о цемент и выкатила на слепящее солнце. Нажав кнопку на пультике, чтобы дверь гаража закрылась, я круто развернул машину, нацелил ее

на улицу Плакучих Ив и только после этого затормозил.

- Что случилось? крикнула Рейчел, испуганная внезапной остановкой.
  - Не высовывайтесь!

В том случае, если на улице не будет ничего подозрительного, я планировал отъехать от дома, не торопясь и не привлекая к себе внимания. Но пока машина стояла, я явственно ощутил себя в прицеле невидимого стрелка, и нервы у меня сдали. Я так рванул с места, что гравий полетел из-под колес, и по тихой улице Плакучих Ив машина понеслась, будто на гонках, с трудом вписываясь в повороты.

Глава 13

В центре безопасности здания «Тринити» Гели Бауэр стоя разговаривала через головной телефон со Скоу.

- Мы слышали выстрел. В доме Теннанта.
- А вы чего ждали? насмешливо осведомился Скоу. Идиот.
- У Риттера пистолет с глушителем!
- А Теннант вчера шлялся с оружием, так?
- Так.

Скоу молча переваривал информацию.

- Это еще не значит, что Риттер не справился с заланием. — наконец сказал он.
- Да, подобное развитие событий мне трудно представить.
  - Ладно. Что предпримем?

Гели всегда считала Скоу бумажным тигром; теперь, когда засвистели пули, он действительно поджал хвост и ждет указаний от нее.

- Я велела команде отойти, чтобы не вызывать лишних подозрений. Но если в течение пяти минут успех операции не подтвердится, я верну ребят проверить, что произошло.
  - Они под прикрытием?

- Да, фургон «Чистка ковров на дому».
- А если соседи сообщат местной полиции о выстреле?
- Не исключаю такой возможности. Поэтому и убрала команду. Если полицейский патруль появится прежде, чем мы почистим дом...
- Пошлите их куда подальше, суньте им в нос свои удостоверения и скажите, что дом под нашим контролем! Хоть под конец разговора Скоу проявил себя как мужчина. И тут же обо всем докладывайте мне.
  - Обязательно.
  - Bce.
  - Погодите.
  - Что у вас еще?

Гели надоело в темноте тыкаться в стены. Она хотела иметь прямые ответы на прямые вопросы.

- Теннант спрашивал меня про карманные часы Филдинга.
  - Что за карманные часы?

Дурачком прикидывается, сукин сын!

— Сегодня утром я перепроверила личные вещи Филдинга в нашей камере хранения. Все на месте. А часы пропали.

Скоу помолчал. Затем, словно размышляя вслух, промолвил:

- Очевидно, Филдинг что-то сказал Теннанту про часы.
  - А вы не хотите что-то сказать про часы мне?
  - Эта информация для вашей работы несущественна.
     Ноздри Гели задрожали от ярости.
  - Все, что на уме у Теннанта, существенно.
- Верно. Часы вещь в этом деле существенная, да только не для вас. Итак, держите меня в курсе, я должен знать, что происходит в доме.

Скоу повесил трубку.

Гели упала в кресло. Как она ненавидела, когда с ней обходились как с дебилкой! Но такова уж природа всякой секретной работы. Или вообще ничего не говорите подчиненным, или травите им небылицы. Гели свято верила в то, что всякий должен знать не больше положенного и не пытаться узнать больше. За два года в проекте «Тринити» у нее ни разу не возникало желания узнать, а над чем, собственно, тут работают все эти придурковатые гении. Но теперь ситуация изменилась.

После того как проект был приостановлен, Питер Годин вдруг стал надолго пропадать — якобы у него срочные дела в калифорнийской штаб-квартире его компании. Гели мало-помалу перестала верить в эту сказку. Иногда Годин прихватывал с собой Рави Нара — и этому не было разумного объяснения. Рави Нара не имел ни малейшего отношения к фирме «Годин суперкомпьютинг». И вдобавок Годин явно терпеть не мог невролога!

А теперь Годин вообще словно в подполье нырнул. И уволок с собой карманные часы Филдинга?.. Что же особенного в этих часах, почему вокруг них какая-то нездоровая суета? Как только Филдинг прибыл, чтобы работать в проекте «Тринити», техники АНБ прилежно разобрали эти злосчастные, до безобразия исцарапанные старинные золотые часы и убедились, что в них не скрывается никакого устройства для записи информации. Филдингу было дозволено ими пользоваться. Несколько месяцев назад, в выбранный наугад день, демонтаж часов был повторен. Все чисто, без подвоха. Так чего же ради их тайно изъяли из камеры хранения?

Гели мысленно представила себе эти чертовы часы, благо видела их не раз. Массивный золотой футляр со следами долгой службы. И цепочка с брелком-кристаллом на конце — чтобы закреплять при желании в кармашке жилета. Кристалл совершенно прозрачный. Что в нем спрячешь? Она понятия не имела, что можно спрятать в прозрачном крохотном предмете. Хотя эта ученая шатия горазда на выдумки...

На прямой линии связи с АНБ замигал красный огонек. Гели переключила звонок на головной телефон.

- Бауэр.
- Джим Конклин.

Конклин был закрепленный за ней сотрудник «Крипто-сити» в форте Джордж-Мид.

- Как дела?
- Мы по-прежнему контролируем разговоры с телефонов-автоматов вокруг дома Эндрю Филдинга. Все аппараты в радиусе трех миль, двадцать четыре часа в сутки. Вы ведь не отменили запрос.
  - И не собираюсь.
- Должен извиниться за промедление. Массовое прослушивание телефонных разговоров в рамках антитеррористической программы до такой степени напрягает наши компьютеры, что они справляются с распознаванием голосов с опозданием в несколько дней.

У Гели чаще забилось сердце.

- Всплыло что-то интересное?
- Да, четыре дня назад Эндрю Филдинг звонил из магазинчика при автозаправке. Думаю, вам будет любопытно послушать.
  - Можете переслать звуковой файл?
- Конечно. По Вебуорлду. Вебуорлд внутренняя сеть АНБ высокой степени безопасности, к которой Гели, не будучи официально сотрудницей АНБ, была допущена в порядке редкого исключения. Могу сопроводить спектрограммой распознавания.
- Ни к чему. Голос Филдинга мне известен, в подтверждении не нуждаюсь.
  - Через пару минут получите.

Гели отключила связь, покосилась на часы и сказала:

- Фотография, Филдинг, Эндрю.

Снимок Филдинга появился на экране компьютера. Седовласый, красивый, скуластый мужчина. Румянец на щеках выдавал пристрастие к джину. Но главным на лице были глаза, сразу берущие в плен. Ярко-

синие, проказливые — и в то же время ошеломляюще умные, проницательные. Всматриваясь в эти глаза, Гели понимала, каким могучим противником был Филдинг. Даже сейчас, мертвый, он продолжает оказывать на события огромное влияние.

Иконка только что присланного звукового файла появилась в правом верхнем углу экрана. Молодцы эти ребята в АНБ — ворон не считают! Она хотела было щелкнуть по иконке, но тут в наушниках запищал сигнал кризисной связи: вызывала команда в фургоне «Чистка ковров на дому».

- Что случилось?
- К нам катит полицейский патруль. Не иначе как кто-то стукнул про выстрел.

Гели устало закрыла глаза. Ну вот, настала пора размахивать удостоверением федеральной власти, чтобы наложить арест на дом Теннанта и не пустить в него муниципальную полицию. Придется АНБ засветить свое присутствие в Чапел-Хилле.

- Уже еду.
- Конец связи.

Гели нажала кнопку тревоги на столе. Сигнал означал срочный общий сбор, и его услышат все ее сотрудники, где бы они ни были — в здании «Тринити», или в наружном наблюдении, или дома в постели. Через две минуты все силы начнут подтягиваться к дому Дэвида Теннанта.

Глава 14

Я уже собирался выехать на автостраду, как вдруг сообразил, что делаю ошибку. Скоростное шоссе только кажется самым быстрым и надежным путем бегства. Зная Гели Бауэр, я не мог так рисковать. Поэтому на середине улицы Гикори я сделал поворот на 180 градусов, проехал обратно и повернул на улицу Вязов. 169

- Это что за маневр? нахмурилась Рейчел.
- Вы когда-нибудь охотились на кроликов?

Она удивленно заморгала.

Какие кролики? Я родилась и выросла в Нью-Йорке!

Мы обогнали женщину на горном велосипеде с малышом в креслице над задним колесом. Она приветливо помахала нам рукой... Полный сюр при наших обстоятельствах!

— Спасая жизнь, кролик мчится не по прямой, а зигзагами, — сказал я. — Но всегда в итоге делает круг, возвращаясь к исходному месту. Это весьма неплохая стратегия, когда хочешь спасти свою шкурку; по крайней мере против лисы срабатывает. Но охотники, разумеется, эту кроличью манеру знают. Именно поэтому нужны собаки. Они преследуют кролика, а охотник преспокойно ждет у места, где его псы подняли кролика — чтобы пристрелить, когда он сделает круг и вернется.

Рейчел передернуло.

- Какое варварство!
- Зато ужин обеспечен. Я это к тому, что от нас ожидают бегства по прямой так сказать, людским манером. А мы займем хитрости у кролика.
  - И что мы выгадаем от... от зигзагов?
- К примеру, автомобиль. На моей машине мы далеко не уедем. На вашей тоже.
- А где нам взять автомобиль, про который преследователи ничего не знают?
  - Расслабьтесь. Все будет в порядке.

Улица Вязов обегала наш пригородный поселок. Доехав до восточного конца Вишневой, которая шла параллельно моей улице Плакучих Ив, я свернул в нее. Теперь слева, в просветах между домами, мелькали крыши домов на моей улице. Увидев крышу собственного дома, я поехал медленнее и метров через сто увидел то, что

искал. Сине-белый щит «Продается». На длинном изгибе подъездной дороги к дому, выставленному

на продажу, не было ни одной машины. Я свернул на подъездную дорогу, но вскоре съехал с цементной полосы в проем между густыми кустами самшита и поставил машину за ними — так, чтобы она не была видна с улицы.

— Следуйте за мной, — приказал я, выходя из «акуры». Рейчел, которая все еще сидела на полу, открыла дверь и почти вывалилась на землю. В лице ни кровинки, руки дрожат. Бедняжка до сих пор не оправилась от выстрела в моем доме. Впрочем, и я был потрясен до глубины души. Да, однажды я уже убил. Собственному брату сделал укол обезболивающего со смертельным калием и затем был вынужден наблюдать, как последняя искра сознания уходит из его глаз. Но вышибить человеку мозги пулей из револьвера — это совсем другое. Я отлично понимал: когда Гели Бауэр узнает, что я уложил парня из ее команды, она небо и землю перевернет, но мне отомстит.

Я подошел к Рейчел и обнял ее — как когда-то обнимал жену и дочь.

— Все будет хорошо, все будет замечательно... — приговаривал я, нисколько не веря своим словам. У волос Рейчел был знакомый аромат. Моя жена использовала тот же шампунь. Я постарался прогнать воспоминания. — Только не останавливаться. Вы понимаете?

Она покивала головой, прислоненной к моей груди. Я ласково погладил ее по волосам. В реальность происходящего просто не верилось. Еще полчаса назад я был убежден, что кошмар закончился. Ивэн Маккаскелл вотвот перезвонит, президент возьмет дела в «Тринити» под свой контроль, и нас уже никто не посмеет тронуть. А теперь все надежды — псу под хвост!

— Прогуляемся чуток, а потом позаимствуем автомобиль. Никто на нас внимания не обратит. С коробкой Филдинга мы похожи на коммивояжеров. Вы как, справитесь?

Я взял из машины черную коробку, и мы с Рейчел пошли по Вишневой.

— Здешние задние дворы отделены живой изгородью от участков на моей улице, — пояснил я. — Через минуту сами увидите. Мы проберемся сквозь кусты в нужное место.

По тротуару мы прошли обратно сотню метров — до той самой точки, откуда я видел из машины крышу собственного дома. Когда мы миновали еще два газона перед домами, я остановился и сказал:

— Вот здесь самый короткий путь.

За деревянным забором с калиткой начиналась тропинка между участками, соединявшая две улицы.

— Если заперто, придется лезть через забор.

По счастью, калитка была только прикрыта. Никого не встретив, мы дошли до живой изгороди, продрались сквозь нее и оказались за тем сараем, за которым я раньше прятал коробку Филдинга. Я понятия не имел, чем занимается владелец этого участка. Скорее всего много путешествующий коммерсант, потому что его по нескольку дней не бывало дома.

Внутри сарая царил полумрак, воняло дохлыми мышами и машинным маслом. На деревянной панели стены висели на крючках инструменты. Но ломика наподобие того, каким я орудовал у себя на чердаке, не было. Я осмотрел полки, потом наклонился и заглянул под них. В основном рыболовные снасти, а мне требовалось чтонибудь тяжелое, металлическое.

- Меня мутит, сказала Рейчел.
- Это от запаха. Идите на воздух.

После того как она вышла, я наконец нашел в углу подходящий инструмент — двенадцатифунтовую кувал-ду. Довольный, я схватил ее и вышел во двор. Рейчел стояла согнувшись и уперев руки в колени. Увидев меня, она быстро выпрямилась.

- А это зачем? спросила она.
- 172 Не отставайте, коротко приказал я.

Я подбежал к задней двери дома, хорошенько размахнулся кувалдой и, с одного удара проломив дверь, вышиб замок. Бросив кувалду, я шагнул внутрь. Рейчел за мной. Я ожидал чего-то вроде воя сирены, но в доме царила тишина. Если там и была сигнализация от воров, то бесшумная, напрямую связанная с охранной службой.

- Нам нужна кухня, сказал я.
- Туда. Чувствую запах чеснока и средства для мытья посуды.
- Ищите крючки на стене. Там обычно висят автомобильные ключи.
  - Здесь темно... Может, свет включите?

Я щелкнул выключателем. Мы стояли в образцовой кухне богатого человека: полный набор бытовой техники, дорогие кастрюли и сковородки девственной чистоты. Пока Рейчел осматривала стены, я шарил по ящикам.

- Ключ! радостно закричала Рейчел.
- Это от машины-газонокосилки. Ищите дальше.
- Я выдвигал ящик за ящиком, но безрезультатно.
- Почему вы выбрали именно этот дом? спросила Рейчел.
- Здесь живет холостяк, который много летает по миру. И у него два автомобиля.
- Ура, нашла! Она сняла с крючка под навесным шкафчиком квадратный черный ключ. — Это от «ауди».
  - Точно, Илемте.

В доме чувствовалась рука архитектора, который строил и мой дом: чтобы попасть в гараж, нужно было пройти через прачечную, совсем как у меня.

- Как вы угадали, что ключ от «ауди»?
- Именно «ауди» была у моего бывшего мужа.

Я открыл дверь в гараж и увидел серебристый «А8» — не иначе как Бог услышал мою молитву! У хозяина была еще «хонда-аккорд». Наверное, он приберегал представительную «ауди» для важных случаев, а до аэропорта добирался в скромном «аккорде» — оставляя его на платной стоянке «Паркуй и лети».

- Всякий, у кого в гараже авто за восемьдесят тысяч долларов, имеет в доме охранную систему, мрачно сказала Рейчел за моим плечом.
  - Полицейские скорее всего уже в пути. Ключ!

Она протянула мне ключ, и двадцать секунд спустя мы уже выезжали на улицу Плакучих Ив. Я осторожно посмотрел налево и направо. Никого. Даже садовников не видно.

- Какой толк от того, что мы украли машину, если сейчас по тревоге прикатит полиция? Опять мы засветимся.
- Нет, сказал я. Полиция с ходу не угадает, что именно украдено. Они ведь не знают, что в гараже стояла «ауди». Сперва им нужно связаться с владельцем, а он, вероятнее всего, в деловой командировке.

Два быстрых поворота, и мы оказались вне поселка и понеслись на восток: через Кинсдейл к сороковой федеральной автостраде. Движение было плотное, но я этому только радовался. Проще затеряться.

— Куда теперь? — спросила Рейчел.

Я взял с заднего сиденья прозрачный пакетик с письмом Филдинга и положил себе на колено. Потом нашел нужную строчку и показал ее Рейчел. «В субботу вечером мы с Лу Ли направляемся в голубой уголок».

— Что значит «голубой уголок»?

Я взял с приборной панели шариковую ручку и написал на плотном полиэтилене пакетика с письмом: «Нэгс-Хед, на острове Уэйлбоун».

- Вы что, вслух не можете сказать?

Я быстро написал: «Они могут слушать».

Она взяла ручку и написала: «КАК? МЫ ТОЛЬКО ЧТО УКРАЛИ ЭТОТ АВТОМОБИЛЬ!»

- Верьте мне, прошептал я. Это вполне возможно.
- Она покачала головой и написала: «А что в 174 Нэгс-Хеде? Доказательства?»

Мне сразу подумалось о часах Филдинга с кристаллическим брелком. Я взял у нее ручку и написал: «Надеюсь».

«Сотовый у меня в кармане. Попробуйте дозвониться до президента».

- «Теперь все не так просто».
- Почему же?

На это коротко не ответишь, а руля машиной, особенно не распишешься. Я притянул Рейчел к себе поближе и зашептал ей прямо в ухо:

- Услышав, что мне наговорил на автоответчик Маккаскелл, они поняли, что теперь вольны уничтожить меня, а для президента сочинить убедительную ложь по поводу моей смерти. И вашей тоже.
  - Что же они могут придумать?
- Тут и стараться не надо. Возможно, они уже сообщили президенту, что мои галлюцинации переросли в психоз. Рави Нара накатает формальный диагноз. Дескать, я стал опасным параноиком воображаю, что Эндрю Филдинга убили, тогда как тот умер от обыкновенного инсульта. В моей истории болезни, украденной из вашего кабинета, говорится о моих видениях предположительно шизофренических. Тоже вода на мельницу Рави Нара. Я на пару секунд оторвал глаза от дороги и посмотрел на Рейчел. Думаете, эта версия не покажется убедительной?

Она молча отвернулась.

- Картинка не очень оптимистическая, да?
- Согласна, но сейчас вам надо полностью сосредоточиться на дороге. Выкиньте все мысли из головы. Если не хотите передать руль мне, вам следует успокоиться. А то угробите нас ненароком.
- Ладно, я сосредоточен на дороге... Хотя не президент сейчас занимает мои мысли.
  - Что же вас тревожит?

Отвечая честно, я напрашивался на малоприятную реакцию со стороны Рейчел, но мне было невмочь держать это в себе — хотелось поделиться. 175

- Я его видел.
- Кого?
- Парня, который собирался вас убить.
- Разумеется, вы его видели. Потому и выстрелили. Я свернул на сороковую федеральную автостраду и влился в поток машин, ехавших по направлению к Треугольнику науки и Роли.
- Я не про то. Я видел, как он шел по улице. По улице Плакучих Ив, на которой я живу. Я видел его еще до того, как он подошел к моему дому. Я видел, как он поднимался по ступенькам крыльца...
  - О чем вы, Дэвид?
- Рейчел, он мне снился, пока я лежал без сознания в спальне! Он мне снился за минуту до его появления в доме!

Она недоверчиво уставилась на меня. Значит, она недавно была свидетельницей не просто нарколептического сна, но и очередной моей галлюцинации.

- А как вы его видели? Со стороны, как фильм? Или вы им были — как раньше Иисусом?
- Я был в этом парне. Но им не был. Я только видел все его глазами. Так в кино показывают, что видит какой-нибудь монстр или Терминатор.
  - Расскажите-ка подробно.
- Я видел дома на улице Плакучих Ив. Видел, как двигаются мои ноги. Как одинокая собака чинно переходит с тротуара на тротуар. Сперва я был уверен, что герой моего сна я сам. Однако у двери своего дома я вдруг достал из кармана не ключ, а отмычку.
  - Продолжайте.
- Я почти в два счета справился с замком, вошел в дом, неспешно навинтил глушитель на дуло пистолета. Потом услышал ваше пение и стал красться с пистолетом в вытянутых руках к двери кухни, откуда доносился ваш голос.

Рейчел рассеянно смотрела на дорогу, но ее **176** мысли были где-то далеко.

После долгого молчания она сказала:

- Все это ровно ничего не значит. Сны о том, как кто-то посторонний вторгается в дом или в спальню, характерны чуть ли не для всех пациентов, страдающих нарколепсией. Даже не нужно быть нарколептиком, чтобы видеть сон такого рода. Это проявление скрытого беспокойства, результат стресса или нервного перенапряжения.
- Вы только подумайте, как точно этот сон подгадал по времени! Я видел угрозу во сне, а когда проснулся она была здесь, в реальном мире! Та же угроза, которая мне только что снилась! Это, по-вашему, самое обычное дело?

Рейчел сочувственно тронула меня за плечо.

— Да, самое обычное дело. Вы хорошо знаете все звуки своего дома. Вы впали в сон, уже будучи на пределе — комок нервов. И вот во сне ваш мозг фиксирует посторонние звуки. Скрипнула дверь, затем половица... В ответ на эти стимулы ваш мозг стал сочинять соответствующие картинки. И эти картинки так вас напугали, что вы резко проснулись. Ваш сон был реакцией на идущие извне раздражения. Никакой мистики.

Я действительно помнил подозрительные звуки. Но я слышал их, уже проснувшись!

- Во сне я видел его пистолет с глушителем, упрямился я. Тот, что сейчас у меня за поясом.
  - Совпадение.
  - Я впервые в жизни увидел оружие с глушителем!
  - Бросьте, вы его тысячу раз видели в фильмах!

Я надолго задумался.

- Ладно. Вы, может, и правы. Но как вы объясните другой факт...
  - Какой именно?
- Это уже второй сон такого типа. Я второй раз переселяюсь во сне не в Иисуса, а в своего современника. Первое «переселение» было в день, когда умер Филлинг.

Опишите.

Даремская полицейская патрульная машина обогнала нас. Сердце у меня сжалось от страха. Но полицейские не стали притормаживать или мигать задними огнями. Им до нас не было дела.

- Вчера, когда я вырубился посреди видеозаписи перед тем как вы вошли в мой дом, мне снилось, что я был Филдингом. Во сне я пережил его последние минуты перед смертью и саму смерть. Все было настолько реально, что я на полном серьезе ощутил себя покойником. Я утратил способность видеть, слышать, дышать... Когда вы кричали у двери, я долго не мог понять, на каком я свете, кто я и что со мной происходит!
- Но Филдинг умер утром того дня. А сон вы увидели через много часов после этого.

— Ну и что?

Рейчел картинно вскинула руки, словно подчеркивая всю очевидность выводов из сказанного.

— Неужели не улавливаете? Ваш сон о Филдинге не был пророческим. Не был он и синхронным отражением реально происходящего в другом месте. Он был всего лишь порождением вашей печали. Случались у вас другие похожие сны?

Мы уже въехали в Треугольник науки. Сороковая федеральная проходит прямо через него. Где-то буквально в миле отсюда Гели Бауэр сейчас разворачивает полномасштабную охоту на меня.

- Дэвид, случались у вас другие похожие сны?
- Сейчас не время это обсуждать.
- Лучшего времени не будет никогда! Почему вы пропустили три последних сеанса?

Я покачал головой:

- Вы опять думаете, что я чокнутый?
- Это не медицинский термин.
- Зато яркий.

Она вздохнула и стала смотреть на идеальные газоны с ее стороны дороги.

- Вот это и есть здание «Тринити», - сказал я. - Вон оно.

Лаборатория отстояла от дороги так далеко, что много не разглядишь.

- Там щит «Аргус оптикал», заметила Рейчел.
- Это для прикрытия.
- Послушайте, какой смысл скрывать некоторые ваши галлюцинации? Что в себе вы пытаетесь защитить от меня?
- Поговорим позже. Я чувствовал, что она не уймется, пока не доведет разговор до победного конца. Мне нужно лекарство, Рейчел. Я не могу позволить себе пять раз в день внезапно отключаться, находясь в бегах.
  - А что вы принимали? Модафинил?

Модафинил — стандартное лечение при нарколепсии.

- Изредка. Я предпочитаю метамфетамин.
- Дэвид! Мы же с вами беседовали о побочных действиях амфетаминов!.. Как раз метамфетамин мог усугубить ваши галлюцинации.
- Зато он единственный держит меня на плаву, не позволяет нырнуть в сон. А Рави Нара потчевал меня декседрином.

Она возмущенно фыркнула.

- Я выпишу вам рецепт на адерал.
- Рецепт не проблема, я и сам могу его выписать.
   Штука в том, что они знают о моей зависимости от лекарств. И будут наблюдать за всеми аптеками.
- Не могут же они поставить своих людей возле каждой аптеки в Треугольнике науки!
- Рейчел, это АНБ. Если они уверены, что я без лекарств пропаду, они исхитрятся все аптеки страны под колпаком держать. Это те самые ребята, у которых задним числом нашлась запись разговоров в кабине советского истребителя, сбившего корейский пассажирский самолет над Сахалином в 1983 году. Причем двадцать лет назад в каменный век электроники. А теперь против нас будет залействовано все. Вы читали «1984»?

- В юности.
- Когда я говорю АНБ, подставляйте мысленно «Большой Брат». АНБ самое близкое к Большому Брату, что мы имеем сейчас в Америке.
  - Но вы же не можете обойтись без лекарств!
  - У вас должны быть знакомые...
  - Я сама возьму что угодно в больничной аптеке.
  - Там они ждут нас в первую очередь.
  - Вот засранцы!

Пожалуй, я впервые слышал от нее грубое слово. Наверное, это джинсы ее так расслабляют. Возможно, вместе с шелковой юбкой и строгой блузкой она снимает с себя и чопорность?

— У меня есть знакомый доктор в северной части Дарема, — сказала Рейчел. — В его кабинете всегда запас лекарств.

Дарем мы давно проехали и были почти что на полпути к Роли. Хорошо зная Гели Бауэр, я не хотел задерживаться в этих краях дольше необходимого. К тому же — вот парадокс — мне не очень-то и хотелось избавиться от «галлюцинаций». Мой последний сон, что ни говори, спас нам жизнь! У меня была тайная уверенность, что мои сны — даром что такие тягостные и путающие — могут еще не раз выручить нас, подкидывая мне информацию, которую немыслимо получить привычными путями.

- Нет, возвращаться не станем, сказал я.
- А если вы потеряете сознание прямо за рулем?
- У меня дома вы видели, что мгновенного провала в сон не бывает.
  - За рулем совсем другое дело!
- Обычно я догадываюсь о приступе хотя бы за пару минут до выпадения из жизни. И сейчас, как только почувствую, что накатывает, тут же сверну на обочину.

Рейчел это не очень успокоило. Словно для разрядки, она задрала ногу на приборную доску, зачем-то развязала шнурок туфли, потом завя-

зала его. Похоже, это был ее личный обсессивный ритуал для самоуспокоения.

По 440-му шоссе я обогнул Роли и выехал на 64-ю федеральную автостраду — по ней можно жарить до самого Атлантического океана. Автострада была типичная для Юга: две широкие бетонные полосы через густой темнохвойный лес. Часа через два начнется пологий скат к океану. Не умри Филдинг, он именно сегодня ехал бы по этой уже знакомой ему дороге к месту, где мы с женой были двенадцать лет назад. Такого рода мысли хорошо показывают, что мы зря так упрямо разводим в разные концы нашего сознания пространство и время. Когда обычный человек слышит рассуждения о единстве времени и пространства, он испуганно машет руками: мол, мне этого никогда не понять. Но это же так просто! Каждое место-пространство, что вы когда-либо видели, намертво связано с определенным моментом в вашей жизни. Филдинг провел медовый месяц с женой в том же самом домике в Нэгс-Хеде, где я некогда прожил несколько дней со своей женой. Но это только кажется. Того дома, где я был со своей женой, уже нет, хотя он и стоит на месте и в нем можно жить. Если не разделять пространство и время, то моего домика в Нэгс-Хеде больше не существует. Ушло время, исчез и домик. Школа, в которую вы зашли через двадцать лет после выпускного вечера, и школьный стадион, где вы играли в футбол и бегали стометровку, — всего этого уже нет, хотя оно есть. Это не та школа и не тот стадион. Все только очень похоже. Будь это иначе, вы бы столкнулись с поколениями школьников, что бегали тут до вас и после вас. Возлюбленная, которую вы сейчас целуете, совсем не та, какой она была шестьюдесятью секундами раньше. В том числе и потому, что за эту минуту сотни тысяч ее клеток умерли и заменены новыми. Между мыслью и поступком есть хоть чуть-чуть пространства и времени. Как между жизнью и смертью.

— Не хочу наводить еще большую тоску, — сказала Рейчел, — но все же спрошу: теперь, ког-

да помощь президента сомнительна, на что вы, собственно, рассчитываете? Куда нам податься, в какие двери стучать?

- В прибрежном домике, к которому мы едем, я надеюсь найти какую-то подсказку. А пока что у нас одна задача — выжить.
- Отчего бы нам не предать все дело огласке? Завернуть в Атланту и прямиком в студию Си-эн-эн!
- И АНБ преспокойно обвинит меня в гнусной клевете. Сами подумайте, что и чем я могу доказать в настоящий момент?
- Вы упоминали лауреата Нобелевской премии Рави Нара. Неужели он даст ложные показания, чтобы покрыть ваше начальство?
- Еще как даст! Ни на полсекунды не задумается! Для него национальная безопасность превыше всего. А что касается здания «Тринити»... может, уже сейчас из него все вывезено, и следователей встретят голые стены.
  - Лу Ли Филдинг может выступить свидетелем.
  - Лу Ли исчезла.

Рейчел заметно побледнела.

- Нет-нет, поспешно сказал я, не воображайте так сразу самое худшее. Я в курсе, что она планировала бежать. Впрочем, понятия не имею, вышло это у нее или нет.
  - Дэвид, похоже, вы мне не всю правду говорите.
  - О Лу Ли?

182

- О «Тринити»!

Тут она была права.

— Ладно, ваша взяла, — сказал я. — Вот вам еще немного информации. Несколько недель назад Филдинг пришел к выводу, что официальная приостановка проекта — не более чем уловка, чтобы успокоить его и меня. По мнению Филдинга, работа над «Тринити» продолжалась в другом месте. Или не прекращалась: не исключено, что работа в другом месте велась уже в течение дол-

гого времени — параллельно с той, в которой участвовали мы.

- Где же могла происходить эта тайная деятельность?
- По убеждению Филдинга, в калифорнийских лабораториях «Годин суперкомпьютинг». Годин вдруг стал постоянно летать туда на своем частном реактивном самолете. И несколько раз прихватывал с собой Рави Нара.
- Ну и что? Могли просто в гольф играть где-нибудь в Пеббл-Бич!
- Наши в гольф не играют. Не из того теста. Они вкалывают. Они черту душу продадут, лишь бы достичь задуманного. Питер Годин это современный Фауст.
  - Чего они хотят?
- Каждый своего. Джона Скоу, к примеру, после ряда его неудач намерены были турнуть из АНБ но тут из воздуха соткался Годин и пригласил его руководить проектом «Тринити». Если Скоу и это дело завалит, то его карьере конец.
- А зачем Питеру Годину понадобился такой человек с репутацией неудачника?
- Думаю, у Година есть что-то на Скоу. Какие-то компрометирующие материалы. А значит, Скоу ему никогда не доставит неприятностей, на что угодно согласится и будет помалкивать. Работая в АНБ, больших миллионов не наживешь. Но если под его руководством будет создан компьютер «Тринити», Скоу запросто пересядет в кресло директора Агентства национальной безопасности и станет бесценной фигурой для частных корпораций. Вот они большие миллионы! Поэтому Скоу готов на все ради успеха «Тринити».
  - A Рави Нара?
- Нара за участие в проекте потребовал миллион долларов в год. Правительству это не зубам, а Годин платит. К тому же успех «Тринити» гарантия второй Нобелевской премии. Разумеется, в компании с Годином и Юттой Клейн. По-настоящему Нобелевскую премию заслужил именно Филдинг, однако посмертно ее не дают. Вторая Нобелевка это неограниченное 183

фондирование исследований до конца жизни и место во всех учебниках истории!

- Вы упомянули Ютту Клейн...
- Клейн, пожилая немка, в 1994 году разделила Нобелевскую премию с двумя другими учеными из Германии. Одолжена «Тринити» компанией «Сименс». Годин хотел собрать команду гениев, лучших из лучших, поэтому черпал откуда мог. Из «Сан микросистемс», из «Силикон грэфикс»... В обмен эти компании получат бесплатно лицензии на некоторые технологии, разработанные во время работы над «Тринити», как только эти технологии будут рассекречены. Если они будут рассекречены.
  - A не поможет ли нам Ютта Клейн?
- Даже если бы она захотела нам помочь не посмеет. Годин ее чем-то держит. Крепко.

Рейчел тяжело вздохнула.

- А сам Годин? Чего хочет он?
- Стать Богом.
- Скажете!..

Я перестроился в левый ряд, чтобы выжать из мотора все возможное.

— Годин от «Тринити» не денег ждет. Он — миллиардер. И ему семьдесят два года. Лет с сорока он в своей области суперзвезда и славой уже объелся. Поэтому стать отцом искусственного интеллекта или что другое в этом роде ниже его достоинства. Он хочет быть первым и, возможно, единственным человеком, мозг которого будет скопирован в компьютер «Тринити».

Рейчел отвела упавшую прядь темных волос от глаз.

- Неужели он такой? Чистейший эгоманьяк?
- Все не так просто. Годин блистательный ум, верящий в то, что именно он знает, чем болен мир и как его лечить. Наверное, вы встречали в студенческие годы этих страшных ребят с горящими очами, у которых есть ответы на все вопросы. Только он не придурок с лохма-
- ми. Он гений. И сделал неоценимый вклад в американскую науку. То, что Америка ныне луч-

ший из миров, — это и Питера Година заслуга! Мы победили в «холодной войне» благодаря в том числе и годинским суперкомпьютерам.

- Создается впечатление, что вы им искренне восхищаетесь.
- А им легко восхищаться. Хотя в то же время он меня пугает. Он работает на износ, пытаясь создать самый мощный в мире компьютер. Ему плевать, что если «Тринити» заработает, то никто не будет толком знать, каким образом. Годин создает «Тринити», чтобы воспользоваться им лично. Представляете, могущественный человек, который одержим мечтой переделать мир по образу и подобию своему!...

Я потянулся включить систему навигации «ауди» — и вдруг у меня потемнело в глазах. Накатила волна страшной усталости, и сразу забылось, о чем мы с Рейчел только что говорили. Затем я пришел в себя, но тут же началась поганая трясучка во всем теле. Я вырулил на обочину и затормозил.

- Что случилось? встревоженно спросила Рейчел.
- Садитесь за руль. Я могу вот-вот отключиться.

Я вышел из машины, а Рейчел переместилась за руль. Я оглядел шоссе. Плотность машин средняя, едут равномерно. К нам, похоже, никто интереса не проявляет.

Когда я сел на место пассажира, Рейчел внимательно вгляделась в мое лицо.

- С вами все в порядке, Дэвид?
- Немного шатает.

Застегивая ремень безопасности, она спросила деловито:

- Вы просто устали, или это новый приступ?
- У меня знакомо гудели коренные зубы.
- Приступ.
- Смело закрывайте глаза. Я справлюсь.
- Двигайтесь дальше на восток. До нашего места назначения... я показал ей три пальца, ...часа.

В бардачке лежала карта Северной и Южной Каролины. Я нашел шестьдесят четвертое шоссе и ткнул пальцем севернее Плимута, где Роанок впадает в залив Албемарл.

 Если мы доедем до этого места, а я все еще буду спать — разбудите меня.

Рейчел уверенно вырулила на шоссе и дала газ.

Что, хуже и хуже? — спросила она.

Губы мне не подчинялись, ладони покалывало, лицо горело.

Рейчел положила руку мне на лоб.

— У вас, часом, не жар? Или вы всегда такой красный, когда начинается приступ?

Я хотел отшутиться, мол, мне себя в этой ситуации со стороны не видно, но возникло такое же ощущение, как в городском бассейне Окриджа, когда мы с ребятами дурачились, пробуя разговаривать под водой: мы вопили что было мочи, пуская пузыри, однако слов друг друга разобрать не могли. Казалось, ладонь Рейчел тает и сливается с моим лбом. И это почему-то было приятно. Я хотел проверить в зеркальце на солнцезащитном козырьке, действительно ли рука Рейчел втаяла в мою голову, но и шевельнуться не мог. Издалека меня окликала какая-то женщина. Прежде чем я успел ответить, большая синяя волна накрыла меня — и утащила вниз, в непроглядную темноту.

Я сижу на улице в группе мужчин, которые спят, привалившись спинами к стене. Передо мной тлеющие угольки обвалованного костра. Небо светло от мириад звезд. Рядом сидит мужчина в хитоне. Его зовут Петр.

— Зачем тебе это? — тихо говорит он. — Там тебя ждут одни беды и унижения. Даже если люди будут слушать тебя, жрецы и старейшины отвергнут. Да и римляне не станут смотреть безучастно. Я боюсь, что тебя убьют!

186

Хоть он и не называет место, куда я собрался, я знаю, что речь об Иерусалиме.

— Ступай прочь, — говорю я ему. — Тебе дорого то же, что и собаке: усладить и накормить плоть.

Он в полном смятении хватает мою руку.

- Так просто меня не прогонишь! Мне был сон. Если пойдешь туда тебя казнят.
  - Спасший жизнь свою, потеряет ее, отвечаю я.

Петр в замешательстве горестно качает головой.

Место действия внезапно изменяется. Я на высокой горе и смотрю на равнину. Рядом со мной сидят трое мужчин.

- Когда войдете в город, спрашиваю я, что станете говорить про меня?
  - Что ты помазанник Божий.
- Не говорите так про меня. Говорите из глубины сердеи ваших о том, что видели. И не больше того.
- Да, Учитель, отвечает мужчина по имени Иоанн. У него карие глаза, огромные, как у девушки. Покосившись на Петра, он осторожно спрашивает: Слышал, ты намерен отправиться в Иерусалим?
  - Да.

Иоанн неодобрительно трясет головой.

- Тамошние жрецы не будут знать, как с тобой поступить. Испугаются — и осудят тебя на смерть.
  - Чаша сия дана мне. И я должен испить ее до дна.

Мужчины молчат. Глядя вниз, на равнину, я чувствую, как на меня накатывает страх. Познать чудо жизни и радость тела— и затем отказаться от всего этого...

Я вернулся к реальности, зашарил руками в поисках руля и вцепился в приборную панель. Открыв глаза, я увидел прямо перед собой задние огни тракторного прицепа. Рейчел похлопала меня по колену.

— Все в порядке, Дэвид! Я здесь, за рулем.

. Руки у меня дрожали — я все еще пребывал во власти страха, объявшего меня в конце сна.

- Как долго вы ехали... без меня?
- Час и двадцать минут. Только что миновали Плимут.

- Я же велел разбудить меня в Плимуте!
- Вы спали так крепко, не хотелось беспокоить.
- Заметили что-нибудь подозрительное?
- Полчаса назад мы проехали мимо патруля на шоссе, потом мимо плимутских полицейских — ноль внимания. Думаю, все в порядке!

Но сама она выглядела далеко не в порядке. Когда мы наконец доберемся до безопасного места, она скорее всего сломается. Впрочем, и я держался на одном адреналине. Борьба за выживание блокировала эмоциональную реакцию на то, что я недавно застрелил человека — пусть и убийцу, подосланного Гели Бауэр.

Виденные во сне картины стояли у меня перед глазами во всей полноте красок и деталей, однако страх внизу живота понемногу рассасывался. После месяцев неопределенных и таинственных снов мои видения наконец локализовались в пространстве и времени. Итак, Иерусалим. Этому, впрочем, нет никакого логического объяснения. Я никогда не был в Израиле и знал про него постыдно мало, только десятилетиями видел телерепортажи о тамошних кровавых конфликтах. Но логика и прежде буксовала, когда надо было толковать мои сны!

- Дэвид, - сказала Рейчел, - а нельзя ли нам на время затаиться в...

Я зажал ей рот рукой.

- Я же вас предупреждал! — с упреком сказал я. — Извините за грубость...

Она помотала головой — дескать, поняла, уберите руку.

— Если АНБ так сильно и вездесуще, — прошептала она, — разве не глупо было делать видеозапись в собственной гостиной? Они же вас слышали!

Я повернулся и достал с заднего сиденья коробку Филдинга, в которой, кроме «волшебной палки», были и другие его электронные самоделки. Поставив коробку

себе на колени, я достал из нее металлический стержень примерно десяти дюймов в длину.

- При помощи этой штуки Филдинг выявил в моем доме все микрофоны.
- С какой стати у него подобного рода оборудование? Вам не кажется это немного подозрительным?
- Со стороны да. На самом деле он был просто большой оригинал.

Но внезапно я подумал: а так ли уж хорошо я знал эксцентричного англичанина? Я стал перебирать предметы в коробке, отыскивая доказательства профессиональной шпионской деятельности Филдинга. Большинство приборчиков напоминало поделки подростка, который посещает кружок «Умелые руки». К примеру, нелепые очки с короткими трубочками вместо стекол и рычажком на оправе. Я напялил их на нос, повернулся в сторону Рейчел и щелкнул выключателем. Поле зрения заполнил густой янтарный туман, ничего больше не произошло.

- А это что за игрушка? ворчливо спросила Рейчел.
- Сам не знаю.

Я развернулся и уставился через очки на дорогу.

Мое сердце окаменело от ужаса. Тонкий, почти вертикальный зеленый лучик когерентного света — лазер! — упирался в ветровое стекло «ауди». В нашей лаборатории, где работали над Супер-МРТ, я много раз видел этот лучик. Там, да еще в фильмах, где было оружие с лазерной системой наведения. Кто-то высоко над нами держит нас на мушке! Я хотел предупредить Рейчел, но подавился собственным криком — страх пережал горло. Ни слова не произнеся, я резко выдвинул левую ногу и с места пассажира нажал на педаль тормоза. «Ауди» тут же повело в сторону.

Рейчел вскрикнула и с трудом выровняла машину. Я шарил глазами в очках в поисках луча. Теперь, когда «ауди» стояла на поросшей травой обочине, луч был метрах в тридцати от нас и медленно, зигзагами, двигался обратно, словно Господь дланью своей пытался вслепую нашарить нас.

До ближайшего укрытия — рощицы — было метров пятьдесят открытого пространства. Автоматчик срубит нас раньше, чем мы добежим до деревьев. Не снимая очки и не выключая их, я повернул голову в сторону Рейчел, невидимой за желтым туманом.

— Кто-то готовится нас расстрелять! Живо под приборную доску! Забейтесь как можно глубже!

Пока она протискивалась под рулевую колонку, я искал глазами лазерный луч. Я ожидал, что он вопьется в меня. Однако, найдя «ауди», он замер примерно на том же месте ветрового стекла, что и прежде. Внутрь он не проникал, просто упирался в стекло. Мысленно продолжив траекторию луча, я понял, что он нацелен не на меня и не на Рейчел, а в сторону приборной доски.

- Если бы нас хотели прикончить, подумал я вслух, они бы сделали это задолго до того, как я случайно включил очки.
  - Что вы бубните?
  - Нет, это не лазерная система наведения.
  - Да объясните же, черт возьми!

Этот луч мог быть указателем пути для бомбы или ракеты. Но даже в горячке истеричного преследования АНБ вряд ли станет уничтожать с воздуха машину на оживленном шоссе в собственной стране. В их распоряжении достаточно более изящных вариантов. Внезапно до меня дошло. Этот луч всего лишь для наблюдения. Он действительно упирается в ветровое стекло и фиксирует его вибрации. Соглядатаи в самолете или вертолете слышат каждое слово, произнесенное в машине. Маленькие чудеса современной техники.

Вылезайте и садитесь за руль! — приказал я Рейчел. — Мы едем дальше.

Рейчел безмолвно подчинилась. Заведя мотор, она вырулила на шоссе. Зеленый луч не отлипал от ветрового стекла. Казалось, он идет прямо из космоса, от како-

го-нибудь военного спутника. Я поднял с пола карту, свернул ее так, что остался только малень-

кий прямоугольник и, трижды постучав пальцем, показал Рейчел, где мы находимся.

Она кивнула.

Тогда я повел палец по 64-й автостраде в восточном направлении. Через несколько миль от нее отходила влево проселочная дорога. Я написал: «Повернете здесь».

Когда Рейчел снова кивнула, я наклонился к ее уху и шепнул:

- Что бы ни случилось, поворачивайте там, куда я пальцем показал. Поняли?
- Поняла. А то, что вы видели, оно все еще здесь?
   Я проверил через очки, потом истерично сжал ее плечо.
  - Здесь оно, здесь. Гоните!

Она выжала до предела педаль газа.

Глава 15

Гели Бауэр в одиночестве стояла в кухне Дэвида Теннанта — рядом с трупом своего любовника.

Фургон чистки ковров по-прежнему стоял по соседству с домом, и внутри его вхолостую ревели пылесосы. По правилам, труп Риттера нужно было давным-давно увезти. Но Гели медлила.

Она пыталась разобраться, как могло случиться то, что случилось.

Рана и положение тела наводили на мысль, что стрелявший стоял перед ним или чуть сбоку. Трудно представить, что неопытный человек способен уложить при фронтальном столкновении матерого спецназовца, парня из немецкой элитной антитеррористической группы. Было только два варианта разгадки.

Первый: Теннанту посчастливилось каким-то образом застать Риттера врасплох, выстрелить первым и не промазать.

Второй: Теннант не тот, за кого себя выдает.

Вообще-то он вырос на природе, в провинциальном Окридже, штат Теннесси. Там он мог еще мальчишкой ходить на охоту и научиться хорошо стрелять из винтовки. Но пистолет — это совсем другое. А где он нашустрился выявлять микрофоны в помещении? Филдинг научил, или Теннант прошел где-то спецкурс?

Его бегство ставило еще больше вопросов. Команда в фургоне обнаружила «сааб» Рейчел Вайс у входа в дом. Гараж был пуст. Вторая команда прочесала окрестности и обнаружила «акуру» Теннанта, спрятанную в густых кустах на свободном участке. Понадобилось хороших полчаса и много настойчивости, чтобы вытрясти из враждебно настроенных полицейских информацию о том, что дальше по улице был украден серебристый «ауди-А8».

Не существуй записи филдингского звонка с бензоколонки, Теннант и Вайс могли бы благополучно ускользнуть. Однако теперь Гели знала, что четыре дня назад Филдинг снял домик в Нэгс-Хеде на имя Льюиса Кэрролла. Этого факта и того, что Теннант получил вчера письмо от Филдинга через «Федерал экспресс», было достаточно. Гели немедленно послала самолет — взять под контроль шестьдесят четвертую федеральную автостраду, ведущую к Нэгс-Хеду, и была уверена, что Теннант на этот раз от нее не уйдет.

Пока она мрачно разглядывала раздробленный череп Риттера и его окровавленные волосы, зазвонил сотовый.

- Бауэр.
- Докладывает «Воздух-один». Они знают, что мы их преследуем.
  - Вы на какой высоте?
- Десять тысяч футов. Проето глядя в небо, увидеть нас с земли нельзя. Стало быть, они зафиксировали лазерный луч.
  - Без специального оборудования?
    - Выходит, оно у них есть.
- 192
  - Что они делают теперь?

Пауза, потрескивание в наушниках.

- Заметив, что они у нас на луче, запаниковали, съехали с шоссе, переждали под мостом и вернулись на шоссе. Теперь мчатся на восток со скоростью примерно девяносто миль в час.
  - О чем разговаривают?
  - Про цель пути ни слова.
  - А где наши наземные команды? спросила Гели.
- Самая ближняя на расстоянии пятнадцати минут от объекта, плюс-минус две минуты.
  - Хорошо, я свяжусь с вами позже.

Она быстро набрала номер сотового телефона Скоу. Он снял трубку после восьмого гудка.

- Ну что у вас?
- Теннант засек слежение с воздуха. Совершил маневр, чтобы ускользнуть.
  - Шутить изволите? Вы что, его упустили?
  - Нет-нет, пока все в порядке.
- Полагаю, вы намереваетесь немедленно ликвидировать их, да?

Гели угадала, что у Скоу новый приступ трусости.

- А разве вы отменили свой приказ?
- Ситуация изменилась.
- Место изменилось. А ситуация прежняя.
- Не нравится мне это. Как все будет выглядеть со стороны?
- «Ох уж эти чиновники-перестраховщики!» презрительно подумала Гели.
- Объявим, что Теннант рехнулся. Убил охранника и похитил своего психиатра. Мы пытались спасти несчастную жертву, но он ее застрелил и сам застрелился.

Долгая пауза.

- Питер знал, кого нанимать. Желаю вам удачи.
- Спасибо, чтоб вы сдохли, пробормотала Гели, нажав отбой. И тут же вышла на связь с самолетом и наземными командами. «Воздух-один», вы следуете за «ауди»?

- Так точно. Мы еще раз убедились, что они про нас знают. Теннант высовывался изокна и вглядывался в небо.
- Наземным командам: настичь, выждать, когда будет поменьше машин, блокировать автомобиль и кончить дело.
- Ликвидировать пассажиров? спросил кто-то с ледяным спокойствием летчика, который запрашивает добро на бомбометание.

Гели покосилась на мертвого Риттера. Еще этой ночью она кувыркалась с ним в постели.

— Теннант, по нашим данным, похитил своего психиатра. Мы знаем, что у него психические проблемы, он вооружен и уже застрелил одного из наших. А именно Риттера Бока — что говорит о многом. Поэтому приказываю никому не рисковать. Ваша безопасность превыше всего. Не исключено, что Теннант в последний момент попытается застрелить заложницу, а потом и сам застрелится. Вы меня поняли?

Почти хором:

- Так точно.
- Вы меня поняли?

Смачная пауза перед новым шквалом «так точно» — бальзам на душу. Вот за что она обожает ветеранов, вот почему ее команда только из бывших десантников!

- Люблю потеху, сказал в эфир чей-то мужской голос.
- «Воздух-один», докладывать мне о каждом шаге операции, ясно?
  - Будет сделано.

Гели улыбнулась. Теннант и Вайс не доживут до сумерек.

Глава 16

Пока «ауди» неслась на восток к нужному повороту, я дотошно оглядывал шоссе. Ближайший автомобиль был метрах в двухстах сзади. Невзрачный

грузовичок-пикап. На аэнбэшную машину мало похоже, но от этих ребят можно чего угодно ожидать. Если нас ведут с воздуха, наземным командам нет резона двигаться за нами впритык. Не исключено, что они едут впереди нас! Не было ни малейшей возможности угадать, где наши преследователи и как они выглядят. Если везение на нашей стороне, то самолет, или что там у них наверху, засек нас лишь незадолго до того, как я случайно увидел лазерный луч на ветровом стекле. Значит, наземные команды еще далеко.

Рейчел потянулась к моему уху.

 — По-моему, я уже вижу поворот, который вы показывали на карте. Это и есть сорок пятое скоростное?

Я сверился с картой.

Сорок пятое, но только далеко не скоростное. Поворачивайте!

Рейчел, сбросив скорость до пятидесяти, лихо свернула влево на сорок пятое шоссе.

Теперь жмите что есть мочи! — приказал я.

Она нажала на акселератор, и мы помчались по двухполоске с щебеночно-асфальтовым покрытием со скоростью семьдесят миль в час. Я надел филдинговские чудо-очки и шарил глазами в поисках лазерного луча. Резко повернув на проселок, мы сорвались с луча, но не прошло и минуты, как нас отыскали опять — теперь лазер уткнулся в заднее стекло. Я наклонился к уху Рейчел.

- Мы переедем по мосту реку Кэши, там, где она впадает в залив Албемарл. Через один поворот налево.
  - Лучше просто скажите, когда поворачивать.

«А8» пожирала пространство, как голодный тигр. Мы взлетели на высокий мост через Кэши. Я далеко высунулся из окна, чтобы получше разглядеть небо. Над нами, примерно в тысяче метров от земли, летел небольшой самолет. Я облегченно вздохнул. Это все же лучше, чем вертолет, который может приземлиться на шоссе или рядом и выплюнуть команду спецна-

зовцев с автоматами. Разумеется, самолету такого размера ничего не стоит приземлиться на прямом участке шоссе, но очень скоро дорога отчаянно запетляет.

Рейчел вопросительно показала на перекресток впереди. Я кивнул: здесь! Опять она сбавила скорость лишь настолько, чтобы вписаться в поворот. Дорога была совсем узкая, и по обеим сторонам густо росли высокие деревья.

— Какие славные дубы! — радостно воскликнул я и подался вперед, вцепившись руками в приборную доску. — Выручайте, друзья!

Через сотню метров кроны дубов смыкались над дорогой, превращая ее в темный туннель. Я высунулся из бокового окна и пристально смотрел вверх. Сначала можно было разглядеть только клочки неба между листвой. Потом я наконец увидел самолет — преследователи отстали от нас по меньшей мере на полмили.

- Жмите, жмите! Мы, похоже, отрываемся! Они нас теряют!
- Если прибавлю скорости еще, вряд ли справлюсь с управлением.
  - Не робейте, у вас отлично получается!

Юркий вертолет уверенно преследовал бы нас и на извилистой лесной дороге, но самолет можно перехитрить.

Широкие шины «ауди» снова взвизгнули — Рейчел взяла еще один крутой поворот на скорости за семьдесят. Меня швырнуло вправо и плечом вжало в дверь. Я выпрямился и продолжал вглядываться в карту, прыгающую в руках. Свернув еще раз налево, мы могли по проселочной дороге вернуться к реке и снова пересечь Кэши, только теперь не возле устья и не по мосту, а выше по течению, на пароме. На карте стояло курсивом «паром». Это могло означать что угодно: от пароходика до баржи на тросе.

Я надел филдинговские очки. Лазерный луч **196** бестолково танцевал метрах в пятидесяти перед автомобилем, то и дело натыкаясь на ветви и ломаясь. На извилистой лесной дороге было очень сложно нашупать «ауди» сверху. А удерживать луч на нас постоянно — практически невозможно.

- Впереди паромная переправа, сказал я. Возможно, мы оторвемся, если перемахнем обратно черезреку.
  - Это мысль.
  - Готовьтесь к резкому повороту налево.
  - О'кей.
  - Здесь!

Рейчел ударила по тормозам. Я думал, «ауди» слетит с дороги и мы вмажемся в какое-нибудь дерево, однако у полноприводного автомобиля хороший контакт с асфальтом, и Рейчел опять удалось вписаться в поворот. Новый туннель дубов с разросшимися кронами. Однополосная разбитая дорога шла под уклон, очевидно, к реке.

— Осторожно! — сказал я, боясь за шасси. — Лучше сбавьте скорость.

Еще один поворот, и мы затормозили за зеленой старенькой «шевроле-нова» с видавшим виды алюминиевым каноэ на крыше. «Нова» стояла в конце дороги, которая упиралась в воду. Медленная Кэши была здесь метров пятьдесят в ширину.

 Что-то не вижу парома! — озабоченно сказала Рейчел.

Я прикрыл револьвер подолом рубашки и вышел из «ауди».

Перед «шевроле» сидели на земле два парня, на вид студенты. Один тихо наигрывал на гитаре. Я поприветствовал их взмахом руки и прошел к деревянной пристани.

Отсюда был виден паром, рассчитанный на три-четыре машины. Выбрасывая клубы черного дыма из трубы, он двигался к нам от противоположного берега.

197

Мы уже шумнули, — сказал один из парней.
 Сейчас приплывет.

Я повернулся к ним. Ветерок донес до меня неповторимый запах марихуаны. Брюнет, бренчавший на гитаре, был явно под кайфом. У второго, блондина с цветным платком на голове и в тенниске северокаролинского университета, были живые зеленые глаза. С этим можно поговорить.

- По всем местным рекам проплыли? спросил я.
   Блондин рассмеялся:
- Куда там! Мы не перенапрягаемся. Сегодня вот спустились по Човану. И уже домой, в Тарборо. А по дороге захотелось кинуть взгляд на Кэши.

Я наставил руку козырьком и посмотрел в небо. Из кучевого облака вынырнул самолетик наблюдения. Он как раз пролетал над Кэши, только в стороне от нас.

- Клевая мелодия, сказал я гитаристу и пошел обратно к «ауди». — Паром скоро будет, — сказал я, садясь рядом с Рейчел.
  - Самолет по-прежнему тут?
  - Да.

Потом мы сидели молча. Казалось, Рейчел пытается во время первой за весь день паузы внутренне переработать наши сегодняшние приключения. А я просто мрачно таращился на крышу стоящей впереди «новы». И вдруг мне в голову пришла неожиданная мысль.

— Сейчас вернусь, — сказал я. — Не нервничайте.

Я подошел к студентам и присел рядом с ними на корточки.

- У меня есть предложение, сказал я блондину.
- Что за предложение? насторожился тот.
- Моя жена давно мечтает о путешествии в каноэ.
   Теперь вот увидела вашу лодку и хочет спуститься в ней вниз по реке до залива.

Гитарист прекратил перебирать струны.

- Чудак, ты разве не понял? Мы домой намылились.
- Помню. В Тарборо. Но я подумал... а сколько ваше каноэ примерно стоит? Это ведь старушка фирмы «Грумман», да?

 Правильно, — сказал блондин. — Еще мой дядя в молодости плавал. Думаю, тянет на четыре сотни.

С легким стуком к пристани пришвартовался паром, и оба парня встали.

Полнялся и я.

 Двести — более реальная цифра, — сказал я с коротким смешком. — Но чего не сделаешь, чтобы угодить любимой жене. Может, сойдемся на пятистах?

Блондин тяжело сглотнул. Это ж сколько косяков можно купить на пятьсот баксов!

- Только одно условие, продолжал я. Не хочу бросать здесь свою машину. Отгоните ее в более надежное место.
  - Куда? спросил блондин.
  - Да хотя бы к себе в Тарборо.
  - У блондина был растерянный вид.
  - Но как вы ее оттуда заберете?
- Давайте заезжайте! крикнул седой тощий паромщик в выцветшей спецовке.

Я вынул бумажник и отсчитал десять стодолларовых бумажек.

- Вот вам тысяча. И хватит вопросов! Как я машину заберу — моя проблема.
- Hy, я ташусь... пробормотал гитарист, уставившись на «ауди». За бликами солнца на ветровом стекле лицо Рейчел было только темным контуром. — А это точно твоя тачка?
  - Точно.
  - Так чего сделать-то?
- Отдать мне каноэ и перегнать «ауди» в Тарборо. И получить за это тысячу. Согласны?

Парни переглянулись.

 Наша последняя цена — пятнадцать сотенных, лукаво усмехнулся блондин. — За полторы тысячи я, ладно уж, доставлю вашу машину в Тарборо. Назовем это платой за риск. А каноэ берите так — дарю. 199

Я улыбнулся.

Заметано.

Мы загрузили автомобили на паром, который запыхтел обратно через медленный поток. Как и договорились, во время переправы студенты сидели в «шевроле», а мы с Рейчел оставались в «ауди». Самолет АНБ продолжал кружить над рекой. Ясно, что именно сейчас команды головорезов Гели Бауэр подтягиваются в этот уголок Северной Каролины.

Когда паром достиг противоположного берега, первой с парома съехала «шевроле-нова». Рейчел сначала следовала за ней, затем внезапно резко свернула в лес и понеслась сквозь деревья, срезая путь между двумя поворотами дороги. Почти доехав до дороги, но оставшись под густыми кронами дубов, Рейчел затормозила. Секунд через двадцать появилась старенькая «нова» и свернула к нам, под деревья.

— Шевелись, ребята! — крикнул я студентам, выскакивая из «ауди».

Я бросился развязывать крепежные веревки, но блондин достал из кармана нож и просто перерезал их. Мы втроем схватили лодку и сняли ее с крыши, попутно переворачивая. В последнюю секунду мы не удержали каноэ в руках, и оно со звоном ударилось о землю.

Блондин вытащил из машины два длинных деревянных весла и положил их на дно лодки. Выпрямившись, он вдруг уставился на что-то за моей спиной и покраснел. Я оглянулся. За мной стояла Рейчел в облегающих джинсах и белой свободной рубахе.

Привет, — сказала она. — Спасибо вам, ребята.

При этом она по-особенному улыбнулась. Такой улыбки я у нее еще ни разу не видел. Оказывается, профессор Вайс и кокетничать умеет!

- Э-э... Рады помочь, - выдавил блондин, продолжая пожирать ее глазами.

Гитарист молча помахал Рейчел, задержав на **200** ней взгляд. Мне было приятно, что Рейчел Вайс,

в свои тридцать пять, производила такое впечатление на парней чуть старше двадцати.

— Ну, не будем задерживаться, — сказал я. — Разбегаемся.

И вручил блондину пятнадцать стодолларовых бумажек.

- Не знаю, переплатили вы мне или недоплатили. Но все равно круго. Он показал на просвет между деревьями. Несите каноэ туда. Река метрах в пятидесяти отсюда.
  - Спасибо.

Парень вприпрыжку понесся обратно к «ауди» и со счастливой улыбкой на лице уселся за руль. Забирая коробку Филдинга с заднего сиденья, я тронул его за плечо.

— Если вас кто остановит — не юлите, говорите правду. Мол, предложили деньги... и так далее.

Блондин понимающе кивнул:

- Без проблем. Работа непотная.
- «Ауди» взревела и рванула прочь через туннель из дубов. Гитарист в «шевроле» хохотнул, помотал головой и неторопливо поехал вслед за «ауди». Я бросил коробку Филдинга на дно каноэ, навернул швартов на правую руку и потянул лодку к реке.
  - Вам помочь? спросила Рейчел.
- Не надо. Вы лучше поглядывайте, чтоб я на змею не наступил.
- Ой! сказала Рейчел и до самой воды не отрывала глаз от земли.

Деревья росли густо — таща длинную лодку, мне приходилось маневрировать между ними, и пот лил с меня рекой. Но блондин был прав: вскоре я ощутил запах водорослей и увидел блики солнца на воде. Еще двадцать метров — и я спихнул каноэ в реку между двумя кипарисами.

— Залезайте, — пригласил я Рейчел. — Садитесь впереди. — Я сел сзади и оттолкнулся вестрования и оттолкнулся в оттолкнулся в оттолкнулся в оттолкнулся в оттолкнулся в оттолкнулся в оттолки и оттолкнулся в от

лом от берега. — Постараюсь держаться под деревьями. А вы смотрите, где самолет.

Рейчел закинула голову и, прищурив глаза, стала вглядываться в небо.

— Видите его?

Рейчел отрицательно помотала головой.

Я перестал грести и прислушался. Тихо. Самолет действительно пропал. АНБ все свои немалые силы бросило на то, чтобы нас разыскать. Но сейчас, плывя в лодчонке, укрытые листвой, мы были в относительной безопасности. Здесь их суперсовременные средства почти бессильны. Впервые за несколько часов я мог немного расслабиться.

- Знаете, куда мы плывем? спросила Рейчел.
- Нет. Когда приплывем, тогда и разберемся.

Глава 17

Сидя в кресле перед мониторами в подвальном центре безопасности, Гели Бауэр перекидывала в правой руке утяжеленные игральные кости из личных вещей Филдинга. Она взяла их как талисман, но пока что они не принесли ей удачи.

На мониторах справа наблюдалась суета десятков сотрудников АНБ: на тележках и с помощью грузоподъемников они эвакуировали секретное оборудование и не подлежащие огласке документы — все паковалось, перевозилось или перетаскивалось к выходу в большой огороженный стеной двор за зданием, где выстроилась очередь грузовиков. Если Теннант все-таки каким-то образом улизнет и выйдет на прессу, ищейки чрезмерно любопытных конгрессменов найдут здесь только то, что им будет позволено найти.

Теннант свернул на обочину и остановился, — доложил женский голос в наушниках. Эванс, когда-то служившая мичманом на военном флоте,

сейчас возглавляла ту наземную команду, которая первой засекла украденную «ауди».

- Пытался бежать от вас? спросила Гели.
- Нет. Как только понял, что мы сели ему на хвост, тут же сам паинькой свернул на обочину и остановился.

Гели это насторожило.

- Вы их обоих хорошо видите?
- Там только мужчина. Один.
- У вас есть мегафон?
- Он не понадобится. Мужчина только что вышел из автомобиля. С поднятыми руками.
  - Профессор Теннант?
  - Не думаю. Какой-то сосунок.
  - Сосунок?
  - Ну да, университетский хиппи.
  - Идиоты! Вы не тот автомобиль остановили!
- По номерным знакам все правильно. Погодите... ну да, конечно, они с ними махнулись.
  - «Они с ними» это вы про кого?
- На пароме была зеленая «нова» с двумя парнями.
   Должно быть, Теннант и Вайс теперь в их машине.
  - Допросите щенка! Немедленно все узнайте!
  - Оставайтесь на связи.

Гели мрачно смотрела на мониторы. Аэнбэшники везли тележки с компьютерами к заднему выходу. Сколько бессмысленной работы, какая глупая трата сил! Если бы ей позволили убить Теннанта заодно с Филдингом, всего этого маразма можно было избежать!

- Докладывает Эванс, ожил голос в наушниках. —
   Они сейчас на реке.
  - Что значит «на реке»?
- У ребят было алюминиевое каноэ, и Теннант его купил.

Гели поджала губы: впервые в ней шевельнулся страх, что Теннант действительно ускользнет.

— «Шевроле» все равно обязательно найдите, — приказала она. — А «ауди» конфискуйте.

- Будет сделано.
- «Воздух-один», вы слышали?
- Так точно.
- Прочешите реку Кэши на бреющем полете от паромной переправы до впадения в залив Албемарл. Даже такая хитрая бестия, как Теннант, не рискнет идти на веслах против течения.
  - Будем над рекой через пять минут.
- Наземным командам двигаться вдоль реки справа и слева.
  - Там дорога только вдоль одного берега.
  - Проклятие!
- Ничего, мы найдем способ проконтролировать и другой берег.

Гели отключила связь и сказала в микрофон: «Скоу, домашний телефон».

Скоу снял трубку после первого же гудка.

- Ну, вы их взяли?
- Они ушли.
- Что значит «ушли»?
- Теннант сменил вид транспорта. Теперь они с Вайс плывут в каноэ по реке Кэши.
  - Черт побери, Γ ели, как вы могли такое допустить? Кровь бросилась ей в лицо.
- Хотите побеседовать на тему, по чьей вине весь этот бардак?
  - Не забывайтесь!
- Если Теннант просочится у нас между пальцами, не сидеть вам в кресле начальника.
  - Будем оптимистами. Дайте-ка я прикину...

Пока Скоу обдумывал ситуацию, Гели вывела на дисплей карту Северной Каролины. Какой у Теннанта план? Куда он плывет? От паромной переправы до залива пять миль. На южном берегу сплошной лес — и никакой дороги, с которой можно следить за рекой. Если Тен-

нант знает об этом, он может высадиться на берег в любом месте.

- Что вы собираетесь делать? спросил Скоу.
- Мне нужны снимки реки со спутника в реальном времени и максимально крупным планом. Если вы дадите добро, я перешлю координаты кому следует.
  - Что еще?
- Дайте побольше людей. Моих ребят слишком мало, чтобы прочесать лесистую территорию такой площади.
- С пополнением проблема. Чтобы привлечь к делу посторонних, нам придется предать дело огласке, сочинив для публики какую-нибудь правдоподобную историю.
  - Значит, предавайте дело огласке, и побыстрее.
- Не суетитесь, Гели. Если мы потеряем Теннанта в лесу, беда небольшая. У меня для вас есть любопытная информация, благодаря которой вы будете на один шаг впереди Теннанта.

Гели навострила уши.

- Что за информация?
- Узнаете в нужный момент. Источник безупречный.
  - Верится с трудом. Ваша информация от АНБ?
  - Да.
- До настоящего момента Агентство мне ничем не помогло.
- Что ж, теперь будет иначе. Извините, я спешу. Мы все обговорили?
  - Нет, мы не обсудили момент захвата.

Скоу тяжело вздохнул.

- Я же одобрил ваш сценарий операции.
- -, Я по поводу завершения. Хочу получить четкий приказ стрелять на поражение.

Скоу молчал.

Гели медленно закипала.

- Послушайте, мы столько тянули...
- Погодите, дайте подумать.
- Почему вы проявляете такое малодущие?
- Э-э... налицо ситуация со взятием заложника. У вас большой опыт подобного рода дел.

Поэтому в момент захвата действуйте по своему усмотрению.

Гели покачала головой.

- Словом, вы ничего не решили, и руки у меня попрежнему связаны.
  - Бремя власти нелегкое бремя, мисс Бауэр.
- Ничего подобного, Скоу. Власть это кайф. А бремя постоянно оглядываться на бюрократов, которые боятся за свою задницу и тысячу раз пересматривают каждое свое решение.

Скоу хихикнул.

— Знали бы вы, до чего вы сейчас похожи на своего отца! Буду с ним говорить — непременно упомяну.

От этого замечания внутри у нее все помертвело.

— Воля ваша, — ледяным голосом сказала она и прервала связь.

После этого разговора Гели некоторое время сидела, незряче глядя на мониторы и легко поглаживая шрам на щеке. Стало быть, Скоу и ее отца связывает нечто большее, чем шапочное знакомство. Ей это не нравилось. Страшно не нравилось.

Глава 18

После часа размеренной гребли я увидел впереди лодочную пристань. Она находилась неподалеку от того моста через Кэши, по которому мы недавно проезжали. После паромной переправы река постоянно расширялась, готовясь влиться в просторы залива Албемарл. На открытом водном пространстве нас будет куда проще засечь с воздуха. Хоть самолетик наблюдения и пропал, меня это мало утешало. Вернется в любой момент.

Дрейфуя под нависающими деревьями вдоль правого берега, я прикидывал в уме, как можно использовать пристань. Там, разумеется, есть автомо-

бильная стоянка. Машины рыбаков, яхтсменов и любителей гребного спорта, прицепы с лодками...

Рейчел, повернувшись ко мне лицом, наблюдала за тем, как я гребу.

- Похоже, вам не впервой, сказала она.
- Вы имеете в виду: бегать от закона? усмехнулся я.
- Нет, грести. Так новички не гребут.

Я кивнул.

 Отец частенько брал меня и брата в походы по окрестностям Окриджа. Охотились, ловили рыбу.

Рейчел разглядывала лес на берегу. Солнце стояло еще достаточно высоко, но тени под ветвями становились все чернее.

- Правда, что мы теперь в безопасности?
- Временно. Люди, которые охотятся за нами, зависят от техники. Если бы мы остались в их мире, в городе или на шоссе, нас бы уже давно поймали. Здесь у нас есть хоть какой-то шанс.
  - А что за человек эта Гели Бауэр?

Меня поразило, что она запомнила лишь мельком упомянутое имя. Однако удивлялся я напрасно, у Рейчел была отличная память: все, что я говорил ей во время сеансов, она запоминала почти дословно.

- Гели убийца по натуре. И теперь именно она возглавляет охоту на нас.
  - Откуда вы знаете, что она убийца по натуре?
- Она довольно долго служила в армии. Поскольку она бегло говорит на арабском, ее забросили в Ирак с диверсионным отрядом перед началом операции «Буря в пустыне». Чтобы допрашивать взятых в плен иракских солдат. Она казнила двух «языков», потому что они были обузой для ее отряда, который стремительно двигался в тыл врага. Хладнокровно перерезала горло обоим иракцам. Даже матерые ребята из «Дельты» были поражены ее жестокостью.
- Можно сказать, что феминизм зашел дальше, чем планировалось.

- Феминизм тут ни при чем. Женщины-убийцы традиция древняя. Гели как-то прочитала Рави Нара целую лекцию на эту тему.
- Из вашего рассказа можно заключить, что эта Гели — социопатка.
  - Да, вам было бы интересно исследовать ее случай.
  - Полагаете, именно она убила Филдинга?
- Уверен. Она отлично разбирается в смертоносных препаратах, знает, с помощью какого можно имитировать инсульт. И имеет доступ ко всему в «Тринити» в том числе и к продовольствию, и к воде.

Я стал грести с удвоенной силой, расстояние до моста через Кэши быстро сокращалось. Рейчел разглядывала массивное сооружение вдалеке. Автомобили пролетали по мосту каждые несколько секунд.

Я отложил весла, чтобы дать рукам немного отдыха. Тишина в лесу была почти полная.

 Послушайте, как славно щебечут птицы, — сказала Рейчел.

Я прислушался, но не пение птиц привлекло мое внимание. Где-то вдалеке урчал мотор. Возможно, просто моторная лодка, но я нутром угадал — нет, не лодка.

— Что случилось? — спросила Рейчел. — У вас испуганный вид.

Я вглядывался в береговую полосу, высматривая место, где можно спрятаться. От самолета на бреющем полете нависающие ветки нас не укроют. А звук мотора тем временем становился все более внятным. И уже не было сомнений, что это самолет. Теперь и Рейчел слышала его.

— Они совсем рядом! — воскликнула она.

Прямо впереди большое поваленное ветром дерево лежало наполовину в реке. Его огромные ветви торчали во все стороны. Между стволом и водой было пространство в тени ветвей, где вам на голову могла запросто свалиться мокасиновая змея, если вы по глупости заплыли

туда в поисках рыбы. Я загнал каноэ именно в это естественное убежище, чувствуя себя немно-

го Ястребиным Глазом из романа «Последний из могикан». Я надеялся, что мне повезет так же, как Ястребиному Глазу в подобной ситуации.

Через пару секунд после того, как мы очутились в зеленой пещере, звук мотора превратился в рев. Я осторожно раздвинул ветки и посмотрел на реку. Именно этого я и боялся: маленький самолет летел метрах в пяти от поверхности — словно над вьетнамской речкой, оказывая огневую поддержку американским солдатам на берегу.

- Им нас не видно, да? дрожащим голосом спросила Рейчел.
- Без тепловизора нас не засекут. Беда в том, что у них может быть и этот прибор на борту. Ложитесь-ка лучше на дно.

Она соскользнула со скамейки и легла на дно. Я втиснулся рядом. Тонкий алюминиевый корпус каноэ завибрировал, когда самолет пролетел в считанных метрах от нас. Мы с Рейчел еще некоторое время лежали на дне лодки, прислушиваясь, не вернется ли самолет. Нет. Тишина.

Я сел за весла и стал торопливо грести к мосту.

— Никак не могу поверить в происходящее, — сказала Рейчел. — До меня не доходит, почему женщина, которую я никогда в жизни не встречала, упрямо пытается выследить меня и убить. Зачем ей это?

Я вспомнил свою беседу с Бауэр во время нашей последней встречи.

 Она считает, что мы с вами слишком близки, сказал я. — Вообразила, что вы в меня влюбились.

В лучах заходящего солнца было заметно, как Рейчел покраснела.

- Потому что я вас поцеловала в доме Лу Ли?
- Не только. Во время вчерашнего разговора со мной Гели сказала, что вы ни с кем не встречаетесь.
  - Откуда ей знать?
- Она в курсе всех ваших любовных дел: с кем у вас были свидания и когда они прекрати-

лись. Эта сволочь, вполне возможно, знает имя вашей учительницы в младших классах и какими блюдами вас баловала мать!

- А что вы ответили ей, когда она предположила, что я вас люблю?
  - Сказал: вы уверены, что я шизофреник.

Хотя Рейчел улыбнулась, ее глаза оставались печальными.

Наша лодка была единственной на широком пространстве реки возле пристани. Впрочем, неудивительно; люди тут не задерживались: спускали лодки с большими навесными двигателями по пандусу и уносились удить рыбу в далеких и более укромных местах. Я притормозил веслами и направил каноэ к пристани.

- Делаем остановку? спросила Рейчел.
- Да. Когда причалим, не выходите из лодки. Я быстро.
  - Куда вы?

210

Просто осмотрюсь.

На просторной автомобильной стоянке — от леса до опор моста — не было ни души, одни пикапы с пустыми лодочными прицепами. Первый ряд машин находился метрах в двадцати от пристани.

Зная простоту нравов в этой глуши, я надеялся быстро найти ключ от какой-нибудь машины. Подойдя к первому пикапу, я нагнулся и пошарил рукой по верху правого переднего колеса. Ничего. Проверил остальные колеса. Ничего. Следующий пикап тоже не принес удачи. Я проверил колеса еще двух машин — и тоже безрезультатно. Это плохо; хотя кругом вроде бы никого, я не мог позволить себе слишком долгие поиски. Осмотрев колеса следующего пикапа — красно-коричневого «додж-рэма» с открытым кузовом — и ничего не найдя, я решил сменить тактику: присел на корточки между «доджем» и пустым лодочным прицепом и провел рукой под бампером. Пальцы что-то нащупали.

Магнитная коробочка с ключами!

В коробочке было два ключа: один от «доджа», другой от крепежного замка прицепа. Проворно отсоединив прицеп от пикапа, я сел за руль и завел мотор.

Когда я подъехал к краю причала, Рейчел нырнула на дно каноэ, не догадавшись, что за рулем «доджа» сижу я. Я опустил стекло и крикнул ей:

— Хватайте коробку Филдинга и сюда! Поторапливайтесь!

Прижимая коробку к груди, как ребенка, Рейчел выпрыгнула на берег. Я сбежал с пристани к воде, набрал две пригоршни прибрежной грязи и замазал ею часть номерного знака. Пока я мыл руки, Рейчел осваивалась в «додже».

- Как вы завели мотор? Замкнули провода? спросила она, когда я сел наконец за руль.
- Этим фокусам я не обучен. Рыбаки народ честный, доверяют друг другу. И ключи прячут чисто условно. Мне чертовски неприятно, что пришлось злоупотребить их простодушием.
- Ах да, я не заметила ключи. Ладно, помолюсь, чтобы Бог вас простил. А теперь поехали.

Оставив за собой облачко пыли, мы выехали с автомобильной стоянки.

- По-прежнему двигаемся к Нэгс-Хеду? спросила Рейчел.
- Нет. Там нас, возможно, уже поджидают. Позвольте мне воспользоваться вашим сотовым телефоном.

Она вынула из кармана серебристую «моторолу» и протянула ее мне. Я по памяти набрал номер Белого дома (Филдинг когда-то давно приказал мне заучить номер наизусть).

- Кому вы звоните? озабоченно спросила Рейчел.
- Надеюсь поговорить с президентом лично.
- Но вы же сами сказали…
- Хочу посмотреть, что произойдет.

После второго гудка ответил оператор.

- Проект «Тринити», - сказал я.

Молчание, щелчок — и я услышал тот же чеканный мужской голос, что и вчера:

- Изложите ваше дело.
- Это Дэвид Теннант. Я хочу поговорить с президентом.
  - Подождите, пожалуйста.

Затем молчание. Ждать было мучительно. Я знал, что каждая новая секунда — дополнительный шанс для АНБ определить местоположение сотового телефона.

- Ну что? спросила Рейчел.
- Считайте до сорока. Вслух.

Когда Рейчел досчитала до тридцати пяти, я услышал знакомый голос:

- Профессор Теннант?
- Да.
- Ивэн Маккаскелл. Я говорю из президентского самолета.

Сердце бешено колотилось у меня в груди.

- Мистер Маккаскелл, я должен поговорить с президентом.
- В данный момент он беседует с британским премьер-министром. Сможет подойти к телефону приблизительно через пять минут. Будете ждать? Президент в курсе того, что с проектом «Тринити» что-то неладно, и очень хочет с вами побеседовать.
- Ждать я, увы, не могу. Я позвоню в Белый дом еще раз через семь минут.
  - Вас тут же переключат на нас.

Закончив разговор, я сделал несколько глубоких вдохов, чтобы успокоиться.

Рейчел коснулась моей руки.

- Ну как? Хорошо или плохо?
- Сам не знаю. Маккаскелл сказал, что президент хочет со мной побеседовать. Однако с ними явно кто-то уже успел поговорить. Скорее всего Джон Скоу. И те-

перь они знают ту версию событий, которая удоб-

212 на для Година.

- Они уже вернулись в США?
- Нет, президент в самолете.
- Возвращается из Китая?
- Нет. Вчера я узнавал: это пятидневный визит, за которым последует однодневная остановка в Японии. Встреча на высшем уровне своего рода дань памяти историческому визиту Никсона в Китай в 1972 году. Новая встреча теперь, после окончания «холодной войны», в куда более дружественной обстановке.
  - Что вы скажете, когда позвоните снова?

Я неопределенно покачал головой. Билл Мэттьюс, сенатор-республиканец из Техаса, попал в Белый дом на волне недовольства правлением демократов. Мой брат Джеймс, знавший Мэттьюса по Йельскому университету, был удивлен этим взлетом едва ли не больше всех. Мэттьюс, если верить моему брату, был фигурой харизматической, но звезд с неба не хватал. Еще сенатором он жил в основном умом советников; в Белом доме происходило то же самое. Однако в обществе преобладало мнение, что он неплохо справляется и внутри страны, и на международной арене. С Мэттьюсом я виделся дважды: в Овальном кабинете и на приеме в Джорджтауне, где принимал участие в съемках документального сериала по моей книге. Каким он меня запомнил, если запомнил вообще? Как уравновешенного серьезного врача, с братом которого он дружил? Сможет ли Скоу навязать президенту образ Дэвида Теннанта — опасного психопата?

Весь на нервах, я семь минут ехал в полном молчании по шестьдесят четвертому скоростному. Затем снова набрал номер Белого дома. На сей раз меня сразу соединили с президентом.

- Профессор Теннант?
- Да, это Дэвид Теннант.
- Это Билл Мэттьюс, Дэвид. С тех пор как мы виделись в последний раз, прошло много времени. Тем не менее вы можете быть предельно откровенны со мной. Пожалуйста, рассказывайте. 213

Я сделал глубокий вдох и сразу перешел к сути:

- Сэр, предполагаю, вам уже наплели небылиц про мое психическое состояние. Позвольте вас заверить: я совершенно нормален — как в тот день, когда мы с вами встречались в Овальном кабинете. Поэтому выслушайте меня, пожалуйста, непредвзято. Вчера в своем кабинете скончался Эндрю Филдинг. Я полагаю, что он был убит. Сегодня было совершено покушение на мою жизнь. В мой дом проник мужчина с пистолетом, и я был вынужден стрелять в целях самозащиты. Проект «Тринити» полностью вышел из-под контроля. Я уверен, что в этом виноваты Питер Годин и Джон Скоу.

Ответом было лолгое молчание.

- Господин президент?
- Я все слышал, Дэвид. Первым делом надо позаботиться о вашей безопасности.
  - Мне негде укрыться.
- Ну, это вы преувеличиваете. Безопасное место всегла найлется.
  - Даже если АНБ приговорило вас к смерти?
- Насчет АНБ не волнуйтесь. Я устрою так, что ребята из Секретной службы вас где-нибудь подберут и доставят в безопасное место — там вы дождетесь моего возвращения в Штаты.

На вид план был хороший, да только не мог я так рисковать.

- Исключено, сэр.
- Не доверяете Секретной службе?
- Доверять, может, и доверяю. Но беда в том, что я не знаю в лицо ни одного агента Секретной службы.
- Ясно. Президент помолчал. А разве нельзя договориться о пароле или о каком-то условном сигнале?
- Нет ни малейшей гарантии, что АНБ не проведает об этом. Подобные веши ненадежны.
  - Отчего бы не придумать пароль прямо сей-

— Приходится исходить из предположения, что Агентство записывает наш разговор. Им ничего не стоит прослушивать самолет над Китаем.

Мэттьюс вздохнул. Но отрицать не стал.

 Ладно, Дэвид. Попробуем иначе. Вы доверяете Ивэну Маккаскеллу?

Я лихорадочно соображал. До того как Маккаскелл позвонил мне домой, на мою жизнь не покушались. Только после его звонка службе безопасности проекта «Тринити» стало ясно, что я не успел поговорить с президентом и, значит, меня можно безнаказанно убить. Будь Маккаскелл связан с кем-то в «Тринити», он бы сообщил им этот решающий факт задолго до своего звонка мне ломой.

- Ему я доверяю. Ему лично, но не его голосу в трубке.
- М-да... похоже, ситуация пока что безнадежная, и до моего возвращения вам остается только где-нибудь затаиться. Затем Маккаскелл вместе с агентами Секретной службы лично подберет вас. Сможете быть в Вашингтоне через четыре дня?
- Смогу. Господин президент, разрешите задать еще один вопрос?
  - Конечно.
- Вы верите хоть одному слову из того, что я сказал?
   До этого Мэттьюс говорил фамильярно-приветливым тоном. Теперь его голос посерьезнел:
- Дэвид, я не буду вам лгать. Джон Скоу утверждает, что профессор Филдинг умер естественной смертью, а сотрудника охраны «Тринити» вы застрелили вне вашего дома и не будучи на то спровоцированным. Он также сообщил, что вы похитили своего психиатра.

Я радостно заморгал. Наконец-то Скоу совершил ошибку!

— Не вешайте трубку, сэр! — сказал я и протянул телефон Рейчел. — Скажите ему, кто вы и как все обстоит на самом деле. 215

Рейчел нерешительно взяла телефон и прижала его к уху.

— Говорит профессор Рейчел Вайс... Да, сэр... Нет, сэр. Я с профессором Теннантом по своей собственной воле... Совершенно верно. Нас преследуют и пытаются убить... Да, сэр. Обязательно, сэр.

Когда она вернула мне сотовый телефон, я сказал:

- Господин президент?
- Слушаю, Дэвид. Даже не знаю, что и думать. Но вы, как мне известно, из достойной семьи и человек порядочный. Поэтому мне бы хотелось встретиться с вами и выслушать вас лично.

Первый проблеск надежды за многие часы.

- Спасибо, сэр. Мне только это и нужно чтобы меня выслушали без предубеждения.
- Сделаю это, как только вернусь. А пока не высовывайте зад из травы, Дейв.

Я не мог не рассмеяться. Это была любимая присказка моего старшего брата.

- Спасибо, господин президент. До встречи.

Закончив разговор, я повернулся к Рейчел. Она смотрела на меня с надеждой.

- Ну, что думаете?
- Полагаю, мы сейчас в еще большей безопасности, чем пять минут назад. О чем вас спрашивал президент?
- Говорю ли я под принуждением, являюсь ли заложницей. Под конец он попросил меня заботиться о вас... Боже мой, все словно дурной сон! Что нам делать? Как нам пережить без помощи целых четыре дня?

Я прибавил скорости до семидесяти миль в час.

- Мы едем в Окридж.
- Штат Теннесси?
- Да. Другого такого места в мире не найти. В пяти милях от города местность совершенно дикая. Никакой вам полиции, никаких телевизоров с фотографиями бег-

лецов и украденных машин. Тишь и благодать.

216 Никакой цивилизации.

- И как долго туда добираться?
- Восемь часов.

Я обогнал слишком медленно едущий автомобиль и вернулся в правый ряд.

- Устраивайтесь поудобнее и поспите.
- Не могу спать в машине.
- А это не машина, это грузовик.
- Умник!

То, что мы улизнули от самолета и поговорили с президентом, привело нас обоих в состояние некоторой эйфории... хотя ясно было, что нашей радости недолго длиться.

- Насчет сна я не шучу, сказал я. Завтра утром вам понадобится много-много сил.
  - Для чего?
  - Карабкаться по горам.

Глава 19

Гели, возбужденная преследованием, теперь жила на сплошном адреналине. Ее подчиненные разрывались между охотой на Теннанта и Вайс и поисками Лу Ли Филдинг. Нехватка людей бесила ее, но она успокаивала себя воспоминаниями об успешных действиях в иракской пустыне, где под ее началом было всего лишь восемь коммандос «Дельты».

Неожиданные проблемы возникли со стороны Ютты Клейн, эксперта по магнитно-резонансной томографии из Германии. Клейн злоупотребила ограниченным наблюдением за ней, уехала в Атланту, преспокойно села в самолет «Люфтганзы» и упорхнула на родину. Конечно, немецкое правительство обязано помогать американским спецслужбам всеми возможными путями, но Гели отлично понимала, что немцы встретят Клейн с распростертыми объятиями, благо она теперь начинена информацией о новейших американ-

ских исследованиях. И не станут торопиться возвращать беглянку.

Гели резко повернулась вместе с вращающимся креслом в сторону загудевшей двери. В помещение центра безопасности вошел кто-то, кто знал ежедневно сменяемый код доступа. Из полумрака выступил Джон Скоу, как всегда в безупречном костюме от «Брукс Бразерс». В его глазах светились страх и возбуждение.

— Каким ветром вас сюда занесло? — спросила она. — Что произошло?

Скоу оседлал стул напротив Гели, положив свои почти женские руки на его спинку.

— Теннант только что разговаривал с президентом. Мэттьюс сейчас в самолете, летит из Пекина в Шанхай. Запись беседы получена благодаря рутинному слежению за китайским эфиром, мне понадобилось лишь взломать коммуникационные коды президента.

Гели словно жаром из печи обдало. Теперь понятно, почему Скоу не доверился телефону и явился лично.

- О чем они говорили?
- Президент хотел, чтобы агенты Секретной службы где-нибудь подобрали Теннанта, но Теннант на это не клюнул.
- Мэттьюс проглотил нашу историю? Или верит Теннанту?

Скоу задумчиво покусал нижнюю губу.

- Я бы сказал так: он более склонен верить нашей версии. Хотя и обещал Теннанту выслушать его непредвзято.
  - Когда и где это случится?
- Ивэн Маккаскелл и агенты Секретной службы встретятся с Теннантом и доставят его на встречу с президентом, как только тот вернется из Китая. Теннант, кстати, доверяет Маккаскеллу.
  - Когда президент возвращается?
    - Через четыре дня.
- **218** Теннанта ждут в Вашингтоне?

- Да.
- Прекрасно.
- Почему «прекрасно»?

Гели уже давно продумала вариант появления Теннанта в Вашингтоне.

- У нас появляется идеальное прикрытие. Начиная с этого момента, мы постараемся еще сильнее дискредитировать Теннанта. До сих пор мы говорили, что его нервное расстройство переросло в психоз; в результате он застрелил нашего сотрудника и похитил профессора Вайс.
  - A дальше?
  - Теперь он задумал убить президента.

Глаза Скоу хищно сузились.

 Но с Мэттьюсом он просто беседовал. Никаких угроз.

Гели закатила глаза.

- Теннант имитирует нормальность только так он может добраться до человека, которого хочет прикончить. Если удастся выдать его за убийцу-психа, на нашей стороне будет вся вашингтонская полиция, каждый коп в подземке будет иметь его фотографию. Больше того, если Теннанта начнут воспринимать как нового Ли Харви Освальда, та же Секретная служба и близко не подпустит его к президенту!
- Изящная стратегия. А чем мы подкрепим наши слова?
- У нас есть сотни часов записи телефонных разговоров Теннанта. «Годин-четыре» еще не демонтирован?
  - Не в курсе. А что?
- Если в этот компьютер загрузить соответствующие программы АНБ, «Годин-четыре» в два счета слепит из имеющегося аудиоматериала угрозы против президента. Фальшивка будет безупречного качества.

Скоу одобрительно усмехнулся.

- Хорошая мысль, Гели. Замечательная!
- Я не даром ем свой хлеб. Сейчас у нас только одна проблема: направится ли Теннант в Ва-

шингтон прямо сейчас или будет где-то четыре дня пережидать?

- Согласно моему источнику, в Вашингтон он прямо сейчас не направится, сказал Скоу. У меня есть короткий список мест, где Теннант мог бы затаиться. Вашингтон в этом списке на последнем месте.
  - У Гели от ярости свело челюсти.
- Что за источник, черт побери? процедила она. Почему вы мне не доверяете?
- Не сердитесь, но выдать свой источник я не имею права.
- Значит, Теннант укроется в каком-то другом месте, а в Вашингтоне появится только в последний момент?
- Да. И это весьма разумно. Чего ради рисковать и четыре дня ошиваться в Вашингтоне, где плотность секретных агентов и полицейских на квадратную милю выше, чем где бы то ни было?
- Вы забываете, что именно в Вашингтоне у него масса знакомых на самом верху. Руководитель службы здравоохранения. Директор национальных институтов здравоохранения. Политики из его штата. Достаточно вспомнить, что его приятель сенатор Барретт Джексон возглавляет Комитет надзора за разведслужбами! И имеет прямую телефонную связь с Овальным кабинетом! Если Теннант сумеет убедить кого-нибудь на уровне Барретта Джексона, что слухи о его ненормальности сильно преувеличены...
- Понятно, понятно... Так или иначе, мы можем только гадать, куда он побежит. Но если запустить историю про то, что он намерен убить президента, мы получим возможность задействовать федеральные силы по всей стране.
- Замечательно. Вот и займитесь средствами массовой информации. Пошлите всем всем! вашингтонским знакомым Теннанта предупреждение, что он
- может выйти на контакт с ними, что он вооружен, психически лабилен и что у него на руках

кровь невинного человека... ну и так далее. У предупреждения должен быть гриф «совершенно секретно». Сумеете сочинить изящный текст, без пережимов?

Тонкие губы Скоу растянулись в лукавой улыбке.

Я не даром ем свой хлеб.

Гели кивнула; впервые за многие часы у нее стало спокойней на душе.

— Только сначала проверьте, работает ли «Годинчетыре». Если его уже эвакуировали, пусть привезут обратно и подключат.

Прежде Скоу никогда не прикасался к Гели, но теперь он вдруг положил руку ей на запястье.

- У вас четыре дня, чтобы уничтожить Теннанта и Вайс. Потом президент подключит Секретную службу, и все предельно осложнится. Секретная служба постарается заманить его в ловушку и взять живым. Что совершенно не в наших интересах.
- Именно поэтому мы должны подстраховаться и так заранее очернить его, чтоб ни одному его слову не было веры.

Скоу кивнул:

- Правильно.
- Будьте спокойны, сказала Гели, президент больше никогда не увидит Теннанта. В ближайшие сутки братья встретятся на небесах.

Глава 20

К тому времени, когда мы доехали до Роли, уже стемнело. Шестьдесят четвертая автострада сменилась сороковой междуштаткой, и мы снова катили через Треугольник науки — на запад, в сторону Теннесси.

— Все выглядит совершенно обычным, — сказала Рейчел, провожая глазами огни знакомого города. — Когда вот так темно, мне совсем нетрудно представить себе, что вы сейчас высадите меня у моего дома в Даре-

ме, и я как ни в чем не бывало зайду к себе и поставлю чайник на плиту...

- Теперь вы понимаете, что это несбыточная мечта.

Я чувствовал на себе ее печальный долгий взгляд. Потом она горестно вздохнула.

- Искренне сожалею, что втравил вас в эту жуть. События развивались так быстро и так плотно, что мне только сейчас пришло в голову попросить прощения. Извините еще и за то, что я запоздал со своими извинениями...
  - Не кайтесь. Я сама влезла в эту историю.
- Нет. Я подставил вас уже тем, что выбрал вас своим психотерапевтом.

Усталое выражение на лице Рейчел напомнило мне, что иметь дело с комплексом вины других людей — часть ее повседневной работы.

— Не надо объяснять необъяснимые капризы судьбы, — сказала она. — Если бы где-то в Малайзии одна птичка не проглотила сто лет назад одну гусеницу, вы бы нашли другого психоаналитика, и я бы сейчас преспокойно пила чай у себя дома. Такова жизнь. Самые глубокие философствования ничего к этому не прибавят.

Прежде и я тешил себя подобными мыслями, однако в данном случае мне не верилось в капризы судьбы.

— Нет. Я сознательно выбрал вас, потому что вы лучший специалист в своей области. Психоаналитики школы Юнга — товар штучный, не то что психологи, которых пруд пруди. Я знаю, это звучит немного по-детски, но у меня чувство, что я вышел на вас неспроста — так было предназначено свыше.

Рейчел впилась в меня бесконечно проницательным взглядом, но за этим вполне профессиональным взглядом я угадывал скрытую боль. Сам того не желая, я задел какой-то оголенный нерв.

— Легко уговорить себя, что все происходя шее с нами случается неспроста, — бесстрастным

голосом промолвила Рейчел. — Это успокаивает. Дает ощущение, что мы — часть большого вселенского плана. Я воображала, что мы с мужем предназначены друг для друга. Чистейший вздор! Я придумала себе, что это судьба. А на самом деле это был просто неудачный выбор. Сентиментальная глупость — и больше ничего.

- Результатом этой «сентиментальной глупости» был ваш любимый сын.
  - Который умер в страхе и боли пяти лет от роду.

Теперь в ее голосе был вызов. За годы врачебной практики довольно много детей умерло на моих глазах, и я знал, какую страшную травму это может нанести родителям. Даже больничный персонал не был застрахован от жестоких эмоциональных травм. В присутствии страдающего ребенка экзоскелет профессионализма легко рассыпается в прах. Для меня детские страдания — бессмысленные муки невинных существ — были важнейшим доводом против существования Бога.

— Вы и ваш сын подарили друг другу пять лет безоговорочной любви. Согласились бы вы, чтобы он вообще не рождался и вы оба не испытали боли конца?

Она вперила в меня возмущенный взгляд.

- Вы способны брякнуть что угодно, да? Вам плевать на любые границы, да?
- Да. Но это право переступать любые границы я заработал нелегким путем.

Я имел в виду потерю собственного ребенка, и Рейчел поняла.

Она отвернулась к окну.

- Давайте лучше прекратим разговор на эту тему.
- Нам вообще не обязательно донимать друг друга разговорами. А вот без провианта нам не обойтись. Я заскочу в круглосуточный «Уол-март» в Уинстон-Сейлеме или в Эшвилле. А вы можете несколько часов поспать.
  - Я совершенно измотана, призналась Рейчел.
  - Пристраивайтесь ко мне.
  - Что вы имеете в виду?

- Прилягте:
- На ваше плечо?
- Нет. Будьте смелее. Свернитесь в клубочек на сиденье, а голову положите мне на колени.

Она скептически покачала головой, но не отказалась. Я не спускал взгляда с дороги. Рейчел сняла туфли, поджала ноги на сиденье и положила голову на мое правое бедро. Я догадывался, что она лежит с открытыми глазами, однако нарочно не смотрел вниз. Сняв правую руку с руля, я поглаживал ее волосы у лба.

- Как в детстве, сказала она.
- Я с вами не разговариваю. Ну-ка, закрывайте глаза! Она подчинилась и через минуту-другую уже спала.

До Эшвилла мы добрались в половине одиннадцатого. Ярко освещенный «Уол-март» был оазисом света в темноте, и я съехал с междуштатки. Голова Рейчел попрежнему лежала у меня на коленях, и моя правая нога почти онемела. Был соблазн оставить Рейчел в машине — пусть отсыпается. Но если она проснется в одиночестве на автомобильной стоянке, ей это будет малоприятно. Не исключено также и то, что местная полиция уже получила описание украденного пикапа. Чтобы не влететь поглупому в засаду, вернувшись из супермаркета, я разбудил Рейчел и велел стоять за стеклянными дверями «Уолмарта», откуда ей был бы виден каждый, кто проявит нежелательный интерес к нашему красно-коричневому «доджу».

Я направился прямиком в спортивный отдел и начал складывать все нужное мне на прилавок с кассовым аппаратом, за которым никого не было. Палатка на двоих. Спальные мешки. Рюкзаки. Фонарь и печка с запасом топлива. В другом ряду я выбрал для нас с Рейчел комбинезоны, шапки и высокие ботинки — всё маскировочного цвета. Плюс утепленное нижнее белье. В следующем ряду я взял сложносоставной лук, восемь стрел

и колчан. На верх образовавшейся горы положил компас, бинокль, охотничий нож, таблетки для

очистки воды и две портативные рации на батарейках. После этого я пошел разыскивать продавца.

Найденная мной молоденькая мексиканка отнеслась к моим деньгам с большим подозрением. Пока она всеми возможными способами проверяла каждую сотенную, я смотался в секцию туалетных принадлежностей и взял зубную пасту, зубные шетки и мыло. Все вместе обошлось в 1429 долларов и 84 цента. Заплатив, я отвез тележку с покупками к выходу, оставил ее Рейчел, а сам направился в продуктовый отдел, набрал съестных припасов на две-три недели и прихватил несколько бутылей воды. Идя к кассе, я благодарил судьбу, что живу в такую удобную эпоху: среди ночи можно завернуть с шоссе в магазин и одним махом закупить все для долгосрочного выживания в дикой местности. Мой отец не поверил бы, что такое возможно!

Пока я расплачивался, Рейчел сделала мне знак пальцами: «Порядок!» У меня камень с души свалился. Охранник на выходе остановил меня, но только для того, чтобы бегло сверить чек с товарами в тележке. Десять секунд спустя мы толкали две тележки к «доджу».

Перед выездом на шоссе я свернул на пустынную автостоянку возле мотеля «Бест вестерн» и припарковался между двумя пикапами. Один из них был синий «доджрэм» с трейлером для лошади. Я нашел в бардачке отвертку, снял номерной знак штата Техас с этого «доджа» и поставил его на наш, а наш номерной знак привинтил на машину из Техаса. Если повезет, владелец синего «доджа» обнаружит подмену не раньше утра. Совершив этот акт вынужденного хулиганства, я вырулил по пандусу на сороковую междуштатку и на предельной скорости рванул на запад, к границе штата Теннесси, которая проходила в лежащих перед нами Аппалачах.

Вскоре Рейчел тихо посапывала во сне в прежней позе — головой у меня на коленях. Под Дэвида Грея из радиоприемника я, машинально следя за дорогой, предался сентиментальным размышлениям. Мы 225

направлялись в мое прошлое, в леса моей юности, мир причудливых контрастов и незабываемых впечатлений. Окриджская национальная лаборатория по атомной энергии принадлежала к самым передовым научным учреждениям в стране, но находилась среди почти девственных лесов. Там я сидел в классе рядом с детьми блистательных ученых из Чикаго и Нью-Йорка. И с детьми местных изнуренных трудяг, которые никогда в жизни не выезжали за пределы своего округа. Некоторые ученые только сетовали, что приходится прозябать в такой глухомани, другие отчаянно томились вдали от цивилизации, но для членов моей семьи лесистые горы вокруг Окриджа были сущий рай земной — ни о чем другом мы и не мечтали.

В районе Окриджа я знал немало мест, где можно надежно спрятаться; одно казалось мне просто идеальным убежищем. В прошлом году друг детства рассказал, что из-за бюджетных трудностей правительство закрыло национальный парк Фроузн-Хед. Этот парк я знал отлично: в свое время мы с братом исходили его вдоль и поперек. Сейчас в эти горные леса нет доступа туристическим группам, и там можно встретить разве что заядлых путешественников, которым плевать на запрет.

Уже к полуночи мы были по другую сторону Аппалачей, в Ноксвилле. Оттуда я покатил дальше на запад по шестьдесят второй автостраде. Не прошло и получаса, как мы въехали в Окридж, который во время Второй мировой войны был «засекреченным городом». Сегодня его физические лаборатории известны во всем мире, но тогда этого города на картах не существовало. За тридцать послевоенных лет — я уехал в Алабаму в 1975 году — Окридж мало-помалу приобрел черты заурядного американского города. Однако совершенно «нормальным» так никогда и не стал. В его атмосфере сохранилось некое напряжение энтузиазма, ощу-

щение высокой миссии — и исключительности этого места. Все в Окридже жили с сознанием,

что в случае ядерной войны от нас уже в первые минуты останется только пар.

Даже в темноте я не мог не заметить, как разросся город за те годы, что я здесь не был. Больше ресторанов, больше супермаркетов, но сердцем города остались всетаки научная лаборатория и ядерный реактор, привлекающий толпы туристов, которым любопытно посмотреть, где и как ковалась наша победа над японцами.

На выезде из Окриджа мы были единственной машиной на шестьдесят второй автостраде. Мы обогнули подножие горы Биг-Браши и поехали в сторону тюрьмы. В этом уединенном месте, где сходятся границы трех графств, существовал вечно подернутый туманом особый мир, населенный потомками шахтеров и самогонщиков. Люди цепляются за существование в каких-то развалюшках на склонах вдоль заброшенных карьеров, до сих пор уродующих горы.

Я свернул на узкое сто шестнадцатое шоссе, проехал сначала мимо деревушки Петрос, затем мимо тюрьмы штата, смотревшейся весьма зловеще в ярком ядовитом свете, который только подчеркивал колючую проволоку ограды. К северу от тюрьмы шоссе вилось вокруг горы, но я свернул с него влево, на неприметную дорогу, вообще не обозначенную на карте; я помнил ее с детства и знал, куда она ведет. Отсюда рукой подать до ворот национального парка Фроузн-Хед, которые сейчас, наверное, наглухо закрыты.

За полмили от ворот я сбросил скорость и стал искать просвет между деревьями. Найдя удобное место, свернул в лес, и уже через десять секунд мы исчезли за стеной зелени. Там, где деревья росли слишком плотно и склон горы был слишком крут, чтобы двигаться дальше, я затормозил и выключил двигатель.

Рейчел не разбудила даже тряска. Она проснулась, лишь когда я стал вытаскивать из-за сидений спальные мешки. Тут она резко вскочила и испуганно уставилась в почти непроглядную темноту. 227

- Что вы делаете? Гле мы?
- Успокойтесь, сказал я. Все в порядке. Мы на месте.
  - Гле?

Рейчел пыталась разглядеть хоть что-нибудь вокруг машины, но при выключенных фарах даже стволы трудно было различать. Полное впечатление, что мы в пещере.

- Недалеко от Окриджа. Недавно закрытый национальный парк Фроузн-Хед.
  - Фроузн-Хед? Никогда не слышала.
- А про что вы слышали, нью-йоркская штучка? пошутил я. Вы, кстати, спали как убитая.

Рейчел надменно тряхнула головой.

- Я не могу спать в автомобилях!
- Ладно, продолжайте так же сладко не спать. Я разбужу вас на рассвете.

Все еще немного ошалелая после сна, Рейчел проморгалась, поднесла руку ко рту и сказала с капризной гримаской:

- А зубные щетки вы купили?
- Да. Но с гигиеной можете подождать до утра.
- Мне нужно пи-пи.
- В вашем распоряжении целый лес.
- А насколько здесь опасно?

Я хотел предупредить насчет гремучих змей, но смолчал: есть вероятность, что тогда она из машины и шагу не сделает. Поэтому я ответил дипломатично:

 За последние двадцать четыре часа мы нигде не были в большей безопасности.

Я включил фары, чтобы ей было спокойнее. Рейчел вышла из машины, но дверь оставила открытой. Она не возвращалась целую вечность, я даже нервничать начал. По ветровому стеклу вдруг забарабанил дождь, и тут же донесся визг Рейчел. Она влетела в

пикап — с незастегнутыми джинсами — и за-228 хлопнула дверь.

- Льет как из ведра! воскликнула она, приводя в порядок «молнию». — Я моментально вымокла!
- Дождь для нас очень кстати. Скрывает звуки. Можем не бояться, что кто-нибудь нас услышит.

Рейчел влезла по грудь в спальный мешок.

- Не хочу вас обижать, но это полный маразм. Разве нельзя было остановиться в каком-нибудь дешевом мотеле?
- В данный момент никто в мире не знает, где мы находимся. Потому и найти нас невозможно. Именно к этому мы и стремились. Ложитесь спать.

Она покорно кивнула.

Я тоже влез в спальный мешок и какое-то время сидел, слушая музыку дождя и вспоминая наши предрассветные бдения с отцом и братом в ожидании уток или оленя. Я смертельно устал, однако проспать слишком долго не боялся: перед рассветом я непременно проснусь. Та первобытная часть моего мозга, которая бездействовала в городе, на природе пробуждалась, и мои внутренние часы безошибочно следовали за лесными ритмами. Внутренний голос подсказывал мне, когда наступит рассвет, когда грядет дождь, когда приближается дичь.

— Спокойной ночи, — сказал я Рейчел.

Ответом мне было только ее ровное дыхание.

Я действительно проснулся с первым лучом солнца. Помигал, обвел глазами лес вокруг, ничего особенного не заметил и осторожно разбудил Рейчел. Она опять дернулась всем телом и вскочила, но все же не так испуганно, как ночью.

- Пора в путь.
- Хорошо, пробормотала она, хотя явно предпочла бы и дальше спать.

Я вышел, облегчил мочевой пузырь, потом принялся паковать рюкзаки. Самое тяжелое я поместил в свой рюкзак, чтобы Рейчел несла за плечами только спальный мешок, часть продуктов и бутылочки с 229

топливом. Когда она закончила утренний туалет, я протянул ей весь камуфляжный наряд и толстые носки под ботинки.

Она скривилась, однако одежду взяла и пошла переодеваться за пикапом. А я тем временем закрепил на своем рюкзаке лук и колчан со стрелами, затем влез в комбинезон и натянул высокие непромокаемые ботинки. Когда я надевал рюкзак, стало заметно светлее — значит, солнце на востоке уже поднялось выше горы Виндрок.

Рейчел вышла из-за пикапа, чертовски напоминая бравую офицершу израильской армии с журнальной фотографии. Рюкзак она надела быстро, без охов и ахов и на его вес жаловаться не стала.

- Видели бы вас сейчас ваши университетские друзья!
   сказал я, прикрепляя ей на пояс портативную рацию.
  - Лопнули бы от смеха!

Я сунул нашу нормальную одежду ей в рюкзак.

- Смотрите под ноги. Ступайте туда, куда я ступал, и избегайте колючек. Если потеряетесь, пользуйтесь уокитоки, но говорите очень тихо.
  - Хорошо.
- В пути без особой необходимости не разговаривайте. Если я поднимаю руку застываете на месте. Если я, по-вашему, иду чересчур быстро, просто молча схватите меня за пояс. Мы никуда не торопимся. Здесь нам встретятся разные животные. Обходите змей, остальную живность просто игнорируйте.

Рейчел кивнула.

- А куда именно мы направляемся?
- В горах есть пещеры. Часть из них общеизвестна, но есть и такие, про которые никто не знает. Одну такую пещеру мы с отцом нашли, когда я был еще мальчишкой. Вот туда мы и двинем.

Рейчел улыбнулась:

230 — Что ж, поиграем в неандертальцев.

Мы вернулись к дороге по следу, оставленному шинами нашего пикапа, и замаскировали сучьями просвет между деревьями, через который я въехал в лес. Затем перешли дорогу, и я стал искать приток Нью-Ривер неглубокую речушку, которая течет в расселине глубиной метров пятнадцать. По этой расселине проще всего подниматься вверх по горе. Работники парка проложили специальную удобную тропу параллельно речке, но от тропы нам лучше держаться подальше, чтобы даже случайному путешественнику не попасться на глаза. Опасался я и встречи со здешними шустрилами, которые повадились выращивать в горах марихуану. Без туристов местному населению жилось хуже, и многие потомки самогонщиков нашли новый способ зарабатывать деньги. На посторонних они смотрели, конечно, косо. Вокруг подпольных плантаций стояли капканы. Могли, не разобравшись, и подстрелить.

Речку я нашел быстро. И когда окончательно рассвело, мы уже шлепали вверх по течению — вода была не выше шиколоток. Скрюченные древесные корни, словно громадные подагрические пальцы, торчали из скал справа и слева. Тут и там путь через ущелье преграждали валуны размером с автомобиль. Речка, мелкая и широкая, только в некоторых местах сужалась в быстрый и глубокий поток. На песке я заметил следы и помет оленей. А один неясный отпечаток напоминал след медведя. Это навело меня на тревожную мысль: не появился ли у моей пещеры постоянный хозяин? В кустах то и дело кто-то шуршал, оттуда время от времени выбегали спугнутые нами кролики или броненосцы. Каждые несколько минут я оглядывался на Рейчел. Она пару раз поскользнулась на мокрых камнях, но держалась молодцом; карабкаться в гору по гладким валунам — задача сложная для новичка любого пола.

Переступая через лежащее в воде поваленное дерево, я вдруг уловил запах дыма. Я остановился как вкопанный и принюхался, ожидая, что это дым 231

походного костра, разожженного незаконным туристом. Ничего подобного. Это был аромат крепкого виргинского табака. Я поднял руку, но Рейчел уже сама замерла, отреагировав на мою внезапную остановку.

Я внимательно осмотрел скалы и деревья впереди. Никакого движения. Только речка журчит, да в лесу капли с листьев падают. Тогда я задрал голову и оглядел заросли по краям ущелья. Курить мог и браконьер, охотящийся на оленей. Однако любой хороший охотник знает, что запах табака сводит к нулю его шансы выследить оленя. Между деревьями и кустами наверху никого не было.

Я еще раз принюхался. Теперь запах пропал.

Рейчел тронула меня за пояс.

- B чем дело? - прошептала она.

Я повернулся и увидел испуг в ее лице.

— Тихо! Не шевелитесь.

Рейчел кивнула.

Тут ветер опять донес до меня запах табачного дыма, еще более явственный. Я медленно повернулся и, словно по наитию, резко поднял глаза. Метрах в пятнадцати от нас, на краю скалы, где только что никого не было, спиной к нам стоял мужчина в черном нейлоновом комбинезоне охранника. Чуть наклонившись над провалом, он щелчком послал докуренную сигарету вниз, в речку. Сердце мое сжалось, но я не шевелился. Бычок, покувыркавшись в воздухе белой полоской на зеленом фоне, шлепнулся в воду и поплыл в нашем направлении.

Мужчина стал поворачивать голову, провожая глазами бычок. Я был уверен, что теперь он уж точно нас заметит, но он вдруг посмотрел в другую сторону и чтото потянул с плеча. Я увидел черную штурмовую винтовку «М16». Он приставил винтовку к стволу дерева, расстегнул «молнию» и начал мочиться со скалы вниз. Дурачась, как мальчишка, норовил попасть струей в речку. У мальчишки бы получилось, однако на скале стоял

мужчина лет тридцати. К тому же ему мешал пуленепробиваемый жилет, прикрывающий и пах.

Я молил Бога, чтобы Рейчел не запаниковала. Она могла не увидеть вооруженного парня высоко над нами, но длинную золотую дугу, которая искрилась на солнце, было трудно не заметить. Мужчина завершил процесс парой коротких струек, застегнул «молнию» и нагнулся за винтовкой. Выпрямившись и надевая ремень на плечо, он посмотрел вниз на речку — и прямо на нас.

У меня дыхание перехватило в ожидании момента, когда наши глаза встретятся.

Мужчина с винтовкой скользнул взглядом по нам — и стал рассматривать что-то вдалеке, гораздо ниже по течению речки. Как ни странно, бившее ему в глаза солнце, пелена дождя и наши камуфляжные комбинезоны на фоне густой зелени скрыли нас от него. Теперь мужчина странно подергивал головой — я не сразу сообразил, что он что-то тихо говорит в микрофон на воротнике. Затем я услышал металлический треск ответа, но не разобрал ни единого слова. Мужчина повернулся к лесу и зашагал прочь.

Все это было как дурной сон. Выйдя из оцепенения, я повернулся к Рейчел, которая растерянно таращилась на меня.

- Что происходит? сердито спросила она шепотом.
- Вы его не видели?
- Кого?
- Да парня, который мочился с утеса!

У нее округлились глаза.

- Хотите сказать, вы не видели громилу с винтовкой?
- Никого я не видела. Я смотрела только на вас. Думала, вы заметили змею.
  - Возвращаемся к пикапу. Немедленно.

Рейчел побледнела от моего тона.

- А как же пещера?
- Этот вариант сдох. Наверху нас ждут.
- Абсурд! Этого не может быть!
- Это они, вне сомнения. У парня «М16» и бронежилет. Здешние охотники на оленей вы-

глядят немножко иначе. И это не облава на плантации марихуаны — полиция не так одевается и не так вооружена.

- Значит, мы проделали весь этот длинный путь зря? Меня словно жаром окатило.
- Почему вас это так беспокоит?
- Мне все равно. Просто пещера место надежное...
- Теперь уже не надежное.

В моем мозгу само собой складывалось ясное понимание ситуации. Они знали, что мы будем на этой горе...

Прежде чем я успел додумать мысль до конца, чтото заставило меня снова замереть и прислушаться. Из леса доносился посторонний звук, кто-то там двигался. Зверь, или человек, или люди — понять было невозможно, сколько ни напрягайся. Я выругался про себя. Дождь, скрадывавший звук наших шагов, теперь помогал укрываться нашим врагам. Или пора говорить точнее: моим врагам?

Пока мое новое понимание происходящего формировалось в сознательные мысли, треск рации вновынарушил тишину, и я понял, что в другой стороне, метрах в двадцати от нас, за деревьями стоит еще один тип с винтовкой и микрофоном на воротнике. Я бесшумно метнулся за спину Рейчел и, прикрыв себя ее телом, одной рукой зажал ей рот, а другой крепко обхватил за талию. Она пробовала закричать, но я зажал ей рот так решительно, что ни единый звук не вырвался из него.

Я неподвижно стоял в речке, и вода окатывала мои ботинки. Рейчел пыталась вырваться. Между нами был набитый рюкзак, поэтому удерживать ее было адски сложно. Я боялся, что она укусит меня за руку, однако она этого не сделала: еще одно подтверждение, что именно она сообщила АНБ, где нас искать.

Сейчас я отпушу ваш рот, — прошептал я. — Но если закричите, я без колебания перережу вам горло.

Глава 21

Когда я отпустил Рейчел, она резко повернулась ко мне. Ее лицо было искажено страхом и яростью. Увидев в моей руке охотничий нож, купленный ночью в «Уолмарте», она молча отпрянула.

Топай, — сказал я ей. — Шагай вниз по реке. Дорогу знаешь.

Она пару мгновений смотрела на меня дикими глазами, потом подчинилась и пошла по скользким камням в указанном направлении. Я сунул нож в ножны на поясе и отвязал лук от рюкзака. Против человека с «М16» и в бронежилете это, конечно, не оружие. Но если мне повезет увидеть противника первым, будет хоть какойто шанс.

 Держись как можно ближе к правому склону, приказал я.

Рейчел покорно взяла вправо, ловко переступая с камня на камень. Идя за ней по крутому ложу реки, я размышлял над вопросами, которые обязан был задать ей давно... и не задал, придурок несчастный! В самый первый день этого кошмара, когда я при ней очнулся от сна, в котором я был умирающим Филдингом... как она открыла дверь моего дома? Я точно помню, что запер ее за парнем из «Федерал экспресс». А проснувшись, обнаружил, что только цепочка не дает двери открыться до конца, а Рейчел громко зовет меня — уже одной ногой в моей передней. Да и как она узнала, где я живу, если я сознательно держал это в секрете? Адрес дала секретарша из канцелярии университета штата Виргиния? Но если в канцелярии и знали, где я теперь живу, наверняка их предупредили, что это является государственной тайной! А самолет наблюдения над шоссе? Каким образом из тысяч машин на автостраде между Чапел-Хиллом и Нэгс-Хедом лазерный луч с легкостью нашу-235 пал именно нашу? Пока я находился без сознания, достаточно было одного короткого звонка, чтобы продать им все: и «ауди», и домик в Нэгс-Хеде, и еще бог знает что.

Что касается Окриджа, Рейчел могла запросто позвонить, стоя на часах в дверях магазина в Эшвилле. Про Фроузн-Хед она в тот момент еще не знала, но сотовым могла воспользоваться преспокойно. А проявив немного дерзости, имела возможность дополнить информацию, когда ночью выходила из пикапа помочиться. Я ведь не проверял, с ней телефон или нет.

С другой стороны, я помнил, что убийца в моем доме целился ей в спину и был готов спустить курок.

Рейчел на мгновение замешкалась: река сужалась, начиналась стремнина. Я шел вплотную за ней, чтобы подхватить, если поскользнется, или схватить, если ей стукнет в голову бежать. Преодолевая стремнину, я мысленно вернулся к моменту, когда выбирал себе психотерапевта. Скоу встал на дыбы, когда я захотел обратиться к специалисту, не связанному с АНБ. Он мог настоять на своем... и вдруг пошел на попятный. Почему? Университетские друзья рекомендовали мне Рейчел как лучшую научную толковательницу снов. Хотел бы я знать, следовала ли Гели Бауэр за мной тенью? Возможно, она разговаривала потом с каждым, с кем беседовал я? Не исключено, что именно она инструктировала Рейчел перед нашим первым сеансом. Каким образом Гели склонила Рейчел на свою сторону — давя на патриотические чувства или с помощью вульгарного шантажа? Я мог только гадать.

Я остановил Рейчел, взявшись за ее рюкзак. Ручей опять раздался вширь. До дороги осталось совсем ничего.

— Мы уже недалеко от пикапа, — тихо сказал я. — Сейчас повернешь налево. В лесу не вздумай наступить на сухую ветку.

Она повернулась ко мне — в ее глазах стояла прежняя ярость.

Я ткнул ее в спину.

— Топай, топай!

Она с удивительной ловкостью двигалась между деревьями, с которых лилась вода. Мне уже мерещилось, что она где-то проходила спецподготовку и со мной только корчила из себя беспомощную интеллигентку. Теперьей играть больше незачем...

Метров через двадцать я опять схватил ее за рюкзак и внимательно осмотрел лес перед нами.

— Дэвид, вы же не думаете, что я вас предала?

Я кивнул:

- Иного объяснения не существует.
- Должно существовать!

Я ее не слушал. Мне было важно убедиться, что впереди нет ничего необычного.

— Про Окридж они могли и сами догадаться, — рассеянно сказал я, шаря глазами между деревьями, — но про Фроузн-Хед им узнать было неоткуда. В этих краях я мог выбрать для укрытия еще по меньшей мере дюжину мест.

Она сложила руки в беспомощной мольбе.

- Ну как вас разубедить! Поверьте, я ни с кем не разговаривала!
- А как вы справились с закрытой дверью моего дома? Помните, в самый первый день?
- У вас замок ерундовый. Пилки для ногтей достаточно.
  - Чепуха.
- Почему же чепуха? Мой отец был слесарем по замкам в Бруклине. Я с детства замки чуть ли не ногтем открывала.
- Что такое «Чабб»? спросил я первое, что пришло в голову.
- Первоклассный британский замок. Могу подробно объяснить, как действует спиральный зубчатый экстрактор. Желаете?

Поворачивайтесь и идите дальше. Наш пикап метрах в ста отсюда.

Рейчел повернулась и быстро зашагала между деревьями. Лук и стрела с широким наконечником, которую я прижимал к его дуге, сильно меня тормозили — в подлеске с ними было идти неудобно. Тетива то и дело за что-то цеплялась, с веток на меня обрушивались потоки воды. В итоге я сильно отстал от Рейчел. И очень нервничал по этому поводу.

Внезапно я услышал громкий шорох, словно через кусты ломанул большой олень. И тут же вдалеке между деревьями мелькнуло что-то черное.

— *Стоять!* — громыхнул мужской голос.

Рейчел замерла на месте; из-за двух близко стоящих деревьев мне была видна только часть ее спины. Мужчина в черном нейлоновом комбинезоне и пуленепробиваемом жилете остановился в нескольких шагах от Рейчел, нацелив ей в лицо пистолет.

- Где он? спросил детина в черном.
- Кто?
- Сами знаете, профессор.

Я бесшумно вложил стрелу в лук и стал прицеливаться.

— Не знаю, о чем вы говорите и откуда вы знаете, что я профессор, — спокойно сказала Рейчел. — Я здесь фотографирую оленей для журнала.

Врет как по писаному. Может, при этом делает парню тайные знаки рукой?

А где ваш фотоаппарат?

Я натянул тетиву. Спина Рейчел отчасти мешала мне прицелиться, но я, опасаясь шума, боялся ступить влево или вправо или хотя бы перенести вес тела с одной ноги на другую.

- Камеру я обронила в реку. Камни такие скользкие!.. А вы кто, лесник?
- Не обращая внимания на ее слова, черный **238** детина проговорил в микрофон на воротнике:

- «Алый-шесть» вызывает «Алого лидера»!
- Хорошо, хорошо, я скажу вам, скажу! вдруг завопила Рейчел.

Ее крик дал мне возможность сдвинуться на шаг вправо. Теперь я мог хорошо прицелиться.

Детина поднял голову.

- Ну и где же он?

Пуленепробиваемые жилеты некоторые пули действительно останавливают. Однако широкий и острый как бритва наконечник стрелы с такого расстояния шутя пробивает любой бронежилет. Теоретически. Если я ошибаюсь, уже через мгновение мозги Рейчел или мои мозги, смешанные с кровью, полетят на мокрую листву. Поэтому я выбрал целью горло парня — между кадыком и концом бронежилета.

- А что вы с ним сделаете, когда найдете? спросила Рейчел.
  - Не ваша забота, милочка.
- «Алый-шесть»! «Алый-шесть»! раздался до того громкий голос в наушнике спецназовца, что даже я слышал каждое слово. Это «Алый лидер». Не понял твое сообщение. Повтори.

Когда парень потянулся к кнопке включения микрофона, Рейчел внезапно истошно закричала: «Дэвид!» — и я спустил тетиву.

Крик Рейчел покрыл все звуки. Я не слышал удара стрелы. Десятую долю секунды я боялся, что она попала в Рейчел, потому что та упала на колени. Спецназовец по-прежнему стоял, выставив далеко вперед пистолет. Почему он не стреляет? Или моя стрела пролетела мимо него беззвучно?

Я выхватил из колчана другую стрелу и стал дрожащими пальцами вставлять ее в лук.

— «Алый-шесть», это «Алый лидер». Ты чего молчишь?

Я ожидал пистолетного выстрела, но вместо него раздался глухой звук, значение которого я

тут же понял. Быстро подняв глаза от лука, я увидел то, что и ожидал увидеть. Парня не было. Я знал этот глухой звук: так падает на землю олень с перебитым хребтом. Меня сбила с толку пауза между входом стрелы и падением. Парень, уже мертвый, простоял еще какое-то время, прежде чем рухнуть на землю.

— Говорит «Алый лидер». «Алый-шесть», немедленно отзовись!

Лицо Рейчел было залито слезами. Весь на адреналине, я оттолкнул ее в сторону и наклонился над парнем. Стрела пронзила ему горло и перерубила один из шейных позвонков. С такой раной он не мог простоять больше секунды — что лишний раз доказывает, насколько субъективно восприятие времени: в пылу боя иная секунда сойдет за минуту.

- Садись в пикап, приказал я Рейчел.
- А где он?
- Вон там, метров тридцать отсюда. Живо!

Рейчел была настолько потрясена, что чуть было не споткнулась о труп. Тихо ойкнув, она побежала в указанном направлении и исчезла за кустами.

— «Алый-шесть», это «Алый лидер», чем ты там, черт возьми, занят? — Затем голос утратил четкость, словно «Алый лидер» говорил не в микрофон. — Долбаные рации, вечно с ними морока... Найдите мне этого сукина сына. Скажите ему, что мы тут кофе пьем. Живо прибежит.

Глаза мертвеца были открыты, но уже мутны, как старинное стекло. Я поднял его пистолет и сунул в карман своего комбинезона. Затем опустился на колени и взвалил труп себе на плечо. Чтобы встать с таким весом, мне пришлось опереться о ствол ближайшего дерева. Справившись с этим, я зашагал враскачку к пикапу, не заботясь о шуме. Главным сейчас была скорость передвижения. Если кто меня услышит, подумает, что сквозь кусты продирается медведь.

Рейчел не сбежала — ждала меня возле пика-**240** па. В лице ни кровинки. Я бросил труп в кузов, развернул Рейчел к себе спиной, достал из ее рюкзака спальный мешок и, открыв «молнию», набросил его на мертвеца. Чтобы спальный мешок не соскользнул в пути, я для верности швырнул на него оба набитых рюкзака. Все, конечно, намокнет от дождя, но выбирать не приходилось.

- Полезай в машину.

Рейчел безмолвно повиновалась.

Я сел за руль, тут же, ругнувшись про себя, выскочил и достал из своего рюкзака ключ. Наконец я завел двигатель, кое-как развернул машину и поехал к дороге. Дважды я застревал в грязи и думал, что дело швах, и оба раза мне удалось вырваться, медленно раскачав пикап. Головорезы в черном наверняка слышали рев мотора. Плевать. Я был уже на асфальте и жал на педаль газа. Мы мчались назад, в сторону тюрьмы на горе Биг-Браши.

Только через милю я впервые посмотрел на Рейчел. Отодвинувшись от меня подальше, спиной привалившись к двери, она настороженно наблюдала за мной, как за одним из своих буйнопомешанных в больнице.

Ну, выкладывай, иуда! — прорычал я. — Какими сребрениками тебя подкупили?

Рейчел упрямо молчала.

Когда мы добрались до сто шестнадцатого шоссе, я не повернул в сторону тюрьмы, а поехал к Кэривиллу, откуда можно попасть на семьдесят пятую междуштатку.

— Итак, вы полагаете, что это я сообщила им, где мы находимся? — наконец подала голос Рейчел.

Я угрюмо кивнул.

- Зачем мне это было нужно?
- Тебе видней.
- Если бы я действительно хотела заложить вас, я бы сделала это намного раньше и намного проще.

Опять пошел дождь, и большие капли зашлепали по ветровому стеклу. Я включил «дворники» и сбросил скорость. 241

— Возможно, они не торопились, — сказал я, — чтобы ты сумела вытянуть из меня побольше информации. Ты звонила им от «Уол-марта», да? А потом из леса. так?

Она обожгла меня презрительным взглядом.

- Когда парень в лесу спросил меня, где вы, что мне мешало сказать: «У меня за спиной»?
- Ты знала, что у меня лук и я, неплохой стрелок, целюсь тебе в голову.

На ее лице было отчаяние.

- Дэвид, вы же умный человек! Где ваша логика? Что мне стоило ударить вас камнем по голове? Был миллион возможностей. Самая последняя по времени момент, когда вы затаскивали труп в пикап.
- Об этом я поразмышляю позже. А пока что мне нужно уходить от преследования.

Некоторое время мы ехали в полном молчании в сторону глубокого распадка, по которому проходит граница между округами Андерсон и Морган. Впереди появился мост. Под ним, на дне ущелья, несмотря на дождь, река только-только прикрывала камни. Проехав примерно треть моста, я остановил пикап максимально близко от перил.

Прихватив с собой ключ от замка зажигания, я вышел, вытащил труп из кузова, на плече донес до перил, перевалил его через них и проводил взглядом. Тело шмякнулось на камни. Спальный мешок, который прикрывал труп, пропитался кровью, поэтому я и его бросил под мост. Перенеся рюкзаки в кабину, я сел за руль и погнал машину по влажной горной дороге со скоростью шестьлесят миль в час.

- Я и не подозревала, что вы можете быть таким, сказала Рейчел убитым голосом. Не верится, что вы тот самый человек, который столь проникновенно писал про сострадание и высокие этические принципы.
- Инстинкт выживания есть в каждом. В том числе и в вас.

Я немного успокоился и говорил уже менее резко.

- Нет, тихо, но убежденно сказала Рейчел. Я бы никогда не убила.
- Еще как убили бы. Я с кривой усмешкой глянул ей в лицо. — Просто вы ни разу не попадали в действительно крутой переплет.
  - Думайте что хотите. А я себя знаю.

Горы наконец закончились. На шоссе без подъемов и спусков я увеличил скорость до семидесяти миль в час, сосредоточился на дороге и временно выкинул Рейчел из головы.

На меня снова навалилось то чувство непоправимого одиночества, которое я испытал в день смерти Филдинга. До сих пор я не осознавал, какой подмогой и каким утешением была для меня Рейчел.

Помимо всего, предательство Рейчел означало, что я никогда — никогда! — не был для нее чем-то большим, чем просто пациент. Перегоревший немолодой мужчина с поехавшей крышей.

По моему телу прокатила волна странного тепла, оставляя глубокую мышечную усталость. Я надеялся, что это просто «похмелье» после выброса адреналина, но звенящая вибрация в зубах подсказала, что дело намного хуже. Скоро отключусь. И теперь я уже не мог доверить Рейчел заботу о себе во время приступа.

- Что происходит? спросила она, пристально глядя на меня. Вы вихляете по разграничительной линии!
  - Все в порядке.
- Очнитесь! Мы летим по полосе встречного движения!

Я крутанул руль вправо. Возможно, затаскивая в машину труп, я физически и морально перенапрятся и стал уязвимее для болезни. К тому же приступ был какой-то стремительный, без обычного постепенного сползания в сон. Придется остановить пикап.

— Сворачивайте на обочину! — закричала Рейчел. — Скорее!

Тараща глаза, чтобы они не закрылись прежде времени, я вырулил на трелёвочный волок и сумел проехать по узкой дороге метров сто. Затем свернул на лесную поляну, вынул из кармана комбинезона пистолет, взятый у убитого, и направил его на Рейчел.

- Выходите.
- Что-о?
- Выходите, я сказал! А свой сотовый бросьте на сиденье. Ну, живо!

Она смотрела на меня с таким ужасом, словно я предлагал ей прыгнуть в пропасть.

- Вы не посмеете высадить меня здесь!
- Не психуйте. Приступ закончится впушу вас обратно. Если вы никуда не смоетесь к тому времени.
- Дэвид! Они вас найдут. Разрешите мне сесть за руль!

Я направил пистолет на нее.

— Делайте, что велено!

Она положила свой сотовый на сиденье, вышла из пикапа и хлопнула дверью. Ее черные глаза с упреком смотрели на меня через забрызганное дождем стекло. Не успел я запереть за ней дверь, как накатилась черная волна— и поглотила меня целиком.

Предо мной высились городские ворота — бесхитростная арка в стене желтого камня. Люди стояли справа и слева от дороги; одни в знак приветствия радостно махали пальмовыми ветвями, другие рыдали от счастья. Мужчины привели мне осла, и я воссел на него. Все должно было происходить в соответствии со словами пророков.

- Вот они, восточные ворота, Учитель. Уверен ли ты, что хочешь в город?
  - Да, уверен.

Я проехал через ворота на спине осла. Я слышал вострубившие трубы. Римские солдаты настороженно смотрели на меня. Женшины сбегались со всех сторон.

244 только бы прикоснуться к моей одежде или к моим

волосам. Люди на узких улицах были истомлены голодом не только физическим, но и духовным: они жаждали получить надежду и обрести смысл жизни.

Видение дороги исчезло. Теперь я сидел на ступенях многоколонного храма и спокойно беседовал с большой группой людей. Они слушали с любопытством, хотя и беспокойно. Ни один из них не смел произнести вслух то, что ему думалось. А думалось всем одно: ужели сей — тот? Возможно ли такое?

— Вы, умеющие толковать явления земли и неба, — говорил я им, — отчего вы не знаете, что происходит ныне?

Я наблюдал за их лицами. Одни и те же слова имеют разное значение для разных людей. Каждый ловит за словом свое, а остальное отвергает. Кто-то спросил, откуда я пришел. Лучше отвечать загадками.

— Расколите бревно, и я— в нем. Поднимите камень, и я под ним.

Я иду по улочкам города. Я хочу побыть в одиночестве, но ко мне обращаются со всех сторон. Вот жрецы обступили меня с вопросами. Слепцы и те видят больше этих несчастных.

 Чьей властью ты послан вести такие речи и творить такие дела? — спрашивают они.

Я улыбаюсь:

— Иоанн крестил людей. Кто дал ему на то власть: небо или смертные люди?

Жрецы кривят душой, ибо боятся, что толпа расправится с ними.

- Мы не уверены в ответе, говорят они.
- Тогда я не скажу вам, чьей властью я послан.

Я ушел прочь от разъяренных жрецов, но они не угомонились. Они взошли ко мне на холм и стали допрашивать меня еще подробнее. Мои ответы приводили их в бешенство.

— С вами я пребуду лишь малое время. А затем возвращусь туда, откуда прибыл. Куда я уйду, туда вы не сможете за мной последовать. Будете искать меня и не найдете. Ибо вы от мира сего. А я — нет. **245** Они честили меня лгуном.

— То малое время, что я с вами, с вами свет, — говорил я. — Ходите в свете, пока свет с вами, чтобы тьма не объяла вас. Только идущий за мной никогда не пребудет во тьме.

Наблюдая за ними, я видел свою гибель в их глазах. И все же назначенный путь я должен был пройти до конца. В глазах одного жреца я читал не только ненависть, но и злорадное предвкушение того, как меня казнят... по римскому обычаю! Однако не боль страшила меня; сильный человек способен одолеть боль. Чего я не мог перенести, так это мысли о грядущем новом одиночестве, теперь уже на все времена, до скончания вечности...

Рейчел вопила. Я резко открыл глаза, и в это мгновение дверь машины слева от меня распахнулась. Я хотел было повернуться и посмотреть, кто это и что ему нужно, но меня снова мгновенно затянуло в зыбучие пески сна.

Глава 22

Гели Бауэр одной рукой терла глаза, а другой наливала себе в кружку крепкий кофе. Она ждала, пока жена Джона Скоу подзовет его к телефону.

Гели только три часа удалось урвать для сна — на койке, где она совсем недавно отдавалась Риттеру. В последнее время ей почти ничего не снилось, но теперь вдруг вернулся старый кошмар — что ее преследуют солдаты. В этом сне она всегда убивала себя прежде, чем ее настигали. Однако ужас, который она испытывала до этого акта освобождения, был почти невыносим.

Гели? — раздался в наушниках усталый голос Скоу.
 Всю ночь он провозился с суперкомпьютером «Годин-четыре», собирая из лоскутков подслушанных разговоров Теннанта речь с угрозами прези-

денту. Гели беспокоила его второй раз за утро. В первый раз она его разбудила, чтобы доложить о пропаже бойца одного из отрядов спецназа. В тот момент не было никаких доказательств, что Теннант во Фроузн-Хеде и както причастен к этому событию.

- Ребята нашли своего пропавшего, сказала Гели. — Мертвым, со стрелой в горле. Труп бросили в ручей под мостом на шоссе.
  - Теннант?
- Наверняка. Я перечитала его биографию. Мальчишкой он много охотился. Вполне вероятно, и с луком тоже.
  - Откуда у него, черт возьми, лук и стрелы?
- Мы сейчас проверяем записи видеокамер во всех подходящих магазинах по маршруту от паромной переправы до Окриджа. Очевидно, Теннант планировал некоторое время скрываться на той горе и запасся всем необходимым. Меня гложет любопытство: как вам стало известно, что он отправится именно туда?
- Я же сказал: выдать своего информатора не имею права!
  - Ваш секретный источник профессор Вайс, да?
  - Гели...
  - Других вариантов нет. От кого еще вы могли узнать о национальном парке Фроузн-Хед?
  - Будь профессор Вайс моим человеком, я бы вам давно сказал.

Гели недоверчиво ухмыльнулась.

- Вот, значит, почему вы так юлили и не хотели отдавать приказ стрелять на поражение. Боялись за жизнь своего информатора... Ума не приложу, зачем вы скрывали от меня, что она работает на нас. Я бы наверняка нашла способ вывести ее из игры живой и невредимой.
- У вас паршивая привычка задавать вопросы, которые вам не по чину! Вам платят не за любопытство. 247

- Подотрите зад своими деньгами! К вашему сведению, я получаю раз в десять больше, чем вы.
  - А приказы отдаю все-таки я.

Будь он рядом, она бы сейчас его голыми руками задушила!

Впрочем, привычка к дисциплине хоть и не сразу, но свое взяла.

- Когда вы последний раз говорили с Годином? уже другим тоном спросила Гели.
- Более давно, чем хотелось бы, признался вдруг Скоу. В его голосе проскальзывали истерические нотки.
- И еще... настаивала Гели. Что стоит за долгими совместными отлучками Година и Нара? В последние недели они то и дело улетали куда-то на запад и пропадали на три-четыре дня. Где они бывают?
  - А я-то думал, от вас не скрыться!

Гели не хотелось, чтобы от нее просто отшутились.

— Кто бы ни занимался личной безопасностью Година, — сказала она, — он делает свое дело на высшем уровне.

Скоу сухо хихикнул.

- Вы много чего не знаете.
- А вы, собственно, почему с ним не летаете?
   Молчание.
- И как все это связано с карманными часами Филдинга?
  - Извините, Гели. Это все не ваше дело.

Однако странности, которые она подмечала в последние недели, занимали все больше места в ее мыслях. И теперь она просто не могла остановиться:

— Зак Левин и вся команда его инженеров свернули работу пять недель назад. И пропали, словно сквозь землю провалились. Разве это не странно: лучших специалистов вдруг сняли с проекта без всяких объяснений и

без замены?

Гели лихорадочно искала вопрос, на который Скоу соизволил бы ответить.

— Тот, кто отвечает за безопасность Година, — он и есть ваш суперсекретный источник?

По тому, как Скоу молча сопел в трубку, Гели угадала, что сейчас он молчит не потому, что хочет ее унизить. Он очень походил на человека, который попал в западню и мечется между чувством долга и страхом за собственную шкуру.

- Именно этот информатор подсказал вам, куда направляется Теннант, да? настаивала Гели.
- Новый список потенциальных направлений бег-
- ства Теннанта будет у вас в самое ближайшее время. Я перешлю его вам, как только получу сам.

   Заранее благодарна, сухо проронила Гели. Она
- Заранее благодарна, сухо проронила Гели. Она сделала усилие, чтобы забыть о тайне местонахождения Питера Година и сосредоточиться на текущих событиях. А что с нашей историей про гуляющего на свободе вооруженного убийцу-психа?
- Пока в дело посвящено только высшее начальство в Вашингтоне. Сегодня до обеда про Теннанта будет знать каждый полицейский в округе Колумбия. Я не хотел торопить события, пока не скомпоновал аудиопродукт, о котором мы говорили раньше.
- Несколько минут назад я еще раз прослушала ваш «продукт». Безупречно. Не подкопаешься.
- Дай Бог, чтобы оно так и было. Что вы намерены делать теперь?
- Остается только ждать. Чтобы кто-нибудь шепнул мне, куда рванул этот Теннант.
  - А когда узнаете?
- Лично возглавлю преследование. Наступил момент, когда я уже никому не доверяю. Слишком много промахов.
  - На чем будете добираться до места?
- Годинской «джет-рэнджер» по-прежнему на взлетной площадке. Если не возражаете, я при необходимости воспользуюсь вертолетом. 249

— Не возражаю. Специально для вас буду держать пилота в резерве. — После короткой паузы Скоу вдруг спросил: — У вас личный интерес поймать Теннанта, да?

Гели глотнула горячего кофе.

 Я подозреваю, Риттер значил для вас больше, чем многие думают, — добавил Скоу.

Гели чуть не захлебнулась.

- Хотите поиграть в психотерапевта?
- Кстати, насчет любви. Послушайте, что мне в голову пришло! Если вы так уверены, что Вайс является моим шпионом, то и Теннант может прийти к тому же выводу! Если он спросит себя, откуда спецназ мог узнать, что он направляется именно в Фроузн-Хед, ответ будет один.
  - Продолжайте.
- Теннант избавится от предательницы. Поэтому нам следует немедленно объявить Вайс в розыск, передать полиции ее фотографию и словесный портрет. А также поставить на прослушивание телефоны всех ее родных и знакомых.
- Я уже велела взять в работу телефоны тех, кому она может позвонить. Но по совсем другой причине.
   Уверяю вас, Теннант никогда не бросит профессора Вайс.
  - Почему?
  - Он ее любит.
  - Логику фактов он не сможет игнорировать.

Гели вкрадчиво рассмеялась:

 Конечно, сможет. Даже невлюбленные игнорируют логику сплошь и рядом!

Глава 23

Я проснулся в полной панике. Рейчел сидела за рулем пикапа, мы ехали, а я лежал, скрючившись на полу на стороне пассажира. Быстро подняв-

шись, я нормально уселся и огляделся. «Додж» несся по пустынному провинциальному шоссе.

Как вы попали в машину? — спросил я сердито. —
 Разве я не запер дверцу?

Рейчел не удостоила меня взглядом.

- Заперли, заперли, со смешком сказала она.
   Да только я нашла в кузове кусок толстой проволоки.
   Сделала крючок и открыла замок сверху, через дверную раму.
  - Где мы сейчас?
- На подъезде к Кэривиллу. Оттуда, как я понимаю по знакам, можно попасть на семьдесят пятую федеральную автостраду.

В моей голове еще роились остатки иерусалимского сна. Как долго я пробыл без сознания?

- A где команда спецназа?
- Полагаю, ищет вас.

Я был уверен, что именно Рейчел выдала АНБ, куда мы направлялись. Но почему тогда она везет меня по этой пустынной дороге? Или она несется обратно к национальному парку Фроузн-Хед, чтобы сдать меня своим дружкам?

- Я знаю, что у вас в голове, сказала Рейчел. Вы ошибаетесь. Кто-то еще должен был знать о Фроузн-Хеде. Возможно, вы рассказывали кому-то из участников проекта «Тринити» о своем детстве, о своих любимых местах вокруг Окриджа. К примеру, тому же Рави Нара. До того как стали врагами.
  - Нет. Из живых только вы знаете про пещеру в горах. Я опустил стекло, высунулся и посмотрел вверх. За

Я опустил стекло, высунулся и посмотрел вверх. За высокими деревьями по обе стороны узкой дороги небо толком не просматривалось. Впрочем, похоже, что над нами никого. Если Гели Бауэр известно, где я нахожусь, есть ли у нее скрытая причина держать своих псов в отдалении? Ни одной разумной причины оставлять меня на воле я придумать не мог. Желай Гели что-нибудь у меня вызнать, всего быстрее и проще было 251

бы схватить меня и применить пытку. Нелепо таскаться за мной по стране в надежде, что я о чем-то проболтаюсь Рейчел, которой я теперь не доверяю.

— Если вы на них не работаете, зачем вы по-прежнему со мной?

Рейчел наконец посмотрела на меня — глазами, полными печали.

Вопрос такой глупый, что я на него отвечать на стану.

Мучительно хотелось ей верить... Нет, дураком я буду, если поддамся соблазну.

- Послушайте, вы хотите, чтобы я ради вас попрал нормальную человеческую логику. В Фроузн-Хед меня могли поджидать только в одном случае если вы сообщили, куда я направляюсь. И от этого факта никуда не денешься.
- Следовательно, чего-то вы недопонимаете, настаивала она. Есть должно быть! что-то, нам не известное.
- Нет. Про пещеру в Фроузн-Хед знали только мой отец и брат. Оба в могиле. Чтобы знать мои намерения, АНБ должно читать мои мысли, а это, сами понимаете...

Я осекся и замер с глупо открытым ртом.

- Дэвид? В чем дело?
- Они его построили! прошептал я. Боже мой, Боже мой...
  - Построили что?
- «Тринити». Как же я раньше не сообразил! Они втихаря создали-таки опытный образец и он работает.
  - Откуда вы знаете?

Я схватился дрожащей рукой за лоб. В каком-то тайном месте Америки уже стоял компьютер «Тринити», в который загрузили нейрослепок моего мозга, сделанный много месяцев назад при помощи Супер-МРТ. И этот нейрослепок теперь жил самостоятельной жизнью —

если это можно назвать жизнью. Точная копия **252** Дэвида Теннанта, каким он был шесть месяцев назад. Преследующие меня люди, можно сказать, вдруг обнаружили, что у меня есть брат-близнец — близнецзлодей, который разделяет все мои воспоминания и готов предать меня по первому требованию!

Чувство тотальной изнасилованности было нестерпимо. Мой мозг — мое святилище, самое безопасное и закрытое от мира убежище. И теперь надо мной надругались гнуснейшим способом: у меня украли меня самого, свистнули мой мозг, и каждый волен в нем копаться.

В голове замелькали новые страшные вопросы: «Что еще они от меня узнали? Где еще они меня поджидают?»

- Дэвид, не замыкайтесь! взмолилась Рейчел. Откройтесь мне!
- Эти гады располагают всеми моими воспоминаниями, Рейчел. Они всего меня загрузили в свой компьютер. Вот каким образом они узнали про пещеру в Фроузн-Хед. Теперь им нет смысла гоняться за мной. Они заранее знают, что именно я намерен сделать. Представьте себе кота, который читает мысли мыши. Ему не нужно суетиться, чтобы ее поймать; он знает, где устраивать засаду.
  - Разве можно украсть чьи-либо воспоминания?
- Увы, можно. Смысл проекта «Тринити» именно в этом. Два года они трудились над созданием подобной машины. Я знаю Питера Година и его команду и потому могу смело утверждать: они своего добились. Их ничто не испугало, их ничто не остановило...

Рейчел сбросила скорость.

- Получается, что Филдинг был прав? сказала она, одолев поворот. Они все это время вели параллельные работы над компьютером в другом месте?
- Да. Пока мы с Филдингом шумели насчет побочных эффектов Супер-МРТ и радовались своему частичному успеху, они преспокойно достраивали эту проклятую штуковину в какой-то тайной лаборатории. От злости на себя я шлепнул ладонью по приборной доске. Вот истинная причина, почему на вре-

мя приостановки проекта отправили в отпуск несколько научных команд.

- О чем вы говорите?
- После того как мы добились временной остановки проекта, нескольким группам инженеров и техников предложили уйти в бессрочный оплаченный отпуск. В здании «Тринити» остался лишь урезанный до предела штат. С одной стороны, это было естественно. С другой зачем прерывать все исследования, даже те, на которые временный запрет не распространялся? Особенно странно выглядел полный роспуск группы «Интерфейс» во главе с инженером по имени Зак Левин.
  - А чем занималась эта группа?
- Им предстояло обеспечить связь с нейрослепком. когда тот успешно загрузят в компьютер. В принципе ничто не мешало группе работать и дальше, коль скоро исследования носили чисто теоретический характер. Однако левинских ребят распустили. Помните, что я сказал в Амфитеатре? Загрузив содержание человеческого мозга в компьютер, мы что будем реально иметь? Слепоглухонемого парализованного человека, начисто отрезанного от мира и живущего одним ужасом. Научной победой это будет лишь тогда, когда мы вернем «человеку» хотя бы часть нормальных коммуникативных возможностей: глаза, уши и голос. В этом и заключалась работа группы «Интерфейс». В свое время роспуск группы показался мне делом правильным и естественным — до такой степени агрессивно я был настроен ко всем работам по проекту. Но теперь я понимаю скрытый замысел Година. Ах. как мне не хватает Филлинга и его ясной головы!

Рейчел, полная любопытства, взволнованно спросила:

 Но если они были так близки к успеху, чего ради убивать Филдинга? Если бы Годин вдруг представил работающую машину, ему бы все простили, а на медицин-

254

ские отрицательные побочные эффекты Супер-MPT закрыли бы глаза, как и на многое другое!

- Вы совершенно правы. Если они действительно имеют работающую машину, Годин почти неуязвим. Победителя не судят. Впрочем, у нас мало информации для окончательных выводов. Возможно... И тут в моей голове мелькнула новая «немыслимая мысль», от которой чуть сердце не остановилось. О Боже!
- Что такое? испуганно спросила Рейчел, косясь на меня.
- Теперь я знаю, почему они убили Филдинга, такого бесценного сотрудника.
  - Почему?
  - Они могли себе это позволить.
  - Что вы имеете в виду?
- Вчера Джон Скоу объявил, что он не планирует заменить Филдинга другим более или менее равнозначным специалистом. Я, грешным делом, подумал, что он рехнулся. Без мощного квантового физика проект обречен топтаться на месте. Теперь мне все ясно. Если опытный образец «Тринити» действует, то Филдинга действительно не имеет смысла заменять. Он просто не умер.

Рейчел ошарашенно повернулась ко мне.

- Что такое вы говорите!
- Не забывайте про дорогу, Рейчел. Раз они умудрились загрузить в компьютер мой нейрослепок, значит, то же они могут проделать и с нейрослепком Филдинга! Вот вам и Эндрю Филдинг, которого можно вызвать ударом клавиши и который будет вкалывать на проект двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю и поможет этим негодяям решить все их проблемы!

Рейчел была так поражена, что некоторое время молчала, переваривая информацию.

— Ладно, — наконец сказала она, — давайте на минуту представим, что ваши догадки верны. С какой стати Филдинг будет помогать людям, которые его убили?

Я ощутил что-то вроде извращенного восхищения по отношению к Питеру Годину. Он ока- 255

зался еще более безжалостным человеком, чем я предполагал.

- Нейрослепок Филдинга станет помогать им по той простой причине, что он не знает о своей смерти. Сканирование мозга было произведено шесть месяцев назад. Что было потом, этот Филдинг не знает. Этот Эндрю Филдинг даже не в курсе того, что он женился на Лу Ли.
  - Дэвид, в подобную жуть просто не верится!
- Придется поверить. Мы на пороге революции в науке, нового умопомрачительного прорыва. Наподобие расщепления атома. Или расшифровки человеческого генома. Или клонирования овцы.
- То, о чем вы говорите, воскликнула Рейчел, не идет ни в какое сравнение с вашими примерами! Освободить сознание от тела... это будет круче ядерной бомбы и страшнее манипуляций с геномом!

Я задумался.

- Вы правы, Рейчел, сказал я через некоторое время. Это всем открытиям открытие, потому что оно даст нам возможность развивать исследования во всех областях науки неслыханными темпами. Хотя «нам» едва ли здесь уместно. Скорее «им». Потому что «Тринити» разовьется в новую форму сознания. И поверьте, эволюция в другое существо произойдет очень быстро! Каким оно будет и как оно будет называться, можно только гадать.
- Не торопитесь. Пока не известно точно, что они добились успеха.
- Так или иначе, значительная часть пути уже пройдена. Возможно, у Година пока что очень несовершенный опытный образец. Возможно, они имеют доступ к моей памяти скажем, извлекают из нее картинки прошлого, а использовать нейрослепок как полноценно функционирующий мозг еще не научились. Рави Нара, кстати, специалист по человеческой памяти, и уже в самом на-

чале работы над проектом именно в этой области были самые впечатляющие успехи.

Рейчел осторожно коснулась моей руки.

- Если ваши догадки правильны, стало быть, они постоянно в курсе того, что мы делаем?
- О нет! Надеюсь, что нет! Они, вполне вероятно, имеют мои воспоминания с самого раннего детства до точки шесть месяцев назад, когда мой мозг просканировали с помощью Супер-МРТ. Что касается моего мыслительного процесса, моих суждений и всей моей индивидуальности чтобы все это полноценно работало, нужен во всех отношениях доработанный суперкомпьютер, со всем набором новых фантастических свойств. Но если они и с этим справились...
  - Что тогда?
- Тогда президент махнет рукой на судьбу нескольких ученых. Даже когда строят небоскреб или мост, бывают жертвы, и мы с ними миримся. А тут такое!.. Вы, я да Филдинг велика ли цена за то, что Соединенные Штаты Америки получат сумасшедшее стратегическое превосходство! Если «Тринити» создан и функционирует в полном объеме, мы с вами трупы...

Рейчел перебила меня, показывая рукой на развилку впереди:

- Вот Кэривилл, там семьдесят пятая междуштатка. Мы куда — на север или на юг?
  - Сверните-ка на обочину. Подумаем спокойно.

Мы остановились неподалеку от наклонного въезда на автомагистраль, ведущую на север.

Я стал вслух рассуждать:

— Итак, я пробую бежать от самого себя. Значит, я не должен делать ничего предсказуемого, ничего для себя естественного. Следовательно, выбор должен быть совершенно случайным. Но сама случайность выбора тоже отчасти определяется моей индивидуальностью. Немножко меня есть в любом моем «случайном» выборе. Лучше всего просто подбрасывать монету на каждом перекресте: направо или налево?

- Моих мозгов, слава Богу, еще ни у кого нет под рукой. Значит, отныне принимать решения буду я. Заметив скепсис в моих глазах, она спросила: Вы попрежнему не доверяете мне?
- Нет, причина в другом. К настоящему времени прилежная Гели Бауэр наверняка собрала о вас горы информации. Она знает много из того, что вы уже сто лет как забыли. Это, конечно, не прямой доступ к воспоминаниям, но тоже препоганая вещь.

Рейчел сжала губы так крепко, что они побелели.

- О, как я ненавижу ее! Хоть лично и не знакома, я ненавижу ее всеми фибрами души!
- Отлично понимаю. Однако от ненависти толку мало.
- Разве мы не можем просто раствориться в воздухе? Заплатить наличными за комнату в зачуханном мотеле зачуханного городка? Бросим машину у первой же ограды и поедем на автобусе. И будем трое суток отсыпаться на чистых простынях. Америка страна большая. Даже для АНБ.
- Вы когда-либо видели телепередачу «Помогите найти преступника»? Каждую неделю ловят людей, которые на деле осуществляют ваше предложение «раствориться в воздухе». Благодаря телевидению Америка намного меньше, чем кажется. Соседи, которые смотрят телевизор, есть везде.

Я откинулся на спинку сиденья, расслабился и попробовал прислушаться к себе — в надежде на чисто инстинктивное решение, которое придет само собой. Мимо двигались легковые и грузовые машины — одни медленнее, другие быстрее, создавая вихрь, от которого подрагивал наш «додж».

Мало-помалу ситуация для меня прояснялась.

Через три дня у нас будет возможность повидаться с президентом. Главное, каким-то образом дожить до этой встречи, во что бы то ни стало продержаться трое 258 суток. Однако наши шансы на успех, и без того

мизерные, уменьшались на глазах. Даже если нам повезет и беседа с Мэттьюсом действительно состоится, мне предстояло убедить его, что из всех участников проекта «Тринити» один я говорю правду. Это мне удастся лишь в том случае, если у меня на руках будут веские доказательства. А пока что я оперирую одними догадками. Разумеется, можно прямо сейчас обратиться в средства массовой информации, но это оттолкнет от нас единственного человека, который способен нас спасти: президент придет в ярость и решит, что руководство проекта «Тринити» совершенно справедливо характеризовало меня как психа и авантюриста, которому наплевать на интересы национальной безопасности. Значит, надо затаиться на три дня... на три бесконечных дня!

- И долго мы тут будем сидеть? поинтересовалась Рейчел.
- Не торопите меня. Надо все хорошенько обдумать. Нет, затаиться не выход. Метаться по стране в течение трех суток тоже не выход. И то, и другое плохо кончится. Решение должно быть неожиданным и радикальным. Настолько непредсказуемым, что любые, даже самые матерые, охотники за людьми будут сбиты с толку. Легко ли придумать такое, что никому в голову не придет?

Глядя невидящими глазами на проносящиеся мимо машины, я вдруг сообразил: если мы с Рейчел до сих пор живы, то лишь благодаря моим снам. Мы познакомились из-за моих видений. Мое переселение во сне в голову белобрысого киллера спасло нас в моем доме. И тем не менее сегодня я понимаю смысл «галлюцинаций» так же мало, как в тот день, когда я впервые появился в кабинете Рейчел.

Из месяца в месяц видения менялись и развивались, словно я был живой антенной, принимающей чьи-то зашифрованные радиограммы. В самом начале непостижимые образы сна беспокоили и даже пугали меня. Но со временем — и особенно в по- 259

следние три недели — во мне стало зреть убеждение, что посредством этих снов некто хочет сообщить мне чтото очень важное... Впрочем, шизофреники тоже убеждены в том, что их бред исполнен великого смысла. Чем я от них отличаюсь?

Я закрыл глаза и попытался на время отключить мозг вообще. Однако случилось нечто противоположное. Я внезапно увидел окруженный стеной город на холме, облитые солнцем желтые камни зданий и прямо перед собой — ворота с бесхитростной аркой.

«Восточные ворота, — шепнул голос в моей голове. — Иерусалим!»

Впервые за все время у меня было видение в состоянии бодрствования.

Я резко открыл глаза и увидел, что Рейчел скучающе таращится на приборную панель. Я быстро закрыл глаза — но, словно вырванный из темноты фотовспышкой только на мгновение, город исчез.

- Что у вас с глазами, Дэвид?
- Ничего, все в порядке.

Я тер виски и старался не спугнуть то, что поднималось из подсознания. Меня и прежде необъяснимо тянуло в некоторые места. В молодости я, как и многие студенты, был одержим жаждой путешествовать и немало поездил по свету. Хотя время от времени какие-то неясные движения в глубинах души сбивали меня с намеченного маршрута.

Скажем, гостя в Оксфордском университете, я однажды утром проснулся с острым чувством, что прямо сегодня должен побывать в Стоунхендже, — причем не затем, чтобы поглазеть на кромлех, а чтобы иметь счастье побыть рядом с сарацинскими камнями и вострепетать от близости этих священных сарсенов. Мой спутник только фыркнул: что ты так рассуетился? Камни стояли там в течение пяти тысяч лет и никуда убегать не собираются. Но я был как одержимый: бросив то-

260 варища, взял напрокат автомобиль и рванул на

юг, к Солсбери. Уже в темноте я в одиночку приблизился к древнему кольцу валунов и сделал то, что туристам недоступно: прошел между освещенными лунным светом камнями и возлег на жертвенный алтарь. При этом я не принадлежал к числу псевдоинтеллектуалов, которые ташатся от любой мистики; сухой материалист. нацеленный на успешную врачебную карьеру, я изучал медицину в университете штата Виргиния и считал себя свободным от всякой новомодной дури. И тем не менее английское приключение не было единичным случаем. Точно так же во время другого путешествия неведомая сила влекла меня сделать крюк к Чичен-Ице на полуостров Юкатан и побыть рядом с храмами индейцев майя. А поехав однажды к Большому Каньону, я вместо этого провел неделю в каньоне Чако в Нью-Мексико. В Греции я внезапно бежал из Афин в Дельфы. Во всех этих ситуациях я ощущал что-то вроде принуждения извне, словно кто-то посторонний заставлял меня посетить определенное место.

На этот раз я опять чувствовал давление, только идущее изнутри: ты должен съездить в Иерусалим, чего бы тебе это ни стоило! У меня не было ничего общего с миллионами истово верующих паломников, стремящихся в Святую землю. Никакого религиозного подтекста — просто очень трезвое предчувствие, что только в этом городе я найду ответы на важные для меня вопросы.

- Ну и куда мы направимся? спросила Рейчел не без раздражения.
  - В Израиль, сказал я.
  - Что-что?
  - Точнее, в Иерусалим.
  - Дэвид...
  - Это потому, что...
- Можете не говорить. Я знаю. Из-за ваших галлюцинаций, да?

Она вдруг протянула руку, взяла меня за подбородок и пристально посмотрела мне в глаза.

- Дэвид, нас пытаются убить. И не просто кто-нибудь, а всемогущая правительственная организация. Ваши галлюцинации вызваны непонятными причинами, но весьма вероятно, что они возникли в результате ущерба, причиненного вашему мозгу супертомографией. И теперь вы хотите позволить этим галлюцинациям руководить спасением наших жизней?
  - «Ибо спасший жизнь свою, ее потеряет».
  - Что?

Я примиряюще поднял ладони.

- Я не говорю, что мои «галлюцинации» спасут нам жизнь. Но если мне суждено быть выслеженным и убитым, я обязан хотя бы попытаться понять смысл того, что имеет, по-моему, какое-то большое значение.
- Вы всерьез убеждены, что ваши галлюцинации исполнены значения?
  - Да.
  - Чем вы аргументируете свое убеждение?
- Логически не объяснить. Просто знаю внутри себя, и все. Так птица знает, что надо лететь на юг.

Рейчел тяжело вздохнула — как мать, уставшая от препираний с непокладистым ребенком.

- «Не могу объяснить» — это не разговор взрослых людей.

Я закрыл глаза, подыскивая слова, чтобы выразить невыразимое.

- Я чувствую, что избран.
- Для чего?

Я пожал плечами.

- И кто вас избрал?
- Бог.
- Который? Наш?

Я усмехнулся:

— Наш, если вам по душе именно такая фор-262 мулировка. Рейчел печально вздохнула и уронила руки на колени. Было заметно, как она старается сохранить самообладание.

- Думаю, пора вам поделиться со мной содержанием ваших последних галлюцинаций. Вам по-прежнему снится, что вы Иисус?
  - Да.
- Чем же новые галлюцинации отличаются от прежних? Почему вы упрямо скрывали их от меня?

Похоже, настал момент невозвратно перебраться из палаты неврастеников в обитую войлоком комнату для буйных. Я был доволен, что мы находились в пикапе и на шоссе, а не в кабинете Рейчел. Здесь у нее нет под рукой звонка, чтобы вызвать санитаров и надеть на меня смирительную рубашку.

 Дело в том, что я больше не считаю все это снами или галлюцинациями. По-моему, это мои воспоминания.

Рейчел огорченно фыркнула.

- Воспоминания?.. Вы меня пугаете, Дэвид. И что случается в этих... «воспоминаниях»?
- Я проживаю моменты жизни Иисуса. Его путешествие в Иерусалим, как он там проповедовал. Слышу голоса. Свой собственный и... голоса моих учеников. Поверьте, Рейчел: то, что я вижу в своем сознании, куда реальней, чем то, что я вижу вокруг себя в действительности. И события в моих воспоминаниях теперь развиваются быстро. Близится распятие на кресте.

Рейчел саркастически покачала головой.

- Если это воспоминания, которым две тысячи лет, то где, в каком дальнем углу памяти они у вас пылились? Отчего они всплыли?
  - Понятия не имею.
- Именно эти сны толкают вас безотлагательно направиться в Израиль, да?

Слова Рейчел навели меня на мысль, что мое желание ехать в Иерусалим возникло не только

что. То общее чувство непокоя, которое я испытывал в последние недели, было на самом деле медленным созреванием решения не откладывая ехать туда, где разворачиваются события снов.

- Да, я хочу в Святую землю. Немедленно!
- Вы боитесь, что умрете в реальной жизни, если не доберетесь до Иерусалима до прихода галлюцинации о распятии на кресте?
- Не исключено. Хотя главная причина все же другая. У меня ясное ощущение: не попаду туда в самое ближайшее время навсегда утрачу шанс понять, что именно пытаются сказать мне мои сны.

Рейчел молча следила за проезжающими машинами, провожая их не просто глазами, а движением головы. И вдруг, словно ее осенило, она повернулась ко мне:

- А вы сознаете, что у нас на календаре?
- Нет. Что вы имеете в виду?
- До Пасхи меньше недели!
- Я только растерянно моргал.
- Ну и что?
- Мы накануне смерти и воскресения Иисуса Христа! Таким образом, ваши галлюцинации как-то соотносятся с событиями реального мира.
  - Вы думаете, что мои сны привязаны к датам?
- Похоже на то. Так или иначе, приближение Пасхи спровоцировало все это возбуждение, которое вы называете непокоем. Вы вроде тех людей, которые ждали конца света в последний день двадцатого века. Разве вам теперь не ясно? У вашего бреда есть определенная система!

Я покачал головой и улыбнулся:

— Вы не правы, называя это бредом. А вот относительно дат — наблюдение замечательное. Причем очень важное.

Рейчел смотрела на меня, как на элого шутника, сложный розыгрыш которого наконец разгадан.

- А как насчет встречи с президентом? спросила она ядовито.
- Вернемся встретимся. Несколько дней ничего не изменят. Особенно если как раз поездка в Израиль спасет нам жизнь.

Рейчел устало закрыла глаза и тихо промолвила:

- А Эндрю Филдингу вы рассказывали про ваши галлюцинации?
  - Да. И довольно подробно.
  - И что он?
- Просил меня и дальше с максимальным вниманием относиться к этим снам. Филдинг не раз повторял, что, пытаясь создать «Тринити», мы идем по стопам Господа. Если бы он знал, что прав почти буквально!
  - Чудесно. Два сапога пара!

Рейчел положила руки на руль, словно хотела немедленно ехать. Но мотор заводить не стала. Не поворачиваясь в мою сторону, она с вызовом спросила:

- Ну так что, вы действительно решили галлюцинировать дальше уже в Израиле?
  - Да, сухо отозвался я.
- Несмотря на то что ваши галлюцинации, как вы и сами соглашаетесь, могут быть результатом повреждения мозга?
- Когда я говорил о нарушениях работы мозга, я имел в виду не те проблемы, с какими вы имеете дело в своей врачебной работе. Я вспомнил горящее энтузи-азмом лицо Филдинга в момент, когда он развивал передо мной только что рожденную теорию работы человеческого сознания. Я имел в виду нарушения работы мозга на квантовом уровне, то есть не повреждение рассудка в клиническом смысле, а неожиданные изменения каких-то его функций.

Рейчел сжимала руль так, что суставы пальцев побелели.

 Что бы вы сказали про человека, которому однажды приснилось, будто он некогда был фараоном и поэтому сел в самолет и рванул в Египет — обрести смысл собственной жизни, заявив права на египетский престол?

- Что он чокнутый. Но ваш пример ничего не доказывает. Я знаю, мое желание попасть в Иерусалим кажется вам блажью. Однако штука в том, что выбор у нас невелик. Если вам будет так приятнее, то посмотрите на мое «сумасшедшее» предложение с практической стороны. Оно хорошо уже тем, что никакой суперкомпьютер вычислить его не может. Он для этого слишком разумен.
- По-вашему, ему слабо угадать, что вы улетели в Израиль?
- Слабо. Сны у меня начались после супертомографии. Таким образом, мой нейрослепок о них понятия не имеет. Я повторяю, тут никакой мистики. Нейрослепок будущего не читает. Он знает только то, что знал я на момент сканирования. Иерусалим ни разу не упомянут и в моей истории болезни, потому что я уже перестал ходить к вам, когда тема Иисуса стала ведущей в снах.

Рейчел отпустила руль и задумчиво покусала губы.

- Да будет вам известно, сказала она, Иерусалим это вам не Париж. Израиль в постоянном состоянии войны. Я там была. В Израиле крепко следят за тем, кто к ним прилетает и кто улетает. Бдительность в их аэропортах чуть ли не на порядок выше, чем в Америке. А за нами охотится дружественное Израилю правительство. Закажите билеты на самолет и вас будут ждать у терминала.
- Совершенно верно. Именно поэтому нам нужны поддельные паспорта.

Рейчел невесело рассмеялась и передразнила меня:

- «Дорогая, по дороге домой нужно купить хлеба и молока и еще немного фальшивых паспортов».
- У меня осталось восемнадцать тысяч долларов. Думаю, с такими деньгами можно найти соответствующего специалиста.

- Не будьте наивны. Фальшивка в Израиле не пройдет. Тамошние службы имеют дело с террористами кажлый день.
- Лучше угодить в израильскую тюрьму, чем в американскую могилу.

Рейчел откинулась в кресле и вздохнула:

- Ладно, ваша взяла...
- Я еду в Нью-Йорк. Там, я уверен, за большие деньги что угодно нарисуют.
  - А как же я?
  - Можете ехать со мной. Или не ехать. Выбирайте.

Она деловито кивнула, словно готовилась к такому повороту событий.

 Понятно. А что случится со мной, если я за вами не последую?

Я вспомнил стальные глаза Гели Бауэр и сказал:

— Вам правду или что-нибудь приятное?

Рейчел завела мотор, и пикап, стремительно набирая скорость, выехал на шоссе, ведущее на север.

- Ну, решили со мной, в Нью-Йорк?
- Нет.
- Тогда куда?

Тут она покосилась на меня, и впервые за все время нашего знакомства маска сдержанности совершенно спала с ее лица.

 — А вы, собственно, хотите, чтобы я с вами поехала, или нет?

Конечно, я хотел. Больше того, я чувствовал, что ей предназначено следовать за мной.

Я хочу, чтобы вы были со мной, Рейчел. По ряду причин.

Она сухо рассмеялась.

— Удачный ответ. Без меня у вас ничего не получится. Хотя бы потому, что тот, кто отключается в самых неподходящих местах, добром не кончит. Если бы не я, вы могли выехать на встречную полосу и теперь были бы покойником.

267

- Знаю. Спасибо. Стало быть, вы со мной?

Рейчел обогнала бензовоз и вернулась в правый ряд.

 Если хотите в Израиль, — сказала она, — то нам прежде придется заехать в Вашингтон.

Я весь напрягся. Опять на меня накатили мерзкие сомнения.

- Это зачем же в Вашингтон?
- Потому что я знаю человека в столице, который в силах нам помочь.
  - Кого именно?

Мне хотелось заглянуть ей в глаза, проверить, лжет она или нет. Но Рейчел не отрывала взгляд от дороги.

- Когда я была практикующим врачом в Нью-Йорке, моими пациентами были главным образом женщины.
  - Ну и что?
- Некоторые из них имели серьезные проблемы с мужьями.
  - Hy?
- Иногда судьи, не разобравшись, разрешают видеться с детьми бывшим мужьям, склонным к насилию во всех формах. Некоторые жены так боялись за физическое и психическое здоровье своих детей, что единственный выход видели в бегстве.

Я чувствовал неприятное покалывание в ладонях.

— Вы говорите о кризисных ситуациях после развода. Похищение собственных детей, да?

Она кивнула.

268

— В одиночку скрываться от полиции относительно нетрудно, если ты не совершил впечатляющего преступления и тебя не ищет вся страна. Но с детьми — практически невозможно. Детям положено учиться, им часто нужен врач и так далее. — Рейчел, уже с обычным бесстрастным выражением лица, покосилась на меня и решительно закончила: — Короче, таким женщинам помогают. Есть что-то вроде подпольного общества поддержки таких несчастных. Нужны деньги и связи.

Чтобы начать жизнь под новым именем...

- Совершенно верно. Ребенку достаточно нового свидетельства о рождении, взрослому нужны карта социального обеспечения и паспорт. Деталей я, собственно, не знаю. Но в курсе, что у этих женщин есть помощники в Вашингтоне.
- Эти женщины покупают себе в Вашингтоне поддельные паспорта?

Рейчел помотала головой:

- Паспорта не фальшивые. Самые что ни на есть настоящие.
  - Настоящие? Каким образом?

Она пару секунд прятала глаза, не решаясь открыться до конца. Потом все же сказала:

- Есть женщина в одном вашингтонском ведомстве, которое выдает паспорта. У нее у самой были большие проблемы с мужем много лет назад. Поэтому она и сочувствует делу. Я не знаю ни имени, ни адреса, однако могу спросить у одной знакомой. Она моя бывшая пациентка.
- А вы уверены, что они не свернули свою опасную работу? Или их накрыла полиция...
- Нет, они свое дело продолжают. Не так давно я направила к ним одну женщину из Чапел-Хилла. Кстати, ее бывший муж врач и в глазах посторонних безупречный во всех отношениях человек.
  - Ничего себе!
  - Есть только одно серьезное «но», сказала Рейчел.
  - А именно?
- Вы мужчина. Боюсь, что они не пожелают вам помочь.

Глава 24

Когда дверь центра безопасности вновь загудела, Гели сразу угадала, что это опять Скоу. И с дурными новостями. Последнее время он был так подавлен происходящим, что предпочитал общаться с ней **269**

по телефону. Раз он заставил себя выбраться из постели, это не к добру.

Гели повернулась вместе с креслом ему навстречу и про себя тихо ахнула: впервые за все время она видела Скоу не в дорогом безупречном костюме от «Брукс бразерс», а в штанах цвета хаки и трикотажной рубашке. Под глазами у него были темные мешки. Но даже в таком наряде и с хищно-серьезным усталым лицом он больше походил на университетского декана, чем на эксперта по информационной войне.

- Выглядите препогано, сказала Гели, смягчая грубость приветливой усмешкой.
  - А чувствую себя и того хуже.
- Как я понимаю, с хорошими вестями вы бы сюда не потащились, так?
- Правильно понимаете. После нашего с вами телефонного разговора мне позвонил Рави Нара. Скоу тяжело опустился в кресло рядом с Гели. Угостите сигареткой.
  - Вы же не курите.
- Ах, Гели, Гели, не все вы обо мне знаете, не все... Гели выщелкнула сигарету из пачки «Голуаз», зажгла ее и протянула Скоу.

Скоу, не закашлявшись, глубоко затянулся.

- Крепкая, хорошо пробирает...
- Откуда Нара звонил?

Скоу покачал головой.

Скажу со временем. А пока слушайте, с чем я пришел.

Гели закинула ногу на ногу и терпеливо ждала.

- Мы с вами всегда грызлись. Но теперь не время ссориться или старое поминать. Давайте дружить — насколько сможем.
  - Я слушаю, слушаю.
- Годин всегда разбивал информацию по «Тринити» на части что знаете вы, того не знаю я, и наоборот. Думаю, вы в курсе, что мы тут создаем

искусственный интеллект, однако деталей, конечно, не знаете, да?

- Вот вы меня и просветите.
- Мы используем очень продвинутую технологию магнитно-резонансной терапии для того, чтобы просматривать мозг на молекулярном уровне. Затем полученные трехмерные картинки нейрослепок мы пробуем загрузить в суперкомпьютер, но не простой, а совершенно нового типа.
  - Продолжайте.
  - Наша цель состоит не в том, чтобы создать искусственный интеллект, который будет имитировать мозг, что ученые тщетно пытаются сделать уже не первый десяток лет. Мы хотим скопировать живой мозг и в цифровой форме вогнать его в компьютер. Если удастся, получим не компьютер, который работает как человеческий мозг, а компьютер, который с любой практической точки зрения является мозгом определенного человека. Улавливаете разницу?

Про суперсканирование мозга Гели знала, только ей и в голову не приходило, что на этой базе хотят строить электронную машину.

- В вашем объяснении все довольно просто.

Скоу глухо рассмеялся.

- В теории да, проще простого. И это будет осуществлено, рано или поздно. Но так получается, что разница между «рано» или «поздно» имеет чрезвычайно важное значение лично для меня и лично для вас.
  - Почему?
  - Потому что Питер Годин умирает.

Это сообщение ее мало удивило. Достаточно было вспомнить, каким Годин стал в последнее время: опухшее лицо, отвисающая нижняя челюсть, неверная походка.

- Умирает от чего?
- Опухоль мозга. Рави Нара обнаружил ее шесть месяцев назад при просмотре снимков су-

персканера. Именно поэтому вы уже который день не можете войти в контакт с Годином. Когда он не работает над «Тринити», он занят лечением. Когда нет процедур — работает. Ни одной свободной секунды.

Гели внимательно слушала.

- И сколько еще он проживет?
- Теперь это уже вопрос часов. От силы сутки. Опухоль была неоперабельна даже в той ранней стадии болезни, когда Рави обнаружил ее. Питер страшно боялся, что правительство срежет финансирование проекта, если станет известно, что Годин, душа всего дела, обречен умереть в самом скором времени. Поэтому они с Рави заключили сделку. Рави помалкивал об опухоли и накачивал Питера обезболивающими, чтобы дать ему возможность работать до последнего и завершить работу над «Тринити». Не хочу даже гадать, что попросил Рави в обмен на свое молчание.
  - Хитрый сукин сын.
- Согласен. Вся прелесть в том, что такое развитие событий было как бы предусмотрено с самого начала. Годин замыслил проект «Тринити» с тайной целью спасти в итоге собственную жизнь. Просто смерть оказалась ближе, чем он предполагал.
  - Что вы имеете в виду?
- Если компьютер «Тринити» заработает, то в него загрузят нейрослепок мозга Питера. Тело Питера Година умрет, но мозг его продолжит существование внутри компьютера.

Гели недоверчиво заморгала.

На такую ерунду я не куплюсь! Что невозможно — то невозможно.

Скоу хохотнул.

- Это невозможное не только возможно, но и случится неизбежно.
- Если вы не сказки рассказываете, то что мешает загрузить нейрослепок Година после его смерти через месяц, или через год, или через десять лет?

Ведь и без Година, как я понимаю, «Тринити» будет создан, да? Как вы сказали, «рано или поздно».

- Разумеется. Но в том сценарии Питер умирает без малейшей уверенности, что все случится, как он задумал. Ему пришлось бы отбросить коньки банальным и миллиарды раз проверенным способом и уповать на то, что мы выполним свое обещание и воскресим его в компьютере.
  - Теперь понятно.

Гели пыталась осознать все далеко идущие последствия неизбежной и скорой смерти Година.

— $\bf A$ ко мне вы зачем пришли? — спросила она с предельной прямотой.

Скоу еще раз затянулся и посмотрел Гели прямо в глаза. Было ясно, что сейчас ему не до игры в большого начальника.

- Я пришел спасти вашу задницу. А заодно и свою.
- Я и не знала, что моя задница в опасности, ухмыльнулась Гели.
- Ну так знайте. Проект «Тринити» вот-вот гавкнется.

Теперь до нее окончательно дошел смысл происходящего разговора. Корабль тонет, крысы ищут спасательные шлюпки.

- Но вы только что говорили про неизбежность успеха.
- В конечном итоге. А в данный момент все застопорится. Годин при смерти и уже точно не успеет создать действующий компьютер. Без него двигать проект некому. Филдинга нет в живых. Рави сделал все, что мог, и на большее не способен. Нет того могучего ума, который необходим на завершающем, самом трудном этапе. И если мы не сумеем представить правительству хотя бы какой-то работающий образец, потратив почти миллиард долларов...
  - Миллиард?

- Гели, на самом деле это не деньги для проекта такого масштаба! При создании опытного образца мы не просто использовали новые технологии; мы их создавали с нуля. Одна успешная разработка голографической памяти чего стоит! А мы добились и иных результатов. Можно сказать, что гигантская работа проделана за гроши.
  - Ладно, ладно, поняла.

Мозг Гели работал так же напряженно, как во время боевой операции, когда речь шла о выживании.

— Вы сказали, что Годин между процедурами работает над «Тринити». А где именно? В Маунтин-Вью?

Скоу отрицательно помотал головой.

— Существует второй исследовательский центр «Тринити». Где он находится, я скажу лишь в том случае, если мы с вами придем к определенному соглашению. Дублирующий исследовательский центр был создан еще два года назад — сразу после того, как мы узнали, что президент приставит Теннанта для этического надзора за проектом. Годин уже тогда понимал: наступит день, когда потребуется делать то, о чем Теннанту и правительству знать не нужно. И заранее позаботился о запасном варианте.

С каждой новой фразой Скоу Гели приходилось менять оценку ситуации.

- Вы мне скажете четко, на каком этапе создание «Тринити»? По сути, ни хрена не получилось?
- Нет, дело не так уж плохо. В данный момент у нас есть работающий опытный образец. Кстати, именно он предсказал, что Теннант попробует спрятаться в национальном парке Фроузн-Хед. Нейрослепок Теннанта, загруженный в компьютер, выдал нам, где его искать. Вот вам загадочный информатор, про которого вы так стремились узнать. Теннанта выдала его собственная память, к которой у нас свободный доступ.

Гели ушам своим не верила.

- Нет, я там не присутствовал, хотя сам опытный образец видел и знаю, как он работает. Это и впрямь за пределами воображения.
- Стало быть, профессор Вайс все-таки ни при чем?
   И про Фроузн-Хед вы узнали от машины?
  - Именно.
- Боже мой! Если эта ваша штуковина способна на такие вещи, с какой стати вы оцениваете вашу работу как неудачу?

Скоу нервно рубанул воздух рукой.

- Это частичный успех «Тринити» и против обещанного ничтожный. Но даже этот прорыв произошел лишь двадцать часов назад. Объяснять сложности доведения машины до ума сейчас не время. Скажу коротко: от доступа к воспоминаниям до полноценно работающего в компьютере мозга человека путь не просто длинный, а чудовищно длинный!
- Это был кристалл, да? вдруг сказала Гели. У часов Филдинга был странный такой брелок. Он-то вам и нужен был, чтобы образец заработал!
- Умница! Совершенно верно. Кристалл что-то вроде заурядного компьютерного компакт-диска, только в миллион раз вместительнее. Хоть Филдинг и саботировал проект, но аккуратно записывал на кристалл себе для памяти, каким образом он вредил и какие собственные достижения утаивал. Из идеалиста хорошего саботажника не получится. Даже ради цели, которую он полагал высокой, Филдинг не был способен безвозвратно загубить научное достижение. Словом, как только кристалл оказался у нас, мы узнали, что нас задерживало, что не давало получить добротный промежуточный результат. И это уже хорошо, однако нас ожидал приятнейший сюрприз: Филдинг тайно самостоятельно прорабатывал наши грядущие, самые сложные проблемы. Не мог отказать себе в удовольствии. С одной стороны, тормозил все наши усилия, а с другой - прилежно трудился в том же направлении. И сделал не-275

вероятно много. Благодаря его разработкам создание «Тринити» больше не кажется делом грядущего поколения ученых.

- Если ваша машина уже сейчас хотя бы частично работает, почему бы правительству не нанять других крупных ученых, чтобы довести дело до победного конца?
- Правительство так бы и сделало знай оно о том, что происходит. Но они же не в курсе! Все работы после приостановки проекта велись нелегально и противозаконно.
- Надо просто перевезти опытный образец в это здание. И тогда его можно показать кому угодно.
- Питер не позволяет! Ведь и он должен переместиться вместе с «Тринити». А в нынешнем состоянии он не переживет переезда.
  - Вы сами сказали, что он вот-вот отдаст Богу душу.
- Да, но напоследок он может здорово нам навредить, с тоской в глазах сказал Скоу. Если бы мы создали по-настоящему работающий компьютер «Тринити», никого в американском и в британском правительстве не волновал бы вопрос цены финансовой или человеческой. Сейчас же, обнаружив после смерти Година, что мы еще бесконечно далеки от цели, начнут задавать всякие неприятные вопросы.
  - Куда вы гнете?
  - При всяком провале нужны козлы отпущения.
- Извините, к строительству вашего компьютера я не имею никакого отношения!
- Не имеете. Да только смерть Филдинга могут объявить причиной провала всего проекта. А кто Филдинга убил?

Теперь ей стало очевидно, куда клонит Скоу.

— Вы хотите меня сдать, — сказала она мрачно.

Аэнбэшник примиряюще поднял ладони:

— Я только описываю один из возможных сценариев. Все свалить на вас очень легко. Хоро-

шо известно, что в некоторых случаях вы проявляете излишек старания...

— Вам что, жить надоело?

Скоу лукаво улыбнулся.

- Не кипятитесь. Я просто показываю вам, какова ставка в этой игре. Чтобы вы не думали простодушно, будто вашей заднице ничего не грозит. Теннант и Вайс все еще резвятся на свободе, а Лу Ли Филдинг как в воду канула.
  - С этими тремя я разберусь!
  - Уже сомневаюсь.

Гели прожгла его полным ненависти взглядом.

— Да что вы беситесь! — сказал Скоу. — Мы просто беседуем, прикидываем, как нам быть. Мне, кстати, теперь мертвый Теннант ни к чему. Чего ради трупы громоздить один на другой? Это только усугубит наше и без того скверное положение. Нас и за первого покойника по головке не погладят.

Гели поняла: сейчас прозвучит то главное, ради чего затеян весь этот разговор.

- Ладно. Если козлом отпущения буду не я, то кто?
- Питер Годин.
- Вы шутите?

Скоу не спеша затянулся и выпустил облачко дыма изо рта.

— А вы не торопитесь, Гели, подумайте. После смерти Питера даже врать сильно не придется, достаточно немного преувеличить правду. Годин медленно умирал от опухоли мозга, о чем, разумеется, никто не подозревал. Питер был, конечно, гений, большой человек и так далее, но опухоль, к сожалению, затронула его рассудок. Он стал одержим идеей обрести бессмертие внутри компьютера. И в «Тринити» видел только способ личного выживания. Когда Филдинг и Теннант приостановили проект, Годин запаниковал и, несчастный безумец, приказал их убить.

Гели только бровями повела. Что ж, логика безупречная. Маленькая Большая Ложь, которая все черное делает белым. 277

- Если мы пойдем этим путем, продолжал Скоу, Теннант волен говорить что угодно. Мы ни в чем не виноваты, нас попутал сумасшедший. Мне кажется, это куда более изящное решение, чем убийство Теннанта, Вайс и Лу Ли!
- Тут не все так просто, возразила Гели. Если мы оставим Теннанта в живых, он расскажет, что именно я пыталась убить его.
- А при чем тут вы? улыбнулся Скоу, насмешливо покачав головой. Кто вломился в дом Теннанта с пистолетом? Кого Теннант и Вайс видели?
  - Риттера.
- Точно. А Риттер был нанят в «Годин суперкомпьютинг» еще до начала работы над «Тринити» и до вашего появления. Он не ваш человек, ведь так?

Похоже, Скоу все заранее продумал.

- Строго говоря, он мог действовать и автономно, задумчиво произнесла Гели.
- Кто-нибудь знает, что это вы приказали Риттеру убить Теннанта?
  - Я никогда и никому не отдавала подобный приказ! Скоу усмехнулся:
- Конечно. Немыслимо и вообразить, что вы способны отдать подобный приказ. Питер Годин без вашего ведома лично велел своему телохранителю Риттеру уничтожить Теннанта. А тому необычайно повезло защищаясь, он сумел убить киллера. Вы, Гели, в этом деле белее снега. Если вам когда и случалось делать не совсем правильные вещи, то исключительно по приказу Година.
  - А ваше алиби?
- К тому времени, когда я понял, что смерть Филдинга вызвана не естественными причинами, Риттер был уже мертв, а Теннант в бегах. Как только у меня открылись глаза, я кинулся исправлять ситуацию, восстанав-

ливать попранный порядок и непредвзято расследовать происшедшее. Гели попробовала проверить версию на прочность.

- Нас с вами спросят: а отчего вы так поспешно кремировали тело Филдинга?
- Как только стало очевидно, что он был убит, мы заподозрили, что против него был применен неизвестный вирус, который мог быть высокозаразным. По совету Рави Нара мы без промедления сожгли не только труп, но и все взятые образцы крови. Это единственный эффективный способ уберечь от инфекции других сотрудников проекта «Тринити».
  - Нара подтвердит эту историю?
- Поверьте мне, он сделает что угодно для спасения своей репутации. Ведь он не доложил наверх о том, что Годин умирает. Поэтому он в наших руках.

Гели вскочила и стала нервно прохаживаться взадвперед по проходу между мониторами. Скоу чуть развернулся в кресле и следил за ней глазами.

- А если Годин все-таки добьется своего? спросила она. Что, если «Тринити» заработает еще при его жизни именно так, как и было обещано?
- По словам Рави, не дни, а часы Питера сочтены.
   Он не успеет.

Ирония ситуации угнетала Гели.

- Вы знаете, я люблю Питера Година, сказала она. И очень его уважаю. А вас, как вы сами догадываетесь, терпеть не могу. До того как вы пришли с этим предложением, я вас к тому же и не уважала. Но ваш план может сработать, может...
- Если вы готовы мне подыграть, план сработает без осечки.

Гели не видела иного пути, кроме сотрудничества со Скоу.

- Скажите, где находится вторая, нелегальная лаборатория «Тринити», — и по рукам.
  - У Скоу вытянулось лицо.
  - Увы, я не вправе.
  - Почему же?

— Сейчас поймете. Я сообщу вам имя человека, который отвечает за безопасность той лаборатории. Со всеми вопросами к нему.

Гели остановилась и сердито уставилась на Скоу.

- Что за игры?
- Он велел все вопросы переадресовывать ему. И нарушать его волю у меня нет резона — иметь врагом такого человека мне не улыбается.
  - Кто он, черт возьми?

Скоу покачал головой.

- Я дам вам номер его телефона.
- Я не звоню людям, имени которых я не знаю!

Скоу сделал последнюю затяжку. В его глазах появилось что-то вроде жалости.

— За безопасность второй лаборатории отвечает генерал Хорст Бауэр.

Кровь бросилась в лицо Гели. Работа в «Тринити» наполняла ее гордостью и сознанием, что она превзошла отца. И вот победа оказалась иллюзорной.

- Мой отец работает на Година?
- Да.
- Сукин сын! Какого дьявола он и тут перебегает мне дорогу?

Раскрывать всю правду Скоу решительно не хотелось, однако он чувствовал, что Гели не станет сотрудничать с ним, пока он не расколется окончательно.

— Все просто. С самого начала практически всем в проекте «Тринити» тайно заправлял Годин. Ваш отец был нужен ему как влиятельная фигура в военной разведке. Хорст Бауэр из тех, кто решает, какие типы компьютеров нужны армии в Пентагоне и прочих центрах управления — к примеру, в форте Уачука.

Форт Уачука в штате Аризона был командным центром американской военной разведки, а ее отец — его начальником.

— Генерал Бауэр уже давно содействует фирме «Годин суперкомпьютинг» в получении зака-

зов от армии, — сказал Скоу. — Именно его поддержка помогала Питеру побивать конкурентов.

- Вы хотите сказать, что мой отец брал взятки?
- Да еще какие! Годин регулярно переводил деньги на его секретный банковский счет такой же, как и у меня. Как вы понимаете, я веду широкий образ жизни не на те гроши, что получаю от АНБ.
- Значит, мой отец лицемерный сукин сын. А я-то думала, что хотя бы интересы страны для него святы... Впрочем, пора мне знать: подлец во всем подлец, а не только в чем-то одном!
- Ваш отец нисколько не навредил отечеству тем, что протежировал Годину. Годинские суперкомпьютеры во многом лучше машин его конкурентов. Генерал делал хорошее дело и попутно набивал карманы. Бизнес есть бизнес.

Казалось, шрам на лице Гели пульсировал от ярости.

Армия — это служение, а не бизнес!

Скоу хихикнул.

- Вот уж не думал, что ваша голова полна романтических бредней!
  - Да пошли вы...
- Так или иначе, когда у Питера появилась нужда в тайной лаборатории, он вспомнил про вашего отца. Некоторая сумма денег перешла из рук в руки, и генерал подыскал нам укромное местечко, куда посторонним доступа нет.
  - А зачем наняли меня?
- Питер искал на эту работу человека определенного типа. Ваш отец предложил вас.

Гели опять зашагала по проходу. Кровь стучала в ее ушах.

- Он ведь обо всем знает, да? И что Годин на грани смерти, и что проект висит на волоске?
- Да, он в курсе всего. И на нашей стороне. Он тоже может поплатиться карьерой, если не подсуетится. 281

- Мне плевать на его карьеру. И на вашу тоже. Чтоб вы оба в аду горели!
- Гели, вы бы лучше не ругались, а просто позвонили папе и поговорили по душам.
- Тайная лаборатория «Тринити» находится в форте Уачука?
  - Нет.

Этому Гели в первый момент не поверила. Там, на отдаленной аризонской базе, тысячи акров испытательных полигонов. Можно спрятать хоть сотню лабораторий.

С другой стороны, ее отец был дока в вопросах служебного выживания. Он не мог не просчитать заранее вариант неудачи проекта «Тринити» и наверняка оставил себе возможность в любой момент дистанцироваться от Година. У него хватило бы ума не затевать нелегальные дела на подведомственной ему территории.

Гели надела наушники и, нажав нужную клавишу, приказала компьютеру: «Генерал-майор Хорст Бауэр. Форт Уачука, штат Аризона».

Скоу облегченно вздохнул.

К телефону подошел адъютант генерала.

- Генерала Бауэра! не заботясь о вежливости, сказала Гели.
  - Генерал в данный момент занят. Что передать?
- Капитан, доложите ему немедленно, что звонит дочь.
  - Не кладите трубку, пожалуйста.

Скоу явно наслаждался происходящим. Гели повернула кресло так, чтобы не видеть рожу стареющего прощелыги с дипломом лучшего американского университета.

Она мысленно представила себе отца. Высокий импозантный мужчина с типичной немецкой внешностью. Враги Хорста Бауэра описывали его как белокурую версию сыгранного Бертом Ланкастером генерала

Джеймса Маттуна Скотта из фильма «Семь дней в мае». Что ж, сравнение справедливое. Во все-

общем восприятии он был жестким и придирчивым начальником. Однако Гели знала его с другой стороны, куда более отвратительной стороны — как бабника, который изменял жене на каждом шагу и имел за границей кучу незаконных детей. Нетерпеливый воспитатель, грубый и жестокий по натуре, он воспитывал непокладистую дочь рукоприкладством. Трагическая ирония ее жизни заключалась в том, что она во всем следовала по стопам человека, которого люто ненавидела. Причина была проста. Она ненавидела отца за то, что он в детстве нанес ей неизлечимые психические травмы, однако пассивную, безвольную и покорную мать презирала и походить на нее не хотела.

- Привет, Гели, раздался в наушнике басистый голос, от которого каждая мышца напряглась. Похоже, у тебя неприятности. В другое время ты мне никогда не звонишь.
- Что ты знаешь о проекте по созданию искусственного интеллекта?
- Шутишь? Я на такие неопределенные вопросы не отвечаю.
- Ладно, давай говорить конкретно. Я отвечаю за безопасность в лаборатории проекта «Тринити» в Северной Каролине. И вот мне говорят, что есть некая секретная лаборатория, которая работает над тем же. Что тебе о ней известно?

Ответом было долгое молчание. Затем Бауэр сказал:

- Кое-что известно.
- И ты не счел нужным сообщить мне об этом?

Сухой смешок на другом конце связи.

- Я и не подозревал, что мы с тобой опять друзьяприятели.
  - Ты рекомендовал меня Годину для этой работы?
- А как бы иначе он тебя нашел?.. Но про свое участие в «Тринити» я помалкивал не по своей воле. Обычная тактика Година: каждый знает только свой кусочек правды. Поэтому ты не сердись, в таких **283**

делах свои законы. Если уж на то пошло, ты меня тоже не балуешь информацией. После восемнадцати ты практически ничего про свою жизнь мне не рассказывала. Все, что я про тебя знаю, стало известно из сплетен, разговоров с лечившими тебя врачами и полицейских протоколов.

«Некоторые сражения никогда не заканчиваются», — подумалось Гели.

- Не будем ворошить прошлое, сказала она. Что касается проекта «Тринити», теперь я в курсе того, что мне положено было знать уже давно.
- Ты понимаешь ситуацию? Понимаешь, что необходимо делать?
  - Меня подробно просветили.
- Скоу трусоват, но ему не откажешь в таланте правильно действовать в кризисной ситуации.
- Ладно, прощай, сказала Гели, но связь не отключила.

Она сдернула наушники и впилась взглядом в Скоу.

- Ну, ухмыльнулся аэнбэшник, похоже, теперь все мы в одной лодке?
  - Похоже.
  - Это не совсем тот ответ, которого я ожидаю.
- Меня тошнит от одной мысли, что такой человек, как Годин, будет вывалян посмертно в грязи чтобы гады вроде вас и моего отца вышли сухими из воды. Рядом с Питером Годином вы сморчок никчемный.

Скоу впервые за весь разговор покраснел.

- Так вы согласны насчет Теннанта и Вайс? Оставляем их в живых и извиняемся перед ними: мол, простите, недоразумение вышло?
  - Не спешите хоронить Година.
  - И то верно.
- Мы, кстати, понятия не имеем, где сейчас наши беглецы. Хоть на телевидение иди и объявляй на всю страну: ребята, возвращайтесь, вас передумали 284 убивать.

- Стало быть, не будем торопить события.
- Тем не менее я и сейчас не вполне уверена, нужен ли нам Теннант, который неизбежно начнет трепаться и рассказывать в высоких кабинетах свою версию происшедшего. Как ни крути, а связи у него большие. Неизвестно, что и кому он в уши надует. И чья правда верх возьмет.

Скоу глубокомысленно кивнул.

- Знаете что? Проблему Теннанта и Вайс я оставляю на ваше усмотрение. Действуйте по обстоятельствам. В случае чего постараемся обыграть факт их гибели так, как нам нужно.
- А вот это правильное решение, кивнула Гели. Я с ними сама разберусь.

Скоу встал и направился к двери.

- Есть еще вопросы? спросил он напоследок.
- Только один. Почему Филдинг саботировал проект? Скоу улыбнулся:
- Считал, что ученые не должны создавать вещи, которых они не понимают.
- Тогда зачем же он согласился участвовать в проекте?
- Очевидно, полагал, что впереди десятилетия работы. А на деле за два года была пройдена чуть ли не половина пути! Филдинг надеялся, что в процессе работы над проектом «Тринити» мы получим новые знания о мозге задолго до создания работающего суперкомпьютера.
  - Ну и как? Получили новые знания?
- Куда там! Если «Тринити» вдруг заработает именно так, как планировалось, у нас не будет ни малейшей возможности его контролировать!

Глава 25

Мы выбрали дешевый мотель в Арлингтоне — напротив Вашингтона, на другом берегу Потомака. Мотель из тех, где не поднимают удивленно бро-

ви, если гость предпочитает платить не карточкой, а наличными. Одна комната, две двуспальных кровати, ванная, телевизор и телефон. Рейчел тут же сбросила с себя ненавистный камуфляжный наряд и пошла под душ. Я проводил ее любопытным взглядом до двери ванной. Рейчел в джинсах была для меня огромным сюрпризом — после того как я неделями видел ее только в строгой юбке и блузке. Теперь она - без всяких комплексов - разделась при мне до нижнего белья. Все это решительно изменило мое уже сложившееся мнение о ней. Кожа упругая, мускулы крепкие — в тридцать пять лет так выглядит только тот, кто хоть немного занимается спортом. Это не очень согласовывалось с образом университетского врача, одержимого работой. Очевидно, тут сыграл положительную роль ее почти болезненный аккуратизм свое тело она пыталась содержать в таком же порядке, как и веши в своей комнате.

Я достал из пикапа нашу нормальную одежду, купил в автомате на автостоянке «Вашингтон пост» и две бутылки «Дасани» и вернулся в комнату. Из шели под дверью ванной валил густой пар. Я переоделся, сел на кровать, прислонившись к спинке, и включил Си-энэн. Никаких беглецов в федеральном розыске не упомянули, поэтому я начал просматривать криминальный раздел в «Вашингтон пост».

К поездке в Израиль мы начали готовиться уже во время восьмичасового путешествия в Теннесси. Прежде всего нужно было раздобыть новые паспорта. На берегу Роанка мы остановились, и Рейчел из телефона-автомата позвонила своей бывшей пациентке. Та дала ей номер контактного телефона в Вашингтоне и велела переждать один час. В течение того часа кто-нибудь позвонит туда и поручится за Рейчел.

Набрав полученный номер, Рейчел выслушала инструкции: быть завтра в одиннадцать утра в кафе на вокзале Юнион-стейшн; иметь наготове фотографии для паспортов и карточку с полными именами и

датами рождения. Все это она должна отдать тому, кто придет на встречу. На вопрос о сроках ей ответили: обычно достаточно сорока восьми часов.

Между Лексингтоном и шестьдесят шестой федеральной автострадой мы вдруг сообразили, что у нас возникнет проблема с кредитными карточками. Покупка дорогих авиабилетов в Израиль за наличные возбудит нездоровый интерес в аэропорту. Плюс странноватый факт, что у нас не забронированы места в гостинице. Кто-либо из друзей или родственников должен был зарезервировать на наши новые имена комнату в иерусалимской гостинице, используя законные кредитные карточки.

У меня не было живых родственников, а все друзья и приятели, вне сомнения, находились под колпаком у АНБ. Обращаться к родителям Рейчел, к ее бывшему мужу или ее друзьям было опасно по той же причине. В конце концов Рейчел вспомнила профессора, за которого она чуть не выскочила замуж, когда училась в Колумбийском университете. Еврей, он часто посещал Израиль и был лично предан Рейчел. Я усомнился, согласится ли он заказать авиабилеты и забронировать места в гостинице на какие-то чужие имена. Но Рейчел уверила меня, что он выполнит все, о чем она ни попросит, даром что они уже несколько лет не общались. По пути в Вашингтон она трижды пыталась дозвониться ему. Его секретарша наотрез отказалась дать номер его сотового, а Рейчел, по понятным причинам, не могла оставить номер своего.

Из ванной, напуская в комнату клубы пара, появилась Рейчел, завернутая в два полотенца: большое вокруг тела, маленькое вокруг головы.

- Забирайтесь и вы под душ! Такой кайф! Снова чувствую себя человеком.
- Вначале надо еще раз попробовать дозвониться до вашего друга. Я принес вашу старую одежду. Мятая и несвежая, но другой нет. **287**

Рейчел устало улыбнулась.

- Полцарства за фланелевую пижаму!
- Завтра купим одежду. Если очень не терпится, то прямо сегодня вечером. Дозвонитесь в Вашингтон — и пойдем на поиски.

У Рейчел был огорченный вид.

- А нельзя нам сперва немного поспать?
- Забронировать места в гостинице нужно побыстрее. Только тот не привлекает к себе внимания, кто резервирует отель за несколько недель до приезда. Мы и так выбиваемся из образа обычных туристов.
  - Стало быть, одеваться?

Я кивнул.

Рейчел села на край кровати и принялась сушить волосы феном.

— Если вас не смутит мое предложение, то во время путешествия нам лучше всего выдавать себя за супружескую пару.

Она повернулась и лукаво посмотрела на меня.

- Похожа я на женщину, которую может смутить подобное предложение?
- Ну и замечательно. Гора с плеч. Тогда выберем себе общую фамилию. Лучше еврейскую, да?
- Глупости. Любой израильтянин в две секунды разоблачит вас как самозванца. Лучше вариант положительной еврейской девушки, которую угораздило в порыве чувств выскочить замуж за гоя. Разговоры на эту тему предоставьте мне.

Прихватив с покрывала свою рубашку, Рейчел отправилась обратно в ванную комнату. Я слышал, как она вешала влажное полотенце. Вернулась она в рубашке, которая хоть и доходила до середины бедра, но, благо под ней ничего больше не было, оставляла воображению мало работы.

— Я должна хоть ненадолго прилечь. Будете
 288 готовы — разбудите.

Я посмотрел на часы — без четверти шесть. Позволить Рейчел заснуть было бы опрометчиво. С другой стороны, на улицу до темноты лучше не выходить. Впрочем, я тоже нуждался в отдыхе. После двух почти бессонных суток я чувствовал какую-то одурелость, да и мышцы, которые я не напрягал как следует уже много лет, мучительно ныли.

Юркнув под одеяло на своей кровати, Рейчел легла на живот и повернула лицо в мою сторону. Глаза были затуманены усталостью, но на губах играла слабая улыбка.

- Соображаю с трудом, сказала она. A вы?
- Тоже как пришибленный.
- Знаете, почему я здесь, с вами?
- Потому что боитесь смерти?
- Нет. Потому что не жить я боюсь больше, чем умереть. Звучит по-идиотски, да?
  - Не совсем. Но я понимаю.

Рейчел перевернулась на спину, натянула простыню до подбородка и задумчиво уставилась в потолок.

— Ни черта вы не понимаете. Мой сын умер. Семейная жизнь развалилась. Что мне, собственно, терять?

Рейчел всегда удивляла меня, однако она впервые говорила как слегка тронутая.

- Наверняка вас бесконечно уважают и ценят пациенты...
- А-а, бросьте. Умри я завтра, мои пациенты найдут себе другого врача и не заметят разницы. Да и большая ли это радость: сидеть днями в своем кабинете и выслушивать несчастных людей? У одного депрессия, у другого фобия, третий просто зол на весь мир, а четвертый законченный параноик. Слушаю рассказы страдальцев и пробую разобраться в их проблемах. А потом заполняю истории болезни. Не живу, а только в чужих жизнях копаюсь...

Она странно улыбнулась.

Сегодня все иначе. Сегодня человек, который, согласно моему диагнозу, страдает галлю-

цинациями, втянул меня в одну из них. Я — Алиса, шагнувшая в Зазеркалье. За мной гоняются и пытаются убить, но я все еще жива. И теперь вот собираюсь лететь в Израиль. Потому что мой пациент родил бредовую идею податься в Иерусалим. Потому что человек, которого я, в сущности, бесконечно уважаю, внезапно возомнил, что он — Иисус Христос.

- Вы лучше поспите...
- Сон не изменит мои чувства.

Эта фраза показалась мне тогда непонятной. Я лег на бок и, подперев подбородок ладонью, уставился на Рейчел. Мы смотрели друг на друга через проход между кроватями.

— Послушайте, вы, собственно, о чем? — спросил я. Глаза Рейчел, как когда-то в ее кабинете, смотрели мне прямо в душу, с легкостью проникая сквозь стену, возведенную мной после гибели семьи. Она загадочно улыбалась.

— Честно говоря, я и сама не знаю, что имею в виду... А вы разве не хотите принять душ?

Ее взгляд был откровеннее слов. Я вскочил и пошел в ванную, по пути срывая с себя грязную одежду. После двух дней жизни зайца, убегающего от охотника, горячий душ ублажал не только тело, но и душу. Поначалу неприятно пощипывало шею и руки, исцарапанные колючками, однако мускулы мало-помалу сладостно расслабились под струями воды. Открывая крошечный гостиничный флакончик с шампунем, я вспомнил разметавшиеся по подушке темные волосы Рейчел и решил поторапливаться. Рейчел измотана не меньше моего и не сможет долго бороться со сном. Я вытерся, завернулся в сухое полотенце и мигом был в проходе между кроватями.

Рейчел по-прежнему лежала на спине, но теперь с закрытыми глазами, дыша глубоко и ровно. Я мысленно чертыхнулся. Нет, она не виновата, что сон ее 290 таки сморил. За эти два дня она столько натерпе-

лась, столько перенесла — и неожиданно для себя оказалась черт знает где! Я снял полотенце с бедер, присел на край своей кровати и начал вытирать волосы. Буквально через несколько секунд меня так потянуло в сон, что полотенце замерло у меня на макушке и я готов был заснуть прямо так, сидя.

Но тут смуглая стройная рука потянулась через проход между кроватями и коснулась моего колена. Затем ладонь Рейчел несколько раз открылась и закрылась, словно что-то искала. Когда я вложил свою ладонь в ее ладонь, пальцы Рейчел сомкнулись — и она с неожиданной силой потянула меня к себе на кровать. Я лег рядом с ней, она повернулась ко мне, наконец открыла глаза, и наши взгляды встретились.

- Вообразил, что я заснула? кокетливо спросила Рейчел, глядя на меня широко распахнутыми бездонными черными глазами.
  - Ты действительно заснула.
  - А сейчас я вижу сладкий сон?

Я улыбнулся:

- Возможно, это галлюцинация.
- Ура! Значит, можно делать все, что хочется!
- Совершенно верно.

Она придвинулась ко мне еще ближе и поцеловала меня. По тому, как были напряжены ее налитые кровью губы и с каким самозабвенным исступлением она длила и длила этот поцелуй, я понял, что она мечтала о нем уже давно. Я чуть отодвинулся, расстегнул пуговицы ее рубашки и опять привлек ее к себе. Она тихо рассмеялась.

- Ты думал об этом во время наших сеансов? спросила она.
  - Никогда.
  - Врунишка!
  - Ну, может, раз или два.

Она поцеловала меня снова, и по тому, как скользили ее руки, я угадал, что мы избежим не-

ловкой суматохи первого раза. Это были прикосновения знающей и уверенной в себе женщины. Она была вся сосредоточена на мне. И мне подумалось: нет ничего чудеснее говорливой интеллектуалки, когда она решает, что слова могут подождать.

Я проснулся в панической уверенности, что мы проспали слишком долго и звонить уже поздно. Комнату освещал невыключенный и что-то бормочущий телевизор. Часы на прикроватной тумбочке высвечивали «23:30». Рейчел лежала на спине; одна рука на груди, другая — на моем бедре.

Теперь я смотрел на нее совсем другими глазами. После трех месяцев сохранения профессиональной дистанции она отдалась мне полностью и самозабвенно. То, что мы делали с ней перед тем, как заснуть, казалось мне в сто раз большей галлюцинацией, чем все мои нарколептические сны. Но это было, и было в реальности, и было прекрасно.

Хотя Рейчел крайне нуждалась во сне, мне все же пришлось ее разбудить. Я сел на кровати, сделал несколько долгих глотков минеральной воды из бутылки и легко потеребил Рейчел за плечо. Я боялся, что она проснется такой же перепуганной, как в пикапе. Однако на этот раз она сначала поворочалась, потом на ощупь нашла мою руку и сжала ее.

Привет, — сказал я. — Как себя чувствуешь?

Она наконец открыла глаза, но ничего не ответила. Вместо этого сделала глубокий вдох, привстала на постели и обняла меня. Я тоже обнял ее, с горьковатой мыслью: отчего все это не произошло раньше — в другом месте и в более удачный момент моей жизни?

- Нам очень нужно дозвониться до твоего друга.
   Придется вставать.
  - Разве нельзя позвонить прямо из комнаты?
- Нет. Ты дружила с этим парнем, когда учи-292 лась в медицинском колледже. А значит, впол-

не вероятно, что АНБ это известно и они прослушивают его телефон. В принципе можно за считанные секунды определить, откуда поступил звонок. Если дозвонимся, нам следует пронаблюдать за телефоном-автоматом, которым мы воспользовались. Если телефон твоего друга прослушивают, непременно кто-нибудь прикатит.

 Ладно, — сказала Рейчел и озорно чмокнула меня в губы. — Раз надо — значит, надо.

Я помнил, что на достаточно уединенной бензоколонке в пяти милях к западу от мотеля я видел телефонавтомат. Туда мы и направились. Припарковав машину так, чтобы было хорошо видно шоссе в обоих направлениях, я послал Рейчел звонить, вручив телефонную карту, купленную в киоске около мотеля.

Я видел, как она набрала номер — и почти тут же заулыбалась и округлила пальцы в значок «о'кей». Разговор затягивался, поэтому я решил, что все хорошо. И действительно Рейчел начала зачитывать с бумажки наши вымышленные фамилии. Мистер и миссис Джон Дэвид Стивенс. В качестве своей девичьей фамилии Рейчел выбрала фамилию Горовиц, и в ее паспорте будет стоять Ханна Горовиц Стивенс. Пока она беседовала со своим давним воздыхателем, я подумал, что этот врач, похоже, очень любил ее, если готов оказать такую странную услугу после пятнадцати лет разлуки.

Наконец Рейчел повесила трубку и вернулась в пикап.

- Все в порядке? спросил я.
- Без проблем. Он забронирует и авиабилеты, и гостиницу, и даже пару экскурсионных туров.
  - Вылет, как и договаривались, из Нью-Йорка?

Чтобы поменьше рисковать, нам не следовало задерживаться в Вашингтоне дольше необходимого.

- Да, из аэропорта Кеннеди.
- А кто этот наш благодетель?

- Адам Штерн. Акушер-гинеколог из Манхэттена.
   У самого уже четверо детей.
  - Видно, он тебя крепко любил когда-то.

Рейчел отозвалась с кокетливой улыбкой:

— Кто меня раз полюбил, тот уже никогда не выбросит из головы!

Я остановил машину метрах в двухстах от бензоколонки и оставил мотор включенным. Отсюда мне был виден телефон-автомат, с которого звонила Рейчел.

- Адам говорит, что в эту неделю самый большой наплыв туристов, — сказала она. — Пасха в Иерусалиме примерно то же самое, что Марди Гра в Новом Орлеане. Море людей.
  - Нам это только на руку.
- Зато могут быть трудности с билетами. Если не получится с израильской авиакомпанией «Эль-Аль», Адам обещал перепробовать другие варианты.
- Да нам безразлично, каким самолетом. Лишь бы долететь.

Мы довольно долго сидели молча, слушая шум вхолостую работающего двигателя. У телефона-автомата не наблюдалось никакой суеты. Сколько надо ждать и через какое время АНБ может отреагировать, я, говоря по совести, не знал. Я положил свою руку на руку Рейчел.

— Все в порядке?

Рейчел кивнула, но глаз на меня не подняла.

 Впервые за долгое время я после секса не раскаиваюсь в содеянном...

Я ласково сжал ее руку. И тут она наконец посмотрела мне в глаза. Несмотря на шутливый тон последней фразы, в ее глазах стояли слезы. Я понял, что она говорит правду, — она давно жила без настоящей близости. Возможно, так же долго, как и я.

Я счастлив, что ты здесь, со мной. И счастлив, что ты летишь со мной в Израиль. Без тебя у меня ничего бы не получилось.

Она высвободила свою руку из моей, чтобы вытереть слезы.

Я еще раз посмотрел на телефон. Возле него никого не было. Конечно, разумнее подождать хотя бы час, но мне не хотелось мучить Рейчел.

- Думаю, порядок, можно уезжать, сказал я. Теперь отоспимся до упора?
- Нет, сперва по чизбургеру. А уж потом спать, спать, спать...

Отоспаться по-настоящему не удалось. Уже в девять тридцать утра мы переехали Мемориал-Бридж и катили в сторону мемориала Линкольна. Последний раз я был в Вашингтоне, когда снимался документальный сериал по моей книге.

Недалеко от Капитолийского холма мы нашли фотоателье и через двадцать минут получили фотографии для паспортов, которые нам предстояло отдать связной в кафе на вашингтонском вокзале Юнион-стейшн. По мере приближения к всегда оживленным кварталам вокруг вокзала количество пешеходов увеличивалось, а я начал нервничать. Вашингтон — первый город в списке лакомых целей для террористов, поэтому в столице полным-полно камер наблюдения: у каждого важного общественного здания и крупного торгового центра. Камеры по большей части надежно закамуфлированы, но они существуют и работают круглые сутки. И я знал, что АНБ имеет техническую возможность распознавать лица на видеопленке. Поэтому я сделал крюк, только бы не проезжать мимо главного входа, и припарковал машину к востоку от Юнион-стейшн.

Мы быстро прошли к главному входу в массивное здание, облицованное белым гранитом. Рейчел не отставала от меня ни на шаг. Я не держал ее за руку. Обе руки должны быть на всякий случай свободны. Рейчел не знала, что у меня сзади под сорочкой за поясом револьвер. Если при входе на вокзал стоят метал-

лодетекторы, вернусь к пикапу. У узкого входа стояла очередь, но из того, как быстро она двигалась, я заключил, что никого не подвергают особо серьезному контролю, и облегченно вздохнул.

Вскоре мы смешались с толпой на недавно отреставрированном вокзале в стиле модерн. Пройдя через огромный главный зал, мы оказались в многоуровневом торговом центре, где было полно туристических групп, покупателей и досужих фланеров, глазеющих на статуи и витрины. Здесь царила совсем другая атмосфера, чем на самом вокзале, который напоминал о себе лишь периодическим дрожанием пола. От обилия мрамора и скульптур создавалось впечатление, что ты находишься в музее.

 — А вот и наше кафе, — сказала Рейчел, потянув меня влево.

Большое и многолюдное кафе находилось рядом с огромным книжным магазином — связная правильно выбрала место встречи. Здесь никто ни на кого не обращал внимания.

Рейчел первой прошла через широкий вход и встала в очередь к мраморному столу с большими кофейниками. Я неторопливо огляделся в дверях и только после этого подошел к ней. Нам было велено ждать женщину с томиком «Второго пола» Симоны де Бовуар. Я про себя с улыбкой решил, что женщину, которая выбрала подобную книгу в качестве опознавательного знака, я угадаю не по книге в руке, а по одному выражению ее лица.

За столом в глубине зала я заметил рыжеволосую женщину лет пятидесяти без косметики и с жесткими складками у рта. Она смотрела только в стол — словно боялась, что стоит ей поднять глаза, как к ней прицепится какой-нибудь незнакомец. Я приготовился держать пари на сто долларов, что это и есть наша связная, но тут Рейчел потянула меня за руку и указала на афро-

американку лет сорока, которая у стойки с печеньем читала «Второй пол». Мы с Рейчел вышли из очереди и приблизились к любительнице Симоны де Бовуар.

— Я не видела эту книгу сто лет! — сказала Рейчел. — Прочитала в колледже и больше в руки не брала. Вы полагаете, она по-прежнему актуальна?

Женщина оторвалась от чтения и с приветливой улыбкой посмотрела на Рейчел.

- Немножко устарела, однако с исторической точки зрения бесценна. Она протянула темную руку в бесчисленных кольцах. Венэбл, Мэри Венэбл.
- Ханна Стивенс, представилась Рейчел. Рада познакомиться.

Я был поражен тем, с какой легкостью она вскользнула в свою новую роль. То ли психиатрия приучает легко врать, то ли в психиатры идут прирожденные актеры.

Мэри Венэбл понизила голос:

- Для меня большая честь познакомиться с вами, профессор. Вы помогли такому количеству несчастных женшин!
- Спасибо, так же тихо ответила Рейчел. Затем заговорила громче: Меня всегда озадачивало, что Симона нашла в этом Сартре. Он словно лягушка. Я ничего не имею против любви французов к лягушкам. Но одно дело их есть, а другое с ними спать!

Мэри Венэбл звонко рассмеялась. Продолжая смеяться, она так проворно сунула в свою большую вязаную сумку взятый из рук Рейчел полиэтиленовый пакет, что я заметил ее движение лишь потому, что пристально наблюдал за ней.

- Если удастся сделать прямо сегодня, сказала Венэбл, то получите уже завтра. Я буду здесь приблизительно в это же время.
  - Хорошо, до завтра, отозвалась Рейчел.

Тут Мэри Венэбл наклонилась к ней и сказала в завершение разговора:

— Передайте вашему мужчине, чтобы он лучше прятал свою штуку. При этом «мужчина» стоял в двух шагах от нее.

Мэри Венэбл крепко пожала руку озадаченной Рейчел, подхватила с пола сумку и пошла прочь, так и не перемолвившись со мной ни словом. Проходя мимо, она напоследок обожгла меня недобрым взглядом, в котором прочитывалось: только попробуй обидеть эту чудесную женщину, я вам голову оторву!

Я подошел к Рейчел, которая ошарашенно таращилась на мой пах.

- Что имела в виду Венэбл? спросила она. Это связано с... с анатомией?
  - Объясню позже, сказал я.

Я схватил Рейчел за руку и повел прочь из кафе. Раз мой пистолет так заметен, нам лучше побыстрее убраться из Юнион-стейшн.

- А я и не знала, что теперь тут большой торговый центр, — покачала головой Рейчел. — Можно мне купить что-нибудь из одежды?
- Только не здесь. Тут маленькие магазинчики, а нам лучше закупаться в универмаге, чтобы все разом.
- А может, на другом этаже есть именно такой магазин?
  - Здесь нам задерживаться нельзя! отрезал я.

И повел Рейчел к главному входу. Не прошли мы и сотни шагов, как нам повстречался полицейский. Он появился так внезапно, что я не уберегся и встретился с ним глазами. Мне показалось, что после этого он замедлил шаг. Мое сердце бешено заколотилось. Полицейский был за нашими спинами, но я не сомневался, что он сейчас повернулся и смотрит на нас. Мне захотелось тут же оглянуться и проверить...

Заметив, что я весь напрягся, Рейчел спросила:

- В чем дело?
- По-моему, нас здесь ищут.
- Разумеется.
- Я имею в виду гласно. У меня впечатление, что полицейский, мимо которого мы только что прошли, узнал меня.

Рейчел хотела было оглянуться на полицейского, но я так решительно замотал головой, что она оставила свое намерение.

- Ты хочешь сказать, что нас теперь ищет не только АНБ, но и полиция?
- Боюсь, что да. Не отходи от меня ни на шаг. Возможно, придется удирать.

Мы подошли к большому дереву в огромной декоративной кадке. Я завел Рейчел за кадку, а сам наконец оглянулся, более или менее прикрытый разлапистым деревом. Полицейский следовал за нами и теперь вытягивал шею, высматривая меня за ветками. При этом он чтото говорил в микрофон на воротнике.

— Нас засекли, — хладнокровно констатировал я. — Делаем ноги!

Глава 26

Я схватил Рейчел за руку, и мы торопливо зашагали, только не к выходу, а в сторону лестницы, используя толпу для прикрытия.

- Вверх? спросила Рейчел.
- Нет.

Моей конечной целью было сесть в какой-нибудь из поездов. Но когда мы уже добежали до турникетов, ведущих к платформам, женский голос из громкоговорителя вдруг объявил:

— Внимание! Внимание! Движение всех поездов временно остановлено по техническим причинам. Пожалуйста, сохраняйте спокойствие и оставайтесь на платформах. Как только появится новая информация, вы будете оповещены. Спасибо.

Казалось, мои надпочечники выплеснули мне в кровь целую кварту адреналина.

Дикторша повторила сообщение по-испански.

- Обратно к лестнице, приказал я, круто поворачиваясь.
  - Вверх или вниз?
  - Вверх!

Мы побежали, перескакивая через ступеньки. На той лестничной площадке, откуда был виден весь первый этаж торгового центра, я остановился и осторожно перегнулся через перила. Полицейский, опознавший меня, до сих пор метался по залу, пытаясь угадать, куда мы подевались. Пока я за ним наблюдал, он окончательно решил в пользу лестницы и двинулся в ее сторону.

- Почему остановились поезда? спросила Рейчел.
- Нас ловят.
- Они парализуют железнодорожное движение только для того, чтобы нас поймать? — недоверчиво ахнула Рейчел.

Опять включился громкоговоритель:

— Внимание, пожалуйста. Полиция просит всех пассажиров и покупателей спокойно и медленно двигаться к выходам. Мы приносим извинения за причиненное неудобство. Не существует никакой опасности для вашей жизни или вашего имущества. Вы можете не торопясь оплатить ваши покупки, но затем направляйтесь прямо к выходу, нигде не задерживаясь. Спасибо.

Было заметно, с каким трудом Рейчел держит себя в руках.

Выходить мы не будем, да? — спросила она.

Я опять взглянул вниз через перила. Полицейский стоял уже на лестнице и решал, подниматься ему или спускаться.

— Единственный способ затеять эвакуацию в таком масштабе — имитировать антитеррористическую операцию. А значит, вокруг здания уже по меньшей мере сотня полицейских.

Нам пришлось прижаться к стене: поток взволнованных людей, спускающихся по лестнице, уве-

личивался с каждым мгновением. Одни мы стояли, тем привлекая к себе нездоровое внимание.

- Я вижу два варианта, сказал я Рейчел. Первый: изменить нашу внешность и попытаться выйти с толпой.
  - Как же нам изменить внешность?
- Ну... Купим себе все черное, добудем ножницы, обрежем волосы, вздыбим их лаком... Они ищут профессоров. А мы превратимся в немного престарелых металлистов или панков.

Рейчел скептически покачала головой.

- А как мы будем выкручиваться в аэропорту? На паспортных фотографиях мы вполне приличные люди.
- И то верно... Значит, попробуем более простой вариант. Проберемся куда-нибудь на склад и затаимся за коробками. Переждем. Ведь они не будут искать бесконечно.
  - Чем проще, тем надежнее, сказала Рейчел.

Но я тут же сам себе возразил:

- Полиция может задействовать собак.
- О Боже! Нам еще и от собак придется бегать!
- Пошли! вдруг решительно приказал я. У меня появилась идея.

Расталкивая людей, я побежал вниз по лестнице, шаря глазами по толпе, чтобы не столкнуться ненароком нос к носу с полицейскими. Рейчел бежала за мной. Заходя в здание, я видел рекламу кинотеатра и теперь исходил из предположения, что он где-то в подвальном этаже торгового центра. И действительно, спустившись на эскалаторе, мы увидели в большом холле многолюдное кафе, а за ним вход в кинотеатр. Сидящие за столиками посетители торопливо заканчивали еду и двигались к выходу. Из кинотеатра тоже вываливала толпа.

- Куда мы идем? спросила Рейчел.
- В кинозал.
- Они же его эвакуируют!

Я ничего не ответил. Надо было торопиться. Пробившись через толпу выходящих, мы оказались в уже почти пустом темном кинотеатре. Билетер вежливо, но настойчиво выгонял последних зрителей. На экране трехметровый Хью Грант, руки в брюки, прогуливался по лондонской улице. Мы с Рейчел нырнули за тяжелый занавес, закрывавший запертый запасный выход. Чуть отдышавшись, я с удивлением обнаружил, что мы держимся за руки. Как испуганные дети. Или неандертальцы, которые убежали в пещеру от саблезубого тигра и теперь друг друга успокаивают.

— Почему в кино? — шепотом спросила Рейчел. — Почему не в заднем помещении какого-нибудь магазина?

Мысленно я представил, как полицейские осматривают наш украденный пикап. Найти его при такой массированной облаве не составит труда.

- Собаки! также шепотом ответила Рейчел самой себе. Несколько минут назад здесь было множество потных людей. Хаос человеческих запахов. Не то что в чулане магазина.
  - Умница.

Музыка в зале прекратилась. Очевидно, проектор наконец отключили. Я ожидал услышать голоса полицейских, однако в зале царила мертвая тишина. Прошло пятнадцать минут. Еще пять. Стоять и ничего не делать было нестерпимо. Страх не давал скучать, но все равно было противно. Рейчел мяла в своей ладони мою потную ладонь. Я высвободил руку, чтобы вытереть ее о брюки, а заодно и стереть пот со лба. И тут в зале раздался громкий мужской голос:

— Я в кинотеатре, начинаю работу!

Рейчел вцепилась в мою сорочку.

Полицейская радиоболтовня отзывалась эхом в пустом зале.

О'кей, — раздался голос из уоки-токи, —
 только не забудь заглянуть под стулья.

Была надежда, что полицейский поленится проверить большой зал с множеством запасных выходов. О его небрежности говорил уже тот факт, что он не заставил механика зажечь свет в зале и ходил с фонариком. Однако я услышал короткий прерывистый сап, от которого у меня едва не остановилось сердце. Свет полицейскому не нужен потому, что с ним собака!.. Похоже, придется или сдаться, или вступить в перестрелку с городской полицией.

Она, кажется, что-то унюхала! — сказал полицейский в микрофон. — Точно, взяла след. Вперед, девочка, вперед!

Я затаил дыхание. Если овчарка кинется на меня, я и выстрелить не успею.

— Черт, это просто недоеденная сосиска... Погоди, не сосиска, она тянет меня дальше...

Голос приближался. Рука Рейчел у меня на боку дрожала.

Как она отреагирует, если я выстрелю в парня с собакой? Это ведь не профессиональный убийца, подосланный Гели Бауэр. Просто полицейский, который честно выполняет свой долг.

- Пошла кругами, донеслось из зала. Здесь такой дух стоит чем только не воняет! Я и сам дурею. Ладно, вернусь, когда запахи хоть немного выветрятся.
- О'кей, твоя девочка везде нужна работы непочатый край. Если по-умному, то нужен десяток ищеек.

В зале опять воцарилась полная тишина.

- Что будем делать? прошептала Рейчел.
- Ждать.
- И как долго?
- Не могут же они держать вокзал и торговый центр закрытыми бесконечно! Это скандал и жуткие расходы.
  - Думаешь, собака вернется?
  - Не знаю.
  - По-моему, я от страха описалась.

- Не переживай. От этого никто не застрахован.
- А разве собака не учует?

Тут Рейчел была права.

- Забудь. Поменьше шевелись и помалкивай.

Через час и сорок пять минут из громкоговорителя раздался мужской голос:

- Профессор Теннант, с вами говорит Уилтон Ховард из Вашингтонского департамента полиции. Доводим до вашего сведения, что все происходящее трагическое недоразумение. Мы знаем, что в Северной Каролине вы стреляли, защищая собственную жизнь. Поэтому предлагаем вам безбоязненно сдаться. Мы разрешим вам связаться по телефону с кем угодно. Пожалуйста, выйдите вместе с профессором Вайс на открытое пространство, положите на пол оружие и сдайтесь, ничего не опасаясь, любому полицейскому, который к вам подойдет. С вами не будут обращаться как с преступником.
- Что ты думаешь? спросила Рейчел. Можно им верить?
  - За этими формулировками я чувствую Гели Бауэр.
- Но может, это правда? Ведь это не только для нас, это слышат все полицейские в здании!
- Если полицейским сказали, что я террорист, то они решат, что любая ложь оправдана, лишь бы поймать такого гада. К тому же они уверены, что я вооружен, а это не прибавляет симпатии со стороны полиции.
  - Но ты же не...

Я предпочел бы солгать, однако Рейчел имела право знать правду.

- У меня с собой револьвер. Именно его имела в виду Мэри Венэбл, когда велела мне получше прятать «свою штуку».
  - О Боже, Боже...

Полицейский начал дословно повторять свое зоращение по громкоговорящей связи.

— Дэвид...

Я сжал ей руку.

- Не психуй. Все образуется.

Прошел еще час. Время от времени репродуктор включался снова, и меня соблазняли сдаться то так, то этак. Я посоветовал Рейчел лечь на пол у стены. И сам лег рядом.

Собака не вернулась, но полицейские приходили опять. Судя по звукам, они прочесали весь зал, ряд за рядом. И опять не включив свет, а только с фонариками. Нам с Рейчел пришлось пережить несколько мучительных минут полного отчаяния. Нас и без собаки можно было найти, если искать по-настоящему тщательно. В какой-то момент тяжелые шаги зазвучали совсем рядом. Я увидел под занавесом черные ботинки. Полицейский остановился и отодвинул край тяжелой ткани. К счастью, только чуть-чуть. Привыкшие работать с преступниками, полицейские не предполагали, что кто-то будет прятаться так глупо. Мы с Рейчел лежали на полу и не дышали. Полицейский отпустил ткань, для верности пару раз похлопал по занавеске и пошел дальше. «Если они так и настоящих террористов ловят, то я нашему народу не завидую!» - подумалось мне.

Ленивые поиски продолжались еще пару минут, потом в зале опять наступила тишина. Я понимал, что Рейчел близка к истерике, но не решился успокаивать ее даже шепотом. Я и сам был на грани обморока. Если они придут в третий раз, я могу без всякого повода выскочить из-за занавески и начать палить почем зря...

Прошло еще двадцать убийственно длинных минут. Гробовая тишина. И репродукторы молчат. Потом мы вдруг услышали щелчок и ровный механический шорох. Я догадался, что механик перематывает фильм.

- Это проектор? спросила Рейчел, которая тоже угадала природу звука.
- Да. Киномеханик готовится к новому сеансу. Стало быть, вокзал открывают! Нам надо уходить.
  - Не лучше ли дождаться вечера?

— Нет. Именно перед закрытием и после закрытия контроль будет максимальным. А прямо сейчас мы можем рассчитывать на хаос, когда вокзал и торговый центр опять откроют для пассажиров и покупателей. Практически это наш единственный шанс улизнуть отсюда. Ночью они снова проверят каждый угол.

Мы встали с пола и на цыпочках подошли к главному выходу из кинотеатра. Я чуть приоткрыл дверь. По лестнице поднимались две женщины. Кафе пусто. Женщины на лестнице одеты обычно, но могли оказаться, конечно, и полицейскими в штатском. Однако тут репродуктор объявил об изменениях в расписании движения поездов. Значит, на платформах уже пассажиры. Чего ради делать такие объявления в пустом вокзале? Я потянул Рейчел за собой: вперед!

Чем дальше мы шли, тем больше людей видели. Эскалаторы и лестницы стремительно заполнялись покупателями, на кухнях гремела посуда, продавцы занимали свои места и отмыкали кассы.

 Когда будем на первом этаже, иди за мной на расстоянии двадцати — тридцати шагов, — велел я Рейчел. — Если меня опознают и скрутят, смещайся с толпой.

Эскалатор закончился около входа в большой книжный магазин. Я поцеловал Рейчел в щеку и пошел через зал в сторону главного выхода, высматривая в толпе людей в форме.

Закрыв вокзал на три часа, полиция самой себе устроила огромные трудности. Сразу тысячи раздраженных ожиданием людей заполнили здание, и в плотных толпах нам с Рейчел было довольно легко затеряться. Большинство людей двигалось в сторону поездов. Перед выходом на платформы, подумал я, контроль самый строгий — там узкие проходы. Поэтому я решил воспользоваться главным входом в вокзал. Если выпускают по одному, я поверну обратно и стану искать ка-

кой-нибудь неохраняемый или плохо охраняемый запасный выход. А если на главном входе

просто стоят полицейские наблюдатели, стоит рискнуть в надежде на анонимность большой толпы.

Между мной и выходом было круглое двухэтажное кафе — остров в центре зала. Столики на втором этаже стояли у перил, и посетители могли оттуда наблюдать суету внизу. Я отметил про себя, что это лучшая позиция для того, кто хочет найти меня в толпе. Я опустил голову, чтобы сверху меня не узнали, и прибавил шагу. Но когда я уже почти обогнул кафе, сверху вдруг раздался громкий женский голос:

— Профессор Теннант!

Я невольно резко поднял голову.

У перил на втором этаже стояла Гели Бауэр и смотрела на меня холодными синими глазами. Эти глаза и этот шрам... Я испытал суеверный парализующий ужас. Появление Гели Бауэр означало смертный приговор. До этого было только баловство, игра в прятки... теперь пришла Смерть. В те три часа, что мы с Рейчел отсиживались в кинотеатре, Гели успела прилететь из Северной Каролины. Полиция открыла вокзал и торговый центр, но Гели предугадала мои действия и выбрала наилучшую позицию для обозрения зала. С галереи было долго спускаться. Со второго этажа кафе она сбежит за несколько секунд.

Я оглянулся на Рейчел — проверить, все ли с ней в порядке.

Идиотская ошибка. Гели проследила за моим взглядом и тут же поднесла переносную рацию к губам, отдавая соответствующий приказ.

Беги! — крикнул я Рейчел.

Гели, бросив рацию, выхватила пистолет и прицелилась в меня.

Рядом с ней испуганно завизжала женщина. К ее визгу присоединились другие панические голоса. Гели кинулась к лестнице. Я вытащил револьвер из-под сорочки. Вокруг меня уже образовалось огромное пустое пространство — люди разбегались в разные стороны.

307

— Не делайте глупостей! — кричала Гели, одним прыжком преодолевая последние ступеньки. — Я стрелять не буду! Приказ убить отдал Питер Годин! А он рехнулся, и я больше этому сумасшедшему не подчиняюсь!

Теперь она стояла в нескольких метрах от меня — в боевой позиции, держа пистолет двумя руками.

- Если это правда, зачем вы держите меня на мушке? Она не опустила пистолет.
- «Почему она меня до сих пор не застрелила?» мелькнуло в голове. И тут я сообразил. Рейчел была достаточно далеко. После первого же выстрела толпа побежит и Рейчел без труда скроется. А Гели хотелось поймать нас обоих.
- Бросьте револьвер, профессор! велела Гели. Положите оружие на пол и ложитесь ничком! Клянусь, я не буду стрелять!

С такого расстояния она не могла промахнуться. У меня не было выбора. Я медленно нагнулся и положил револьвер на пол. В глазах Гели вспыхнуло удовлетворение.

Толпа реагировала на весь инцидент, как муравьиная колония, из центра которой поступил сигнал тревоги. Волны паники расходились во все стороны, и сотни людей устремились вон из здания, блокируя путь всем, кто хотел прийти на помощь Гели.

- Профессор Вайс, ничего не бойтесь, идите сюда! крикнула Гели.
- Дэвид? вопросительно отозвалась невидимая Рейчел.

Я зачарованно смотрел в дыру глушителя на пистолете Гели.

Беги! — крикнул я Рейчел. — Спасайся!

Но Рейчел, очевидно, не послушалась, потому что Гели вдруг развернула пистолет и стала целиться куда-

то мимо меня. Я рванулся вперед и схватил Гели за запястья в тот момент, когда она нажала на курок. Ярость на ее лице подсказала мне, что она промахнулась и Рейчел вне опасности.

Гели ударила меня коленом в живот, но ее руки я не отпустил — вцепился в них бульдожьей хваткой. Гели профессионально упала на спину, вместе со мной перекатилась, и я оказался под ней, пытаясь отвести от себя дуло пистолета. Как я ни напрягался, она не сдавалась, и глушитель приближался к моему лицу. Гели не была сильнее меня, просто ей было известно, как правильно вести себя в этой ситуации. Я же не знал ни одного приема и мог только пассивно сопротивляться. Однако мои силы стремительно убывали. Лицо ее налилось кровью, а шрам, наоборот, побелел. И это — последнее, что я увижу перед смертью?

 Бросьте оружие! — раздался рядом женский голос. — Оба! Бросьте оружие и вставайте!

В трех метрах от нас стояла Рейчел, двумя руками держа мой «смит-вессон». Она целилась в Гели.

- Опусти револьвер, дура! прорычала Гели. Я при исполнении! Получишь такой срок, что мало не по-кажется!
- Стреляй в нее! крикнул я, возобновляя борьбу с Гели за пистолет. — Это она убила Филдинга! Стреляй!

Гели ударила локтем в мое солнечное сплетение, и глушитель мгновенно уткнулся мне в щеку. Я инстинктивно закрыл глаза. Грохнуло — и на меня что-то полилось. Я открыл глаза. Лицо Гели было прямо перед моим, закрывая от меня весь мир.

Я оттолкнул ее, обмякшую Гели.

Рейчел всю трясло, револьвер ходуном ходил в ее руках.

Пуля угодила Гели в шею, и теперь она зажимала рану пальцами, чтобы остановить кровотечение. Никогда я не видел столько ярости в человеческих глазах. Я схватил Рейчел за руку и потащил за собой в противоположную сторону от главного входа. Вслед нам неслись вопли бессильно лежащей на полу Гели. 309

Ее крики были, наверное, слышны на всех галереях огромного зала высотой в тридцать метров:

- Теннант, ты покойник! Конец тебе, сука!

Я мчался к книжному магазину в конце этажа. Упаковки с книгами большие и тяжелые. Значит, там, на складе, должно быть погрузочное окно с транспортером!

Покупатели в книжном магазине испуганно шарахались от нас во все стороны. Ни на кого не обращая внимания, мы с Рейчел пересекли просторный зал и вбежали в складское помещение. На плиточном полу громоздились коробки с книгами, а в дальней стене, как я и предполагал, был люк, за которым находился транспортер. Я нажал красную кнопку на стене, и заслонка люка пошла вверх.

Нам в глаза ударил солнечный свет. Я подсадил Рейчел на транспортер, потом сам запрыгнул на него. У фургона в конце погрузочной площадки разговаривали, стоя к нам спиной, двое мужчин. Пока мы бежали на четвереньках по транспортеру, я присмотрел белую «тойоту» в нескольких метрах от грузовика. Водительская дверца была открыта.

Спрыгнув на погрузочную площадку, я первым делом навел пистолет на мужчин, которые обернулись на шум. Затем дулом показал в сторону «тойоты».

- Мне нужна машина!

Один мужчина тут же поднял руки, второй только глазами моргал.

- Дружище, это мой автомобиль. Я...
- Ключи давай!

Владелец «тойоты» тупо таращился на меня.

- Да отдай ты ему ключи, придурок! прошипел его приятель.
  - Они в замке.

Я толкнул Рейчел в сторону пассажирской дверцы, а сам сел за руль и завел мотор. Владелец автомобиля что

то кричал мне вслед, но его слова перекрыл рев 310 двигателя. Я так резко взял с места, что пришлось тут же притормозить, чтобы не врезаться во что-нибудь. Нельзя было терять голову: выехав из двора, следовало двигаться с нормальной скоростью, чтобы не привлечь внимания.

О Боже, Боже... — причитала Рейчел, бледнее смерти.

Воющие сирены со всех сторон приближались к вокзалу.

Глава 27

Мы с Рейчел стояли у буфетной стойки в нью-йоркском международном аэропорте Кеннеди. Я подозревал, что моя спутница на грани нервного срыва, и поэтому тайком наблюдал за ней. В Нью-Джерси гардероб Рейчел пополнился новыми вещами, и теперь на ней было красивое синее платье. Однако оно только подчеркивало ее бледность и круги под глазами. Хотя в новостях сообщили, что жизнь «офицера федеральной службы», получившего пулевое ранение на вокзале Юнион-стейшн, вне опасности, Рейчел всю дорогу до Нью-Йорка была не в себе.

Без посторонней помощи мы вряд ли выбрались бы из Вашингтона благополучно. Бросив «тойоту» в пяти кварталах от Юнион-стейшн, я остановил такси, которое перевезло нас через Потомак в Александрию — большой город в штате Виргиния. В дорогом торговом центре я набрал тот же телефонный номер, по которому было организовано свидание в кафе с Мэри Венэбл. Ответившей мне женщине я сообщил, что профессор Рейчел Вайс в смертельной опасности и отчаянно нуждается в помощи. Уже через сорок пять минут женщина в синей «тойоте» подобрала нас и увезла обратно в Вашингтон. Там мы нашли приют в частном доме на юге города.

Особнячок принадлежал группе феминисток, которые обеспечивали новыми документами бег-

лянок с детьми. Нам выделили спальню в этой подпольной гостинице, а через некоторое время появилась знакомая нам Мэри Венэбл. Подробно расспросив Рейчел о происшедшем (мне она, похоже, совершенно не доверяла), наша благодетельница сказала, что на следующий день нам предоставят автомобиль, на котором мы сможем добраться до международного аэропорта Кеннеди. Машину достаточно оставить на стоянке; позже ее заберет одна из «сестер».

Включив телевизор в нашей комнате, мы обнаружили, что перестрелка на Юнион-стейшн была новостью номер один на всех программах. Временное закрытие вашингтонского вокзала вызвало не меньший переполох, чем сама стрельба. Вначале высказывали догадки, что причина эвакуации пассажиров — поиски бомбы. Затем кто-то из вашингтонской полиции «проболтался», что инцидент связан с поисками типа, который задумал покушение на президента США. Мое имя названо не было, но ведущие новостей снова и снова повторяли, что женщина, которую прежде считали моей заложницей, возможно, на самом деле моя сообщница.

Однако моей анонимности быстро пришел конец. Уже утром в «Вашингтон пост» появилась моя фотография с фамилией. В статье представитель Секретной службы характеризовал меня как врача-идеалиста, который душевно сломался после многих лет скорби по трагически погибшей семье. Во власти параноидального бреда несчастный обещал убить президента, и его теперешнее появление в Вашингтоне с оружием в руках лишний раз подтвердило, насколько он опасен. Кто сообщница профессора Теннанта, пока что неизвестно; несколько свидетелей видели, как она стреляла в «офицера федеральной службы». Особенно меня ужаснули заключающие статью слова Ивэна Маккаскелла, руководителя президентской администрации.

По телефону из Китая он сказал корреспонденту следующее:

— Профессор Теннант действительно один раз встречался с президентом в Овальном кабинете. Президент высоко ценит его книгу по медицинской этике. Он крайне огорчен психопатическим припадком профессора Теннанта и надеется, что тот вовремя получит медицинскую помощь — до того как произойдет что-либо трагически непоправимое.

Я опасался, что Мэри Венэбл, прочитав статью, выдаст меня полиции, но час спустя она появилась с новыми паспортами и водительскими правами, а также ключами к автомобилю, который «сестры» нам любезно одалживали. Статью она видела, но ее преданность Рейчел была сильнее веры в байки средств массовой информации. Поэтому мы с Рейчел вскоре уже катили по девяносто пятой федеральной автостраде в сторону Нью-Йорка.

То, что мое имя и фотография появились в общенациональной прессе, только укрепило мое решение на время исчезнуть из страны. Ищейки АНБ полагают, что я планирую завтра встретиться с президентом в Вашингтоне. Никто не ожидает, что я вдруг возьму и уеду из Штатов. Конечно, пройти через пограничный контроль в международном аэропорту Кеннеди — дело рискованное, но если получится, вне Соединенных Штатов мы будем в куда большей безопасности!

Первый отрезок дороги Рейчел утрюмо молчала, почти не реагируя на мои слова. Однако к моменту, когда мы въехали в штат Нью-Джерси, она немного повеселела. По крайней мере ее хватило на то, чтобы взять список с моими размерами и купить в торговом центре нужную для нашей поездки одежду. Еще раз мы остановились, чтобы заправиться, но я и на этот раз не выходил из автомобиля. Перед самым Нью-Йорком Рейчел позвонила из автомата Адаму Штерну и пересказала ему историю, которую я сочинил в оправдание того, что мы не сами резервировали себе авиабилеты и комнату в отеле.

В связи с наплывом пасхальных туристов Адам Штерн сумел добыть нам билеты только на ночной рейс в Тель-Авив, из-за чего я сильно нервничал: в это время в аэропорту меньше пассажиров. Я натянул на голову бейсболку и уповал на то, что белый мужчина среднего роста и среднего возраста особого внимания не привлечет. Билеты мы выкупили без приключений, причем у стойки израильской авиакомпании разговор вел в основном я. Больше всего я опасался неформального собеседования с сотрудниками израильской службы безопасности. По словам Штерна, до посадки в самолет «Эль-Аль» к вам непременно подходят двое в штатском и завязывают как бы случайную беседу - прощупать, что вы за люди и с какой целью летите в Израиль. Значит, Рейчел, несмотря на ее душевное состояние, придется участвовать в разговоре и вести себя свободно и непринужденно.

- Цыпленок с брокколи выглядит аппетитно, сказал я, показывая на блюда за стеклом. Возьмем?
  - Ладно, отозвалась Рейчел убитым голосом.

Я тронул ее за плечо.

- Ты в порядке?

Она только губы поджала.

Когда я оплачивал две порции цыплят с брокколи, за моей спиной раздался мужской голос:

- Добрый вечер. Мы с вами стояли в одной очереди к стойке «Эль-Аль». Летите посмотреть, как в Израиле празднуют христианскую Страстную неделю, да?
  - Нет, мы не туристы, ответила Рейчел.

Я оглянулся. За нами стояли двое смуглых мужчин среднего роста. Улыбчивые и быстроглазые, похожие как братья.

- А-а, наверное, родных повидать? поинтересовался второй мужчина, с массивной золотой цепью на шее.
  - Нет. Рейчел потупила глаза. По личному делу. Проблема со здоровьем.

О, извините за неуместное любопытство.

«Эти явно ищут не потенциального убийцу президента, а террористов», — успокоил я себя.

Повисло неловкое молчание, но Рейчел внезапно подняла голову и сказала:

- Ах, не стесняйтесь. Это мой гинеколог направил меня в Израиль. Он обнаружил у меня рак яичника. Но у моего врача есть приятель в иерусалимском медицинском центре «Хадасса», где испытывают новейшие способы борьбы с опухолями. Мой гинеколог, старый друг семьи, все хлопоты взял, слава Богу, на себя. Авиабилеты, гостиница, ну и так далее. Тут Рейчел осеклась и положила руку себе на сердце. Простите, что я разболталась. И на такую тему... Но израильский метод лечения первый луч надежды для меня.
- Это замечательно, горячо кивнул мужчина с золотой цепью на шее. Я уверен, у вас все будет хорошо. Доктора в медицинском центре «Хадасса» лучшие в мире!
- Да, встрял я, чтобы не стоять молчаливым столбом, разработанный ими метод лечения кажется мне многообещающим. Я слышал доклад их ведущего специалиста в онкологическом центре Слоуна и Кеттеринга.
- Похоже, вы и сами врач, сказал второй мужчина, без цепи на шее и пониже ростом. Теперь я уже нисколько не сомневался в том, что «близнецы» сотрудники безопасности «Эль-Аль». И с тревогой подумал о шестнадцати тысячах долларов в денежном поясе.
- Возьмите ваш заказ, мистер, сказал буфетчиккитаец.
- Спасибо. Я опять повернулся к мужчинам. Да, я терапевт.
- Разбираетесь в артритах? спросил тот, что пониже ростом. Доктора говорят, у меня псориатический артрит. Слышали про такую гадость?

«Ответить? — лихорадочно соображал я. — Или естественнее проявить высокомерие?»

- Говоря коротко, есть пять типов артрита, сказал я наконец. — Одни просто неприятны, другие делают человека калекой.
  - А какой противней всего?
  - Артритис мутиланс.

Мужчина радостно улыбнулся.

- Значит, слава Богу, все не так плохо. У меня только с фалангами пальцев непорядок.
- А-а, периферический межфаланговый. Дайте-ка руку... Ну, ничего страшного. Бывает куда хуже.

Мужчина смущенно высвободил руку.

- Спасибо, что успокоили. Ну ладно, приятного аппетита.
- Удачи вам в «Хадасса», сказал второй, с цепью на шее. Вы выбрали правильное место для лечения.

Я поставил тарелки на поднос и пошел к свободному столу. Рейчел как сомнамбула следовала за мной. Я оглянулся на буфетную стойку: «близнецы» ушли, так ничего и не заказав.

- Ты отлично сыграла, прошептал я. Тянет на «Оскара».
- Инстинкт выживания, отозвалась Рейчел, садясь за стол. Есть у каждого. Ты мне это сказал, когда мы метались по Северной Каролине. Тогда я тебе не поверила.

Я взял вилку.

- Не имеет смысла себя корить. Ложь во спасение.
- У меня чувство, что они успели побеседовать с Адамом.
- Наверняка. И он, будем надеяться, рассказал им ту же историю. Если попадем в самолет без приключений, буду должен твоему другу ящик шампанского.

Рейчел устало закрыла глаза.

- Думаешь, получится?
- Надеюсь. Надо только не дергаться и в ближайшие полчаса не навредить себе.

B «Боинге-747», даром что ночной рейс, пас-316 сажиров было много. Однако нам повезло — от ближайшего соседа нас отделяли два свободных места и проход. Я старался ни с кем не встречаться глазами. Мы с Рейчел тут же накрылись одеялами.

Самолет не взлетал минут сорок, которые показались нам двумя часами. Пассажиры вокруг оживленно болтали, предвкушая посещение Святой земли. А мы с Рейчел делали вид, что спим. Наконец лайнер вырулил на взлетно-посадочную полосу и взмыл в ночное небо.

 Ну, пронесло! — прошептала Рейчел, когда колеса самолета оторвались от бетона.

Радоваться было рано: через одиннадцать часов нам предстоял пограничный контроль в Тель-Авиве. Но лиха беда начало, и я старался сосредоточиться на нашей маленькой победе.

- Камень с души, да?

Рейчел открыла глаза.

- Хочу кое-что спросить у тебя, Дэвид. Впервые после того, как мы с ней занимались любовью, она говорила с привычной интонацией терапевта. Мы летим в Иерусалим, и я должна наконец понять глубинные причины твоего решения. Воспринимай это как очередной сеанс психоанализа.
- Нет. Давай на равных. Хочешь, чтоб я отвечал на твои вопросы, тогда и сама отвечай, когда я спрашиваю. Не уклоняясь и честно. Отныне у нас такие отношения.

Поколебавшись, Рейчел кивнула:

- Ладно, справедливо. Итак, если верить твоим словам, ты атеист. Твоя мать сторонилась церкви, хотя верила, что есть нечто над человеком. А что твой отец? Атеист?
- Нет. Только у него была своя концепция Бога. Ему казался нелепым традиционный образ Бога, все внимание которого сосредоточено на человеке. Физики народ скептический.
- Но он все-таки верил, что есть некое высшее сушество?

Мой отец не принадлежал к людям, которые любят философствовать на отвлеченные темы, однако пару раз, на ночевках в лесу, он излагал брату и мне свое религиозное кредо.

- Теория отца была бесхитростная, но глубокая. Человека он воспринимал не как что-то особенное, отдельное от Вселенной, а как ее часть. Любил повторять: «Человек есть орган, посредством которого Вселенная осознает саму себя».
  - По-моему, я где-то уже слышала эту фразу.
- Не исключено. Возможно, нынешние гуру нетрадиционалов говорят именно так. Но я слышал эту мысль от отца лет двадцать пять назад.
  - Что он имел в виду?
- Отец много раз напоминал нам, что каждый атом в нашем теле был однажды частью далекой взорвавшейся звезды. Развитие идет от простого к сложному, поэтому человеческий разум есть высшая из известных ступеней эволюции. Отец говорил: ничтожный мозг лягушки в миллион раз сложнее звезды. Для него человеческий разум был первым нейроном будущей самоосознающей Вселенной. Искра во мраке, от которой возгорится пламя всевселенского разума.

Рейчел задумчиво морщила лоб.

- Идея красивая. Назвать ее религиозной сложно, но в ней много оптимизма.
- Из нее можно и практические выводы делать. Если через нас Вселенной предстоит осознать себя, то выжить моральный долг человечества. Великий подарок осознания мы обязаны сохранить. Следовательно, мы должны прекратить войны. Понимание нашей ответственности перед Вселенной отличная база для создания полного комплекта выполнимых законов, целой новой этики...

Поразмыслив над сказанным, Рейчел спросила:

- А ты согласен с таким взглядом на Вселенную и на роль человека?
- Еще несколько недель назад я думал именно так.
   Однако мои последние видения хотя бы отчасти опровергают эту концепцию.

Рейчел положила руку мне на колено.

— Не забывай, мы можем только гадать, что значат твои последние видения. И между прочим, теория твоего отца не исключает существования Создателя... Ты, кстати, по-прежнему опасаешься, что можешь умереть, если не попадешь в Иерусалим до сна о распятии на кресте?

В последнее время мне некогда было прислушиваться к себе и размышлять о возвышенном: я был полностью поглошен беготней от властей земных.

- Некоторую настоятельную потребность быть в Иерусалиме я чувствую, хотя она стала слабее. Возможно, сам факт, что мы туда летим, снимает напряжение.
- Если ты боишься сна о распятии, то просто скажи себе: от снов не умирают!

Ну, это еще неизвестно.

- Давай лучше поговорим о тебе. Ты называешь себя верующей. А во что, собственно, ты веришь?
  - Не вижу в твоем вопросе связи с происходящим.
- У каждого из нас есть своей резон лететь в этом самолете. И вопрос, во что ты веришь, мне не кажется досужим.

Рейчел вдруг печально нахмурилась.

- Я пришла к Богу очень поздно. Ребенком меня никогда не водили в синагогу или в церковь.
  - Почему?
- Мой отец навсегда отвернулся от Бога, когда ему было семь.
  - Почему в таком нежном возрасте?
- Семь лет ему исполнилось в немецком концентрационном лагере.

Что-то внутри меня похолодело.

Взгляд Рейчел стал рассеянным. Она вся ушла в воспоминания.

— Мой отец видел, как убивали его отца. Даже по стандартам фашистского лагеря это исключительный случай. Войска союзников приближались, и эсэсовцы ликвидировали заключенных. Один охранник изобрел «игру»: миловал того заключенного, который своими руками убьет другого несчастного. Конечно, мой дедушка отказался выжить таким способом. Он был хирургом в Берлине. Встречался с Фрейдом, переписывался с Юнгом...

Эта семейная история заставила меня совсем другими глазами посмотреть на профессиональную карьеру Рейчел.

 Охранник забил моего дедушку до смерти на глазах семилетнего мальчика, моего будущего отца. И мальчик раз и навсегда решил для себя, что Бог, который позволяет такое, достоин не молитвы, а проклятия.

Мне хотелось сказать что-нибудь успокаивающее. Но что можно сказать, когда слышишь такое?

— Моему будущему отцу повезло — он получил разрешение эмигрировать в Америку. Его приютили дальние родственники в Бруклине. — Рейчел печально улыбнулась. — Дядя Милтон, простой слесарь и верующий человек, яростно возмущался тем, что мальчик отпал от Бога и наотрез отказывается ходить в синагогу. Однако дядя Милтон понимал, через что мальчик прошел, и оставил его в покое. Когда отец достиг совершеннолетия, он сменил фамилию Вайс на Уайт, переехал в Куинс и прекратил видеться с приемными родителями, только деньги им посылал. Затем он женился на равнодушной к религии нееврейке — и я получила подчеркнуто атеистическое воспитание.

Я слушал и ушам своим не верил. Вот как бывает: сто раз видишь человека на американской улице или в офисе и понятия не имеешь, какая за этим лицом трагическая эпопея.

— Отлученная от религии, я чувствовала себя чужой среди друзей — все они ходили в церковь или в синагогу. Религия притягивала меня как запретный плод, будила любопытство. Когда мне исполнилось семнадцать,

я разыскала дядю Милтона. Он рассказал мне то, о чем умалчивали родители. Многие маленькие тайны личности Рейчел вдруг обрели для меня смысл. Мне стали понятны и ее строгие наряды, и ее профессиональная холодноватость в общении, и ее яростное неприятие насилия...

- В том, что я стала настоящей еврейкой, продолжала Рейчел, больше личных эмоций и политического вызова, чем веры и желания угодить Богу.
  - Ну, это не так уж плохо.
- Плохо, плохо! Если ты спросишь, как я понимаю Бога, мой ответ не будет иметь ни малейшего отношения к Торе или к Талмуду. Я своего Бога вывела из того, что видела в собственной жизни.
  - Любопытно! И как же ты понимаешь Бога?
- Я считаю, что акт Творения заключается в создании чего-то, доселе не существовавшего. Но раз Бог есть Совершенство, то он может сотворить доселе несуществовавшее только одним способом: создав Несовершенное. Чтобы создать нечто, на Него непохожее, он вынужден создавать Несовершенное! Понимаешь? Все совершенное есть Бог. А мы остальное.
  - Понимаю.
- Я верю в то, что людям, дабы они отличались от Бога, дана возможность выбирать. Свобода воли. И свобода воли имеет смысл лишь в том случае, если за неверным выбором следует весьма реальная боль. Именно поэтому столько зла в мире. Я не знаю, в рамки какой религии можно втиснуть мои взгляды, и мне плевать: это моя вера, другой мне не надо.
- Ты удачно объясняешь мир в том виде, в котором он сейчас существует. Но проходишь мимо главной тайны: почему у Бога, Всемогущего и Совершенного, вообще возникла потребность что-либо создать? Особенно если он мог создать только Несовершенное!
  - Думаю, этого мы никогда не узнаем.
- А надо бы. Наше солнце, если верить ученым, намерено гореть еще как минимум пять миллиардов лет. Даже если Вселенная перестанет разле-321

таться и действительно кончит Большим сжатием — противоположностью Большого взрыва, то это произойдет не раньше чем через двадцать миллиардов лет. Если человечество само себя не уничтожит, у него впереди уйма времени, чтобы ответить на этот вопрос. А возможно, и на все остальные вопросы.

Рейчел улыбнулась.

Вглядываясь в ее темные глаза, я постепенно понимал, как ничтожно мало я о ней знаю.

- Ты хоть и прикидываешься заурядной, сказал я с ласковой улыбкой, но обычной тебя не назовешь. Эх, вот бы тебе поговорить с Филдингом!
  - A что он думал о Боге?
- У Филдинга было особое отношение к проблеме Зла. Христианин по воспитанию, он не уставал повторять, что иудаизм и христианство никогда всерьез не рассматривали проблему Зла.
  - То есть?
- Он говорил, что по законам логики из трех догм: «Бог всемогущ», «Бог есть Добро», «Зло существует» могут быть разом истинными только какие-то две.

Рейчел глубокомысленно кивнула.

- Филдинг полагал, что только восточные религии были по-настоящему монотеистическими, ибо лишь они признают, что и Зло имеет началом Бога. Они не пытаются списать существование Зла на происки некоей второстепенной фигуры мироздания типа Сатаны.
- А ты сам что думаешь? спросила Рейчел. Откуда Зло в мире?
  - От человеческого сердца.
- Дэвид, сердце всего лишь насос для перекачки крови!
- Ты знаешь, что я имею в виду. Все эло идет из души, из темного колодца, где примитивные инстинк-
- ты смешиваются с высоким разумом. Видя злоза деяния, на которые способен человек, трудно за

всем этим видеть божественный план. Вспомни ту же историю твоего дедушки!

Рейчел схватила меня за руку и с почти горячечной убежденностью произнесла:

- В день, когда мой дедушка погиб, он вполне мог прикончить своего будущего убийцу. Они находились в каменном карьере - один охранник и трое заключенных, которым было нечего терять. Но мой дедушка не сделал этого.
- Почему? спросил я, пораженный тем, сколько страсти она вкладывала в свои слова.
  - По-моему, он знал то, что мы забыли.
  - Что именно?
- Поднявший оружие на врага своего, становится ему подобен. Иисус знал это. И Ганди.
- Даже если рядом сын, нуждающийся в защите? И в этой ситуации подставить другую щеку и пожертвовать собой?
- Убивать нельзя ни в каком случае, категорическим тоном произнесла Рейчел. — Если бы мой дедушка убил охранника, его бы, наверное, казнили в тот же день — вместе с сыном. Будущее скрыто от нас. Именно поэтому то, что я вчера совершила, потрясло меня до... до умопомрачения! Я подняла твой револьвер и выстрелила в человека. А результат?
  - Ты спасла мне жизнь. Да и себе заодно.
- Надолго ли? Возможно, своим выстрелом я нарушила божественный план, по которому мы были бы в конечном счете спасены. И теперь мы обречены...
- Главное, мы живы, Рейчел, сказал я, крепко сжимая ее руку. — И прежде чем умереть, мне предстоит сделать кое-что очень важное. В этом я убежден.
  - Я верю, ты свое предназначение выполнишь.

Рядом с нами остановился бортпроводник. Я не хотел поднимать лицо, поэтому легонько толкнул Рейчел в бок. 323

— Да? — спросила Рейчел сонным голосом.

— Будете ужинать?

Рейчел оглянулась на меня. Я кивнул.

Да, будем. Спасибо.

Бортпроводник покосился на меня и ушел.

Рейчел тяжело дышала от волнения.

- Что ты думаешь по поводу этого типа?
- Не знаю. Возможно, он действительно проверял, не предпочтем ли мы сон ужину.

Она покачала головой:

- Какой тут сон!
- Спи, спи. Все в порядке, не дергайся.
- A что будет в тель-авивском аэропорту?
- Не дрейфь, прорвемся!
- Это ты только для моего успокоения говоришь.

Я ласково погладил ее по щеке и с неожиданно искренним убеждением сказал:

- Нет, я уверен, что все будет в порядке, потому что в Иерусалиме меня кое-что ждет.
  - Что?
  - Ответ.

Глава 28

Национальный парк Белые Пески, штат Нью-Мексико

Рави Нара прибавил газ, и его «хонда»-вездеход помчалась к строению, которое в этой унылой пустыне сходило за больницу. Воздух Нью-Мексико до такой степени иссушал Рави изнутри, а палящее солнце — снаружи, что невролог старался без необходимости не выходить из закрытого помещения. Инженер в белом халате, лениво переходящий дорогу перед машиной, приветливо помахал Рави Нара рукой. Тот притормозил, сквозь зубы ругнулся и опять нажал на педаль газа.

Чтобы позвонить Джону Скоу, даже по по-324 лученному от него сотовому аппарату с кодированием сигнала, Рави Нара пришлось собрать в кулак все свое мужество. Но поскольку Годин был одной ногой в могиле, Рави приходилось рисковать своей головой — чтобы в итоге ее спасти. Скоу четко объяснил ему: если Годин преставится раньше, чем «Тринити» заработает как следует, конец их карьере, а может, и жизни. Годинский главный инженер Зак Левин обещал, что опытный образец «Тринити» заработает в полную силу через семь — десять дней. Но эта оценка подразумевала постоянное активное руководство Година. А Рави знал, что старик, несмотря на все медицинские ухищрения, протянет в лучшем случае сутки.

Рави поддерживал жизнь Година истово и изобретательно — редкий врач до такой степени лезет из кожи вон, чтобы не дать пациенту умереть. В свои тридцать шесть Рави Нара был весьма и весьма уважаемым ученым. На родине, в Индии, его вообще почитали как национального героя, даром что он уже давно был американским гражданином. Но если проект «Тринити» закончится ничем, да еще разразится скандал в связи с убийством лауреата Нобелевской премии Филдинга, никакие прежние заслуги не спасут репутацию Рави Нара.

Поэтому он так панически боялся, что его предосудительные переговоры со Скоу подслушают. Даже в Северной Каролине плотная слежка службы безопасности действовала на нервы, но Белые Пески — это сплошные военные объекты, самый ад сверхсекретности. Впрочем, до сих пор Рави не столкнулся ни с какими дополнительными строгостями. Возможно, сама отдаленность и изолированность этого места убаюкивали бдительность сотрудников службы безопасности и делали их в меньшей степени параноиками.

Национальный парк Белые Пески больше, чем штаты Делавэр и Род-Айленд, вместе взятые. Под проект «Тринити» отвели участок огромной территории, принадлежащей Школе военной разведки США, штаб-квартира которой находится в аризонском форте Уачука. 325

Научный городок «Тринити» был, можно сказать, всего лишь пятнышком на белом слоне. Впервые приглашая Рави в Белые Пески, Годин описал тамошние условия жизни как «спартанские». Старожил Нью-Йорка, Рави даже Северную Каролину считал нудной глухоманью. Но Белые Пески были воистину краем света — угрюмо-пустынный лунный ландшафт: нескончаемый белый песок, скалы да гремучие змеи. Мигом забываешь, какое нынче столетие. Того и гляди из-за холма вдруг появятся всадники-индейцы в боевой раскраске!

Планировка городка «Тринити» сложностью не отличалась. Помимо четырех главных зданий — лаборатории, больницы, административного корпуса и Вместилища, — имелись казармы для работников, механическая мастерская, впечатляющих размеров электростанция и взлетно-посадочная полоса, рассчитанная на военные реактивные самолеты. Основные строения на самом деле были просто сборными ангарами, установленными в пустыне армейскими инженерами за пять недель авральной работы. Нестандартным было только Вместилище — основательное здание с защитной оболочкой внутри. Именно там находился опытный образец «Тринити».

Вместилище располагалось в самом центре городка. Странная огромная коробка напоминала дот времен Второй мировой войны. Бетонные стены метровой толщины, армированные сталью, внутренний, скрытый от глаз свинцовый экран, автономная система кондиционирования воздуха. С внешним миром здание было соединено только четырьмя электрическими кабелями невероятной толщины и двумя канализационными трубами. Никакой связи — ни традиционной, ни коаксиальной, ни сетевой. В отличие от всех других строений — ни одной антенны или спутниковой тарелки. Вместилище могло сойти за огромный бетонный ящик для цифрового Гарри Гудини, который обещал просочиться оттуда по телефонно-

му проводу. Все было сделано, чтобы этот фокус 326 не прошел: если опытный образец «Тринити» когда-нибудь заработает в полную силу, никто — даже Питер Годин — не желал, чтобы машина получила доступ к Интернету.

Сегодня Рави Нара в больнице еще не был. В течение многих недель Годин сползал в смерть медленно, так сказать, по дюйму в день. А два дня назад началось стремительное соскальзывание в вечность. Рави был убежден, что решающий удар по здоровью Година нанесла смерть Филдинга: решение убить его травмировало старика больше, чем он сам ожидал. Впрочем, в результате они получили кристалл с бесценной информацией, и любые сомнения относительно целесообразности убийства окончательно отпали.

После того как кристалл попал в их руки, они буквально за несколько часов наверстали то, что было потеряно из-за систематического саботажа Филдинга. А когда разобрались с его личными тайными научными наработками, радости не было предела: записи Филдинга подсказали решение такого количества проблем, что создание полноценно работающего опытного образца вдруг оказалось делом считанных дней!

Эйфорию от нежданного успеха основательно подпортила дурацкая история с Теннантом и его психиаторшей. В такой напряженный момент обессиленному Годину не хватало только этих хлопот! Однако, строго говоря, все же не стресс убивал Година, а рак. Перед злокачественной опухолью такого типа современная медицина бессильна.

Рави припарковал вездеход у больницы и зашел внутрь. Ангар был разбит на «комнаты» высокими перегородками. Потолка не было нигде, даже в туалетах, поэтому мерзкие запахи с убийственной регулярностью распространялись по всему зданию. Впрочем, Питер Годин всего этого не знал. Он находился в герметичной палате с системой фильтрования воздуха и воды и с избыточным давлением, чтобы ни один микроб не проник. Пластмассовый куб, прозванный 327

Шкатулкой, стоял в центре ангара, словно некий странный инкубатор.

Чтобы Рави и медсестры не тратили время на надевание громоздких защитных костюмов, перед дверью Шкатулки установили ультрафиолетовый обеззараживатель. Для поддержания стерильности Рави было достаточно вымыть руки специальным раствором, надеть одноразовую маску и постоять некоторое время в невидимых лучах, которые уничтожают опасные микроорганизмы на коже и одежде. Процесс занимал всего лишь две минуты, но в последнее время и эта короткая затяжка стала действовать Рави на нервы. Впрочем, он знал, что тотальная война с заразой — не каприз Година: стероиды и химиотерапия совершенно разрушили иммунную систему старика. Заключив себя в стерильную Шкатулку, Годин пытался сделать то, о чем мечтали все люди с начала времен: обмануть смерть.

Ультрафиолетовый дезинфектор прекратил жужжать, и сигнальный огонек погас. Рави наступил на кнопку, мотор открыл дверь из органического стекла, и невролог наконец вошел в Шкатулку. Годин, в окружении мониторов и реанимационного оборудования, лежал на кровати неподвижно, с закрытыми глазами. То ли спит, то ли в глубоком обмороке. Поверженный лев.

Две медсестры сидели у него в ногах, следя за капельницей и мониторами, чтобы не упустить даже малейшее изменение в состоянии пациента. Рави кивнул им, затем машинально взял из ящичка на спинке кровати историю болезни и рассеянно пролистал ее. «Глиома ствола мозга, диффузная и неоперабельная». Этот диагноз он поставил шесть месяцев назад при просмотре Супер-МРТ годинского мозга. Было жутковато наблюдать, как опухоль пожирает один из гениальнейших умов планеты. Когда Годин попросил Рави скрыть от всех его болезнь, Рави согласился без долгих колебаний. Проект

был до такой степени завязан на Године, что известие о его смертельной болезни могло привес-

ти к сворачиванию дорогостоящих работ. И Рави — возможно, навсегда — потерял бы уникальный шанс участвовать в самом великом начинании за всю историю науки. Конечно, Рави назначил цену за свое молчание, и это только справедливо. В сравнении с миллиардером Питером Годином Рави почти нищий. Однако теперь ситуация поворачивалась так, что полученные наличные и ценные бумаги казались ничтожной платой за возможные неприятности.

— Рави? — вдруг хриплым шепотом выдавил старик. — Это ты?

Рави поднял голову. Годин пристально смотрел на него выцветшими синими глазами.

- Почему я чувствую такую усталость?
- Возможно, это результат ваших припадков, сказал Рави. Годин по-прежнему страдал от эпилепсии, которой его наградило суперсканирование мозга.

Рави обощел кровать и наклонился к лицу умирающего. Более энергичного человека, чем Питер Годин, Рави в своей жизни никогда не встречал. И вот рак превратил его в бессильную развалину — конец, более подходящий какому-нибудь уличному зубылдыге. А впрочем, чепуха это. Уличный забулдыга столько бы не продержался. И характера бы не хватило, и денег. Более того, не всякий миллионер мог бы позволить себе то лечение, которое получал Питер Годин. Рави Нара имел разрешение испытывать на Године новейшие лекарства и методики, за свободные эксперименты с которыми другой врач мог бы поплатиться головой. Даже в шаге от смерти, без волос и бровей, Годин сохранил свой узнаваемый ястребиный профиль, знаменитый вот уже пятьдесят лет — с тех пор как молодой напористый проектировщик компьютеров добился первого значительного успеха.

— Ваша опухоль очень разрослась, Питер, — сказал Рави. — Я делаю все возможное. Однако возможного становится все меньше и меньше. Мы сра-

жаемся за то, чтобы вы и ясное сознание сохраняли, и не слишком страдали от боли. Подобного баланса добиться крайне трудно.

- Черт с ней, с болью! воскликнул Годин, сжимая подагрические пальцы в кулак. Я любую боль перетерплю!
- Вчера вечером вы другое говорили. Кричали, чтобы я потушил огонь на вашем лице.

Годин содрогнулся от воспоминания.

Ладно, теперь я в полном сознании. Пришлите мне Левина.

Зак Левин был начальником опытно-конструкторского отдела в фирме «Годин суперкомпьютинг» в Маунтин-Вью. Затем Годин направил его в Северную Каролину — возглавить команду, которая отвечала за разработку способа общения с мозгом, заключенным в «Тринити». Тридцатипятилетний Левин — высокий, пугающе тощий и преждевременно поседевший, — казалось, мог обходиться совсем без сна, как и его начальник в свои лучшие годы.

- Хорошо, Левина вызовут, сказал Рави.
- Что слышно про Теннанта и Вайс?
- Как в воду канули после Юнион-стейшн.

Старик закрыл глаза. Дышал он булькающе-хрипло и прерывисто, так что и на слух было очевидно, что он не заживется на этом свете.

- В Гели стреляла женщина?
- Да, говорят, стреляла профессор Вайс.

Годин нахмурился, и морщины углубились не только на лбу, но и в нижней части лица. Годин, хоть и прожил большую часть жизнь с единственной женой, детей не имел и к Гели Бауэр всегда относился с отеческой лаской. Подобную диковинную привязанность Рави Нара решительно не понимал: все равно что испытывать неж-

ные чувства к кобре!

 По моей информации, быстро выздоравливает. Ее перевезли в наилучший госпиталь. Отец постарался.

На лице Година появилась слабая улыбка.

— Знай она, что ее перевозят по протекции отца, ни за что бы не поехала! — Улыбка исчезла. — Чего ради Теннанта понесло в Вашингтон? Ведь президент все еще в Китае. Вы что по этому поводу думаете?

Планы Теннанта для Рави были загадкой. Почти с самого начала проекта от терапевта-правдолюбца были одни неприятности. Скрывать годинский рак от непрофессионалов было легко, но опытный глаз Теннанта все подмечал: и резкие колебания веса Година, и изменения в походке, и вызванную стероидами трансформацию тела. Застарелым ревматическим артритом старика можно было объяснить лишь часть симптомов. Поэтому последние шесть недель Рави был вынужден прятать своего пациента от Теннанта.

— Увы, я ничего не знаю о его намерениях, — сказал Рави. — И это меня ужасно нервирует.

Пока медсестра поила Година, Рави приглядывался к умирающему и пытался оценить, сколько он еще протянет. Задача непростая. Уже много лет у Рави не было повседневной практики общения с пациентами, а Годин к тому же прожил со своей опухолью много дольше, чем среднестатистический больной с таким заболеванием. Предсказать, когда наступит конец, можно было только интуитивно, на основе длительного клинического опыта. Врачи типа Теннанта были мастерами в этой области; годы наблюдений давали им как бы шестое чувство, позволявшее делать точные прогнозы.

Рави повернул голову на жужжание УФ-дезинфектора и через прозрачную дверь Шкатулки увидел тощую фигуру Зака Левина. Сам явился, и звать не пришлось.

Левин большую часть времени проводил во Вместилище, но как-то умел угадывать, когда Годин приходит в сознание и становится доступен. Левин и его инженеры напоминали Рави служек, которые 331

бегают к постели умирающего архиерея, стараясь до его кончины завершить труды всей его жизни. «Священнослужители науки, — подумалось Рави, — какое противоестественное сочетание терминов!» Он помахал Левину рукой. Рави не знал, радоваться его приходу или нет. Годин должен работать, но напряжение может ускорить кончину...

- Левин уже тут, сказал Рави, выдавливая улыбку.
- Как долго я буду в сознании? спросил Годин.
- Пока боль не станет невыносимой.
- Пусть Левин заходит. А вы ступайте.

Рави подавил вспышку бессмысленного гнева. Он привык быть вундеркиндом, баловнем судьбы и окружающих, а последние шесть месяцев ощущал себя придворным врачом у постели умирающего монарха. Отныне повседневным существованием Рави Нара управляли прихоти старика.

Рави нажал кнопку, дверь открылась, и он вышел из Шкатулки. Зак Левин вежливо поздоровался с ним. Формально Левин и его команда находились в подчинении у Рави. Но «железо» и софт «Тринити» были настолько сложны, что Рави не мог и не пытался руководить процессом работы команды интерфейса, только давал советы по конкретным аспектам работы мозга. Впрочем, даже отвечая на узкоспециальные вопросы, связанные с неврологией, он не ощущал должного почитания и благоговения со стороны этих инженерчиков: они просто брали нужную информацию, равнодушно использовали его. Интеллектуальные пираньи. А среди хищников не принято говорить «спасибо» объеденной кости...

- Как он себя чувствует? громко спросил Левин.
- Бодр. Мыслит ясно.
- Замечательно. У меня для него суперновости!
- «Но не для меня», с горечью подумал Рави.
- Нейрослепок Теннанта ответил еще на ка-332 кие-то вопросы? — спросил он вслух.

Левин секунду молчал, словно прикидывая, достоин ли Рави ответа.

- Час назад я выгрузил профессора Теннанта из компьютера.
  - Кто вам разрешил?
  - Вы полагаете, я могу сделать такое без разрешения?
  - «Стало быть, Годин лично приказал».
- На данном этапе, продолжал Левин, добиться полноценного рабочего состояния «Тринити» куда важнее, чем отражать происки Теннанта.

У Рави было то же ощущение: проблема Теннанта отпадет сама собой, если они добьются решающего успеха. Но с некоторых пор он предпочитал не высказывать вслух свое мнение, даже если оно совпадало с мнением собеселника.

- А чем вам поможет выгрузка нейрослепка Теннанта из компьютера?
- Питер считает, что наши нынешние проблемы можно решить лишь с помощью квантовой физики. А тут нам в состоянии помочь только Эндрю Филдинг.
- Ф-филдинг? Вы хотите сказать, что теперь в компьютер загружен нейрослепок Филдинга?
  - Вот именно.
- И вы полагаете, что его нейрослепок будет сотрудничать с вами и поможет решить остающиеся проблемы?
- Честно говоря, я не вижу разницы. С какой стати Филдинг в компьютере будет вести себя иначе, чем нейрослепок профессора Теннанта? Тот сотрудничал, и этот будет. Впрочем, тут любопытный факт. У профессора Филдинга в цифровом мире были те же самые проблемы «акклиматизации», что и у Теннанта. Сначала животный ужас, паника и растерянность, полный хаос в ощущениях, потому что мозговые системы, отвечающие за биологическое выживание, не получают никаких сигналов от тела. Но Филдинг приноровился к новым обстоятельствам с поразительной скоростью. Куда быстрее Теннанта.

У Рави пробежал холодок по спине. Левин запросто говорил о Филдинге как о живом.

— И что означает факт такой стремительной адаптации? — спросил Рави.

Инженер пожал плечами:

— Возможно, ничего. Однако Питеру об этом необходимо знать. Его интуиция столько раз проявляла себя блестяще — пусть и теперь подумает. Сегодняшними успехами мы обязаны филдинговскому кристаллу. Но если окажется, что Филдинг в компьютере соображает быстрее Теннанта и сохранил все свои гениальные способности... о, это будет уже совсем другая музыка!

Сердце Рави заколотилось от волнения.

— И насколько вероятно, что все случится именно так?

Левин неопределенно поиграл бровями и ничего не ответил.

Рави подмывало заехать в ухо тощему задаваке, но услышанное было так важно и открывало такие перспективы, что ярость тут же улетучилась.

- Ладно, продолжайте работать.

Надменная улыбка Левина показала Рави, что главному инженеру плевать на его начальственное одобрение или неодобрение.

Рави вышел из ангара, сел в вездеход и завел мотор. Если надежды Левина оправдаются, то, выходит, Рави поспешил со звонком Скоу. Проект «Тринити» может в считанные дни завершиться огромным успехом, невзирая на смерть Година. И если научный прорыв станет реальностью... «о, это будет уже совсем другая музыка!». Вместо того чтобы искать козлов отпущения, президент станет вешать на груди ордена. И если Рави умело разыграет партию, то именно его, за отсутствием Филдинга и Година, ожидают наибольшие почести и награды!

По пути к своему офису Рави невольно поглядывал на Вместилище. Ему казалось, что полузатопленная в песке бетонная коробка уже сейчас источа-

ет могущество, какого он не ощущал нигде в мире — ни перед каким строением, ни перед каким храмом, ни перед каким человеком... Рави бывал на атомных электростанциях, которые внушали ему почтение и чувство страха. Однако угроза, исходящая от ядерного реактора, очевидна и измерима. Даже в случае самой ужасной катастрофы ядерный реактор поведет себя по просчитанному заранее сценарию, потому что ядерное топливо, при всей его опасности, повинуется естественным физическим законам — взрыв будет такой-то силы и так далее.

С «Тринити» все может пойти совсем иначе.

В пятидесяти милях к северу от места, где теперь находится городок «Тринити», самый первый ядерный взрыв на планете переплавил песок в стекло.

Роберт Оппенгеймер тогда с почтительным ужасом смотрел на ядерный гриб — результат своей работы. Но, ужасаясь силе, которую он вызвал к жизни, Оппенгеймер не мог не восхищаться самим собой: вот чего я достиг!

Если компьютер во Вместилище заработает по-настоящему, если все проблемы решат и нейрослепок будет иметь хотя бы девяносто процентов мыслительных способностей нормального человека, тогда смертоносное создание Оппенгеймера покажется детской хлопушкой рядом с творением Питера Година. Потому что когда люди с почтительным ужасом будут смотреть на это творение рук своих, «Тринити» так же будет смотреть на них. И будет точно знать, что он видит.

Низшую в сравнении с ним форму жизни.

Глава 29

Я проснулся в мокрой от пота тенниске и без малейшего представления, где я нахожусь. Рядом на кровати под простыней лежала темноволосая женщина. То, что это женщина, а не длинноволосый мужчина, я догадался только по форме плеча. Было светло как

335

днем... был день... и два чемодана на полу золотились в лучах солнца, пробивавшихся через тюлевые занавески. И наконец я вспомнил... *Иерусалим!*

Из сна меня вырвал сон, и этот сон был очень странный. В памяти осталось только то, как молодой мужчина приближает свое лицо к моему и целует меня в щеку. Меня передернуло от этой мысленной картинки, хотелось побыстрее выбросить ее из памяти. Но я заставил себя вспоминать дальше. Солдаты! Солдаты с мечами. Я стою в темном цветущем саду. Вокруг меня, прямо на земле, спят мужчины. Слушая их храп, я ощущаю себя безмерно одиноким. Во мне растет страх — страх неотвратимо приближающейся смерти. Вдруг сад наполняется звуками. Большая группа римских солдат окружает нас. Из густой тени ко мне выходит молодой мужчина в хитоне, приближает свое лицо к моему — и целует меня в щеку. Его губы восковые и холодные. Как только он отходит, солдаты хватают меня...

Рейчел зашевелилась под простыней и перевернулась на другой бок. Я посмотрел на часы. Три тридцать пополудни по израильскому времени, которое опережает нью-йоркское на семь часов. Ну и чудеса! Выходит, мы проспали почти восемнадцать часов.

Я снял трубку телефона на прикроватной тумбочке, позвонил в гостиничную службу и заказал автомобиль с водителем, который знает английский язык. Мне сказали: сто тридцать шекелей в час. Я согласился, хотя понятия не имел, сколько это в долларах. При звуках моего голоса Рейчел беспокойно заворочалась, но не проснулась.

«Лучше ехать одному», — подумал я, глядя на спящую Рейчел. Потом представил себя падающим в нарколептический сон-обморок прямо на одной из иерусалимских улиц. «Скорая помощь», полиция... Нет, так рисковать нельзя. Я пошел в ванную — принять душ и смыть пот восемнадцатичасового сна.

Израиль реальный мало чем походил на тот, 336 что я знал по своим снам. Стоило нам выйти из самолета в тель-авивском аэропорту Бен-Гурион, как мы попали в крутую современность. Уоки-токи, металлодетекторы, охранники с автоматами, запах керосина... Из Тель-Авива до Иерусалима мы ехали в «шеруте» — частном микроавтобусе, в котором, кроме нас, было еще шесть пассажиров. Всю дорогу я задумчиво молчал. Рейчел время от времени успокаивающе сжимала мою руку, понимая, что я в растерянности, что из окна микроавтобуса я вижу совсем не то, что ожидал увидеть.

Однако когда мы подъехали к Иерусалиму и мне предстал, в закатных лучах, дивный Старый город, от моего разочарования не осталось и следа. Я не знал, зачем конкретно я прибыл в Иерусалим, но во мне возродилось предчувствие, что меня здесь ждет нечто важное и чудесное.

В гостиницу мы прибыли, когда почти стемнело; зарегистрировались и последовали за нашими чемоданами на шестой этаж. Комната была хоть и маленькая, но чистая. Мы собирались сделать вылазку за продуктами, однако стоило нам присесть на кровать, чтобы отдышаться, как желание куда-то выходить пропало: перелет через несколько часовых поясов и непрестанные элоключения последних двух дней доконали нас. Рейчел хоть немного поспала в самолете, а я совсем не смыкал глаз. Теплота и тишина гостиничного номера были как наркотик, вливающийся в мои вены. Я съел апельсин и мгновенно провалился в сон. Только поцелуй восковых холодных губ и руки солдат на моих плечах вытолкнули меня в реальность двадцать первого века.

Я выключил душ, завернулся в большое полотенце и прошел в комнату. Рейчел по-прежнему спала, только на живот перекатилась, оголив спину. Я направился к окну и раздвинул занавески в надежде полюбоваться Старым городом — увы, его загораживали какие-то непотребные современные коробки.

Я подошел к кровати и тронул Рейчел за плечо. Никакой реакции. Пришлось ее расталкивать.

Проморгавшись, она потянулась и привстала, опираясь на локоть.

- Часы идут правильно?
- Да. Я заказал машину, сейчас подъедет.

Рейчел явно не хотелось выбираться из постели.

- Зачем сегодня? День уже к вечеру!
- У меня только что был сон.
- Про что?
- Гефсиманский сад.
- О! сказала Рейчел и уставилась в потолок. —
   Ты здорово продвинулся вперед, да?
- Вот именно. С поцелуя Иуды в Гефсиманском саду начинается обратный отсчет времени до распятия. Поэтому я должен как можно быстрее добраться до Старого города. На завтра откладывать нельзя.

Рейчел, обернувшись простыней, встала и кокетливо на меня уставилась.

- А мне кажется, Старый город подождет!
- Зачем оттягивать?
- Дэвид! Мы впервые в безопасном месте. Впервые у нас уютная комната и чистые простыни. И то, что мы сюда добрались целыми и невредимыми, большое чудо, которое стоит просмаковать. Давай немного расслабимся.
  - Но мой сон...

Она взяла меня за руку и привлекла к себе.

— Да брось ты, ничего с тобой не случится! Даже если тебя распнут на кресте, это будет во сне. От снов не умирают. А здесь ты со мной, и я знаю, как тебя успокоить.

Тут она второй рукой обвила мою спину, и простыня упала на пол. Усилием воли я не опустил взгляд на ее голое тело... Но не для того она уронила простыню, чтобы я не смотрел!

- Рейчел, мне нужно в Старый город, прямо сегодня, — стоял я на своем.
- Ладно. Сегодня так сегодня. Только поз-338 же. — Обняв меня обеими руками, Рейчел при-

жалась головой к моей груди. — Мир не рухнет, если мы несколько минут уделим своему удовольствию.

Она поцеловала мой сосок, положила ладонь мне на затылок и мягким властным движением потянула мою голову вниз, к своим губам. Куда подевался ее профессиональный панцирь! Эта новая, свободная женщина была чудесным откровением для меня — и я ее желал. Я наклонился к ее губам. Они были теплые и упругие — совсем не такие, как те, восковые и холодные из сна. От воспоминания меня передернуло.

Рейчел удивленно отпрянула и заглянула мне в глаза.

- В чем дело?
- Все в порядке, все как нельзя лучше.

Я опять наклонился, чтобы поцеловать ее снова и как следует.

Рейчел отпрянула и покачала головой:

— Э-э, нет, ничего не в порядке. Пока мы не покончим раз и навсегда с этой историей про Иисуса, ты будешь постоянно в раздерганных чувствах.

Тут зазвонил телефон, и мы оба вздрогнули.

Я схватил трубку.

- **—** Да?
- Ваш автомобиль прибыл, сэр, сказал голос с акцентом.
  - Спасибо.

Я повесил трубку.

Мне даже не пришлось объяснять, кто звонил. Рейчел быстро чмокнула меня в щеку и начала одеваться.

Нашего водителя, усатого пожилого палестинца, звали Ибрагим. Сказать, что он знает английский, было бы огромным преувеличением, однако он понял, что мы хотим попасть в Старый город, и повез нас к яффским воротам. По мере того как мы приближались к обесцвеченной солнцем каменной городской стене, я почувствовал первый накат ощущения, что я здесь был и все это уже видел. За стеной, в этом пропитанном 339

кровью историческом музее под открытым небом, меня ждет одному мне предназначенная разгадка. Две тысячи лет Ответ ждал именно меня, невидимый для тех, кто приходил сюда — с мечом, или с археологической лопатой, или с зубочисткой и скептической ухмылкой туриста. Что за Тайна и каков будет Ответ, я пока что не ведал. Но когда придет Ответ, я его не прозеваю.

- Ну, с чего начнем? спросила Рейчел.
- Путь Иисуса в последний день.
- Да, понимать! оглянулся на нас Ибрагим. Масличная гора, Гефсиманский сад, Голгофа.

Мимо профырчал мотоцикл.

- Правильно, сказал я Ибрагиму.
- Еще храм Гроба Господня. Девять стояний снаружи и пять внутри. Я вас туда брать.
  - Зачем тебе? спросила Рейчел.

Внезапно я почувствовал жар во всем теле, на мгновение у меня даже дыхание пресеклось.

- Н-не знаю.
- Дэвид, что с тобой?

Рейчел встревоженно положила руку мне на лоб.

— Боже, да у тебя температура!

Еще тридцать секунд назад я чувствовал себя прекрасно. Но Рейчел была права: вполне возможно, что у меня жар.

— Не обращай внимания, — сказал я. — Давай поторопимся.

Ибрагим припарковался рядом с огромным туристическим автобусом.

- В город мы не заедем? спросила Рейчел.
- Нет, ответил Ибрагим. В Старый город есть обычай ходить пешком. Видеть достопримечательности на ногах.
  - Далеко отсюда до храма?
  - Храм Гроба Господня? День, как сегодня, половина часа.

- А ближе вы нас никак не можете подвезти?
- Мистер болеть, да?

Рейчел, после секундного колебания, кивнула:

- Да, «мистер болеть». Он прибыл в Иерусалим в надежде излечиться.
- Понимать. Много больных людей идти до могилы Иисуса и целовать скалу, где он подниматься от смерти.
  - Вы нам поможете?
- Конечно. Еще сто шекелей и быть там очень быстро.
  - Согласны.

Ибрагим дал задний ход, посигналил и, распугивая прохожих, развернул машину. Меня окатила новая волна жара. Я боялся, что вот-вот потеряю сознание.

- Это что, приступ нарколепсии? испуганно спросила Рейчел.
  - Нет. Что-то совсем другое.
  - Лучше нам вернуться в гостиницу.
  - Нет. На Виа Долороса!
- Виа Долороса, эхом отозвался Ибрагим. Дорога скорби. Христиане здесь говорить Дорога цветов. Первое стояние: Иисус осудить на смерть. Второе стояние: крест ему на спина. Третье стояние: Иисус первый раз споткнуться. Четвертое стояние...

Наш усатый гид заученно тараторил дальше, но я с трудом разбирал его слова. С меня лил пот, и в то же время мне было страшно холодно. Машина неслась по узким улочкам, мимо мелькали каменные стены, яркие ставни, ломящиеся от всяческих сувениров рыночные киоски и туристы, туристы, туристы... Чтоб удобнее было переругиваться с непроворными прохожими и другими водителями, Ибрагим опустил стекло, и аромат жасмина заполнил автомобиль. Как только этот пынящий запах достиг моих ноздрей, я ощутил внезапную эйфорию и провалился... нет, не во тьму, а в слепящий свет.

Глава 30

— Дэвид, проснись! Мы приехали.

Кто-то теребил меня за плечо. Я заморгал и сел прямо. Рейчел стояла на мостовой, наклонившись ко мне через открытую дверь.

- Где мы?
- Виа Долороса. Тут словно картины сюрреалистов ожили. Думаю, ты будешь слегка шокирован.

Я выбрался из автомобиля, осмотрелся и действительно немного обалдел от увиденного. Фантастически пестрые толпы туристов. Разом четыре Иисуса Христа, несущие на спине огромные деревянные кресты; два парня в белых одеждах — что-то вроде хитонов, а два других в джинсах с голыми торсами. У крестов в основании были колесики, чтобы Иисусы не перетрудились. Кресты не столько несли на спине, сколько катили. Мне это показалось бессмысленной и отвратительной забавой, гнусной пародией на действительные страдания.

- Ну, похоже на твои сны? почти с насмешкой спросила Рейчел.
  - Нет. Идем.

Ибрагим повел нас по мощеной улице, с натренированной ловкостью лавируя между группами туристов. Я ожидал чего-то величаво-торжественного, но здешняя атмосфера больше напоминала ярмарку с аттракционами. Чистейшее вавилонское столпотворение: кроме иврита, немецкий, французский, английский, русский, арабский, японский, итальянский — и я перечислил только те языки, которые признал. Мужчина, стриженный ежиком и с алабамским акцентом, вещал о геенне огненной группе японских паломников, которые почтительно кивали — то ли понимая, то ли нет. Ибрагим трепался без перерыва монотонной скороговоркой бывалого гида. При этом его английский временами был вполне удовлетворителен.

Но именно в такие моменты казалось, что он вообще не соображает, что несет.

- Погодите, перебила его Рейчел и обратилась ко мне: Ты, собственно, что тут хочешь увидеть?
  - А где мы находимся?

Ибрагим со знанием дела улыбнулся.

- Сэр, вон тот синий дверь там первый стояние, там Иисус осуждать на казнь.
  - Тебя это интересует? спросила Рейчел.
  - Нет. А второе стояние?

Ибрагим указал на кирпичный полукруг в кладке мостовой.

— Это есть, где Иисус начал носить крест. Дальше по улица — храм Бичевания. На этот место римский солдаты хлестать Иисус, устанавливать на его голова корона шипов. — Ибрагим сделал паузу и забарабанил: — И воины, сплетя венец из терна, возложили Ему на голову, и одели Его в багряницу, и говорили: «Радуйся, Царь Иудейский!» — и били Его по щекам. Пилат опять вышел и сказал им: «Вот, я вывожу Его к вам, чтобы вы знали, что я не нахожу в Нем никакой вины».

Ибрагим произнес все это с тем же деланным волнением, с каким медсестра в доме престарелых оглашает выигравшие номера лото.

— Пошли дальше, — вздохнул я. — К вон той церкви. Пока мы шли к церкви, Ибрагим трещал о том, как Иисус впервые пал под ношей. Я уставился на дверь храма, который увековечил это историческое место, однако в душе моей ничего не шевельнулось. Возможно, предмет моих поисков находился где-то глубоко под наземной шелухой сувенирных лавчонок. Подобно Каиру, который стоит на древнем городе, современный Иерусалим стоит на десятке прежних Иерусалимов, и любая новостройка превращается в раскопки потерянных глав истории.

Ибрагим подвел нас к другому полукругу кирпичей в мостовой и забубнил о дальнейших злоключениях Христа:

— Это есть пятый стояние, где римский солдаты заставлять Киринеянин по имени Симон помогать Иисусу носить крест. 343

Рейчел покосилась на меня.

Дальше, — приказала она Ибрагиму.

Мимо шагал улыбающийся мальчик, который продавал терновые венцы. Приняв мой возмущенный взгляд за интерес, он подскочил ко мне, но Ибрагим шугнул его прочь. Провожая глазами терновые венцы, нанизанные на руку пацана, я ощутил накат дурноты. Тьма завесила вдруг мои глаза. Я машинально брел вперед, с ощущением, что иду по колени в вязком иле. Рейчел подхватила меня под руку, и, опираясь на нее, я кое-как умудрялся ковылять за шустрым Ибрагимом.

Следующие стояния я уже плохо воспринимал, до меня доходили только обрывки болтовни гида-палестинца. Сплошной хаос диковинных образов: здесь Вероника отерла измученное лицо Иисуса, и его лик чудесным образом отпечатался на плащанице... тут Иисус упал во второй раз... а тут он сказал: дочери Иерусалимские, не плачьте обо Мне, но плачьте о себе и о детях ваших...

Пройдя по плоской крыше и через какую-то темную часовню, мы попали в переполненный внутренний двор большой церкви. Толпа паломников, священников и монахов медленно двигалась ко входу, а по периметру, шаря по ним настороженными глазами, стояла дюжина израильских солдат с автоматами.

— Это есть храм Гроба Господня, — возвестил Ибрагим, величаво указуя рукой на церковь. — Быть построен крестоносцы больше чем за пятьдесят лет между 1099 и 1149 годы. Первоначальный базилика быть построен царица Елена, мать Константина, который быть сюда в 325 год и находить кусок истинный крест в пещере ниже земли.

Я со смесью презрения и восхищения смотрел на огромную, нескончаемую толпу пилигримов и туристов перед входом в храм.

Ошарашив меня, Ибрагим сказал с горьким вздохом:

— Мало туристы. Приезжать последний время очень мало. Война отпугивать. Даже Западный Страстной недель меньше обычный. Маленький очередь. Хорошо для вас, плохо для меня. Вас лучше, сэр? Я мог приносить вам вода, пока вы ждать.

- Нет, спасибо. Я чувствую себя хорошо.
- Обопрись на меня, предложила Рейчел.

На этот раз я почти повис на ней.

Спасибо.

Рейчел ласково коснулась ладонью моей щеки.

- Не нервничай и не напрягайся. Все хорошо.
- Направо от вход есть десятый стояние, провозгласил Ибрагим. Там солдаты сорвать одежду Иисус. Последние стояния крестный путь находят себя внутри храм.
- Как странно, да? тихонько сказала Рейчел. Миллионы людей приходят сюда поглазеть на пустую гробницу!

Я был до такой степени не в себе, что мог ответить только кивком.

— Это единственный пустой гробница во все христианские церкви на земле, — сказал Ибрагим. — Ангел спросил их: «Кого ищете вы?» — «Иисуса из Назарета», — сказали женщины. Ангел же отвечал: «Не бойтесь, ибо знаю, что вы ищете Иисуса распятого. Его нет здесь. Он воскрес, как и сказал. Подойдите, посмотрите место, где лежал Господь, и пойдите скорее, возвестите ученикам Его, что Он воскрес из мертвых».

Внутренний двор храма внезапно подернулся туманом и исчез. Мои руки и ноги словно свинцом налились. При этом, как ни странно, мне казалось, что я больше не вишу на руке Рейчел, а парю, держась за ее руку.

— Дэвид? — озабоченно спросила Рейчел. — Ты меня слышишь?

Я открыл глаза и заморгал. Кругом по-прежнему была плотная толпа, но над собой я видел каменный потолок.

- Мы что, уже в храме?
- Ты шел как лунатик с открытыми глазами, но ничего не воспринимая! испуганно про-

шептала Рейчел. — Нужно немедленно возвращаться в гостиницу!

- Раз мы сумели благополучно добраться сюда, отступать нельзя. Настало время увидеть то, что я искал.
  - Увидеть что?

Еще секунду назад я не знал, что именно должен увидеть. Но теперь с уверенностью заявил:

- Ведите меня ко Гробу Господню!
   Рейчел повернулась к Ибрагиму:
- Где гробница Иисуса?
- Вон там. Тут все рядом.

Ибрагим указал на красноватую мраморную плиту на полу. Несколько мужчин и женщин в обычной одежде стояли на коленях, прижавшись лицами к плите. Над ними женщина в черном лила на мрамор что-то пахучее. Одуряюще сладкий запах ударил мне в ноздри.

- Что это? спросил я.
- Камень Помазания, пояснил Ибрагим. Здесь после снять с креста мертвый тело Иисус был помазать ароматные масла и обернуть в саван.

Я подошел ближе к мраморной плите, но ничего в себе не ощутил.

- Именно этот камень когда-то закрывал вход в могилу Иисуса? Я имею в виду, это настоящий древний камень?
- Нет, сэр. Этот камень здесь в 1810 год и заменять камень, который положить в двенадцатый век. А что быть до двенадцатый век никто не знать. Сюда, сэр.

Ибрагим провел нас влево, в ротонду храма. С дивного бело-золотого купола каскадами струился свет. В центре стоял большой прямоугольный мраморный мавзолей с шаровидным куполом. Он был перетянут металлическими полосами, как будто его готовили к транспортировке.

- A это что? спросил я.
- Это есть Гроб Господень, сэр. Его еще называть Малый дом. Иисус был очень важный че-

ловек, поэтому византийцы и крестоносцы тратить много-много денег и делать этот Малый дом. Это есть четырнадцатый и последний стояние крестный путь. Древние евреи иметь обычай хоронить свои покойники за пределом города. Мраморный гробница распадаться и должен скрепиться железный полосы. Желаете зайти внутрь, сэр? Станем в очередь? Что хочет мадам?

Ибрагим продолжал свой монотонный рассказ, однако я был настолько ошарашен увиденным, что почти не слушал его. Я помнил из Библии, что могила Иисуса — пещера в горе, вне города. А тут какой-то мавзолей внутри средневековой церкви...

Потерпи, очередь двигается более или менее быстро,
 сказала Рейчел.

Вскоре мы оказались перед дверью в мавзолей. Здесь в рассказе Ибрагима, неприятно разбитном, впервые появились подобающие теме торжественные нотки:

В гробнице есть два помещения. Будем входить теперь.

В первой комнате был подиум со стеклянным ящиком, в котором находился кусок скалы.

— Это есть комната ангела. Здесь мертвый человек ждет, пока готовится место, куда его хоронить. А под стекло имеется часть камень, который закрывает вход в могила Иисус. Этот камень поднять ангелы, когда Иисус воскресать из смерти.

Справа от меня я заметил в стене два отверстия. Ибрагим пояснил, что на Пасху священник сует в эти дыры факел, который чудесным образом сам вспыхивает, и от него зажигают праздничные свечи.

Дальше мое внимание привлекла низкая дверь в толстой мраморной стене. Эта дверь вела во внутреннюю гробницу. Согнувшись в три погибели, я протиснулся туда. В комнатке молились на коленях мужчина и женщина — перед чем-то вроде низкого мраморного алтаря. На этот алтарь они положили свои кресты, словно ожидая, что соприкосновение со священным 347

камнем даст чудесную силу этим предметам. Над ними висели серебряные лампады на цепях, и в комнатке было светло от множества горящих свечей. Сотни белых роз в нескольких вазах наполняли маленькое помещение таким густым ароматом, что голова начинала кружиться.

— Дэвид, это и есть место, которое ты стремился увидеть? — шепотом спросила Рейчел.

Я наклонился и притронулся к мраморному камню перед молящейся парой. Не знаю, чего именно я ожидал. Но ничего не случилось. В том же Стоунхендже я испытал большее волнение, когда касался древних священных валунов.

- Нет, не то.
- Почему?
- Здесь ничего не произошло.

Стоящие на коленях мужчина и женщина возмущенно воззрились на меня.

- Сэр, поспешно сказал Ибрагим, нехорошо так говорить. Это есть самое святое место.
  - Нет, это не то место, упрямо повторил я.

Я развернулся и, низко пригнувшись, прошел обратно в ротонду.

Рейчел вышла за мной. Очевидно, у меня было странное выражение лица, потому что люди в очереди шарахались в стороны и смотрели на меня с подозрением, словно ожидали каких-то неприятностей. Я же был охвачен страшной паникой. Скоро на улице стемнеет, а я так и не нашел то, ради чего сюда прибыл.

Рейчел наконец догнала меня и спросила сердитым шепотом:

- Да скажи мне, что произошло?
- Произошло то, что ничего не произошло. Это не то место!

Некоторые в очереди восприняли мои громкие раздраженные слова как кощунство и истово закрестились.

 Но что именно мы ищем? — в отчаянии з48 спросила Рейчел. Я повернулся к Ибрагиму, который вытащил из кармана рацию и, казалось, собрался звать на помощь охрану.

— Мы видим кругом только полированный мрамор. А где подлинный камень? Только под стеклом? Его нигде нельзя потрогать?

Лицо нашего гида прояснилось.

— Ибрагим знает все, — сказал он. — Да, мистер может потрогать подлинный камень! Идти за мной!

Он провел нас вокруг часовни. Там оказалась еще часовня размером поменьше, очень пестро оформленная, с коврами на стенах.

— Это есть часть от святилище коптов, — произнес Ибрагим почтительным шепотом. — Копты — христиане из Египет. Очень набожный.

Очередь здесь была намного короче. Люди исчезали куда-то за занавес в дальнем конце часовенки.

— Сэр, — торжественно проговорил Ибрагим, — там имеется часть камень, на который лежать мертвый Иисус. Кто трогать, тот излечиваться от болезни или получить благословение.

Приближаясь к занавесу, я ничего не испытывал, кроме скуки и зуда во всем теле. Наконец подошла моя очередь ступить за занавес. Я опустился на колени и положил правую ладонь на голый камень. Рейчел стояла за моей спиной.

- Ну как, Дэвид? - шепотом спросила она.

Я покачал головой:

- Ничего.

Впервые за шесть месяцев я искренне засомневался в своем рассудке.

— Думаю, нам следует возвращаться в гостиницу, — сказала Рейчел. — Ибрагим вот-вот кого-нибудь позовет на помощь. Будут неприятности.

Я встал с колен и вышел из часовенки, лихорадочно обдумывая ситуацию. Ибрагим ждал снаружи. Он смотрел на меня настороженно, словно ожидая, 349

что я разражусь богохульствами или забьюсь в конвульсиях. Не исключено, что ему уже доводилось иметь дело с туристами-психами, и поэтому он держал уоки-токи наготове.

- Там я тоже ничего не ощутил, сказал я ему. И это не то место.
- Но, сэр, это есть Гроб Господень. Я не знать, что вы хотеть еще!
- А точно ли, что могила Иисуса находилась именно здесь?

Ибрагим замялся. Потом желание угодить клиенту взяло верх.

— Некоторый протестанты считать, могила находиться не здесь, а далеко от город. Но никакой археолог не верить. Вы были видеть настоящий могила, сэр.

Высокая некрасивая женщина с Библией в руке, услышав наш разговор, вышла из очереди, подошла ко мне и сказала по-английски:

- Брат мой, разве это так важно где могила? Ибо возвестил ангел: «Его нет здесь. Он воскрес, как и сказал».
- «Разве это так важно?» передразнил я. Конечно, это важно. А вдруг в настоящей могиле найдутся кости Иисуса? В этом и заключается различие между здравой религией, которая не боится исследования, и массовой истерией.

Женщина в ужасе попятилась от меня.

У Ибрагима тоже был ошарашенный вид.

- Сэр! Нельзя говорить такой вещь в такой место!
- А вам-то что, Ибрагим! Вы вообще мусульманин и ни во что из этого не верите!
  - Пожалуйста, сэр...

Я вышел из Малого дома в полной растерянности, не зная, что делать и куда идти дальше.

Рейчел спросила с расстроенным видом:

- Что же ты ищешь, Дэвид?
- **350** Место, где Иисус воскрес.

— Ты же не веришь в Бога. Как ты можешь найти место, где Иисус восстал из мертвых, если ты не веришь в сам факт воскресения?

Ибрагим догнал нас и встрял в разговор:

 Сэр, некоторый люди говорить, Иисус подняться из смерть в другой место. Я показать.

Вслед за ним мы прошли через ротонду ко входу в довольно большую церковь, которая находилась внутри храма, как маленькая шкатулка в большой.

- Это есть Кафоликон, сказал Ибрагим. Под его купол есть мраморный чаша, который люди называть Омфалос пуп мира. Древний греки думать, Иисус воскресать здесь и вернуться сюда, чтобы делать Страшный суд.
  - Можно войти внутрь? спросил я.
- Обычно этот церковь закрыт для турист, но Ибрагим умеет все.

Воровато оглянувшись, он велел нам перешагнуть через цепь, перекрывающую вход в Кафоликон. Внутри был чудесный наборный пол. Стены расписаны изображениями Христа в пастельных тонах. В центре стояла мраморная полусфера. Пуп земли.

Я наклонился и прикоснулся к мрамору. Прислушался к себе. Ноль эмоций. С таким же успехом я мог пошупать кормушку для птиц на заднем дворе у приятеля.

Рейчел пристально наблюдала за мной.

— Чего ты, собственно, ожидаешь? Это будет как удар тока? Или голос с небес?

Я повернулся к нашему гиду, который стоял нахмурившись и недовольно качая головой.

- Чего еще я не видел, Ибрагим?
- Многие вещи. Самый важный Голгофа. Там Иисус быть казнить.
  - Тоже внутри храма?
  - Разумеется, сэр. Следовать за мной.

Выйдя из Кафоликона, мы прошли к крутой лестнице. Я насчитал восемнадцать ступенек. По

мере того как я поднимался выше и выше, мое настроение падало ниже и ниже.

Однако на вершине лестницы мое сердце забилось быстрее.

Помещение было почти битком набито, но самое интересное находилось выше голов: крест и на нем статуя Иисуса в натуральную величину. Повязка на его бедрах была из серебра, корона на голове тоже. Скульптура не произвела на меня ни малейшего впечатления. Однако само помещение почему-то глубоко волновало, будто я стоял рядом с высоковольтным кабелем и от статического электричества вздыбились все волосы на моем теле.

- Ну что? спросила Рейчел, замечая перемену во мне. Что-то чувствуещь?
  - Да, что-то во мне вибрирует.
- Вибрация для тебя не новость. Она у тебя бывает перед каждым нарколептическим приступом.
  - Нет, совсем другая вибрация.
  - Ибрагим! позвала Рейчел.
  - Да, мэм.
  - Мы возвращаемся к машине.
- Хорошо, сказал Ибрагим с заметным облегчением.

Я шагнул в сторону от них, ощущая странную боль в левой руке. На фреске справа от меня был изображен Иисус на кресте, который еще лежал на земле. По мере того как я продвигался к фреске, боль в левой руке увеличивалась. Я даже решил, что это скорее всего сердечный приступ. Но такая же боль вдруг поразила правую руку. Я сжал обе руки в кулаки, но это не помогло. Боль нарастала. Я повернулся к Ибрагиму.

- А здесь что?
- Это есть одиннадцатый стояние, сэр. Здесь Иисус гвоздили к кресту.

- Нам надо побыстрее унести его отсюда, Ибрагим, сказала Рейчел. Вы можете позвать кого-нибудь на помощь?
- Пока его ноги сами ходить, недовольно отозвался Ибрагим. — Ходить отсюда все трое.
  - Мне кажется, он сам до машины не дойдет.

Некоторые люди в помещении таращились на меня, как на сумасшедшего.

- Я мочь позвать солдаты, сказал Ибрагим. Вы действительно хотеть солдаты?
- Нет-нет, торопливо отозвалась Рейчел. Только солдат нам не хватало!

Большая группа паломников переместилась от скульптуры Иисуса, и я увидел в просвете между людьми дивной красоты алтарь. Я быстро прошел вперед. Когда тебя принимают за сумасшедшего, есть и положительные стороны: толпа проворно расступается перед тобой. Под крестом оказалась тоже одетая в серебро Мадонна. Ниже алтаря большой стеклянный ящик закрывал грубую поверхность серой скалы.

- Что это такое?
- Голгофа, ответил Ибрагим. Это есть гора, где скала треснуть, когда кровь Иисус падать с креста. Тогда быть землетрясение.

В тот же миг мне предстала подлинная картина — до того как здесь построили храм. В ярком свете дня скалистый серый холм со множеством пещер-гробниц. Три креста на вершине. Однако никто не висел на них. Небо вдруг потемнело... и у меня в глазах потемнело. Я рухнул на колени.

Придя в себя, я увидел совсем рядом светлый диск в мраморном основании алтаря. В серебряном диске было отверстие. Я протянул вперед дрожащую правую руку и положил ладонь на диск.

Боль в руке тут же уменьшилась.

Вот, это именно то место, которое я искал!
 Здесь Иисус покинул землю.

- Мистер имеет правду, сказал Ибрагим. Этот диск находиться на место, где крест был стоять. Справа и слева два черный диски, где кресты, на который висеть разбойники один хороший человек, второй плохой человек. Потом Иисус положить в могила Иосиф из Аримафеи и воскресать три дня позже.
  - Неправда, убежденно заявил я.

Ибрагим побледнел.

- Сэр, вы нельзя сказать такие вещи здесь!
- Говори лучше шепотом! взмолилась Рейчел.
- Зачем в диске отверстие? спросил я Ибрагима, поглаживая прохладное серебро.
- Вы имеете возможность поместить туда пальцы и прикасаться Голгофа. Камень Голгофа.

Я закрыл глаза и просунул два пальца в отверстие. Кончики моих пальцев ощутили грубую поверхность камня.

 Именно это тебе снилось? — нетерпеливо спросила Рейчел.

Но я не мог произнести ни слова. Что-то втекало в меня из живого камня. Голос Рейчел словно удалялся, потом и вовсе пропал. Я чувствовал, как каждая косточка во мне вибрирует — но чудесным, приятным образом, словно мое тело поет в унисон с Землей. Сначала это чувство было сладостно-радостным — внутренней упоительной дрожью, однако затем меня начало трясти буквально. А потом начались самые настоящие судороги.

«Припадок, — спокойно констатировал знакомый внутренний голос. Это говорил медик во мне. — Тонико-клонические судороги».

Словно из-под воды, я слышал вопли на разных языках. Потом я упал, и рядом испуганно закричала Рейчел.

Удара я не ощутил. Казалось, я просто растекся по полу.

Глава 31

Белые Пески

Клиническая смерть Питера Година наступила в семь часов пятьдесят две минуты.

Рави Нара спал прямо в больничном ангаре, поэтому у кровати Година он оказался меньше чем через две минуты.

В происходящем для Рави не было большой неожиданности. Он давно готовился к худшему. По науке, нужно было шунтировать четвертый желудочек мозга, чтобы уменьшить давление и избежать водянки. Но в его нынешнем состоянии Годин не перенес бы подобную операцию.

Однако, примчавшись в Шкатулку, Рави обнаружил, что произошла другая, и непредвиденная, беда: у старика отказало сердце.

Медсестры уже интубировали больного и теперь пытались реанимировать его с помощью дефибриллятора. Рави взглянул на электрокардиограмму: да, медсестры правильно поставили диагноз — желудочковая тахикардия. Рави с жаром подключился к работе. В конце концов комбинация двух лекарственных препаратов и электрошок вернули старика к жизни.

Напоследок Рави взял кровь Година для анализа, чтобы по характерным энзимам определить степень ущерба, нанесенного сердцу.

Годин теперь был временно вне опасности, но без сознания. Рави присел, желая расслабиться и подумать.

Как он ненавидел клиническую медицину! Всегда что-нибудь наперекосяк, всегда какие-то неприятные сюрпризы! Пятнадцать лет назад Годин перенес операцию коронарного шунтирования, а в 1998 году ему поставили эндопротез сосуда. Таким образом, имелся значительный риск инфаркта, но Рави так напряженно занимался главным — годинской глиомой, что

про опасность со стороны сердца почти забыл. Медсестры, разумеется, заметили его неловкость и растерянность в критической ситуации. Не того они ожидали от лауреата Нобелевской премии. Но после стольких лет лабораторных исследований Рави напрочь отвык от реальных больных. Ну и что? В простых случаях даже ветеринар способен успешно реанимировать инфарктника; Рави рожден для других, более великих дел.

Пока медсестра прилаживала вентиляционный прибор к дыхательной трубке Година, старик пытался чтото сказать.

Рави наклонился к его уху.

 Не пробуйте говорить, Питер. У вас была небольшая аритмия, — солгал Рави, — теперь ваше состояние устойчиво.

Годин зашарил перед собой правой рукой. Медсестра догадливо вставила в его пальцы ручку.

Годин нацарапал в блокноте: НЕ ДАЙТЕ МНЕ УМЕ-РЕТЬ! МЫ ТАК БЛИЗКИ К ЦЕЛИ!!!

— Успокойтесь, вы не умираете, — сказал Рави, хотя оптимизма не испытывал. Гипоксии ничего не стоило спровоцировать летальную водянку мозга. Успокоительно пожав Годину плечо, Рави приказал медсестрам держать больного на вентиляторе. Это приведет старика в ярость, но ему придется смириться.

Чтобы не выслушивать бесполезные протесты Година, Рави тут же вышел из Шкатулки. Закрывая люк, он увидел Зака Левина, который мчался от входа в ангар к Шкатулке.

— Что случилось? — испуганно спросил Рави. — Какие-то неприятности?

Прежде чем Левин смог заговорить, он несколько секунд переводил дыхание.

— Нейрослепок Филдинга добивает последние алгоритмы! Он ухитрился состыковать части мозга, которые до сих пор существовали в «Тринити» раздельно: область памяти и область обработки ин-

формации! А теперь он создает совершенно новую схему интерфейса. Я просто шалею, никогда не видел такого фейерверка гениальных решений! Вот человечище, я вам скажу!

- Как странно вы говорите о компьютерной копии Филдинга — словно о живом!
- А его уже и сейчас от живого трудно отличить! «Тринити» пока что или уже! работает на пятьдесят процентов плановой мощности. Но при этом у меня полное впечатление, что я разговариваю с человеком, с которым я работал два последних года.
  - Вы вышли на пятьдесят процентов?

Левин радостно улыбнулся.

— Ага! И стремительно набираем темпы. Зря я, дурак, не верил Питеру. Он сказал, что теперь как с горы покатимся. Так оно и есть. Правильное у него чутье!

Рави пытался скрыть свое потрясение. Годин предсказывал, что девяносто процентов работоспособности станут «порогом тринитизации», то есть именно с этого момента нейрослепок превратится в полноценное самосознающее и сознательное существо.

- Вы употребили выражение «разговариваю с человеком, с которым я работал последние два года», сказал Рави. Стало быть, синтезатор голоса действует? Филдинг с вами разговаривает?
- Это некоторое преувеличение. Его речи не хватает связности. Но он старается. Впрочем, гладкость речи дело наживное. Он нам не все может объяснить, однако конкретные результаты его работы ошеломляющие, и это главное. Теперь начинается отсчет часов до полного успеха.

Несмотря на двусмысленность своих личных интересов в этой ситуации, Рави испытал большой эмоциональный подъем. Они так долго ждали этого момента!

- И сколько, по-вашему, остается?
- От двеналцати до шестналцати часов.

 Порог тринитизации будет действительно преодолен?

Левин, счастливо улыбаясь, закивал.

Мы во Вместилище уже делаем ставки на время.
 Я поставил сто долларов на двенадцать часов. И я не елинственный оптимист.

Рави невольно посмотрел на часы. Через двенадцать часов. Рехнуться можно.

- Насколько вы уверены в успехе?
- Настолько, насколько можно быть уверенным, когда имеешь дело с техникой такой сложности. Я должен немедленно доложить Питеру.

Это никак не устраивало Рави. Годин должен узнать о происходящем не раньше, чем Рави переговорит со Скоу.

 К Питеру сейчас нельзя. Он вас все равно не сможет выслушать. Мы его только что вытащили из клинической смерти.

Левин окаменел.

- Но он ведь жив, да?
- Жив. Однако на вентиляторе.
- B сознании?
- Да, но сознание затуманено. Вас он не поймет. И говорить не может.
- Он должен знать о нашем прорыве! Это удвоит его желание бороться за жизнь.

Рави прикинулся сочувствующим.

- У Година воли к жизни всегда было в избытке.
- Нет, вы не понимаете. Это известие его из могилы поднимет!
  - Сожалею, Зак, я вас к нему пустить не могу.

Левин смерил Рави презрительным взглядом.

- Не вам принимать решения. Какое у вас право скрывать от Питера информацию такой важности?
  - Я его лечащий врач.
- Ну так и занимайтесь своей гребаной работой. А мне и без медицинского образования ясно,

что в этой ситуации лучшее лекарство для Питера — прямо сейчас узнать, что дело его жизни накануне успешного завершения!

Левин возмущенно отвернулся от Рави, вступил на платформу перед Шкатулкой и нажал кнопку ультрафиолетового дезинфектора.

Рави было заспорил, однако инженер, слушая ровное жужжание аппарата и нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, полностью игнорировал невролога.

Остановить упрямого Левина не было никакой возможности. Не драться же! Да Годин и сам, чуть придя в себя, затребовал бы Зака к себе.

Рави поспешил к выходу из ангара. Следовало без промедления связаться со Скоу. Если Зак Левин не ошибается и «Тринити» заработает через двенадцать — шестнадцать часов, то Годин почти наверняка доживет до этого момента. И это опрокинет все их планы. Скоу подготавливал президента к провалу проекта «Тринити» и настраивал его против Година, на которого было решено списать все безобразия. Рави был помощником Скоу в этой подрывной работе. Но если Скоу в своих стараниях зашел уже непоправимо далеко, а Годин вдруг возьмет и за минуту до отхода поезда предъявит действующий образец обещанной научной революции, то Рави окажется, мягко говоря, в сомнительном положении. Питер Годин не из тех, кто прощает предательство. И с предателями он предпочитает разбираться не публично, а «домашними средствами». Перед мысленным взором Рави мелькнуло бесстрастное лицо Гели Бауэр. Этой убить — одно удовольствие. Какое счастье, что сейчас она лежит где-то в мэрилендской больнице. И жаль, что профессорша ее недострелила.

Иерусалим

Машине «скорой помощи» приходилось лавировать между толпами туристов на узких улочках Старого города, и Рейчел держалась за кресло обеими руками, чтобы сохранять равновесие. Дэвид лежал без сознания, закрепленный ремнями на каталке. Сидящий рядом с Рейчел фельдшер неплохо говорил по-английски, но говорить было не о чем: несмотря на принятые меры, состояние больного оставалось угрожающим, и все возможности добольничной помощи были уже исчерпаны.

Когда Дэвид рухнул возле часовни, Рейчел сразу поняла, что это припадок типа эпилептического, то есть нечто худшее, чем нарколептический сон. Она вовремя успела его подхватить, чтобы он не ударился головой о каменный пол, но больше ничего предпринять не могла. То, что человек во время припадка способен проглотить язык, — пустая сказка: вы только рискуете потерять пальцы, пытаясь предотвратить невозможное. Ибрагим, не дожидаясь указаний, тут же вызвал по рации машину «скорой помощи» и охрану.

Израильские солдаты мигом окружили часовню, чтобы держать на расстоянии зевак. Ко времени прибытия санитаров судороги закончились, однако в сознание Дэвид так и не пришел. Сразу же сделали экспресс-анализ крови на сахар — уровень глюкозы оказался нормальным. Налицо была необъяснимая кома, и разбираться с ней предстояло в больнице. Дэвида закрепили на носилках, и солдаты пронесли его через густую толпу к машине во дворе храма.

Сидя рядом с неподвижным Дэвидом в машине «скорой помощи», которая мучительно медленно выбиралась из переулочков Старого города, Рейчел мысленно перебирала возможные причины комы. Чаще всего ее вызывает гипогликемия, катастрофическое уменьшение содержания сахара в крови. Вторая причина — наркотики, однако Дэвид явно не токсикоман. О каменный пол головой он не ударялся, поэтому и механическую травму

можно исключить. Раньше Дэвид не страдал эпизабо лепсией, а в сорок один год она практически никогда не начинается. Во время первых сеансов с Дэвидом она подозревала эпилепсию; впрочем, по словам Дэвида, Рави Нара решительно отвергает подобный диагноз.

Инсульт порой приводит к судорогам и коме, но такие случаи относятся к уникальным. Отравление? Рейчел вспомнила о белом порошке в письме Филдинга. Возможно, в нем все-таки содержался некий экзотический яд, который лаборанты университета Дьюка не смогли обнаружить? Нельзя исключать и западнонильский энцефалит, переносчиками которого теперь являются и американские москиты. Если москит с этой экзотической заразой укусил Дэвида в Теннесси, то отек мозга мог развиться только теперь. Не исключено, что Дэвид каким-то образом заразился менингитом в аэропорту Кеннеди...

Самые фантастические и маловероятные версии мелькали в голове у Рейчел. Она исключала лишь мозговую опухоль — не только из-за парализующего страха перед подобным вариантом, но и потому, что суперсканирование не могло пропустить опухоль даже самого ничтожного размера, а за шесть месяцев болезнь не способна развиться от нуля до разрушений, вызывающих кому.

Продумывая, что ей необходимо рассказать врачу в больнице, Рейчел одновременно проклинала себя за то, что в свое время не настояла на полном обследовании. На самом деле она возводила на себя напраслину: это Дэвид не желал обследоваться, а она давила на него как могла!

Машина «скорой помощи» наконец выбралась из Старого города и уже на полной скорости мчалась по длинному зеленому холму в сторону огромного здания, которое напоминало крепость. На его крыше было больше спутниковых тарелок и антенн, чем на иной телестанции.

Это больница? — спросила Рейчел.

Фельдшер кивнул:

- «Хадасса». Наша лучшая.

Дэвида сразу отвезли в отделение реанимации. Рейчел сказала, что она врач, и ей разрешили сопровождать больного. В палате она, чтобы никому не мешать, села на стул у стены и молча наблюдала за происходящим.

Одна медсестра проверила капельницу, затем переключила Дэвида с портативного кислородного баллона на больничный. Вторая раздела его и приклеила датчики сердечного монитора ему на грудь. Видеть своего возлюбленного голым и беспомощным для Рейчел было великой мукой; тут панцирь, нажитый за годы врачебной практики, увы, не помогал. Одежду и денежный пояс Дэвида она положила в большой полиэтиленовый пакет, который не выпускала из рук.

Пришедший врач первым делом переговорил с сестрами на иврите, потом на отличном английском, пусть и с сильным акцентом, обратился к Рейчел. Короткий рассказ о происшествии в церкви она дополнила тем, что ей, как психотерапевту Дэвида, было известно о состоянии его здоровья задолго до впадения в кому.

К этому моменту Дэвид был без сознания уже тридцать минут. Так долго из эпилептического припадка не выходят. Врач велел сделать полный анализ крови, спинномозговую пункцию на предмет менингита, рентген груди и шейного отдела позвоночника и компьютерную томографию головы, чтобы исключить инсульт, опухоль или субарахноидальное кровоизлияние.

После того как медсестра взяла кровь для анализа, санитар покатил кровать с Дэвидом в отделение радиологии.

Примерно через час его привезли обратно в палату. По-прежнему без сознания. Наблюдая, как делают спинномозговую пункцию, Рейчел вздохнула с облегчением: спинная жидкость была прозрачна и имела нормальное давление. Следовательно, инфекционное заболевание можно почти полностью исключить.

362 Затем, по правилам, больного должны были перевести в неврологическое отделение. Подобный

перевод был связан с практическими проблемами: есть ли у Дэвида страховка, кто будет оплачивать его пребывание в больнице... В денежном поясе лежало пятнадцать тысяч долларов, но Рейчел не хотелось вызывать подозрения, показывая такое количество наличных. И когда врач с огорченным видом сообщил ей, что в неврологическом отделении нет свободных мест, от радости Рейчел готова была расцеловать его. Дэвида оставляли в реанимации, что исключало или отодвигало на потом денежные вопросы.

Затем специалист по электроэнцефалографии вкатил портативный аппарат — проверить биоэлектрическую активность мозга Дэвида. Рейчел с удовлетворением отметила, что он свое дело знает: он начал с того, что отключил все электрооборудование, кроме самого необходимого, чтобы фоновая интерференция не исказила картину работы мозга.

Глядя на полученную кривую, врач хмурился. И Рейчел отлично понимала почему. Мозг Дэвида показывал только альфа-ритмы одинаковой частоты и амплитуды. Врач наклонился к Дэвиду и похлопал руками около его правого уха. Однако десинхронизации альфа-волн на экране не произошло. Они вообще не изменились.

Сердце Рейчел упало. Ей не требовалось объяснять, что Дэвид находится в состоянии, известном как альфа-кома. Из этого типа комы мало кто возвращается к жизни.

- Вы доктор? спросил врач, видя реакцию Рейчел.
- Да.
- Значит, все понимаете. Мои соболезнования.

Когда он потянулся выключить аппарат, Рейчел внезапно увидела на экране тета-волну.

- Погодите! воскликнула она.
- Вижу, вижу.

Амплитуда тета-волн неуклонно увеличивалась. А затем появилось несколько бета-волн.

— Ему что-то снится, — ошеломленно произнесла Рейчел. — Но... но это же невероятно. Возможно, он просто спит? 363

Самой Рейчел вопрос показался нелепым.

Врач ущипнул Дэвида за руку. Никакой ответной реакции на экране. Тогда врач наклонился к уху больного и крикнул:

— Проснитесь!

Опять никакой реакции.

- Нет, он не спит, глубокомысленно изрек врач. Вид у него был несколько озадаченный. Хотя тета-ритмы определенно нарастают. Странно.
  - Что, по-вашему, происходит?
- Больной, вне сомнения, находится в альфа-коме. Но его мозг показывает признаки какой-то деятельности. Что это за деятельность для меня полная загадка... Сделаем вот что. Я аппарат оставлю включенным, а сюда пришлю невролога. Пусть попробует разобраться. Хорошо?
  - Огромное спасибо.

Рейчел осталась одна в палате. Сидя у кровати, она наблюдала за кривыми на экране, и ее руки дрожали от волнения. До того как появились тета-волны, она была уверена, что Дэвид обречен. Теперь она не знала, надеяться или нет, потому что происходило нечто абсурдное, противоречащее современным медицинским знаниям. Что же творится в мозгу Дэвида? Возможно, даже и в коме продолжаются его галлюцинации... как во время нарколептических припадков? Или это только иллюзорная кома? Но электроэнцефалограмма однозначно указывает на терминальное состояние. Тогда откуда необъяснимые в этом случае тета- и бета-ритмы?

Рейчел старалась не думать о том, что Дэвид делал до припадка. Однако не думать об этом было трудно. В средневековом мраке Гроба Господня он искал внятные доказательства того, что Иисус некогда действительно жил на земле. Или того, что он умер именно здесь, где теперь стоит храм Гроба Господня. Все освященные тра-

дицией места Дэвид с презрением отверг — и камень помазания, и саму могилу. Там же, где, по преданию, Иисус умер на кресте, Дэвид упал на колени и зашептал: «Здесь! Здесь!» — после чего забился в судорогах.

События, собственно, начались немного раньше. Уже разглядывая фреску, на которой Христу вбивали гвозди в руки, Дэвид странно сжимал кулаки, и его всего корчило, словно он испытывал мучительную физическую боль. Что в тот момент происходило в его сознании? Он действительно верил, что он и есть Иисус Христос? Верил настолько, что чувствовал раны Иисуса как свои? Она слышала о появлении реальных стигматов, вызванных самовнушением, но в эти истории никогда не верила. Неужели на ее глазах произошло нечто совершенно невероятное?

Рейчел взяла безжизненную руку Дэвида. Несмотря на очевидные показания электроэнцефалограммы, она все же ожидала, что он откроет глаза в ответ на ее прикосновение. Но чуда не произошло. Дэвид не пошевелился и не открыл глаза.

Рейчел безмолвно поблагодарила Бога, что врачреаниматор предпочел сделать Дэвиду томографию рентгеновскую, а не магнитно-резонансную. Если бы он настаивал на МРТ, как Рейчел могла бы отговорить его? Чем она доказала бы, что в данном случае эта невинная процедура может иметь самый печальный результат? Ее рассказу о Супер-МРТ не поверят. А если поверят — еще хуже. И как помочь Дэвиду, если его состояние связано напрямую с последствиями суперсканирования? Здешние врачи попросту не будут знать, с чем они имеют дело, с чем им бороться. Единственный, кому хоть что-то известно про эту уникальную кому, это Рави Нара. Но Дэвид утверждал, что Нара на стороне их врагов — людей, которые охотятся за ними!

— Проснись, Дэвид, — тихо сказала она в ухо бесконечно дорогому ей человеку. — Умоляю, проснись... 365

Глава 32

Белые Пески

Рави Нара остановил вездеход у ангара, в котором находилась Шкатулка, и направился ко входу. В его кармане был шприц с раствором хлористого калия. Такая инъекция остановит ослабленное сердце Година быстрее, чем пуля.

У двери ангара он битый час переминался с ноги на ногу, никак не мог решиться на последний шаг. До этого он несколько часов колебался и упирался. И только грубые угрозы Скоу заставили его действовать. «Здесь где-нибудь видеокамера, и они меня видят! — подумал Рави. — Чем дольше я тут протопчусь, тем больше подозрений вызову!»

Он рванул дверь на себя. Внутри надел свежий белый халат и вступил в камеру обеззараживания. Стоя без дела, он смотрел через прозрачную дверь в Шкатулку. Медсестры Година, как обычно, сидели справа и слева от кровати — две сторожевые суки! «Или я его, или он меня, — в сотый раз повторил себе Рави. — Скоу совершенно прав...»

Узнав, что компьютер может одолеть порог тринитизации уже через двенадцать часов, Скоу не стал прыгать от радости, а сразу спросил, сколько еще проживет Годин. Когда Рави ответил, что явно больше двенадцати часов, Скоу решительно сказал:

- Этого допустить мы не можем.
- Почему? спросил Рави, заранее зная ответ.
- Потому что уже поздно отступать! рявкнул в трубку Скоу. Президент звонил мне из Китая. Происходящее с Теннантом его крайне огорчает. И я почувствовал, что мне он не очень-то верит. Пришлось выдать ему связную версию.

— Разумеется. Я признался, что Питер уже давно болен. И у меня есть опасения, что это он повинен в смерти Филдинга. Я сообщил президенту, что Питер бесследно исчез и где-то, возможно, существует тайная дублирующая лаборатория. Как раз сейчас ФБР обыскивает исследовательский комплекс фирмы «Годин суперкомпьютинг» в Маунтин-Вью.

Рави в ужасе закрыл глаза. События развивались по самому кошмарному сценарию. Совсем недавно, в конференц-зале в Северной Каролине, решение ликвидировать Филдинга казалось почти официальным правительственным актом. «Тринити» был призван упрочить политическую мощь Америки, а Филдинг заграждал путь прогрессу. Вывод: в интересах как минимум Соединенных Штатов следует устранить опасного бунтаря, вредителя и потенциального предателя. Но если смотреть в корень, ликвидация Филдинга была заурядным преднамеренным убийством, за которое или на электрический стул, или пожизненно в тюрьму.

- Рави?
- Слушаю, слушаю...

Рави прекрасно понимал, чего именно Скоу потребует от него. И заранее потел от страха.

- Вы знаете, что необходимо сделать.

Рави решил отбиваться до конца.

- Вы же сами сказали: если «Тринити» заработает по-настоящему, про покойников никто и не вспомнит. Победителей не судят.
- До бардака с Теннантом так оно и было. Но теперь произошла перестрелка в Вашингтоне, на глазах у всей страны. Конечно, я изобразил Теннанта как опасного психа. У меня на руках медицинские и прочие доказательства.
- Послушайте, это все ваши проблемы. Я тут ни при чем.

Скоу отвечал ровным голосом, однако от его слов кровь застыла в жилах Рави.

— Что вы были среди тех, кто дал добро на убийство Филдинга, я не просто знаю — все имеется на пленке. Все готово для громкого процесса. Так что мы с вами в одной лодке, Рави. И вы, и я, и Гели, и генерал Бауэр. Если мы, все четверо, будем рассказывать одно и то же — и волос не упадет с нашей головы. Но предварительное условие: Питер должен умереть.

Рави опять закрыл глаза. Голова кружилась.

Выходит, наши жизни сейчас в ваших руках, Рави.
 Несколько секунд отваги — и вы опять чистенький.

«Нет, мне никогда не отмыться, никогда!» — в отчаянии подумал Рави.

С нравственной точки зрения убить Година не казалось ему большим преступлением. Питеру до естественной смерти оставались считанные часы, и он не умер еще несколько дней назад лишь благодаря титаническим усилиям Рави Нара. Вдобавок у самого Година с моралью проблемы: заказал же он убийство Эндрю Филдинга без заметных угрызений совести. Ну и сверх того почти фантастический факт, что в данном случае убийство биологического тела Година не равнозначно полному уничтожению человека. Раз существует нейрослепок Година, то его индивидуальность могла возродиться в компьютере «Тринити».

Словом, Рави пугало не столько убийство, сколько опасность разоблачения. Не этика была проблемой, а чисто технические сложности осуществления задуманного. Вообще-то человека, который стоит так близко у края пропасти, достаточно лишь немного подтолкнуть — Рави с ходу мог придумать дюжину способов прикончить умирающего, не вызвав ни малейших подозрений. Однако все упиралось в медсестер. Чертовы бабы дежурили возле Година двадцать четыре часа в сутки, парами, в три смены. Рави сегодня уже дважды проверял их, давая обеим одновременно разные поручения вне Шкатулки.

И оба раза они вызывали по сотовому свободных от дежурства медсестер и до их прихода оставались в Шкатулке. От такой бдительности хоть караул кричи!

Продумав и отвергнув несколько вариантов, Рави остановился на инъекции хлористого калия. Для отвлечения он мог спровоцировать сигнал тревоги на одном из мониторов и за пару секунд ввести хлористый калий через инъекционную иглу капельницы. За этим последует клиническая смерть, из которой Година уже никто не выташит.

Гудение обеззараживателя прекратилось, предупреждающий сигнал погас. С ненавистью глядя через прозрачный плексиглас на медсестер, сидящих у кровати, Рави потянул дверь на себя.

«Эх, сейчас бы сюда Гели Бауэр! Этой грязная работа в охотку! Она бы Година щелкнула в момент!»

Войдя в Шкатулку, Рави так и обмер. Горло сдавил ужас. Справа от двери, невидимая снаружи, стояла Гели Бауэр собственной персоной. Она была с головы до ног в черном и выглядела такой же чертовски милой убийцей, как и при их последней встрече в Северной Каролине.

— Привет, Рави, — сказала она, загадочно улыбаясь. — Вижу, мое появление для тебя — чудесный сюрприз. Ты весь перекривился, словно змею увидел!

У Рави речь отнялась. Поверх черного бронежилета на Гели был пояс с пистолетом и ножом.

Годин нажал кнопку, и верхняя треть его кровати приподнялась. Синие глаза пристально вглядывались в Рави. Только теперь Рави заметил, что Година без разрешения лечащего врача сняли с вентилятора.

С чем пришли, дражайший Рави? — спросил старик.

Запинаясь, Рави сказал:

— Я... присутствие Гели меня так удивило потому, что у нее, я слышал, тяжелое ранение в шею и она вроде бы надолго попала в больницу...

Гели улыбнулась и оттопырила хомут водолазки, показывая бинты. Еще один шрам в мою коллекцию. Но хирурги у меня классные — враз на ноги ставят.

Сердце Рави бешено колотилось. Что, черт возьми, Гели делает в Белых Песках? Похоже, она охраняет Година. Бред какой-то. Ведь Скоу ясно сказал, что она не просто на их стороне, а в одной лодке с ними — и одобрила план незамедлительной ликвидации Година!

Смятение Рави, похоже, доставляло большое удовольствие старику.

- Ну, нравится вам или нет, вот он я, опять среди живых, — прохрипел он. — Медсестры признались, что на сей раз мое сердце забастовало.
  - Желудочковая тахикардия, подтвердил Рави.
- Насколько я понимаю, сестрички меня вытянули из смерти, спасибо им превеликое.

Это звучало как обвинение. Однако Рави не мог возражать — все его мысли были сосредоточены на шприце в кармане, однозначной и страшной улике. Сейчас Гели обыщет его — и ткнет найденный шприц ему в яремную вену.

- Медсестры справились блестяще, сказал Рави.
   Годин кивнул:
- Уверен, вы бы поступили точно так же, Рави. Будь вы один на один со мной, бросились бы вы меня спасать? Живот у Рави свело от страха.
- Странный вопрос, Питер. Разумеется, я бы сделал все возможное. Я постоянно делаю для вас все возможное, я доказал это тысячу раз...

Годин игнорировал его ответ.

— Что касается Гели... ее вызвал сюда я. Когда она рядом, мне как-то спокойней. Отпугивает всяких гадов.

Опять синие глаза впились в Рави.

- Так зачем пришли, профессор Нара?
- Хотел проверить, нельзя ли снять вас с вентилятора. Но вижу, медсестры сами приняли решение.

Годин покосился на Гели. Похоже, они на пару 370 забавляются какой-то им одним понятной игрой. Рави судорожно соображал, чем бы подкрепить свою ложь.

- Левин сказал мне, что опытный образец преодолеет порог тринитизации в самое ближайшее время. Полагаю, в такой момент вы захотите иметь предельно ясное сознание, чтобы контролировать ситуацию и наслалиться побелой.
- И все благодаря Эндрю Филдингу, прохрипел Годин. Какова ирония судьбы, а? Обхохочешься. Мы его... а он нас выручает.

Рави нервно покосился на молчащую Гели.

— Это настоящее чудо, Питер! Вы все преодолели, вас ничто не сломило — и вы дожили до осуществления своей мечты!

Веки Година устало приспустились.

— Какая трогательная патетика... Рави, вы давно общались с нашим бесценнейшим Джоном Скоу?

У Рави закружилась голова.

— Я говорил с ним не далее как сегодня. Он на седьмом небе от счастья. И обещал вылететь к нам при первой же возможности.

Годин фыркнул.

- Хочет поприсутствовать при первом дне Творения?
- Наверное. Всякому хочется быть рядом в такой исторический момент.

Годин ничего не отвечал. Гели молчала. Молчали и медсестры.

Пауза затягивалась и становилась для Рави невыносимой. Он не мог набраться мужества и посмотреть на Гели. На чьей она стороне, черт возьми?.. Нет, подобное напряжение невыносимо. Нужно побыстрее найти повод уйти — вместе с проклятым шприцем в кармане.

Годин вдруг нарушил молчание:

Ну и сколько я еще протяну? В худшем случае?
 Рави был в состоянии такой растерянности,

что брякнул правду:

— В худшем случае вы умрете за полчаса. Почти что угодно может спровоцировать гидроцефалию, которая в вашем случае быстро приведет к летальному исходу.

Годин деловито кивнул.

- А сколько я проживу в лучшем случае?
- Ну... двадцать четыре часа.

Собрав все свое мужество, Рави сделал шаг в сторону кровати.

 Я хотел бы провести быстрый осмотр, если вы не возражаете, Питер.

Гели преградила ему путь. Она просто встала перед ним, никакой открытой угрозы, но сама напряженная поза ее тела внушала страх. Рави теперь казалось диким, что когда-то он часами фантазировал, представляя половой акт с ней. И думать смешно, что он мог сексуально удовлетворить женщину такой силищи и такого властолюбия. Этой нужен тигр в постель!

- Обыщите его, - прохрипел Годин.

Рави понял, что ему конец. Он хотел бежать к двери, но ноги парализовал страх. Он был похож на человека, стоящего перед собакой защитно-патрульной службы. Пошевелись — и Гели перегрызет ему горло.

Гели опустилась на колени и прошлепала его ноги снизу вверх, равнодушно проведя рукой по паху, затем, с довольным лицом шкодливого подростка, вытащила из кармана его брюк маленький полный шприц с защитным колпачком.

- Что в шприце? спросил Годин.
- Эпинефрин, соврал Рави. В случае нового криза я хотел немедленно прийти вам на помощь.

Гели насмешливо покачала головой.

— Я только что просмотрела пленку камеры слежения в амбулатории. На ней видно, как вы набираете шприц из емкости с пометкой «KCl», то есть хлорид калия.

У Рави предательски задрожали руки.

372 Годин спокойным тоном произнес:

— Пока мы тут дружески беседуем, сюда летит доктор Томас Кейз из университета Джонса Хопкинса. Вы введете его в курс дел и изложите ему историю моей болезни. С этого момента моим лечащим врачом станет доктор Кейз.

Рави окончательно оцепенел.

Взгляд Година впился в него и не отпускал, не позволяя Рави отвести глаза.

— Не мог подождать даже сутки, пока рак не сожрет меня?

Что делать? Валить все на Скоу?

- Можешь не отвечать, сказал Годин. В прошлом у тебя было довольно славы, но ты желаешь больше. Ты на свои былые достижения взираешь не с гордостью, а с ужасом: вдруг не сумею повторить их в будущем! Ты душевный пигмей, Рави. Эндрю Филдинг стоил десяти таких, как ты!
- И поэтому вы его убили, сказал Рави, удивляясь собственной дерзости.

Синие глаза устало закрылись, однако Годин ответил спокойным голосом:

— Даже самому великому ученому не позволено мешать прогрессу. К тому же я дал Филдингу второй шанс, теперь он будет жить в компьютере. Он уже частично существует во Вместилище, и вскоре его нейрослепок переступит порог тринитизации. Наступит час, когда Филдинг поймет, какой дивный подарок я ему сделал: я подарил ему бессмертие! Ну а теперь... проваливай.

Рави никогда не видел на губах Гели Бауэр такой довольной улыбки. Садистка чертова! Выше его на три дюйма, она обняла его за талию, как возлюбленного, и, пугающе-интимно заглядывая ему в глаза, сказала с ласковой издевкой:

— Напоследок надо бы уточнить одну детальку. Идея сама родилась в вашем перегретом солнцем мозгу? Или имелась подсказочка со стороны? 373

«Сама знаешь, сука!» — подумал Рави. Он попытался высвободиться из ее полуобъятия, но Гели только усилила хватку. Когда он прекратил сопротивление, она медленно провела ногтем от плеча к его голой шее.

— Признайся, дружок, ты давно мечтаешь оказаться со мной наедине? Пробил твой счастливый час.

Рави едва не обмочился.

Иерусалим

Ночью Рейчел еще надеялась, а на рассвете ее охватило отчаяние.

Дэвид умирал.

Накануне вечером заходил невропатолог, доктор Вайнштейн, добродушный брюнет невысокого роста с черными внимательными глазами. Он в свое время проходил практику в Бостоне и говорил на безупречном английском.

Прочитав электроэнцефалограмму, он тут же хотел направить Дэвида на МРТ. Рейчел поняла, что пора сказать хотя бы часть правды. Она спросила Вайнштейна, слышал ли он про Рави Нара. Работы Нара были невропатологу известны, и он был впечатлен тем, что его новый пациент работал бок о бок с лауреатом Нобелевской премии. Рейчел объяснила, что Нара проводил исследования на новейшем магнитно-резонансном томографе с очень высоким разрешением. Сканирование на подобном аппарате приводит к нежелательным побочным действиям. Поскольку мозг профессора Теннанта был подвергнут суперсканированию, и не без дурных последствий, то не стоит рисковать и делать ему даже обычное сканирование. Разве что другого выбора нет.

— Понимаю, что вы мне хотите сказать, — кивнул Вайнштейн. — И я крайне заинтригован. Однако, помоему, ваш друг очень близок к смерти. Вы наверняка знаете, что МРТ показывает ствол мозга намно-

374 го четче, чем рентгенотомография.

- Знаю, сказала Рейчел. Но до какой степени вы уверены, что кома вызвана опухолью в стволе мозга? Невропатолог пожал плечами:
- Мы, собственно говоря, перебрали почти все возможные причины. Опухоль практически последняя из них. Судя по вашему рассказу, суперсканирование на аппарате профессора Нара могло выявить опухоль даже в самом начале ее развития, когда существует лишь несколько злокачественных клеток. Я вас правильно понял?

— Да.

Вайнштейн сложил руки на груди и вздохнул:

- Знаете, что я думаю?
- Что?
- Если в самое ближайшее время мы не выясним, что с вашим другом, он долго не протянет.

В этой безвыходной ситуации Рейчел дала добро на МРТ. Через час доктор Вайнштейн рассматривал результаты сканирования. Не было и следа опухоли. Как раз в тот момент, когда врач рассказывал Рейчел о результатах томографии, на экране электроэнцефалографа внезапно исчезли тета- и бета-волны. Рейчел с ужасом видела, что остались одни альфа-ритмы. Альфа-кома. Чистая альфа-кома!

Она разрыдалась.

Доктор Вайнштейн обнял ее за плечи.

 Поверьте, это никак не связано с только что проведенной томографией!

Похоже, он пытался убедить в этом не только Рейчел, но и самого себя.

Преодолев самолюбие, доктор Вайнштейн добавил:

— Не вызвать ли сюда профессора Нара? Этот случай явно выходит за рамки известного. Вы сможете уговорить профессора прилететь в Израиль? Транспортировку в Штаты профессор Теннант вряд ли переживет.

Рейчел закрыла глаза. Как она могла объяснить, что Нара принадлежит к врагам Теннанта, 375

и после звонка ему в больницу «Хадасса» скорее всего прибудет группа профессиональных убийц?

Тем не менее выбора не было.

Я попробую с ним связаться, — сказала она. —
 Хотя сделать это непросто. За минуту не получится.

Вайнштейн провел ее в соседнюю комнату, где стоял телефон, и объяснил, как звонить в США. Дав ей номер своего пейджера, он уехал домой.

Рейчел осталась наедине с телефоном. На Рави Нара можно выйти только через Белый дом. Другого способа она придумать не могла. Если она струсит и ничего не предпримет, Теннант умрет. Если она позвонит в Белый дом... Теннант может опять-таки умереть, но уже вместе с ней.

Но не страх за себя сдержал ее. В глубине души Рейчел верила, что Дэвид, несмотря на все его причуды и галлюцинации, не был параноиком. Раз он сказал, что Рави Нара опасен, значит, так оно и есть. Пусть Дэвид никогда и не узнает об этой ее безоглядной вере в него, но... но разве безоглядная вера не часть любви? Верить на слово, до всяких доказательств и без ожидания награды за преданность...

Рейчел встала, вытерла мокрые от слез глаза и ушла в палату, так и не притронувшись к телефону.

Это было десять часов назад.

Ночью она только коротко дремала. Большую часть времени она таращилась на экран электроэнцефалографа — так набожный паломник неотрывно смотрит на икону в надежде, что из глаза Мадонны выкатится слеза. Увы, альфа-ритмы не изменялись. В бытность ординатором Рейчел провела не одну ночь, наблюдая, как больные медленно и необратимо сползают в смерть. А работая психиатром, не раз видела самоубийц, которые медленно умирали от ядов, против действия которых медицина была бессильна. Но лишь одна ночь в ее прош-

лой жизни была сравнима с этим страшным одиноким бдением.

Ночь, когда умирал ее сын.

Только-только она кое-как преодолела оцепенение скорби о сыне — и вот она провожает на тот свет мужчину, от которого она, возможно, когда-нибудь имела бы второго ребенка.

В три утра произошло новое чудо: необъяснимый и дающий надежду всплеск тета- и бета-волн на экране. Счастье длилось семнадцать минут — и закончилось. Больше Рейчел не спала. Каждые полчаса она подолгу хлопала возле уха Дэвида, однако альфа-ритмы оставались постоянными. Нулевая деятельность мозга.

Если верить электроэнцефалограмме, мозг Дэвида мертв. Но почему мозг, по науке, необратимо мертвый, периодически показывает какую-то активность?

Через час после рассвета Рейчел нагнулась, поцеловала Дэвида в лоб и пошла в смежную комнату к телефону.

После минуты пререканий с операторами ее все-таки связали с коммутатором Белого дома.

- Я звоню в связи с проектом «Тринити», сказала она в трубку.
- Пожалуйста, повторите свои слова, сказал оператор.
  - Проект «Тринити».
  - Минутку, пожалуйста.

Рейчел закрыла глаза. Руки дрожали, внутренний голос кричал: повесь трубку, дура! Она чуть было не поддалась панике, но тут в трубке раздался сухой мужской голос:

- Назовитесь, пожалуйста.
- Рейчел Вайс.

Острый вдох.

- Еще раз, пожалуйста!
- Профессор Рейчел Вайс. Я нахожусь рядом с профессором Дэвидом Теннантом и отчаянно нуждаюсь в помощи. Думаю, он умирает.
  - Успокойтесь. Я сейчас...

- Бога ради, не надо меня успокаивать! закричала она, теряя остатки самообладания. Мне нужно немедленно поговорить с человеком, который в курсе событий и может принимать решения!
- Профессор Вайс, где бы вы ни были, не вешайте трубку. Вы правильно поступили, что позвонили нам. Не имейте ни малейших сомнений на этот счет.

Глава 33

Белые Пески

Рави Нара лежал на цементном полу, и игла шприца с хлоридом калия упиралась в кожу у его яремной вены. Гели Бауэр намеревалась убить его тем способом, которым он хотел прикончить Година.

Но тут встревоженный женский голос в репродукторе закричал:

- Профессор Нара, пожалуйста, немедленно придите в Шкатулку. Профессор Нара, немедленно в Шкатулку!
- Скорее всего опять клиническая смерть! воскликнул Нара.

Гели отвела шприц. Не выпуская его из правой руки, левой она рывком подняла Рави с пола. Затем толкнула его в сторону двери.

— Шагай!

Пока они бежали к Шкатулке, Рави, спасенный за секунду от смерти, с ужасом вспоминал пережитое в последние полчаса.

Найдя шприц в его кармане, Гели увела невролога из Шкатулки в пустую больничную кладовку. Там Рави первым делом спросил, на кой черт она притащилась в Белые Пески. Он не знал, до какой степени происшед-

шее в Шкатулке было спектаклем для Година и 378 на чьей стороне Гели по-настоящему. Она криво усмехнулась и, прислонившись к стене, несколько секунд молча изучала его искаженное страхом и растерянностью лицо. Так собиратель жуков любовно разглядывает новый экземпляр, прежде чем наколоть его на иголку. Шприц в руке Гели придавал сравнению особую жуть.

- Прилетела, потому что хотела лично убедиться, говорит ли Скоу правду. Про то, что Годин умирает и проект вот-вот сдохнет.
  - Убелились?
- Вижу, Годин умирает. А «Тринити» живет и здравствует и даже накануне грандиозного успеха. Стало быть, Годин «будет жить вечно».
- Ну, строго говоря, это не жизнь, заметил Рави. В компьютере сохранится только его мозг.
- Будто бы мало! Вся жизнь, по сути, в мозгах. Гели показала глазами на нож у себя на поясе. Я могу рубануть где-нибудь между первым и седьмым позвонками. Тебя навсегда парализует ниже шеи. Если я позволю тебе выбирать: смерть или полный паралич, неужели ты выберешь смерть?

Рави поежился от такого аргумента.

Понял. Согласен.

Гели сладостно улыбнулась и медленно облизала губы языком. Рави всегда угадывал, что в ее сознании секс сплетен с насилием, и теперешнее поведение Гели только подтверждало его давние предположения. Ее явно заводила власть над жизнью и смертью. Кошка-психопатка, которая не только играет с мышью, но и не прочь трахнуть ее перед тем, как сожрать!

— Заодно и с папашей своим должна общнуться, — сказала Гели. — Век бы его не видать, но Господь, похоже, мои молитвы не услышал.

Рави молчал.

— Ладно, есть еще одна причина, зачем я сорвалась с больничной койки. Угадаешь — так и быть, оставлю жить. Паралитиком.

379

- Брось эту дурацкую игру! крикнул Рави. У меня и без того нервы на пределе! Да и Скоу будет здесь с минуты на минуту.
- Выходит, не можешь угадать? спросила Гели с непонятной усмешкой.
  - Нет. И пробовать не стану.
  - Хотела просканироваться на вашем супере.

Рави был поражен.

— Гели, зачем тебе это? Ты же знаешь, что после суперсканирования бывают пакостные последствия.

Гели рассмеялась.

— Даже косметическая хирургия не совсем безопасна, а люди все равно рискуют. А тут ставка — бессмертие!

Рави был рад тянуть время и ее не прерывал.

— Ваша технология, вне сомнения, будет оставаться секретной и уникальной много-много лет. Только считанные счастливчики обретут нейрослепки своих мозгов. Возможно, президенты или гении типа Година. Ну, может быть, талантливые придурки вроде тебя. И миллиардеры, которым денег не жалко на бессмертие. В любом случае шефы охранной службы в этом списке появятся очень и очень не скоро. Поэтому ваши ребята сегодня днем обфотографировали мои мозги со всех сторон. Потратила битых три часа, зато впечатление сильное!

Гели сделала паузу, задумчиво поигрывая шприцем в руке.

— Любопытно, какой побочный эффект вылезет у меня? Нарколепсия, эпилепсия? Нет, спасибо, не нуждаюсь. Синдром Туретта? Брр, упаси Господи! Расстройство краткосрочной памяти? Это еще ничего, я и так забывчива. Но чемпион всех последствий — гиперсексуальность, как у тебя. Мне в самый раз.

Рави дернул головой. Это только со стороны гиперсексуальность кажется забавной. Как любая обсессия,

компульсивное, то есть неподконтрольное, поло-380 вое влечение способно довести человека до полного отчаяния и самоубийства. Он убедился в этом на собственном печальном опыте.

Гели улыбнулась.

— Мне нравилось наблюдать за тобой через камеры безопасности. По пять раз на день бегал в ванную комнату мастурбировать. Несколько раз я слышала, как ты выстанывал мое имя. Быть героиней твоих фантазий!.. О, я была тронута до слез.

Рави скрипнул зубами. Ладно, тварь, посмотрим, кто посмеется последним. Возможно, Скоу в конце концов решит ликвидировать и Гели Бауэр — уж очень много знает.

Рави искал способы еще потянуть время. Но Гели вдруг шагнула к нему и изо всей силы ударила его в грудь.

Он тяжело рухнул на спину, ударившись затылком о пол. Пока он приходил в себя, Гели опустилась на колени рядом с ним и приставила к его горлу шприц...

От неминуемой смерти невролога спас только заполошный голос из репродуктора. Он был нужен Годину. А значит, временно в безопасности.

У Година возникли серьезные проблемы с языком. Он почти не мог глотать и кричал от жутких пронзающих болей в лицевых мышцах. Это были классические последствия разросшейся глиомы, против которых невозможно что-либо сделать. Оставалось глушить боль наркотиками. Через час мышцы языка стали опять подчиняться Годину, однако левая половина лица была почти парализована.

Пока Рави симулировал активность, чтобы Гели не вернулась к мысли убить его, зазвонил сотовый телефон Година. Старик был слишком слаб для разговора, поэтому отвечала Гели. Звонили из Белого дома. Гели приложила трубку к уху Година. Слыша только одного собеседника, Рави не все понимал, но сообразил, что в развитии событий произошел некий непредвиденный поворот.

Нет, Ивэн, все замечательно, — нагло лгал
 Годин. — Чувствую себя отлично, на здоровье не

жалуюсь. Могу только гадать, зачем Скоу распространяет такие дурацкие слухи.

Затем он долго слушал и наконец сказал:

- Если Филдинг действительно умер не от инсульта, то я полагаю, что все вопросы надо обращать к Скоу. Он никогда не ладил с Филдингом, и он же затеял охоту на Теннанта. Кстати, насчет профессора Теннанта не волнуйтесь. Я немедленно пошлю Рави Нара на реактивном самолете нашей компании. В этом типе комы он разбирается лучше всех. Возможно, он вообще единственный, кто способен справиться с подобной проблемой.
- «Пошлю Рави Нара»... куда? Да хоть к черту на рога, подумалось Рави, только бы подальше от Гели Бауэр.
- Да, как только будут новости по проекту, я сразу же дам вам знать... Всего доброго, Ивэн.

Гели отняла трубку от уха Година.

Старик уставился на Рави.

— Летишь в Иерусалим, — сказал он едва внятно. С Ивэном он заставлял себя, чудовищным напряжением воли, говорить нормальным голосом.

Рави удивленно заморгал.

- Зачем мне в Израиль?
- Теннант лежит в коме в больнице «Хадасса». Профессор Вайс там же, рядом с ним. Она только что звонила в Белый дом, просила помочь. Я заверил Ивэна Маккаскелла, что ты единственный врач в мире, способный вернуть Теннанта к жизни.
- С какой стати вам помогать Теннанту? удивленно спросил Рави. Пусть себе подыхает. Да и Маккаскеллу какое дело? В новостях говорят, что Теннант планирует покушение на президента!

Годин мучительно сглотнул.

 Президенты научены теленовостям не верить. И ты забыл, что именно Мэттьюс навязал мне Теннанта.

Теннант — человек президента. Президент желает выслушать его версию всей этой истории.

- Понятно, сказал Рави, хотя мало что понимал. —
   И что прикажете делать в Иерусалиме?
  - Убей Теннанта.

Рави устало закрыл глаза. Убей этого, убей того... Каким образом он, мирный ученый, впутался во всю эту мерзость и стал киллером на побегушках?

- Теннант в альфа-коме, продолжал Годин. Иначе говоря, живой труп. Его нужно только чуточку подтолкнуть к могиле, чтобы он ненароком не заблудился.
- Питер, я не профессиональный убийца. Я не могу явиться в израильскую больницу и...
- Почему нет? Ты же собирался убить меня, чем Теннант лучше?
  - Я никогда не имел намерения навредить вам...

Правую сторону годинского лица свело судорогой.

- Боль вернулась? участливо спросил Рави.
- Заткнись, пес поганый! Вот твой шанс искупить вину. И спасти свою шкуру.

Рави покосился на безмолвную Гели. Что угодно, только не чуланчик с ней наедине!

- Хорошо, сделаю, как вы хотите. Но что, если я не смогу при всем своем желании? Что, если в «Хадасса» у меня по каким-то причинам не будет физической возможности...
  - Не робей, тебя подстрахуют.
  - Ясно. Когда лететь?
- Через десять минут чтоб были в воздухе. Мой «Гольфстрим» заправлен и готов. Только сначала забеги в административный корпус. Там тебя ждет телефон.

Телефонный звонок? От кого?

Хорошо, Питер.

Рави пошел к двери, но остаток врачебной совести заставил его остановиться.

383

- А как же вы без меня?
- Доктор Кейз не даст мне сдохнуть раньше, чем будет достигнут порог тринитизации.

Годин сделал прощальное движение рукой.

— Не переживай. Возможно, Теннант умрет еще до твоего прилета.

Иерусалим

Рейчел сидела у телефона и молилась, чтоб ответный звонок из Вашингтона раздался побыстрее.

Если в отделении неврологии появится свободное место, то Дэвида перевезут туда, теперь это уже не страшно. Они все равно засветились. Но будет ли толк?

Рейчел хотела сбегать в палату посмотреть на экран электроэнцефалографа, но тут телефон наконец зазвонил.

Да, слушаю.

Однозначно американский голос произнес:

- Вы профессор Рейчел Вайс?
- Да.
- Это Ивэн Маккаскелл, руководитель администрации президента.

Рейчел от волнения прикрыла глаза.

- Я узнала ваш голос.
- Профессор Вайс, я звоню с целью заверить вас в том, что президент в высшей степени озабочен критическим состоянием здоровья профессора Теннанта. Мы не имеем полной ясности относительно истинных причин, которые привели к событиям последних дней, однако полны решимости доискаться до правды. Президент наконец вернулся в Соединенные Штаты, и я гарантирую вам, что профессор Теннант будет выслушан со всем возможным беспристрастием.

Психическое напряжение, которое копилось в ней с того момента, как Дэвид застрелил вооруженного типа в своем доме и они начали безумный бег по стране, который закончился за тысячи миль от родины, — это на-

пряжение вдруг прорвалось. Рейчел больше не могла сдерживаться и разрыдалась.

- Успокойтесь, профессор Вайс, сказал Маккаскелл. — Надеюсь, худшее для вас позади.
- Не знаю, не знаю. Но за звонок спасибо. Огромное спасибо. Там происходит нечто ужасное, профессор Теннант пытался предупредить президента.
- Ну, будет плакать, возьмите себя в руки. Я знаю, что профессору Теннанту очень плохо, и уже сделал нужный звонок. Мне обещали, что профессор Нара без промедления вылетит в Иерусалим на частном самолете. Кроме того, мне было сказано, что он светило первой величины и лучше кого бы то ни было справится с проблемой профессора Теннанта.

Рейчел вся напряглась при упоминании Рави Нара. В трубке что-то затрещало, словно связь временно отключилась. Затем раздался голос Маккаскелла:

- Профессор Нара, можете говорить.

В трубке раздался второй, более высокий мужской голос.

- Алло, профессор Вайс? Это Рави Нара. Вы меня слышите?
  - Да.
- Насколько я понимаю, профессор Теннант в альфа-коме. Это верно?
- Не совсем. Несколько раз прибор в течение нескольких минут показывал тета- и бета-волны. Теперь лишь альфа-волны, без всплесков. Боюсь прекращения дыхания.
- Не бойтесь. Дело в том, что я сам оказался в альфа-коме после суперсканирования. Вы ведь знаете про Супер-МРТ?
  - Да.
- Я пробыл тогда в коме тридцать два часа и пробудился самостоятельно. И никаких отрицательных последствий! Поэтому я ожидаю, что Дэвид весьма скоро очнется. Это может произойти в любую минуту.

Уверенность в голосе Рави Нара окрыляла. Как-никак лауреат Нобелевской премии! Известен всему медицинскому миру! Было трудно спорить с ним — особенно если его слова вселяли надежду.

- Профессор Нара, не знаю, что и сказать.
- Я лечу к вам, продолжал Нара. Мне сообщили, что по приказу президента Дэвида переведут в более безопасное место, где его жизни ничто и никто не будет угрожать. Буду в Иерусалиме через четырнадцать часов.
  - Счастливого пути!
- Дэвид скорее всего к тому времени уже очнется. Если нет — не паникуйте, все образуется. Потихонькуполегоньку, шаг за шагом, мы его вытащим, обещаю. Договорились?

У Рейчел было радостное ощущение, что черная полоса в ее жизни вот-вот закончится.

- Договорились! Я безмерно вам благодарна. Жду вас с нетерпением!
- Буду рад познакомиться, профессор Вайс. Всего доброго.

В трубке щелкнуло, но Маккаскелл на связи остался.

- Ну, сразу почувствовали себя лучше, профессор Вайс?
  - Не знаю, как вас и благодарить!
- Надеюсь, у вас будет возможность поблагодарить меня лично. Я перезвоню в ближайшее время.

Рейчел повесила трубку и глубоко вдохнула. Затем вытерла глаза бумажной салфеткой, встала и пошла в палату Дэвида.

Открыв дверь, она увидела, что Дэвид сидит на кровати. Его глаза были широко открыты — из них катились слезы.

Глава 34

Я смотрел на мир глазами только-только родившегося — ослепленный внезапным режущим светом. Пока я, мигая, привыкал к действительно-

сти вне темноты, мое тело заявило о своем существовании острым чувством голода и потребностью немедленно опорожнить мочевой пузырь. Я осмотрелся. Больничная палата. На своем веку я повидал сотни подобных комнат.

«Пить! — подумал я. — Полцарства за глоток воды!» В соседней комнате говорила женщина:

Не знаю, как вас и благодарить!

Ее голос показался мне знакомым. Я стал прислушиваться, но больше ни одного слова не услышал.

Дверь справа от меня открылась. На пороге стояла красивая молодая женщина. Я напрягся и вспомнил: Рейчел. Рейчел! Увидев меня, она окаменела, потом радостно вскрикнула и кинулась ко мне:

- Дэвид, ты меня слышишь?

Ее голос молотом ударил по ушам. Защищаясь, я выставил вперед ладонь, и Рейчел замерла.

— Ты находился в коме. Тебя не было... — тут она посмотрела на часы, — пятнадцать часов! И почти все это время альфа-кома! Только изредка тета- и бетаволны. Мы с врачом думали, что твой мозг уже умер. — Рейчел показала рукой на мое лицо. — Почему ты плачешь?

Я поднес пальцы к глазам. Действительно слезы.

- Сам не знаю. Может быть, резкий свет.

Что в палате очень мягкое освещение, почти полумрак, мне стало очевидно только теперь, когда глаза привыкли к свету.

— Ты что-нибудь помнишь? С тобой в церкви случилось что-то вроде эпилептического припадка.

Я помнил, как опустился на колени и сунул пальцы в отверстие в серебряной пластине. Внезапно какая-то энергия потекла через мою руку прямо в мозг. Энергия настолько сильная, что меня, казалось, должно вот-вот разнести на куски. Словно я был детской варежкой, которую пытался натянуть себе на руку боксер-тяжеловес. Все мое тело начало трясти, и затем... 387

- Я помню, как я упал.
- А после этого больше ничего не помнишь?

Я стал падать на каменный пол, но прежде чем коснуться пола, мое тело словно растаяло и смешалось с окружающим пространством. Я превратился в частицу вселенского океана, я ощутил свое полное единство со всем вокруг меня: с горой, на которой стоял храм, с птицами, которые гнездились меж камней на горе или парили в воздухе над горой, с цветами во внутреннем дворе храма и их пыльцой, разносимой ветром. Я не падал, но плыл, плыл, плыл — и прозревал более глубинный слой реальности. Существовала только одна пульсирующая основа, в которой границы вещей были иллюзорны, где пыльца и ветер были одно, где птица и воздух были одно, где материя и энергия двигались в вечном танце, перетекая друг в друга, где жизнь и смерть также были не отграниченными противоположностями, а лишь периодическими состояниями обычно живого или обычно мертвого. Однако паря в этом блаженстве единения, я — разумная медуза во вселенском океане — угадывал, что за пульсирующей основой, за вечным перетеканием материи в энергию и обратно есть еще более скрытая основа: рокочущая подложка бытия, столь же эфемерная и вечная, как законы математики, — невидимая, но неизменная и управляющая всем непринужденно и не принуждая.

Мерный, басистый отдаленный рокот этой деятельной подосновы бытия был похож на звук могучих турбин, крутящихся в железобетонном сердие гидростанции. Внимательно и долго вслушиваясь в этот рокот в глубине глубин всего, я мало-помалу стал различать отдельные повторяющиеся фрагменты. Они представлялись мне скорее набором звучащих чисел, чем нот, хотя смысл этой числовой мелодики был выше моего понимания. Я напряженно вслушивался в гул первоосновы Вселенной, стараясь вычленить отдельные повторы, отдельные аккорды, отдельные числа или буквы; я и не мечтал расшифровать этот гул, а пытался для начала хотя бы различить отдельные знаки шифрограммы.

Но даже слушая исступленно, всем существом, я не мог выделить из гула что-то более или менее осмысленное. Это походило на безнадежную попытку во время ливня проследить звук падения каждой отдельной капли. Однако что-то во мне безумно жаждало различить подоснову всего — те самостоятельные бесчисленные мелодии, которые создают дивную музыку дождя.

И тут я внезапно понял. Я искал повторяющиеся музыкальные фразы там, где не было мелодий, где был только набор какофоний. Стройная упорядоченность мира складывалась из мириада хаосов. И как только я перестал судорожно искать порядок и позволил беспорядкам мерно течь сквозь мое сознание, все вдруг стало на свои места, и я начал видеть то, чего раньше не видел, и слышать то, что лишь немногие когда-либо слышали: я услышал голос...

- Дэвид, ты меня опять не слышишь?

Я заморгал и заставил себя сосредоточиться на действительности. Больничная палата. Электроэнцефалограф на тележке. Усталые, растерянные глаза Рейчел, обведенные синими кругами.

- Я все слышу.

Рейчел, не решившись обнять меня, взяла стул и села напротив.

- Я звонила в Вашингтон. Сказала Маккаскеллу, что мы в Иерусалиме, в больнице «Хадасса».
  - Знаю.
  - Ты слышал мой разговор с Белым домом?
  - Нет.
  - Тогда откуда ты знаешь?

Оттуда же, откуда я знаю, что мы снова в смертельной опасности.

Я посмотрел себе на руку и стал срывать пластырь, державший иглу капельницы.

- Не делай этого! переполошилась Рейчел. Твое состояние еще не стабильно!
  - Надо срочно уходить.

Рейчел округлила глаза — то ли от страха, то ли от ярости.

- Ну что ты опять затеваешь?
- Будет кровь, когда я выдерну иглу. Найди, чем прикрыть ранку. А где моя одежда?

Рейчел вскочила и остановила мою руку.

- Дэвид, оставь капельницу в покое! Ты пока не в себе. Ты всю ночь лежал без сознания. Я переговорила с Ивэном Маккаскеллом. По просьбе президента Рави Нара уже летит сюда, чтобы поставить тебя на ноги. Я и с ним беседовала по телефону. Рави Нара сказал, что у него самого после суперсканирования была тридцатичасовая альфа-кома, из которой он вышел без всяких отрицательных последствий. И верно: ты сам очнулся, хотя ситуация казалась совершенно безнадежной. Дэвид, все хотят нам помочь...
- Рави Нара попросту соврал. Он никогда не был в альфа-коме. После суперсканирования он страдал неподконтрольной гиперсексуальностью. И больше ничем.
  - Зачем же он мне...
- Чтоб успокоить тебя и на время задурить тебе мозги. Мы должны убраться отсюда. Немедленно.
- Но президент намерен во всем беспристрастно разобраться. Он хочет знать правду. Так Маккаскелл говорит, а ему я верю!

Объяснить, откуда я знаю то, что я знаю, и при этом не выглядеть сумасшедшим не было никакой возможности. Поэтому я не стал спорить. Я просто встал, и одеяло, в которое я кутался, упало на пол. На мне был больничный халат, который завязывался на спине.

— Если мы тут останемся, то до встречи с президентом не доживем, — решительно сказал я. — Мне предстоит одно очень важное дело. Пожалуйста, дай **390** одежду.

Пока я выдергивал иглу из руки и искал пластырь, Рейчел достала из шкафа полиэтиленовый мешок и бросила его на постель.

Вот твои шмотки, — мрачно сказала она.

Я поискал глазами, за чем можно бы укрыться. Ширмы нет. Только узкий шкаф.

- Отвернись, попросил я.
- Не валяй дурака. Будто я тебя не видела.

Я повернулся к ней спиной и стал переодеваться.

- Почему ты решил, что они пришлют убийц?
- Да потому, что на самом деле ничего не изменилось. Они как планировали нас убить, так и планируют. Только теперь они точно знают, где мы находимся.
- Ты по-прежнему никому не доверяешь, да? Даже президенту?
- Президента водят за нос. Он понятия не имеет, что происходит в действительности.

Я уже надел пояс с деньгами и теперь застегивал сорочку.

- Ну и куда ты собрался? спросила Рейчел, невеселым взглядом наблюдая за каждым моим движением.
  - В Белые Пески.
  - Куда-куда?
- Национальный парк Белые Пески, где когда-то рванули первую атомную бомбу, сказал я, надевая брюки и ботинки. В Нью-Мексико.
  - По какой такой нужде?
- Именно там находится вторая, тайная лаборатория Година. И там настоящий «Тринити».
- Откуда ты знаешь? уже менее враждебно спросила Рейчел.
  - Если б я знал, откуда я все знаю!...

Рейчел покачала головой.

 Ах, Дэвид, Дэвид! Ты и не представляешь, до какой степени ты меня иногда пугаешь!

391

Поменьше думай. Просто доверяй мне.

- Погоди-ка! вдруг воскликнула Рейчел с загоревшимися глазами. Белые Пески!.. Белый песок! Помнишь странный порошок в письме Филдинга? То, что казалось обычным песком, на самом деле и было обычным песком! Неужели он пытался сообщить тебе про Белые Пески? Что именно там находится секретная лаборатория «Тринити»?
- Я думаю, это верная догадка. Филдинг не мог написать прямо; если бы его письмо перехватили, врагам стало бы известно, что он знает больше положенного.

Я посмотрел на закрытую дверь.

- Мы в каком отделении?
- В отделении скорой помощи.
- Замечательно. Значит, первый этаж. Знаешь, как отсюда незаметней выбраться?
  - Да, но...

Я подошел к ней и взял за руку.

— Рейчел, верь мне. Теперь все резко изменилось. Я знаю, что надо делать. У меня есть четкая цель. Мне некогда тебя убеждать и уговаривать. Нам просто нужно уходить. Немедленно. Сейчас.

Я видел, как в ней борется безоглядная вера в меня с опытом психиатра и элементарным желанием сунуть голову в песок. Рвануть опять в неизвестность — понятно, что это непростое решение.

— Умоляю, помоги мне. В последний раз.

Рейчел сомкнула веки и вздохнула. Потом прошла к окну и попробовала его открыть. Заперто наглухо, да и решетка за ним.

Я осторожно приоткрыл дверь. Две медсестры сидели за приемным столом, но достаточно далеко от моей палаты. Одна что-то читала, другая самозабвенно разговаривала по телефону, не глядя в мою сторону.

- Что дальше, после медсестер? спросил я шепотом.
- Коридор к двери, к которой подъезжают **392** машины «скорой помощи». Там охрана.

Охрана в больнице преимущественно для того, чтобы не пускать внутрь. Однако Израиль — страна специфическая.

Тут медсестра, которая читала, ушла в одну из палат.

Приготовься, Рейчел.

Как только вторая медсестра присела и стала что-то искать в шкафчике, мы быстро прошли за ее спиной в коридор, который вел к выходу.

Рейчел помахала охраннику, сидевшему за столом у двери. Тот что-то сказал на иврите.

Рейчел замедлила шаг, но не остановилась.

- Вы, конечно, говорите по-английски? спросила она охранника, дружелюбно улыбнувшись ему.
  - Чуть-чуть, ответил молодой парень в форме.

Рейчел произнесла скороговоркой:

— Доктор Вайнштейн велел мне вывести этого пациента на прогулку. По мнению доктора Вайнштейна, свежий воздух будет ему полезен. Вы ведь знаете доктора Вайнштейна?

Охранник смущенно улыбнулся и махнул рукой: проходите. Я думаю, он разобрал только многократно повторенную знакомую ему фамилию врача.

Мы благополучно оказались в больничном дворе. В этот ранний час здесь было безлюдно.

Выйдя с территории «Хадасса», мы увидели вдали купола Старого города. Дорога вела вниз по длинному, почти голому холму. Особо не спрячешься, нас будет видно за милю. Справа было огромное кладбище — похоже, колониальных времен.

- Надо бы найти такси, сказала Рейчел. До города пешком умаешься.
  - Ну-ка прислушайся...

Из общего гула города, который находился ниже нас, выделялся звук приближающегося к больнице гудка, непохожего на сирену «скорой помощи».

Мы присели за густыми низкими кустами. Через полминуты два темно-зеленых фургона с 393 мигалками промчались в больничный двор. Явно не машины «скорой помощи»! Один фургон затормозил перед входом в главный корпус, второй поехал дальше — перехватить нас, если мы попробуем бежать по другой стороне холма.

Из первого фургона вышли сначала двое мужчин в штатском, потом высыпала команда автоматчиков.

- Это кто? спросила Рейчел шепотом.
- Возможно, «Шин-Бет». Или другой отдел тайной полиции. Кто-то, кого Вашингтон попросил блокировать выходы из больницы.
- Рави Нара сказал мне, что тебя перевезут в более безопасное место.
- Ты действительно думаешь, что для этого нужна команда спецназа? Все, уносим ноги!

Пригибаясь за кустами, мы заспешили прочь.

Спускаться с холма пришлось преимущественно по открытому пространству, поэтому я поторапливал Рейчел и нервно оглядывался на больницу. Я представлял, какой там сейчас переполох. Очень скоро выяснят, что нас уже нет в здании, и начнут ловить по всему Иерусалиму.

Рейчел предлагала бежать к Старому городу, но я провел ее по улице Черчилля к гостинице «Хайатт ридженси». Там стояла длинная очередь свободных такси. Мы сели в первое.

- Американец? без малейшего акцента спросил водитель.
- Американец. Подбросьте меня к ближайшему интернет-бару.

Водитель задумчиво повел бровями.

- Вам что, компьютер нужен?
- Да.
- Тут прямо в «Хайатте» есть компьютеры, самоотверженно сообщил таксист. — Плата за каждые полчаса.
- Терпеть не могу дорогие гостиницы. В городском баре не так чопорно.

- Интернет-баров в Иерусалиме пока не так уж и много. Знаю, в «Штруделе» стоят компьютеры, но вряд ли он открыт так рано.
- Везите, там разберемся. И жмите на газ. У меня срочное дело.
  - Хорошо, сэр. В десять минут домчу.

Белые Пески

Вечера в пустыне — с мертвой тишиной, бескрайним небом и ощущением полной отрезанности от мира — обычно пугали и раздражали Рави. Но сегодня было таким счастьем оказаться на свежем воздухе, на свободе!

Одновременно с джипом возле годинского реактивного «Гольфстрима-5» остановился и только что приземлившийся черный «Лир» без опознавательных знаков. Из него вышел Джон Скоу.

- Никак не мог до вас дозвониться, Рави! крикнул он, идя к джипу. Что с вашим телефоном, дружище?
- Я лечу в Иерусалим, сказал Рави, выходя из джипа навстречу Скоу.

Тот схватил невролога за руку и, отведя шагов на десять в сторону, тихо спросил:

- Какой еще к черту Иерусалим?
- Питер посылает.
- Он что, все еще жив?
- **—** Да.

Паника и гнев исказили лицо Скоу.

- Вы даже не попробовали?
- Пробовал, черт возьми, пробовал!
- Зачем Питер гонит вас в Иерусалим?
- Убедиться, что Теннант вернется в Штаты только в гробу.

Скоу раздраженно возвел глаза к небу.

— Вчерашний снег!.. Забудьте про это. Там вам уже нечего делать. Теннант благополучно смылся из больницы «Халасса».

- Мне сказали, что он в альфа-коме.
- Видать, ожил. Этот сукин сын мастер бегать от смерти.

Рави ушам своим не поверил.

- Из альфа-комы еще никто не вставал. Значит, у него есть сообщники, они его оттуда и вывезли.
- О Господи, как же я не подумал! ударил себя по лбу Скоу. Израильтяне! За информацию о «Тринити» они черту душу продадут!

Рави было плевать на то, кому достанется технология «Тринити». Сейчас он думал только о себе.

— Джон, вы хоть знаете, где теперь Гели Бауэр?

Скоу удивленно воззрился на Рави.

- Разумеется. В больнице Уолтера Рида.
- Я думал, вы лучше информированы.
- О чем вы говорите?
- Гели тут охраняет Питера!

Скоу побледнел.

- Как вышло, что вы этого не знаете?
- Эта сука несколько раз разговаривала со мной по своему сотовому — рассказывала, какие там чудесные доктора!
- А вы утверждали, что она в одной лодке с нами! возмущенно сказал Рави.
- Эта паскуда меня обманула. Придется срочно связываться с ее отцом.

Военный пилот подошел к Рави.

 Профессор Нара? Можете подниматься в самолет, сэр. Мы готовы к вылету.

Скоу сказал пилоту властным голосом:

— Капрал, я беру профессора Нара с собой на встречу с мистером Годином. Ситуация в Израиле изменилась.

Рава не имел ни малейшего намерения оставаться в Нью-Мексико.

— Нет, Джон, я лечу в Иерусалим, — решительно заявил он. — Теннант и Вайс могут объявиться в любое время. Питер хочет, чтобы со стороны ка-

залось, будто он делает все возможное ради спасения Теннанта. И я думаю, он совершенно прав.

- Понимаю, вам нравится идея улизнуть в Иерусалим. Но вы мне необходимы тут.
  - У Питера новый лечащий врач.
- Бросьте, Питеру сейчас нужны именно вы, со значением сказал Скоу.

Рави шагнул к пилоту.

Я готов, идемте.

Скоу придержал Рави за руку и обратился к капралу:

— Я здесь по прямому приказу президента США. Ваш командир, генерал Бауэр, в курсе моих полномочий. Мне нужно две минуты переговорить наедине с профессором Нара. После этого мы с ним посетим мистера Година. Отойдите, пожалуйста, на двадцать метров.

Капрал подчинился.

Рави пробовал вырваться, но Скоу держал его бульдожьей хваткой.

- Ты меня заложил, да? прошипел он. Ax ты, сволочь этакая!
- Никому я ничего не говорил! Но это вам не поможет. Они знают более чем достаточно. Не случись у Питера внезапно новый криз, меня бы уже не было на этом свете Гели дали добро на мою ликвидацию!

Скоу затравленно огляделся, словно ожидал, что на него сейчас накинутся парни Гели. Не видя непосредственной опасности, он взял себя в руки.

— Послушай, Рави, не будь дураком! Бегство в Иерусалим не спасет твою шкуру. Президент почти купился на нашу версию, однако живой Годин камня на камне не оставит от нашего вранья. И тогда нам всем крышка. Вот почему тебе необходимо закончить дело.

Рави подташнивало от страха. Спасение было так близко — и вот на тебе!

— Вы совсем рехнулись, Джон! — закричал он. — Кто же меня теперь подпустит к Питеру? Если я здесь останусь, Гели меня в два счета прикончит. 397

Скоу схватил его за плечи и хорошенько встряхнул.

- Да успокойся ты, ради Бога! Я тебя на время спрячу в своем кабинете, а сам переговорю с Годином и все улажу.
  - Уладишь? Не смешите меня!

Скоу криво ухмыльнулся.

— Ты забыл, что моя основная специальность — информационная война.

Он подвел Рави к джипу и знаком велел капралу сесть за руль.

— Они вас уже подозревают, — предупредил Рави. — Что вы им скажете?

С широкой хищной улыбкой Скоу хлопнул невролога по спине.

Не робей, штафирка. В ремесле выживания я мастер, какого свет не видал. Даже Гели не зазорно у меня поучиться.

Глава 35

Иерусалим

Интернет-бар «Штрудель» был еще закрыт. Через стеклянную дверь я разглядел бородача, подметавшего пол, и постучал, затем помахал рукой, показав бородачу на ручку двери. Тот отрицательно помотал головой.

- Пояс с деньгами не потеряла? спросил я у Рейчел.
- Нет.
- Дай мне стодолларовую купюру.

Я прижал купюру к стеклу и опять постучал. Бородач раздраженно поднял глаза и махнул рукой: проваливайте. Затем прищурился, подошел ближе к двери и пригляделся. После этого он крикнул нам по-английски:

«Стойте и никуда не уходите!» — и побежал в заднюю комнату за ключами.

- Мне нужен компьютер, сказал я, когда дверь наконец открылась.
- Заходите. Никаких проблем. Быстродействующий Интернет.

Рейчел расплатилась с таксистом и подошла ко мне.

В темноватом «Штруделе» пахло, как пахнет в дешевых барах во всем мире, но работающий компьютер имелся, и на том спасибо. Я принялся искать в Интернете адреса электронной почты крупнейших университетов и исследовательских центров в Соединенных Штатах и в Европе.

- Что ты делаешь? спросила Рейчел, садясь рядом.
- Предаю дело огласке.
- Ты же раньше не хотел!
- И сейчас не хочу. Но выбора не остается. Они своего добились. Или вот-вот добьются.
  - Чего добились?
- Опытный образец «Тринити» заработает в самое ближайшее время.
  - Откуда ты знаешь?
  - Знаю.
  - И ты собираешься рассказать об этом всему миру?
  - **—** Да.
  - Насколько подробно?
- Достаточно, чтобы поднять такую бурю в средствах массовой информации, которую президент не сможет игнорировать.

Я открыл текстовый файл и начал печатать свое обращение к общественности. Первая строка родилась сама собой. Это были слова Нильса Бора по поводу гонки ядерных вооружений: «Мы находимся в совершенно новой ситуации, которая не может быть разрешена войной».

- Дэвид, тихо спросила Рейчел, что происходило с тобой в коме? У тебя опять были галлюцинации?
- Нет, на прежние видения это не похоже.
   Трудно объяснить, но я попробую как только

выдастся время. А пока что не мешай, пожалуйста, я должен закончить обращение.

Рейчел встала и отошла к двери — наблюдать за улицей и предупредить, если появится полиция.

Я склонился над клавиатурой и печатал без пауз, не задумываясь, словно моими пальцами водила внешняя сила. Через двадцать минут я попросил бородача-бармена вызвать нам такси, непременно с водителем-палестинцем. Затем я напечатал заключительную строку: «Посвящается памяти Эндрю Филдинга».

- Ну, разослал свое обращение? спросила Рейчел.
- Да. Свистопляска в средствах массовой информации начнется часа через четыре.
  - Ты действительно этого хочешь? Ты все продумал?
- Зло процветает только во тьме. Оно боится света, торжественно сказал я.

Рейчел странно уставилась на меня.

- Ты говоришь о Зле с большой буквы?
- Да.

Ко входу подъехало такси. Бородатый водитель смотрел в сторону двери бара.

Пойдем, — сказал я Рейчел.

Подойдя к такси, я спросил водителя:

- Вы палестинец?
- A вам-то что? мрачно отозвался он на хорошем английском языке.
- Знаете, где находится штаб-квартира МОССАДа? Водитель смотрел на меня исподлобья: что я за человек и чего хочу?
  - Чего ж не знать. Всякий палестинец знает.
- Поэтому я и спросил, палестинец вы или нет. Везите меня туда.

Рейчел удивленно вытаращилась на меня. Было нетрудно прочитать ее мысли. Что мне нужно от МОССАДа, беспощадной разведслужбы Израиля?

 Деньги-то у вас имеются? — грубо спросил водитель.

- Сто американских долларов хватит?
- Лучше раз увидеть, чем сто раз услышать.

Рейчел вынула сотенную.

Водитель кивнул:

- Салитесь.

Не успел я захлопнуть дверцу, как машина рванула с места.

Белые Пески

Гели понимала, что сидит у смертного одра. Старику остались считанные часы или минуты. Зверски хотелось курить, но выйти из Шкатулки она не имела права. Несмотря на антисептику и полную стерильность воздуха, в комнате стоял аромат смерти. Словами этот аромат Гели описать не могла, но этот страшный душок ей был хорошо известен по полевым госпиталям. Приходилось ей наблюдать смерть и во время боевых заданий в разных глухих углах мира. А может, сама эволюция научила человеческое обоняние улавливать приближение смерти. В мире, где смертельные инфекционные болезни передаются от человека к человеку, инстинкт шарахаться от обреченного - важное условие выживания. Весь этот опыт привел к тому, что со смертью она была на ты. Но быть свидетельницей медленного умирания Година давалось ей труднее, чем она ожидала.

Временами он не мог глотать, хотя говорил все еще достаточно внятно. Он трогательно рассказывал Гели о своей покойной жене — так умирающий отец спешит поведать дочери, как он любил ее мать. Гели испытывала чувство неловкости и не знала, как вести себя в подобной ситуации: близость с отцом ей была не знакома. С трехлетнего возраста отец относился к ней как к призывнику: или игнорировал, или муштровал. В понимании Хорста Бауэра сердечное общение с дочкой заключалось в совместном составлении графи-

ка ее спортивных тренировок. Совсем маленькой девочкой она терпела эту сухость и официальность отношений, а подростком взбунтовалась. В доме Бауэров вспыхнула открытая война. Когда же у Гели прорезалась та же буйная сексуальность, которой был печально известен Хорст Бауэр, она окончательно вырвалась из-под отеческого контроля. Она догадывалась, что в глубинах подсознания отец вожделел ее, и это давало ей власть над ним. Гели повадилась дефилировать перед ним полуодетой, бесстыже флиртовала с его товарищами-офицерами, старше ее вдвое, и совращала всех мужчин-психиатров, к которым ее посылал перепуганный отец. Отчаявщись, генерал стал регулярно избивать дочь — что только укрепило ее ненависть и желание бороться до конца.

Гели были шестнадцать, когда она обнаружила, что у ее отца не просто одна любовница, а целый гарем. Восемнадцать лет брака с неверным и склонным к рукоприкладству мужем превратили ее мать в развалину, алкоголичку, прячушую бутылки по всему дому. Когда Гели решилась сказать отцу прямо в глаза, что это он загубил ее мать, Хорст только смущенно ухмыльнулся и поздравил ее с тем, что она нашупала слабость сильных мужчин. Мужчины с характером и размахом не могут удовлетвориться одной женщиной, и Гели нужно как можно скорее понять, что сексуальная ненасытность — признак большой личности. Тогда Гели заявила, что, следовательно, он должен радоваться ее поведению. Закончился спор обычным мордобоем. Только теперь Гели норовила ответить ударом на удар.

Но когда Гели поступила в университет, то обнаружила, что она и сама сильный человек. А слова отца справедливы и по отношению к сильным женщинам. Жажда острых ощущений толкала ее на новые и новые связи; ни один мужчина не удовлетворял ее, через некоторое время она неизменно начинала скучать и

томиться. В день, когда она получила диплом с отличием (специализация: арабский язык и экономика), Гели зашла в вербовочный пункт в торговом центре, подписала контракт и поступила на службу в армию рядовым.

Она рассчитала правильно: для генерала это был страшный удар. Он пришел в дикую ярость. Этим шагом Гели навсегда избавлялась от его власти. Наплевав на диплом, на возможность использовать влияние отца и поступить в Вест-Пойнт, она демонстративно пошла в армию рядовым, опозорив генерала перед товарищами-офицерами. Мало того, что она против желания отца решила идти по его стопам; она начала военную карьеру с самого низа, лишь бы не быть чем-либо ему обязанной. Хорст Бауэр запил и впал в многомесячное маниакально-депрессивное состояние, результатом которого было самоубийство - но, увы, не его, а его вконец измученной жены. Гели так и не узнала, что именно окончательно сломило дух матери. Еще одна любовница? Еще одно избиение? Так или иначе, Гели считала, что беспросветная жизнь и трагическая смерть матери на совести генерала, и не могла простить отцу его грубость и бесчувственность.

По контрасту, Питер Годин жил с женой душа в душу на протяжении сорока семи лет, не глядя на других женщин. Об одном он только жалел — что у них не было детей. Конечно, дети отнимают драгоценное для ученого время. Но сумел же Эйнштейн и в физике революцию произвести, и детей воспитать!.. Пока старик нес какую-то сентиментальную чепуху про свою поездку с женой в Японию, Гели размышляла о плане Скоу свалить на Година вину за смерть Эндрю Филдинга.

- Можно вас перебить, сэр?

Годин посмотрел на нее извиняющимися глазами.

403

- Прости, Гели, заболтался старик. Так легче справляться с болью.
- Нет, мне интересно. Но я хочу вам кое-что сказать.

- Да?
- Не доверяйте Джону Скоу. Это он приказал Рави Нара убить вас. Скоу считает, что проект «Тринити» потерпит неудачу, и планирует всех собак навесить на вас.

Годин слабо улыбнулся.

- Знаю. И уверен, что твой отец тоже участвует в заговоре против меня.
  - Почему же вы ничего не предпринимаете?
- Как только компьютер преодолеет порог тринитизации, все мои враги будут бессильны против меня. А до тех пор я уповаю на твою защиту.
- Но если вы не доверяете им, почему вы не замените их другими людьми?
- Этих я знаю как облупленных, и они предсказуемы. Нетрудно предугадать, в какой именно момент они предадут и почему. Алчность любого рода делает человека предсказуемым. Увы, человек и по сю пору живет грубыми инстинктами.
- А как насчет меня? Почему вы так безоглядно доверяете мне? Потому что платите по-царски?
- Нет. Я наблюдаю за тобой вот уже два года. Знаю, что ты ненавидишь отца, и знаю почему. Знаю, что ты делала в Ираке. Ты никогда не уклонялась от трудной или грязной работы и никогда не предавала честь мундира в отличие от твоего отца. Мне известно и то, что ты меня уважаешь и мной восхищаешься. Мы с тобой родственные души, ты и я. У меня нет дочери, а у тебя, в определенном смысле, нет отца. И мой инстинкт подсказывает мне, что если генерал Бауэр явится сюда, чтобы убить меня, ты без колебания остановишь его пулей.

Гели спросила себя: так ли это? Ответа она не знала.

- Зачем же вы наняли нас обоих зная, что мы как кошка и собака?
- Когда Хорст впервые рассказал мне о тебе, я решил, что он мечтает поправить ваши отношения. И хотел этому посодействовать. Я был не прав. Твой отец не хочет мира.

Рука Гели рванулась к пистолету: дверь герметичной Шкатулки начала с шипением открываться. В помещение вошел Джон Скоу — ни пылинки на дорогом костюме, ни один волос не выбивается из аккуратной прически. Он нисколько не напоминал затравленного человека, который не ведает, что с ним завтра станет.

- Привет, Гели. Опусти пушку, свои.

Синие глаза Година впились в аэнбэшника.

Обыщи его, Гели.

Гели грубо толкнула Скоу к стене и проверила с ног до головы.

- Чистый.
- Приятно, сказал Скоу. А можно теперь тебя пошупать?

Гели задавалась вопросом, что Скоу затевает. Раз он осмелился сюда явиться, значит, он уже заручился поддержкой на самом верху.

 Привет, Питер, — повернулся Скоу к Годину. — Наши дела осложнились еще больше. Теннант вышел на прессу.

Лицо Година исказилось судорогой. Сейчас, когда боль немного отпустила, Гели видела, что Годин опять владеет всеми мышцами лица — паралич оказался временным. Прожигая Скоу энергичным взглядом, он приказал:

- Рассказывайте подробно, что натворил Теннант.
- Он убежал из больницы «Хадасса» и с компьютера в какой-то иерусалимской забегаловке разослал по электронной почте обращение к разным органам печати и научным институтам во всем мире. Он рассказал все, что ему известно о «Тринити», а также о смерти Филдинга и об охоте за ним самим. Словом, ни о чем не умолчал, вывалил на общественное обозрение все полностью.

Годин устало прикрыл глаза.

- Теннант выболтал подробности технологии?
- Ровно столько, сколько нужно, чтобы все ему поверили. Но даже этой общей информации

достаточно странам типа Японии, чтобы развернуть соответствующий проект и года за три построить собственный «Тринити». Хуже того, Теннант сообщил, где находится наша тайная лаборатория. Я понятия не имею, как он узнал о Белых Песках. Скорее всего от Филдинга.

Годин глубоко вздохнул.

— Упустил я Теннанта в свое время, моя вина! Нужно было больше с ним беседовать по душам, заранее перетянуть на свою сторону... Да, тут я сплоховал.

Скоу подошел ближе к кровати. Гели держала руку на пистолете. Даже от безоружного Скоу можно было ожидать любого сюрприза.

- Мы в крайне затруднительном положении, Питер. Вот что я советую...
- Мне твои советы до одного места! пробормотал Годин, пытаясь приподняться на кровати. Ты на меня с самого начала смотрел как на дурачка, которым можно вертеть по своему усмотрению. Скоро убедишься, насколько ты был не прав!

Годин дотянулся до одного из телефонов на прикроватной тумбочке и нажал на его единственную кнопку.

- Кому вы звоните? все еще самоуверенно спросил Скоу.
- Сейчас узнаешь. Алло, это Питер Годин. Я должен поговорить с президентом. Неотложный вопрос национальной безопасности. А-а, код... Семь-три-четыре-девять-четыре-ноль-два. Да, жду.

Скоу побледнел.

- Питер...
- Заткнись.

Годин взглядом приказал Гели удвоить бдительность и затем произнес энергичным и властным голосом:

— Господин президент, это Питер Годин беспокоит.

Гели повидала на своем веку командиров разных рангов, да и ее отец был прирожденным начальником. Но впервые она слышала такую величаво-спокойную ин-

406 тонацию. Годин говорил с президентом как с рав-

ным. «Здравствуйте, господин президент, вас беспокоит Альберт Эйнштейн двадцать первого века».

Годин несколько секунд выслушивал президента, затем начал детально аргументировать, зачем ему понадобилась вторая, тайная лаборатория в Белых Песках. По его словам, более чем год назад служба безопасности доложила ему, что в Северной Каролине кто-то саботирует проект «Тринити» и, возможно, продает тайны иностранной разведке. Обратиться за помощью к ФБР или ЦРУ означало расширить круг посвященных и увеличить риск утечки информации. Да и само расследование отвлекло бы ученых и замедлило темп работ. Поэтому Голин использовал собственные деньги и связи для создания второй лаборатории. Тогда же он доверил поиск вредителя Джону Скоу, но теперь он выяснил, что сам Скоу давно замешан в темных делах.

Президент задал еще несколько вопросов, на которые Годин отвечал так же уверенно и без запинки. Насколько ему известно, Эндрю Филдинг умер от обычного инсульта, хотя преднамеренное убийство не исключено. А Дэвид Теннант, психическое здоровье которого было уже подорвано неврологическими последствиями суперсканирования, после смерти друга окончательно потерял контроль над собой. Будет сделано все возможное, чтобы помочь Теннанту вернуться в норму...

Упреждая дальнейшие расспросы, Годин сообщил президенту, что не пройдет двенадцати часов, как «Тринити» заработает. Судя по всему, компьютер даже превзойдет все ожидания — и в военном отношении. и как прорыв в сфере создания искусственного интеллекта. Это резко изменило тон беседы.

Филдинг, Теннант и подпольная лаборатория в Белых Песках — все становилось несущественным и отступало на второй план, раз Годин передавал в руки президенту невообразимую власть над миром, а заодно и бессмертную славу государственного мужа, 407

благодаря мудрости и отваге которого страте-

гически важный проект был доведен до победного конца.

Завершая беседу, Годин разговаривал с президентом уже не как с равным, а даже немного свысока. Правда, напоследок ему пришлось выслушать что-то неприятное — его лицо явно напряглось.

 Да, сэр, конечно. Я понимаю. Ваш приказ будет выполнен незамедлительно.

Повесив трубку, он насмешливо уставился на Скоу.

- Что, поражены? Я с президентами на дружеской ноге давно, начиная с Линдона Джонсона.
- Что Мэттьюс сказал в конце? хрипло спросил Скоу.
- Просил временно остановить работу в целях успокоения растревоженной американской общественности.
  - Боится средств массовой информации.
- Да. Ивэн Маккаскелл уже вылетел к нам. Они спешно сколачивают чрезвычайную комиссию по надзору. А позже подключится сенатский комитет по делам разведки.
- Что вы намерены делать? спросил Скоу. Действительно остановите работы?

Годин отмахнулся от него, как от назойливой мухи. Глядя на предателя-аэнбэшника с нескрываемой ненавистью, Годин сказал Гели:

— Если эта гнида хоть что-то предпримет без моего разрешения, раздави его как вредное насекомое.

Кровь отлила от лица Скоу.

— А теперь, — сказал Годин, обращаясь к Скоу, — иди к посадочной полосе. Генерал Бауэр вот-вот прибудет. Встречай дружка.

Мороз продрал Гели по спине. «Вот-вот прибудет»!

Гели, поведение твоего отца нетрудно просчитать,
 сказал Годин.
 Как только Теннант оповестил весь мир о «Тринити», Хорст тут же запани ковал. И уже через пять минут продал меня: по-

звонил в Белый дом и начал клясться и божиться, что участок в Белых Песках я выпросил у него под ложным предлогом, что он ни сном ни духом не знал о «Тринити» и так далее. Сейчас, естественно, он метнется сюда, чтобы взять лабораторию под свой контроль. А может, сам президент приказал ему с помощью военной силы гарантировать прекращение работ.

- Что передать генералу? спросил Скоу.
- Что любая попытка воспрепятствовать работе опытного образца «Тринити» приведет к возмездию в невообразимом масштабе.

Скоу прищурился.

- Вы что имеете в виду, Питер?
- Просто напомни генералу то, что ему известно из долгого опыта общения со мной.
  - А именно?
  - Что я никогда не блефую!

Скоу посмотрел в глаза Гели, потом на дуло ее поднятого пистолета.

Пошел вон, — прохрипел Годин.

Скоу повернулся и вышел из Шкатулки.

- Зачем вы его отпустили? возмутилась Гели. Давайте я хотя бы запру этого гада в его кабинете!
  - Нет, теперь он нам навредить не может.
  - В одиночку да. А в союзе с моим отцом?

Годин только криво усмехнулся, словно хотел сказать, что время мелких беспокойств закончено.

- Соедините меня с Левиным во Вместилище.

Гели поднесла трубку к уху старика.

Левин? Слушайте внимательно. Час пробил.

Чуткие уши Гели слышали голос в трубке.

- Вы уверены, сэр? Нейрослепок Филдинга пока что на восьмидесяти одном проценте.
- Мой нейрослепок закончит дело и справится с последними трудностями, сказал Годин.

Левин в трубке молчал. Затем взволнованно спросил: **409**

- Конец, да?

Серые губы повиновались Годину с трудом.

- Не совсем. Но думаю, вот так мы с тобой говорим в последний раз. Готовься к незваным гостям.
- Мы готовы. Я слышал разговоры солдат снаружи.
   Они говорят, скоро прибудет генерал Бауэр, чтобы все взять под свой контроль.

Годин закашлялся.

- Помни, Зак... для меня отныне нет конца. Мой конец мое начало!
- Было большой честью работать с вами, сэр. И как только вы достигнете состояния «Тринити», я снова буду рад служить вам не за страх, а за совесть.

Годин закрыл глаза.

— До скорого свидания, мой друг.

Вешая трубку, Гели прикидывала, как скоро появится ее отец. До форта Уачука всего лишь триста миль...

Тут она вздрогнула — рука Година коснулась ее запястья.

- Ты понимаешь, что происходит?
- Да, сэр. Левин выгружает нейрослепок Филдинга и загружает в компьютер вас. Примерно через час вы станете компьютером «Тринити». Или наоборот.

Годин устало кивнул. События последних минут окончательно утомили его. Дышать ему становилось все труднее.

- Питер, но что это вам даст? взволнованно спросила Гели. Даже если «Тринити» будет работать безупречно, достаточно щелкнуть выключателем и все, вы проиграли. А если к выключателю не подойти, достаточно перерубить электрокабель.
- Скоу, вероятно, сейчас именно этим и занят: ищет выключатель или место, где можно перерубить кабель.
   Но у него ничего не выйдет.
- Мой отец прилетит с солдатами и всей необходимой техникой. Против него вам не выстоять.

Годин лежал с закрытыми глазами, однако в его шепоте звучала неодолимая сила:

 Не беспокойся. Возможно, тебе не придется стрелять в американских солдат.

Внутри у Гели все кипело. Старик попросту не понимает, что такое современная армия. Железобетонное Вместилище кажется ему надежным. Но Хорсту Бауэру доводилось за секунду уничтожать цели куда круче!

 Эх, пожить бы еще, чтоб досмотреть спектакль до конца! — пробормотал Годин. — Гели, держи оружие наготове.

Она села на пол, привалилась спиной к стене и нацелила «вальтер» на прозрачную дверь.

Глава 36

Иерусалим

Стоило мне назваться у входа в штаб-квартиру МОССАДа, как нас с Рейчел буквально затащили внутрь. Тщательно обыскали, деньги и документы конфисковали, потом заперли нас в белой комнате, где были только деревянный стол и три привинченных к полу стула.

Через пару минут вошел офицер в штатском и спросил, зачем мы к ним пришли. Я сказал, что буду говорить только с высшим руководством. Офицер настаивал на ответе, но я упрямо молчал. Офицер вышел и запер дверь за собой. Минут сорок нас никто не тревожил.

За все это время Рейчел не сказала ни слова. Было очевидно, что тут кругом микрофоны, которые фиксируют любой шорох. Хотя я торопился в Нью-Мексико, на меня вдруг снизошел покой. Я знал, что мне делать, и чувствовал, что все должно получиться; теперь можно временно расслабиться. Рейчел, казалось, угадала мое настроение и положила свою руку на мою, чтобы моя энергия и мой покой перетекли в нее. 411

Наконец дверь открылась, и вошел невысокого роста мужчина с седым ежиком, на вид лет пятидесяти. Одет он был странно для большого начальника — в запыленном комбинезоне цвета хаки и видавших виды грязных армейских высоких ботинках. Однако поразительно цепкие глаза и уверенные движения выдавали человека, облеченного немалой властью и привыкшего командовать.

- Дэвид Теннант, сказал он, справляясь с данными в своей папке. Врач, писатель и в розыске как террорист, который грозится убить президента США. В последнюю неделю вы в Америке своего рода звезда. Чем обязан честью?
  - Вы принадлежите к руководству МОССАДа?
- Я глава организации, генерал-майор Авнер Кински.
  - Я думал, вы сейчас в Тель-Авиве.
- Я прямо из Вифлеема. Там этим утром был взрыв.
   Очередной террорист-самоубийца.
  - Мои соболезнования.
- Спасибо. Кински улыбнулся одними губами. Ну, так зачем же вы к нам явились?
  - Мне нужна ваща помощь.
  - В каком деле?
- Я хочу вернуться в США. Тайно и как можно быстрее.

Мой ответ его ошарашил. Хотя было очевидно, что генерал не из тех, кого можно чем-то удивить.

- Почему вы хотите вернуться в Соединенные Штаты? Вас там ожидает довольно холодный прием.
  - Зачем это мое дело.

Руководитель МОССАДа откинулся на спинку стула, почти насмешливо щурясь на меня.

- Куда именно вы желаете попасть?
- Белые Пески, Нью-Мексико.
- Занятно. Вы в курсе, что правительство моей страны попросили взять вас под стражу?
- **412** Да, догадаться было нетрудно.

- Мое правительство, как правило, сотрудничает с руководством США.
- «Как правило» не означает «всегда». Особенно если дело касается новых видов оружия и передовых технологий.

Генерал хмыкнул и наклонился вперед, с вызовом глядя мне в глаза.

- Вы улизнули от «Шин Бет» в больнице «Хадасса», а затем добровольно пришли сюда, прямо в мои руки. Почему?
  - Я был уверен, что вы мне поможете.

Кински покачал головой.

- Слишком петлистый путь к цели. Что вы делали в промежутке между бегством из больницы и явкой сюда?
  - Об этом вы узнаете немного позже.
  - Хотел бы знать прямо сейчас.
  - Увы.
- Скажите-ка мне вот что, профессор... Вы действительно намерены убить американского президента?
  - Похож я на убийцу?

Кински пожал плечами.

- Я всяких убийц повидал. И ни у одного не написано на лице, что он убийца. Женщины. Мальчики. Улыбчивые подростки. Немощные старики. А у вас однозначный вид фанатика.
  - Тем не менее я по натуре не убийца.
  - И все-таки убивали, видно по вашим глазам.
  - В порядке самозащиты.

Глава МОССАДа закурил сигарету и глубоко затянулся.

- Ладно, мы отклонились от главного. Почему вы думаете, что я помогу вам тайно вылететь в Америку?
  - У меня есть нечто для вас очень и очень ценное.

413

Темные глаза заинтересованно сузились.

- Подались в бизнесмены?
- Просто знаю, как делаются дела в этом не лучшем из миров.

Наклонившись к генералу, я продолжал:

— В США существует секретный военный проект под кодовым названием «Тринити». Работы над ним ведутся уже в течение двух лет и в самые ближайшие часы завершатся созданием оружия такой мощи, какого земля еще не знала. В обозримом будущем вряд ли в ваши руки попадет человек, которому известно об этом оружии больше, чем мне.

Израильтянин задумчиво поводил нижней челюстью.

— Вы не очень удивились — стало быть, про «Тринити» уже кое-что знаете. Тем лучше. Я один из шести человек, которые имели доступ к каждой детали рабочего процесса, начиная с первого дня работ. Надзирать за проектом я был назначен лично президентом. Таким образом, есть два варианта ваших действий. Вы можете держать меня у себя и пытками выудить из меня всю информацию. Но довольно много людей знают, что я в Израиле, в том числе и президент. Поэтому заварится нехорошая каша. Второй вариант: вы поможете мне добраться до Белых Песков, а на борт самолета посадите любых ученых, и я расскажу им все, что знаю про «Тринити». — Я откинулся на спинку стула. — Ну, как вам мое предложение?

Кински выпустил облачко дыма изо рта. Вид у него был невозмутимый, но я понимал, что мои слова должны были произвести сильное впечатление.

- Характеристики оружия?
- Искусственный интеллект. «Тринити» превратит ваши новейшие из новейших суперкомпьютеров в бесполезную груду металлолома. Они будут все равно что бипланы рядом со сверхзвуковым лайнером. К тому же «Тринити» способен молниеносно взламывать любые шифры. И это только начало. Возможности «Тринити» чудовищны и безграничны. Вот почему я так спешу, генерал.

Кински сделал еще затяжку, затем встал и 414 сказал с одобрительной улыбкой:

- Отчаянный вы малый, профессор Теннант!
- Ну так что?
- Считайте, что билет на самолет у вас в кармане.

Белые Пески

Стрельба у Вместилища началась еще за пять минут до того, как приземлился самолет генерала Бауэра. Кровь быстрее побежала по жилам Гели. Она была в своей стихии. Если ждешь неизбежного боя — большое облегчение, когда он наконец начинается. В каждом выстреле Гели слышала упоительную ярость стрелявшего. В одиноких хлопках есть вялость, только в настоящем сражении оружие наливается правильным звуком.

Годин резко очнулся и нажал кнопку, поднимающую изголовые кровати.

 Ваш отец, похоже, приказал своим солдатам занять Вместилище еще до его прилета.

Гели прикидывала, что делать, если группа захвата ворвется в больничный ангар. Как в одиночку защитить Година?

- Ваш технический персонал вооружен? спросила она.
  - Разумеется.
- Против обученной группы под выверенным и решительным командованием они долго не продержатся.
  - О, Гели, тут тебя ожидает приятный сюрприз!
  - Сэр, я знаю, о чем говорю. Если...
- Который час? перебил ее Годин. Как долго я спал? Левин звонил?
- Вы спали не очень долго, и никто не звонил. Ваш нейрослепок загружен более часа назад. Кстати, почему загрузка занимает столько времени?
- Сперва нужно сохранить и выгрузить предыдущий нейрослепок, затем новая, только что загруженная модель проходит период привыкания так сказать, акклиматизации в компьютерном состоянии. Это 415

похоже на постепенное возвращение в сознание после инсульта. Мозг должен свыкнуться, что у него больше нет тела.

- Время в каждом случае одинаковое?
- Нейрослепок Теннанта «психовал» и не мог освоиться с новым состоянием больше часа. Филдинг успокоился и занялся делом уже через тридцать девять минут. Но следует добавить, что в то время система функционировала только на пятьдесят процентов.

Телефон зазвонил. Это был Левин. Он тяжело дышал, в трубке были слышны крики и выстрелы вдалеке. Выслушав доклад главного инженера, Годин сказал:

Спасибо, Зак. Удачи тебе.

Пока Гели вешала трубку, Годин сообщил ей с довольной улыбкой:

- Мой нейрослепок полностью освоился в компьютере и теперь решает последние проблемы в том же лихом темпе, что и нейрослепок Филдинга!
- И когда, по-вашему, он доведет дело до конца?
   Телефон зазвонил опять. На сей раз это был Джон
   Скоу. Годин отказался говорить с ним.
- Гели, жестким голосом сказал Скоу, транспортный самолет твоего отца только что приземлился. Генерал обеспечен серьезной огневой мощью. Перестрелка, которую ты слышала пару минут назад, лишь прелюдия. Если кто-нибудь не убедит Година одуматься и отдать приказ Левину и прочим сдаться, то Вместилище будет разрушено до основания вместе с компьютером. Генерала Бауэра в этой ситуации материальный ущерб не путает.
  - Я передам ваше сообщение.

Она повесила трубку. Годин выжидательно смотрел на нее.

 Скоу говорит, что мой отец взорвет Вместилище, если вы не прикажете техперсоналу уйти оттуда подобру-поздорову.

Лицо старика передернулось болезненной су-416 дорогой.

- Уверен, он не сделает этого до разговора со мной.
- Что ему известно про «Тринити»?
- Я ему сказал, что работаю над созданием искусственного интеллекта. Без подробностей. Но, зная меня не первый год, он прекрасно понял, что я и на этот раз не пустяками занят. А детали его, собственно, и не интересовали; довольно того, что я платил бешеные деньги за приют на подвластной ему территории.
- Чтобы не слететь со своего поста, мой отец на что угодно пойдет. Если президент дал приказ блокировать работу компьютера, а единственный способ сделать это сровнять Вместилище с землей, генерал и секунды не будет колебаться. Сколько людей при этом погибнет, ему наплевать. Поверьте, я его знаю.

Дверь Шкатулки стала с шипением открываться. За ней стоял Хорст Бауэр. Гели, сжимая «вальтер» в обеих ладонях, целилась в собственного отца.

— Не сомневался, что наши с тобой отношения приведут к чему-то в этом роде, — криво улыбаясь, сказал генерал Бауэр. — Дай мне хоть войти. Побеседуем.

Годин кивком разрешил впустить генерала.

В пятьдесят пять ее отец мало отличался от себя тридцатилетнего. Поджарый, мускулистый, без единого седого волоса в белокурых волосах, серые колючие глаза, взгляд которых мог поставить на место любого, невзирая на чин и ранг. Сейчас на генерале был парадный костюм со всеми регалиями — не иначе как после аудиенции у руководителя президентской администрации, подумала Гели.

Генерал Бауэр подошел к кровати и, встретившись глазами с Годином, сказал:

— Сэр, президент велел вам остановить все работы. Если вы приказали персоналу подчиниться президенту, то довожу до вашего сведения: они не только игнорировали ваш приказ, но и оказали вооруженное сопротивление моим солдатам. Они забаррикадировались во Вместилище и ведут огонь по моим ребятам. У 417

меня уже двое убитых и пятеро раненых. Если же они ведут себя так с вашего ведома, то я требую: прикажите людям сложить оружие и покинуть бункер. В случае отказа подчиниться — с вашей или с их стороны — я буду вынужден применить силу.

Годин молча смотрел на генерала Бауэра. Гели чувствовала, что ее отец говорит исключительно для микрофонов. Годин, вне сомнения, тоже это понимал. Глазами генерал говорил ученому совсем другое.

— Профессор Годин, ваше состояние позволяет вам понимать мои слова?

Возможно, генерал и в самом деле полагал, что Годин не в себе и уже не контролирует ситуацию. Тому, кто видел Година в подобном состоянии впервые, было трудно преодолеть шок и понять, что в этом жалком теле все еще живет могучий дух.

- Мой персонал, произнес Годин после длинной паузы, получал приказ продолжать работу во что бы то ни стало, не реагируя на телефонные звонки. Даже мои. Им запрещено снимать трубку.
- В этом случае я вывезу вас наружу, к Вместилищу, — сказал генерал, — и команду прекратить сопротивление вы отдадите по мегафону.

Годин слабо улыбнулся, словно он наслаждался этой сложной игрой со своим тайным сотрудником.

- Генерал, да будет вам известно, Вместилище непроницаемо для звука извне. У него железобетонные стены, собственная система водоснабжения и вентиляции плюс собственные электрогенераторы. Оно полностью автономно.
- Ваш бункер с компьютером я могу превратить в пыль за пару секунд! отрезал Бауэр. Как раз сейчас мои саперы закладывают взрывчатку. Это пока что мягкий вариант. Президент не хочет уничтожения компьютера; но если вы откажетесь сотрудничать, у меня не ос-

танется выбора, и я без колебания уничтожу Вме-418 стилище одной ракетой. Угроза, казалось, подействовала на Година.

 Я жду звонка от главного инженера проекта, сказал он. — Посмотрим, что я смогу сделать.

Генерал покосился на Гели, которая по-прежнему держала его под прицелом, вздохнул и сел на стул у кровати.

- Слушайте, Питер, что вы тут построили, а?
- Самый мощный из когда-либо существовавших компьютеров.
- Стало быть, в своем обращении к общественности профессор Теннант ничего не преувеличил?
  - Тут что ни скажи все мало!

Разные чувства боролись на лице Хорста Бауэра. Он явно не знал, чью сторону ему выгоднее принять. Он метнул вопросительный взгляд на Гели, словно ожидая какой-то подсказки, но она смотрела на него враждебно, с нескрываемым отвращением. Вот он стоит — якобы неподкупный блюститель порядка и закона, посланец президента. А ей известно, что он на содержании у Година и тайная лаборатория «Тринити» была построена с его благословения. Поэтому она держала отца на мушке. Если он решит, что для его карьеры выгоднее убить Голина...

 Итак, вы не оставляете мне выбора, — торжественно изрек генерал Бауэр.

Он в последний раз посмотрел на пистолет Гели и в ее решительные глаза и встал, чтобы уйти.

Но тут зазвонил телефон, и генерал замер на месте. Гели взяла трубку свободной рукой и передала ее Годину. Опять она услышала на заднем плане истеричные голоса и хлопки выстрелов. Затем голос Зака Левина отчетливо произнес:

— Состояние «Тринити» достигнуто, сэр... Повторяю, состояние «Тринити» достигнуто.

Годин закрыл глаза и откинулся на подушку.

 Спасибо, Левин. Продолжайте работу. Ни на что не обращайте внимания. Годин отложил трубку на кровать.

Какого дьявола вы велели ему продолжать работу? — взревел генерал Бауэр.

В синих глазах Година был триумфальный блеск.

- Друг мой, порог тринитизации преодолен, состояние «Тринити» достигнуто. Игра сыграна. Теперь вы против меня бессильны.
- Питер, не ломайте комедию! Говорите четко, что происходит!
  - «Тринити» все взял под свой контроль.
- Что значит «все»? нервно переспросил генерал, метнув машинальный взгляд в сторону прозрачной двери Шкатулки. Выражайтесь яснее, черт возьми!
- Хорст, мы с вами давние знакомые. Вы знаете, что я человек слова. И вот теперь я обещаю вам: если вы попытаетесь войти во Вместилище или уничтожить его, вы просто спровоцируете уничтожение страны, которую присягнули защищать.

Глаза Бауэра зло сузились: растерянность удваивала его ярость.

 Скоро вы все поймете, — сказал Годин. — А пока я советую вам вести себя терпеливо и благоразумно.

Генерал сделал шаг обратно к кровати и тихо произнес:

— Вы знаете, я всегда поддерживал ваши начинания. Но сегодня другие обстоятельства. Произошел чудовищный скандал, за которым пристально наблюдают все средства массовой информации в мире! Питер, поймите, ситуация вышла из-под контроля. Нужно делать уступки. Пойдите хотя бы временно на попятный!

Годин только рукой махнул.

 Я уверен, генерал, вы и на этот раз найдете способ увернуться от ответственности. Вы в этом деле мастер.

Генерал Бауэр тяжело вздохнул и быстрыми шагами вышел из Шкатулки, не удостоив дочку даже взгля-420 дом. Гели еще раз убедилась в том, о чем она догадывалась еще в детстве: отец пуще всего боится неопределенных ситуаций — в них он теряется.

Гели опустила пистолет и посмотрела на Година. Старик плакал. Это ее ошеломило.

- В чем дело, сэр?

Годин поднял дрожащую руку к лицу, словно проверяя, на месте ли оно.

— Я победил! Гели, ты видишь перед собой первого человека за всю историю планеты, который существует сразу в двух местах.

В глазах старика светилось радостное удивление. Удивление и покой.

 Я умру на этой кровати, — сказал он. — Но моя жизнь продолжится во Вместилище.

Гели не знала, что ответить. Про себя она была убеждена, что даже если Годин прав, то его новый череп — Вместилище — будет скоро разнесен взрывом.

Возьми мою руку, Гели. Пожалуйста.

В его глазах была мольба. Она дала ему свободную руку, и он сжал ее, как перепуганный маленький мальчик сжимает руку матери.

— Ну вот, теперь можно, — прошептал Годин. — Теперь я могу позволить своему телу умереть.

Звуки вновь вспыхнувшей далекой перестрелки эхом прокатились по ангару. Гели сжала зубы и боролась с желанием выдернуть свою руку из руки умирающего.

Глава 37

Рейс 462 авиакомпании «Эль-Аль», в пяти милях от берега Атлантического океана

Для нашего полета в Соединенные Штаты генералмайор Кински, глава МОССАДа, зарезервировал всю верхнюю палубу «Боинга-747». Агенты 421

МОССАДа блокировали лестницу, чтобы к нам не мог попасть никто из пассажиров или летного персонала. В Нью-Йорке мы с Рейчел должны были пересесть на частный реактивный самолет, который доставит нас в Альбукерке, штат Нью-Мексико. А оттуда нас перебросят на специально нанятом вертолете на территорию испытательного полигона в Белых Песках.

В качестве платы за это я три часа просидел перед пятью израильскими учеными, излагая им подробности проекта «Тринити». Хоть мой рассказ снимался на видеокамеру, ученые делали многочисленные заметки в блокнотах. Генерал Кински был поражен моей откровенностью: я ничего не утаивал, отвечал на любые вопросы. Хотя большая часть моего рассказа была для него, конечно, выше понимания. Он просто радовался тому, как горят глаза ученых, которые слушают меня. Тем не менее главное он уловил: ввод в действие хотя бы одного «Тринити» ломал все существующие парадигмы международной безопасности. Все страны и народы разом окажутся беззащитными перед тем, в чьих руках нахолится «Тринити».

Рейчел сидела за спинами ученых и внимательно слушала мой рассказ. В ее выразительных глазах любопытство сменялось то испугом, то огорчением, то гневом, то изумленным недоверием. Мне очень хотелось пройти к ней, приголубить и успокоить, но израильтяне торопились, и мои сентиментальные поползновения их не интересовали.

Генерал Кински периодически уходил в заднюю часть верхней палубы и вел оттуда телефонные разговоры через спутник. Он сообщил, что мое электронное обращение к общественности, отправленное из интернет-бара, имело эффект разорвавшейся бомбы и вызвало в мире переполох именно того масштаба, на который я надеялся. Ведущие компьютерные ученые быстро подтвердили,

что описанный мной проект «Тринити» не является пустой фантазией и, чисто теоретически, со-

здание подобной машины вполне возможно. Средства массовой информации тут же нашли аналог масштабу сенсации — первое успешное клонирование в 1998 году, вызвавшее такую неоднозначную реакцию во всем мире. Однако создание «Тринити» по своему значению решительно превосходило даже этот великий прорыв в генетике.

После очередной отлучки генерал Кински вернулся с хмурым лицом и, прерывая мой разговор с учеными, тронул меня за плечо.

Я замолчал и вопросительно посмотрел на Кински.

— Произошло что-то нехорошее? — угадал ученый из Института имени Хаима Вайцмана.

Глава МОССАДа потер свой загорелый подбородок.

- Компьютерные эксперты во всем мире обратили внимание на странности в Интернете.
  - Что за странности?
- Некий анонимный пользователь с невероятной скоростью перемещается по самым большим компьютерным сетям и посещает наикрупнейшие базы данных. Впечатление, что он их систематически прочесывает одну сеть за другой, одну базу данных за другой и собирает информацию. Его интересуют корпорации, банки, правительственные учреждения, военные базы и объекты национальной обороны. Похоже, пароли, шифры и брандмауэры для него не существуют: если они и замедляют его движение, то лишь в ничтожной степени. Пошли разговоры, что это проделки компьютера «Тринити».
- Возможно, просто особенно талантливый хакер, сказал другой ученый. Или целая группа талантливых хакеров. Этот тип уничтожает секретные файлы?
- Нет, только все просматривает. Словно создает карту компьютерного мира. Несколько хакеров утверждают, что отследили его местонахождение: где-то в Нью-Мексико.
- Ну, тогда это наверняка «Тринити», сказал ученый из Института Вайцмана. — Одного я

не понимаю: почему американцы просто не отключат эту дьявольскую машину? Щелк — и конец проблемам.

Я покачал головой:

— Если бы все было так легко! У Година наверняка все давно продумано. Он заранее приготовился отразить любой удар. Я подозреваю, что принудительное выключение «Тринити» автоматически вызовет какие-то катастрофические последствия для Соединенных Штатов или всего мира.

Генерал Кински, даром что не постиг технических тонкостей проекта «Тринити», яснее ученых осознал возможные глобальные политические последствия.

- Профессор Теннант, сказал он, вы рассказали о возможностях этого суперкомпьютера. А мне бы хотелось знать, какие намерения стоят за его созданием.
- Чтобы понять, какая угроза исходит от «Тринити», нужно знать его создателя Питера Година. Если нейрослепок успешно загружен и работает, то «Тринити» это Годин. Абсурдно даже предполагать, что Годин предпочтет сделать базовым другой нейрослепок.
- Вы общались с этим человеком на протяжении двух лет, сказал Кински. Какое мнение о нем сложилось у вас?
  - Блестящий ученый.
  - Это самоочевидно.
  - У него свои твердые политические взгляды.
  - А именно?
- Однажды он сказал, что принцип «один человек один голос» сделал Америку великой страной, но он же ее и погубит.

Кински хохотнул.

- Что еще?
- Годин начитан, глубоко знает историю и политическую теорию, разбирается в философии. По моим сведениям, атеист.
- Надо полагать, он весьма эгоцентричен,424 как и все чрезвычайно успешные люди?

Я кивнул.

— Из истории нам известно, — продолжал глава МОССАДа, многозначительно сдвинув брови, — что власть в руках блестящего ума чаще всего приводит к печальным последствиям.

Ученые закивали, но я только улыбнулся: отчего генералы во всем мире так любят с умным видом произносить звучные банальности?

- Профессор, сказал Кински, вы до сих пор не объяснили мне, зачем вы так отчаянно стремитесь в Белые Пески?
  - Чтобы остановить Година.
  - Как вы предполагаете это сделать?
  - Поговорить с ним по душам.
- Ба, профессор, я и не думал, что вы так наивны. Как вы отговорите человека не брать в свои руки власть над миром? Таких слов еще не придумано!
- Тем не менее я единственный, кто может попытаться.

Кински покачал головой.

- С чего вы взяли, что у вас такое предназначение?
- Об этом мне не хотелось бы сейчас говорить.

Кински сердито посмотрел на меня.

- Нет, вы все-таки введите меня в курс своих планов.
- Я, очевидно, не слишком точно сформулировал свои намерения, генерал. Я хочу уговорить того Година, который из плоти и крови, воздействовать на второго Година, который из одного мозга. Только Годин способен остановить Година.
- Все эти уговоры-переговоры... Думаю, у вашего президента другое мнение насчет того, что нужно предпринимать в подобной ситуации. Да и ваши военные вряд ли миролюбиво настроены ждать не станут!
- Как раз этого я и боюсь... Я приложил ладони к лицу и потер глаза. Извините, чертовски устал. Если не возражаете, я хотя бы немного отдохну. 425

Кински дружелюбно потрепал меня по плечу.

Скоро отдохнете, профессор. Но сперва еще несколько вопросов. Господа ученые?..

Я в отчаянии посмотрел на Рейчел. Она покачала головой, встала и ушла в заднюю часть самолета.

Белые Пески

Рави Нара изумленно наблюдал за тем, с какой скоростью военный отряд из форта Уачука разворачивал оперативный штаб в пустой части административного ангара. Скоу не потрудился представить невролога генералу Бауэру, но и не прогнал его. Рави имел возможность наблюдать и слушать.

Военная разведка давно разработала стандартный мобильный кризисный штаб — типа Кризисного кабинета в Белом доме. Развернуть его можно в любом конце мира и за считанные минуты. Вокруг большого овального стола солдаты установили огромные плазменные экраны, компьютеры и терминалы связи. Наружные спутниковые антенны соединяли оперативный штаб со всеми американскими спецслужбами и спутниками наблюдения.

Скоу удивленно спросил генерала Бауэра, как он догадался сразу взять все это сложное оборудование.

Бауэр самодовольно хохотнул.

- Понимал, с чем буду дело иметь. В послании профессора Теннанта было ясно сказано про способности вашей машины. Да и Питера Година я знаю как облупленного. Этот власть добром из рук не выпустит. Сверхчеловек. Прямо по Ницше. Генерал смерил Скоу презрительным взглядом. Неужели вы хоть секунду думали, что Вместилище действительно абсолютно изолировано от мира?
- Здание именно так и строилось, как совершенно герметичное, возразил Скоу. Чтобы исключить какие-либо неожиданности со стороны «Тринити».

426 Бауэр фыркнул.

— Проснитесь, Скоу! Чем вы, черт возьми, занимались в своей Северной Каролине? В гольф играли? Годинские инженеры на протяжении многих месяцев творили здесь что хотели. Грузовые самолеты приземлялись один за другим. Что эти ребята тут понастроили, можно только гадать. Я готов поспорить с вами на миллион долларов, что «Тринити» отличнейшим образом соединен с мировыми компьютерными сетями!

И действительно, десять минут спустя эксперты генерала обнаружили глубоко в песке обегающий Вместилище трубопровод, вокруг которого приборы зафиксировали мощное электромагнитное поле.

Пока разворачивали оперативный штаб, события на месте не стояли. Во-первых, к главным воротам подкатили машины журналистов и фургоны с телеоборудованием. Шугнуть их генерал Бауэр не посмел. За оградой научного городка находилась территория заповедника, куда был разрешен доступ гражданскому населению. Вовторых, компьютерные профессионалы во всем мире обнаружили, что кто-то — что-то? — последовательно, с немыслимой скоростью обегает в Интернете все сети и базы данных, проникая без малейшего труда в святая святых, взламывая любые системы защиты. Рави случайно узнал еще одну новость: Ивэн Маккаскелл, глава президентской администрации, вот-вот прибудет в Белые Пески.

Когда один из солдат, обслуживающих пульты управления в оперативном штабе, доложил, что самолет Маккаскелла заходит на посадку, генерал Бауэр повернулся к Скоу:

Доставьте сюда Година!

Скоу отрицательно замотал головой:

- Нам ни к чему, чтоб он общался с Маккаскеллом!
- Вы мне мозги не вкручивайте! Годину известно то, без чего я как слепой котенок. А ему без разницы, где откинуть коньки, что здесь, что в больнице!

Скоу неохотно подчинился и пошел к выходу.

— Передайте моей дочери, что я буду лично отвечать за безопасность Година! — крикнул Бауэр ему вдогонку. — А она, если очень хочется, может улечься на кровать рядом с ним — с пистолетом в руке.

После того как Скоу вышел из ангара, генерал Бауэр несколько секунд смотрел на большой экран, на котором было видно все здание Вместилища. Затем повернулся к Рави, который без дела сидел за овальным столом в паре метров от него.

- Вы невролог, да? спросил генерал. Профессор Нара, верно?
  - Так точно, генерал.

Рави встал и пересел ближе.

- Годин сошел с ума?
- Нет, сэр. Рави полагал, что «сэр» будет приятно генералу даже из уст гражданского лица. С медицинской точки зрения Годин совершенно нормальный человек.
  - А как же опухоль в мозгу?
- Она никак не повлияла на его умственные способности. Мы обнаружили ее крохотной шесть месяцев назад. Но и тогда она была неоперабельна находилась в таком месте, куда можно добраться, только необратимо нарушив все функции мозга. С тех пор опухоль разрослась. Годин на грани смерти уже который день. Тем не менее, когда он не накачан обезболивающими наркотиками, у него абсолютно ясное сознание.

Генерал Бауэр пристально посмотрел Рави в глаза.

— Но на слушаниях в конгрессе вы могли бы свидетельствовать, что Годин уже давно не отвечал за свои действия?

Рави опустил глаза.

- Вполне вероятно. Мы имеем дело с неоднозначным клиническим случаем...
- По словам Скоу, вы пытались убить Годи-428 на. Так?

Рави не знал, что ответить.

Бауэр правильно истолковал его молчание и ухмыльнулся.

Будьте поблизости, профессор. Возможно, вы мне срочно понадобитесь.

Рави почтительно кивнул.

Ивэн Маккаскелл появился в оперативном штабе в сопровождении двух агентов Секретной службы. Родом из Массачусетса, тоже выпускник одного из университетов «Лиги плюща», Маккаскелл в отличие от Скоу давно избавился от консервативного акцента и претензий на аристократизм.

Руководитель администрации президента был в синевато-черном костюме. Поприветствовав присутствующих и генерала, он сел во главе стола и жестом пригласил Хорста Бауэра сесть справа от себя.

Уже вернувшийся Скоу подсел к ним. Затем генерал помахал рукой Рави, приглашая его присоединиться. Рави пересел поближе, но остался на почтительном расстоянии от Маккаскелла.

Питера Година привезут сюда через несколько минут,
 доложил Скоу.
 Это сложно, потому что нужно доставить сюда все медицинское оборудование, которое поддерживает его жизнь.

Маккаскелл кивнул. Цепко оглядев все вокруг, он сказал:

 Господа, я прислан сюда оценить ситуацию, а также предотвратить любые несогласованные с президентом действия.

Лицо генерала Бауэра напряглось.

— На время, — продолжал Маккаскелл, — мы забудем о вопросе, кто и по какому праву допустил создание тайной лаборатории, из-за чьего попустительства или разгильдяйства все это произошло. Разберемся потом. И я обещаю, многие головы полетят.

Скоу потупился.

— Питер Годин сказал президенту, что ни один из так называемых нейрослепков в компьютер загружен не был. Однако все СМИ кричат о том, что некто начал оккупацию Интернета. Так или иначе, в Интернете действительно происходит нечто необычное. Итак, господа, с чем мы имеем дело и каково положение вещей на настоящий момент?

Генерал Бауэр отчеканил:

- Полагаю, мистер Скоу и профессор Нара лучше разбираются в возникших тут проблемах. Им и слово.
- Не важно кто, выкладывайте, что тут у вас происходит! раздраженно потребовал Маккаскелл.
- Мы столкнулись с тем, с чем еще никто никогда не сталкивался, начал Скоу. Можно исходить из уверенности, что некий нейрослепок уже загружен в компьютер и машина работает на полную мощь. В «Тринити» почти наверняка нейрослепок Питера Година. Против нас сейчас действует превосходящий нас интеллект.

Маккаскеллу ответ явно не понравился.

- Но ведь это все тот же Питер Годин?
- И да, и нет. Строго говоря, нейрослепок Година есть копия его мозга. Однако с того момента, как нейрослепок загружен в компьютер, скорость его работы с каждым часом возрастает в геометрической прогрессии, ибо она не ограничена свойствами органической мозговой ткани. Так, профессор Нара?

Обращение к нему показалось добрым знаком, и Рави с энтузиазмом пояснил:

- Электрические сигналы, мистер Маккаскелл, в компьютерах двигаются приблизительно в миллион раз быстрее, чем в нейронах мозга.
- И различие не только в скорости, подхватил Скоу. Как только мозг начинает функционировать в цифровой форме, он получает возможность перескакивать через этап обучения; долгий процесс постепенного

запоминания становится ненужным. Чудовищные количества информации просто загружают-

ся в него за секунды. Если компьютер достиг состояния «Тринити», то есть функционирует хотя бы на девяносто процентов, то техперсонал уже, наверное, начал загружать в электронного Година самые разнообразные данные. Скажем, знания по истории, математике или военной стратегии. Электронный Годин, выйдя в Интернет, способен вобрать в себя всю находящуюся там информацию. Судя по сообщениям СМИ, именно этим он и занят в настоящий момент.

Маккаскелл изумленно покачал головой.

- Поэтому рассматривать компьютер «Тринити» как слегка улучшенный вариант Питера Година было бы страшной ошибкой, сказал Скоу. За считанные минуты нейрослепок Година настолько ушел вперед от Година, что их и сравнивать невозможно. Наш час для этой машины равен ста годам человеческого существования. Уже к настоящему времени нейрослепок Година развился в нечто, противостоять чему ни один из нас не готов.
- Вы говорите о «Тринити» почти как о Боге! заметил Маккаскелл.

Скоу снисходительно посмотрел на руководителя администрации президента.

- Именно поэтому, говоря о действующем нейрослепке, мы употребляем термин *состояние «Тринити»*. Это и человек, и машина. Но одновременно это больше, чем человек и машина!
- Ну и что, по-вашему, я должен доложить президенту? — раздраженно спросил Маккаскелл.
- Правду, сказал генерал Бауэр. Что мы пока не знаем, с чем имеем дело.
  - А когда узнаем?
- Когда компьютер заговорит с нами, ответил Скоу.
- Проклятие! воскликнул Маккаскелл. Я попрежнему не понимаю, почему эту машину нельзя просто вырубить. Как любой компьютер.

Генерал Бауэр прокашлялся.

- Годин сказал мне, что это нам очень дорого обойлется.
- Понятно, почему он это говорит. Непонятно только, почему вы ему верите!
- Я знаком с Питером Годином много лет, сэр. Именно поэтому я не склонен проверять, блефует он или нет. Он никогда не блефует.
  - Чего вы боитесь, генерал?

Бауэр напрятся при этом косвенном обвинении в трусости, но самообладание сохранил и продолжал ровным голосом:

- Мистер Маккаскелл, АНБ шедро финансировал проект «Тринити» в уверенности, что результатом будет компьютер, который станет самым разрушительным в истории оружием. Страшнее термоядерной бомбы. И вот это оружие создано, вышло из-под контроля и нацелено прямо на нас. Не нужно быть специалистом, чтобы понимать, до какой степени Америка зависит от нормальной работы компьютерных систем. Чего я боюсь, сэр? Я боюсь, что эта машина сможет шантажировать нас почише, чем когда-то Советский Союз с его тысячами ядерных боеголовок. Штука в том, что против «Тринити» у нас нет средств устрашения. У него нет детей, которых он стремится защитить от гибели. У него нет городов. Нет населения. Никаких обязательств ни перед кем! Можно предположить, что он заинтересован в собственном выживании. Но явно в меньшей степени, чем мы!
- Шантажировать нас? растерянно повторил Маккаскелл. — Это же просто машина. Чего она, черт возьми, может хотеть?

За кольцом дисплеев раздался странный лязг.

— Везут Година, — пояснил Скоу.

Три солдата подкатили кровать Година к овальному столу. За ними шли еще четыре парня с тележками с медицинской аппаратурой и стойкой капельницы. Процессию замыкали доктор Кейз и Гели.

Доктор Кейз выступил вперед и торжественно про-изнес:

- Я объявляю при свидетелях, что я был решительно против перевоза больного из стерильного помещения в эту конюшню. Стресс от перемещения и...
- Хватит, мы все поняли, можете не волноваться за свою репутацию, сказал Маккаскелл, вставая и подходя к кровати.

Годин слабо махнул Гели рукой. Она подскочила и приподняла его голову. Старик дышал с еще большим трудом, чем прежде.

— Мы с вами знакомы, мистер Годин, — сказал Маккаскелл. — Ни у вас, ни у меня сейчас нет времени для светских любезностей. Поэтому прямо к делу. Скажите, с какой целью вы нарушили приказ президента и загрузили нейрослепок в машину?

Годин поморгал, как человек, попавший из темноты в яркий свет.

- «Тринити» еще не заговорил? спросил он.
- Нет. А что, должен?
- Конечно.
- Вы не ответили на мой вопрос. В чем причина вашего неповиновения?
  - Будто не понимаете?
  - Нет, не понимаю.
- Мистер Маккаскелл, все прежние системы потерпели неудачу. Американская демократия самый благородный эксперимент из всех тоже закончилась крахом. Наступила пора для чего-то по-настоящему нового.
  - Вы говорите о политических системах?
- По мнению Руссо, демократия была бы идеальной системой, будь люди безупречны, как боги. Но люди, увы, далеко не боги.

Маккаскелл несколько растерянно оглянулся на Скоу и генерала Бауэра.

 Мистер Годин, дискуссия на эту тему нас никуда не приведет. Должен ли я понимать, что
 43. ваша выходка имеет политическую подоплеку? Что именно вы хотите нам продемонстрировать?

— Ах, политика! — вздохнул Годин. — Одно это слово внушает мне отвращение, мистер Маккаскелл. Люди вроде вас захватали его грязными руками. Все вы продаетесь подобно шлюхам. А государство превратили в грязный базар, где идеалы наших предков стоят пятак за пучок.

Маккаскелл таращился на старика, словно на уличного сумасшедшего, который с деревянного ящика на тротуаре проповедует конец света. Годин собирался сказать еще что-то, но тут мужчины за столом разом громко ахнули.

Маккаскелл выпрямился и посмотрел туда же, куда и все, — на самый большой плазменный экран.

На нем, вызвав всеобщий переполох, внезапно появилось несколько строк текста.

Начинаю с обращения к президенту Соединенных Штатов. Позже я обращусь к народам всего мира. Не пытайтесь препятствовать моим действиям. Любое вмешательство приведет к немедленным и страшным мерам возмездия. Не искушайте меня.

- О Господи! взволнованно выдохнул Скоу. «Тринити» существует и работает. У него получилось. У нас получилось!
- Да, у вас получилось, ядовито повторил Ивэн Маккаскелл. И вас, самоуверенных сукиных сынов, возможно, когда-нибудь за это повесят!
- Смотрите! воскликнул Рави Нара. Он опять что-то пишет.

На экране первый абзац оттесняли вниз новые строки.

Я буду реагировать исключительно на информацию, которая исходит из Кризисного кабинета Белого дома или из оперативного штаба в Белых Песках. В протоколе 434 Интернета мой адрес 105.674.234.64.

- Он знает, что мы здесь, сказал Рави, показывая на охранные видеокамеры.
- Он не поэтому знает, сказал Скоу. В «Тринити» мозг Година. И Левин держит его в курсе всех текущих событий.
- Смотрите, смотрите! воскликнул Маккаскелл.
   Экран очистился полностью, и на нем вспыхнуло новое предложение.

Питер Годин еще жив?

- Кто будет говорить с этой хреновиной? спросил генерал Бауэр.
  - Отвечайте ему, сказал Маккаскелл.

Генерал знаком велел одному из техников сесть за клавиатуру.

- Капрал, приказал генерал, отвечайте «да».
- Есть, сэр.

Капрал застучал по клавишам. На экране тут же высветилось:

Я желаю говорить с Годином.

 Печатайте за мной, — сказал Маккаскелл капралу за клавиатурой.

Тот вопросительно посмотрел на генерала. Бауэр кивком дал согласие.

 С вами говорит Ивэн Маккаскелл, руководитель администрации президента Соединенных Штатов.

На этот раз капрал стучал по клавишам дольше. Но ответ и на этот раз появился мгновенно.

Я знаю, кто вы такой.

 Но я не знаю, кто вы, — сказал Маккаскелл. — Назовитесь, пожалуйста. Огромный экран очистился и пару секунд оставался черным. Потом на нем ярко вспыхнули три слова:

Я есть я.

О Боже! — пробормотал Рави.

Маккаскелл сказал:

— Ну-ка, напечатайте: ответ не понят. Пожалуйста, идентифицируйте себя. Вы — Питер Годин?

Был им.

— А теперь вы кто?

Я ЕСТЬ Я.

Мужчины за столом в растерянности молча переглянулись. На экране светились все те же буквы, словно машина понимала, что ее слова так с ходу постичь нельзя, и давала людям время вникнуть в их глубокий смысл.

Рави в последнее время боялся только за свою шкуру и больше ни о чем не думал. Но теперь он испытал ужас, неэгоистичный, беспредметный, необъяснимый. Тот же ужас стоял в глазах всех присутствующих. Лишь на морщинистом, изможденном лице Питера Година не было страха. Широко открытые синие глаза старика смотрели на экран, и у него было сосредоточенно-восторженное выражение ребенка, который смотрит на новую, невиданную игрушку.

Глава 38

В нью-йоркском аэропорту Кеннеди мы пересели в корпоративный «Гольфстрим». Крошечный рядом с «Боингом-747», этот самолет решительно превосходил его по комфорту и роскоши оформле-

ния. Рейчел тут же легла спать на настоящей кровати в хвостовой части самолета. Меня, к сожалению, генерал Кински не отпускал, и я был вынужден и дальше отвечать на бесконечные вопросы израильских ученых. Отдохнуть тянуло ужасно, но сердить главу МОССАДа тоже не хотелось: он мог в любой момент приказать пилоту повернуть обратно.

Где-то над Арканзасом Кински наконец решил, что вытащил из меня все, что мне было известно о проекте «Тринити». Забежав в туалет, я направился в хвостовую часть самолета к Рейчел. Она уже проснулась и любовалась из окна ковром кучевых облаков под нами.

— Как себя чувствуешь? — спросил я. — Все в порядке?

Хоть она немного отоспалась, вокруг глаз по-прежнему лежали нездоровые тени. Достается же ей, бедняжке, в последнее время!

— Все нормально. Я уж думала, что они тебя никогда не отпустят.

Я присел на край кровати. Горло пересохло от долгого разговора, а шея болела, словно я отсидел двухсерийный фильм в первом ряду кинотеатра.

Рейчел взяла меня за руку и прильнула к моему плечу.

- С тех пор как ты вышел из комы, мы с тобой еще ни разу по-человечески не поговорили.
  - Знаю. Извини.
  - Поговорим сейчас?
- Давай, если хочешь. Только от того, что ты услышишь, в восторг прийти трудно.
  - У тебя были видения во время комы?
- И да, и нет. Ничего общего с прежними снами. Раньше немного смахивало на кино, где я был зрителем или героем. А теперь ощущения ни с чем не сравнимы. Словно я всю жизнь был глухим, потом вдруг обрел слух и первые услышанные звуки оказались ораторией Баха. Неописуемое откровение... И отныне... я многое знаю.

— Похоже на галлюцинации после приема ЛСД. И что же ты теперь знаешь?

Я задумался. Как это сформулировать словами?

 — Я знаю ответы на те вопросы, которые задает себе пятилетний ребенок. «Кто мы? Как и откуда мы появились? Существует ли Бог?»

Рейчел отодвинулась от меня, села на кровати прямо и мгновенно превратилась во врача. С ней произошла даже зрительная перемена: лицо стало строже, замкнутее.

- Расскажи мне подробно.
- Ладно. Только постарайся без предвзятости. Речь пойдет об откровении, наподобие того, что было Савлу по пути в Дамаск.

Рейчел ласково рассмеялась. В ее глазах прыгали чертики. Нет, со мной она, слава Богу, не способна долго быть сухим профессионалом.

— А ты думал, я ожидала чего-то иного?

Тем не менее часть моего сознания упиралась и противилась полной откровенности. Пережитое вместе со мной увеличило готовность Рейчел верить мне. Однако открытия, совершенные мной во время комы, настолько выходили за рамки обычного, что вере Рейчел в меня предстояло нелегкое испытание. Безопаснее начать с более или менее знакомых вещей.

- Ты помнишь мой самый первый нарколептический сон? Тот, который повторялся множество раз?
- Целиком парализованный человек в непроглядно темной комнате, да?
- Верно. Он ничего не видит и не слышит и не имеет воспоминаний. Помнишь, какие вопросы он себе непрестанно задавал?
  - «Кто я? Откуда я?»
- Правильно. Ты сказала, что человек во сне это я сам.

Отбросив темную прядь со лба, Рейчел спро-438 сила:

- А ты по-прежнему думаешь, что это был не ты?
- Да.
- И кто же был героем твоего тогдашнего сна?
- Бог.

Лицо ее застыло и напряглось.

— М-м... Я должна была догадаться.

Довольно двусмысленное замечание.

- Не паникуй. Слово «Бог» я использую для простоты, чтобы как-то называть то, что я пережил в коме и чему в человеческом языке нет определения. Бог не таков, каким мы его себе воображаем. Он не мужчина и не женщина. Он даже не дух. И говоря «он», я делаю это опять-таки лишь ради упрощения рассказа.
- Хорошенькое же ты знание получил! криво улыбнулась Рейчел. Ты хочешь убедить меня в том, что Бог несчастный паралитик без памяти, одиноко сидящий в непроглядно темном беззвучном пространстве?
  - В начале было именно так.
  - Он что, правда такой бессильный... в начале?
- Не то чтобы бессильный. Ему просто кажется, что он бессилен.
  - Не понимаю.
- Чтобы понять начало, ты должна понять конец. Когда доберемся до конца, ты заодно и начало уразумеешь.

Рейчел с сомнением хмыкнула.

— Припомни все детали того сна, — сказал я. — Некто в темном пространстве настолько одержим своими мыслями, что постепенно все его бытие сводится к вопросам: «Кто я? Откуда я? Был ли я здесь всегда?» И после этого он начинает видеть перед собой парящий в пустоте черный шар, который виден только потому, что он чернее тьмы.

Рейчел кивнула.

- Теперь ты знаешь, что это за шар?

- Да. Космологическая сингулярность. Точка с бесконечной плотностью, с немыслимой температурой и немыслимым давлением.
- То есть черная дыра? Или нечто, что было перед Большим взрывом?
- Правильно. Нечто, бывшее перед Большим взрывом. А ты знаешь, что существовало до этого?

Рейчел пожала плечами:

- Никто не знает.
- Я знаю.
- И что же?
- Желание Бога знать!

В глазах Рейчел светилось любопытство.

- А что он хотел знать?
- Кто он, и что он, и откуда.

Рейчел взяла мою руку и стала машинально массировать мою ладонь.

- Насколько я помню, сказала она, черный шар в твоем сне однажды взорвался. Ты сказал — словно ядерный взрыв прямо перед тобой.
- Да. Свет пожирал тьму с фантастической скоростью, во всех направлениях. Но каким-то невероятным образом существо в моем сне постоянно находилось вне расширяющегося пространства взрыва.
- И как ты интерпретируешь этот образ? Бог, наблюдающий рождение Вселенной?
- Да, но это не интерпретация. Я просто видел это.
   Я видел то, что Бог тогда видел.

Рука, массирующая мою руку, замерла. Рейчел не могла скрыть печаль в своих глазах.

- Я знаю, что ты сейчас подумала, сказал я.
- Дэвид, ты не можешь читать мои мысли.
- Я читаю твои глаза. Послушай, чтобы понять то, что я тебе рассказываю, хотя бы на двадцать минут забудь о своей профессии!

440 Она глубоко вздохнула.

- Я пытаюсь. Из кожи вон лезу. Ладно, излагай дальше.
- Я тебе описал виденное уже много недель назад. Только тогда я не понимал, что именно разворачивалось перед моими глазами. Тот взрыв был, конечно, тем Большим взрывом, о котором говорят астрономы и физики. Рождение материи и энергии из космологической сингулярности. Рождение времени и пространства, то есть нашей Вселенной.
- А что означали твои последующие сновидения?
   Теперь ты и в них разобрался?
- Напомню, что я видел. После Большого взрыва расширяющаяся Вселенная начала оттеснять Бога в сторону. Выражение «оттеснять в сторону» довольно условно, потому что все происходило явно не в трех измерениях. Однако другое выражение трудно придумать. Впрочем, попробуем другой образ. Можно представить Бога как безграничный океан. Кстати, книга Бытия примерно так и описывает Творца. Итак, безграничный, абсолютно спокойный океан. Без волн, без движения.
  - И вдруг Большой взрыв!
- Да, представим рождение Вселенной как внезапное появление крохотной сферы в центре Бога-океана. Эта сфера взрывоподобно расширяется, со скоростью света гоня воду во все стороны. Таким образом, можно сказать, что Бог оттеснен во все стороны. Или, проще, Бог находится вне Сферы-Вселенной.
  - Понятно.
- Что случается в самой сфере, я наблюдал в своих более поздних видениях. Рождения галактик и звезд, формирование планет и так далее. Я имел возможность в чудовищно ускоренном темпе просмотреть всю историю нашей Вселенной. Ты пришла к выводу, что я насмотрелся снимков, сделанных из космоса телескопом «Хаббл».
  - Помню.
- В конце концов мои видения сосредоточились на Земле. Метеоры врезались в первоздан-

ную атмосферу планеты. Формирование аминокислот. От первых органических соединений к одноклеточным. От одноклеточных к многоклеточным. И пошел бурный процесс эволюции, организмы становились все сложнее и сложнее. Рыбы, амфибии, рептилии, птицы, млекопитающие, приматы...

- И венец всего человек, закончила Рейчел.
- Да. До появления первой органической жизни прошло десять миллиардов лет. Затем последовали новые миллиарды лет всяческих мутаций, в результате которых появился человек. Но для Бога это не представляло особого интереса.

Рейчел удивленно вскинула брови.

- Почему? Разве не Бог сотворил жизнь, разве в его планы не входила реализация заповеди «плодитесь и размножайтесь»?
- Нет. Бог к творению не имеет ни малейшего отношения. Для Бога происходящее во Вселенной было сюрпризом.
- Просто заинтересованный, но сторонний наблюдатель эволюции?
- Как бы поточнее выразиться... Первоначальное любопытство быстро сменилось скукой. Эволюция шла бурно, но ничего по-настоящему нового не создавала. Происходило бесконечное улучшение одного и того же.

Рейчел повернулась в кресле и смотрела на меня, изумленно округлив глаза.

- Стало быть, даже само возникновение жизни не произвело на Бога большого впечатления?
- Да, на смену кратковременному любопытству пришло глубокое разочарование. И только много-много позже, когда в кишении разнообразной жизни вдруг появился человек, Бог испытал потрясение, равное тому, что он пережил во время вспышки Большого взрыва.
  - Что же его поразило?
- Появление сознания. Человеческого разума.
   442 ма. Где-то в Африке уже владеющий орудиями

труда гоминид с относительно большим мозгом вдруг осознал собственную смертность. Впервые живое существо обрело способность представлять будущее, в котором его не будет. Поняв, что смерть есть ожидающее всех пресечение бытия, гоминид стал не просто существом, наделенным самосознанием, но также имеющим представление о времени. Это был упоительный момент для Бога.

- Почему?
- Потому что после Большого взрыва происходили только всякие занимательные изменения материи и энергии. А в человеческом сознании Бог признал нечто конгениальное себе, близкое и понятное. И впервые ощутил трепет радости.
  - Значит, Бог это понимание, разум?
- Думаю, да. Понимание в чистом виде, не привязанное к материи и энергии. Информация как таковая, без материального носителя.

Я замолчал.

Рейчел несколько секунд молча размышляла. Что в ней происходило, я по глазам понять не мог.

- Ладно, наконец сказала она, и куда нас ведет подобный взгляд на Бога и Вселенную?
- К весьма дерзким выводам. Но пока что продолжим анализ моих давних снов. Итак, человек стремительно развивается. Начинает возделывать поля, строить города, записывать свою историю. И к Богу приходит нечто вроде надежды.
  - Належды на что?
- Что он наконец-то сумеет познать природу самого себя.
- Бог получил ответы на свои вопросы... наблюдая за человечеством?
- Надеялся получить. И все-таки не получил. Ибо, начиная с некоторого момента, эволюция стала топтаться на месте. Остановилось развитие не биологическое, а психологическое. Люди разрушали обще-

ства с той же стремительностью, что и создавали. Человек грабил города, истощал и губил почву, убивал братьев, насиловал сестер, эксплуатировал детей и издевался над самим собой. Люди, имея неограниченный потенциал развития, только тем и занимались, что истребляли себе подобных. Человек оказался в ловушке повторяющихся циклов расцвета и гибели цивилизаций — без надежды перестать быть зверем, ориентированным на насилие. Нравственная эволюция человека застопорилась.

- И Бог был бессилен что-либо изменить?
- Да. Потому что Бог был только сторонним наблюдателем того, что происходило в замкнутой и недоступной для него Сфере-Вселенной. Она жила по своим законам, Бог не имел возможности что-либо в ней менять. В мире материи и энергии он попросту не существовал. По крайней мере в качестве всемогущего Бога. Мало-помалу Бог стал одержим человеком в той же степени, как он некогда был одержим вопросами самопознания. Впрочем, новая одержимость являлась продолжением старой, ее новым этапом. Теперь Бога мучил вопрос: почему, ну почему же человеку не удается выйти из порочного круга насилия и тщеты?! Бог весь сосредоточился на Вселенной, лихорадочно ища способ проникнуть в нее и как-то помочь человеку.
  - И он этот способ нашел?
- Да! Он понял, что единственная возможность оказаться в сфере, увидеть ее изнутри и попытаться что-то изменить — это войти в тело человека. Ощутить упругую мягкость человеческой кожи, обонять земные запахи, смотреть из колыбели в лицо матери. Своей матери.

Рейчел притихла и больше не иронизировала.

— Ты сейчас говоришь об Иисусе, да? Ты хочешь сказать, что Бог вошел в Иисуса из Назарета?

Я кивнул.

Ты говоришь практически то же, что и христиане... Только в твоем варианте это событие выглядит какой-то случайностью.

- А оно и было в какой-то степени случайностью. Бог сосредоточил свое внимание на земном человеческом мире, и Иисус стал для Бога дверью в этот мир. Почему именно Иисус? Почему не другой? На этот вопрос нет ответа.
  - По-твоему, в Иисуса Бог вошел весь *целиком*?
- Нет. Представь себе горящую свечу. Когда ты затепливаешь одну свечу от другой, что происходит? Новая свеча загорается, но пламя первой свечи никуда не пропадает. Что-то вроде этого произошло в случае с Иисусом. Некоторая часть Бога вошла в Иисуса, остальная, нисколько не уменьшившись, осталась вне сферы. То есть вне нашей Вселенной.
  - Но ведь Иисус обладал всемогуществом Бога?
- Ничего подобного. Когда он находится внутри сферы, Бог подчинен законам нашей Вселенной.
- A чудеса? А хождение по воде? А воскрешение мертвых?
- Иисус был целителем, а не фокусником. Байки про чудеса были полезны для тех, кто строил религию вокруг него.

Рейчел потрясла головой, словно она у нее кружилась.

- Не знаю, что и сказать.
- А ты вдумайся хорошенько. Ничтожно мало известно о ранних годах Иисуса. Есть легенда о его рождении. Существуют какие-то рассказы о его детстве, в большинстве своем апокрифичные, то есть сомнительные. Затем он внезапно появляется уже совершенно сформированным тридцатилетним мужчиной. Я и раньше недоумевал, почему люди так мало интересуются юностью и молодостью Иисуса. Был ли он послушным мальчиком или сорванцом? Любил ли женщин? Были ли у него дети? Грешил ли он подобно всем мужчинам? Куда подевался такой огромный отрезок его жизни? Или, точнее, почему мы знаем подробно лишь о трех годах из жизни этого человека, погибшего в тридцать три года?

- Предполагаю, у тебя есть ответ?
- Мне кажется, да. Бог пришел на Землю, чтобы разобраться, почему человечество топчется на месте, почему прекратилась психическая эволюция человека. Для этого ему нужен был опыт жизни в человеческом теле. От рождения до смерти. И по мере взросления в человеческом теле Бог получал все больше ответов на мучившие его вопросы. Оказалось, что боль и тщета человеческой жизни умерялись чудесным счастьем бытия как такового. Красота, смех, любовь... или хотя бы бесхитростные радости трапезы, умиление при виде счастливого младенца сколько дивного в жизни! Через Иисуса Бог имел возможность прочувствовать все замечательные подробности бытия. И одновременно понять, что человек как вид обречен на гибель.
  - Почему?
- В мире насилия человек чувствовал себя как рыба в воде, ибо был наделен набором примитивных инстинктов, помогающих выжить. Отдельные люди страдали, но человечество в целом было вполне удовлетворено шаблоном своего существования и менять его не собиралось. Чтобы развиться во что-то другое и вырваться из порочного круга насилия и саморазрушения, человеку требовалось преодолеть в себе зверя. Однако тут эволюция была бессильна. Произвести на свет высокоморальное существо никогда не было ее целью! Наоборот, весь смысл эволюции в том, что выживает сильнейший тот, кто сожрал своих конкурентов, порой в прямом смысле слова.

Рейчел задумчиво хмурила брови.

- Кажется, я догадываюсь, к чему ты ведешь.
- Ну-ка скажи!
- Посредством Иисуса Бог пытался уговорить человека отказаться от своей примитивной природы, перестать быть агрессивным животным.
- Верно! Что Иисус говорил и делал? Забудь про то, что ему приписали корыстные последо-

ватели. Вспомни его слова и дела: «Возлюби ближнего своего, как самого себя». «Ударившему тебя по щеке подставь и другую». Все его учение направлено на подавление зверя в человеке. Отриньте те дикие темные инстинкты, которыми вооружила вас эволюция. С помощью разума можно прожить и без них! «Бросьте все, что имеете, и следуйте за мной». И бросить в первую очередь следовало прежнюю нравственность — точнее, прежнюю безнравственность! Иисус сделал из своей жизни пример, и люди вдохновенно следовали за ним.

- Но его же за это и убили!
- Да, и это было неизбежно.

Рейчел прикусила нижнюю губу, задумчиво глядя через синий квадрат иллюминатора.

- А распятие? взволнованно спросила она. Что случилось на кресте?
- Он умер. Пламя, бывшее в нем, вернулось к своему источнику. Оно покинуло мир материи и энергии.
  - Стало быть, воскресение только легенда?
  - Для его тела воскресения не было.

Рейчел тяжело вздохнула, затем повернулась ко мне с тревожно-вопросительным выражением лица, словно боялась услышать то, что я скажу.

- И что Бог делал потом, после смерти Христа?
- Пришел в страшное отчаяние. В человеческом теле он сделал все возможное и невозможное, чтобы обратить человечество на новый путь. Его идеи и пример подействовали на многих. Однако его учение было тут же приукрашено, искажено и очень быстро превратилось в золотую жилу для служителей церкви и орудие закабаления духа для светских властей. На протяжении двух тысяч лет человечество, похоже, занималось преимущественно поиском более эффективного способа уничтожать себе подобных. От пороха до атомной бомбы. От пушки до ковровых бомбардировок. Это безобразие длилось и длилось. И только совсем недавно произошло нечто, заставившее Бога встрепенуться.

- Что ты имеешь в виду?
- То, что случилось несколько месяцев назад.
- Ты имеешь в виду проект «Тринити»?

Я кивнул.

- «Тринити» проблеск спасения и для человека, и для Бога. Если человеческое сознание освободится от смертного тела, возможно, одновременно оно избавится и от тех примитивных звериных инстинктов, которые так долго и так страшно вредили человечеству.
  - И как же поступил Бог в этой ситуации?
- Он опять сосредоточился на человеческом мире. Но теперь в его фокусе оказалась небольшая группа людей, шесть человек: Годин, Филдинг, Нара, Скоу, Клейн... и твой покорный слуга.
- Дэвид... Я правильно угадываю, что ты хочешь сказать? Бог опять захотел в Сферу-Вселенную. С какой стати?
- Ему стало очевидно, что тот человек, который первым шагнет на новую ступень эволюции, то есть достигнет состояния «Тринити», может уничтожить человечество с той же степенью вероятности, что и спасти его.
  - Ты имеешь в виду Питера Година?
  - Да.

Сосредоточенно глядя себе на колени, она спросила:

— Ты хочешь сказать, что Бог выбрал тебя, чтобы остановить Питера Година и не дать ему войти в компьютер «Тринити»?

— Да.

Рейчел деловито кивнула, словно самой себе молча подтверждая свой диагноз. Затем наконец посмотрела мне в глаза. Работая в больнице, я сам имел привычку поощрять себя машинальным одобрительным кивком, когда мой диагноз оказывался правильным.

— Дэвид, ты мне еще в Теннесси сказал, что чувствуешь себя избранником Божьим. А сейчас ты отчетливо ощущаешь присутствие Господа в тебе?

- Он в тебе так же, как некогда в Иисусе?
- Да, часть исходного пламени сейчас во мне. Именно поэтому у меня были иерусалимские видения. Я ощущал их как воспоминания, потому что они и были воспоминаниями.
  - О, Дэвид... О нет!

Она в отчаянии откинула голову и пыталась смигнуть слезы.

- Тебе не обязательно верить мне. Скоро ты во всем убедишься собственными глазами.
  - В чем именно? Что ты замышляешь?
  - Я остановлю Година.

Тут Рейчел вытерла слезы и решительно посмотрела мне в глаза.

- А теперь я выскажу все, что по этому поводу думаю. Я вынуждена говорить прямо, потому что самолет вот-вот приземлится, и по твоей настоятельной просьбе генерал Кински доставит нас прямо в самый ад. Ты намеренно влезаешь в опасную авантюру. Вооруженный только верой в то, что ты избранник Божий...
  - Рейчел!
  - Имею я право высказать свои мысли или нет?
- Да, но сперва дай закончить мне. Я же говорил тебе: чтобы понять начало, надо прежде понять конец.

Она закрыла глаза. Было очевидно, что терпение ее на пределе. Я вздохнул, признавая поражение.

— Ладно, говори что хотела.

Мрачно и сосредоточенно глядя на меня, Рейчел произнесла:

Дэвид, тот парализованный человек в темной комнате без звука и движения отнюдь не Бог. Это ты сам. Ты так и не оправился от того, что случилось с Карен и Зуи.

Я остолбенел. Рехнуться можно! Она сделала полный круг и вернулась к своему первоначальному диагнозу.

 Все, что я тебе сегодня сказал, для тебя не более чем колебание воздуха?

- Давай кратко резюмируем твои слова. У тебя миссия от Бога. Он поручил тебе спасти человечество. Согласен?
  - В общем и целом именно это я имел в виду.
- Ну, разве ты сам не видишь? Твой мозг изобрел красивую фантастическую историю, чтобы отвлечь тебя от ужасной боли после потери семьи.
  - Каким образом?
- В рамках этого изощренного ложного построения нелепая и случайная гибель Карен и Зуи обретает смысл. Их гибель пресекла твою врачебную практику, но в итоге привела к тому, что ты написал свою знаменитую книгу. Именно благодаря этой книге тебя назначили контролировать проект «Тринити». Если ты веришь, что не президент, а Бог направил тебя туда, дабы предотвратить Армагеддон, то смерть жены и дочери из бессмысленной трагедии превращается в Божий промысел.

Я в отчаянии до боли в пальцах сжал подлокотники. Во мне поднималась злоба. Ну как же можно так не понимать...

- Дэвид, неумолимо продолжала Рейчел, у тебя диплом физика-теоретика. Значит, твой мозг способен на сложнейшие построения. И всю эту связную фантазию тебе ничего не стоило сочинить практически бессознательно, занимаясь, к примеру, проверкой своих расходов за последний месяц!
- Карен и Зуи умерли *пять лет назад*, сказал я. Нет, погоди. Забудь этот аргумент. Давай иначе. Помнишь, что мой отец говорил о религии?
  - Что именно?
- «Через человечество Вселенная осознает саму себя».
  - Теперь вспомнила.
- Он даже не подозревал, до какой степени прав! И нечто в том, как он меня воспитал, сделало меня проницаемым для Бога.
- **450** Ты же никогда не верил в Бога!

- В традиционном смысле не верил и не верю. А в то, о чем я только что рассказал тебе, верю. Впрочем, тут вера ни при чем. Я просто *знаю*, что это так. И если ты мне дашь еще одну минуту, я смогу тебе объяснить, зачем я так стремлюсь в Белые Пески.
- Одну минуту? Чтобы понять, я готова тебя и сутки слушать!
- Во время Второй мировой войны Нильса Бора тайно вывезли из страны, где хозяйничали нацисты, и переправили в Лос-Аламос. Там он познакомился с несколькими физиками, весьма встревоженными происходящим и находившимися во власти двойственных чувств. Мой отец был одним из них. Этим наивным молодым ученым было не по себе от того, что они работают над новым оружием, с помощью которого можно не только закончить войну, но и уничтожить весь мир. Чтобы успокоить их. Нильс Бор снова и снова напоминал им о принципе комплементарности: «Всякое истинно большое затруднение несет в самом себе способ с ним справиться». У каждого замка где-то есть свой ключик. У каждой проблемы есть положительное решение. Та же бомба, которая способна уничтожить мир, могла закончить эпоху крупномасштабных войн. И она это сделала! Тьфу-тьфу-тьфу, чтоб не сглазить!.. С компьютером «Тринити» то же самое. Он способен уничтожить планету — или спасти ее.

Рейчел откинулась на спинку кресла и устало потерла глаза.

- Тебе не кажется, что ты преувеличиваешь грозящие миру опасности?
  - Нет.
- Баста. Хватит. У меня голова лопается от подобных разговоров.

Вместо того чтобы спорить дальше, я придвинулся к Рейчел и стал массировать ей шею. Долго, очень долго мне не удавалось снять ее напряжение. В конце концов она стала расслабляться: раскинулась в 451

кресле и задышала ровно. Я и сам ощутил сонливость. Однако тут в проходе появился генерал Кински. У него был деловито-озабоченный вид.

- Опять неприятности? встревожился я.
- Только что в Германии произошло наводнение в густонаселенной речной долине. Смыта практически половина одного городка. Ворота напорной оградительной дамбы раскрылись сами собой.
- Какое отношение это имеет к нам? сонно спросила Рейчел.
- Дамбой управлял компьютер. Операторы пытались взять взбесившуюся систему под контроль, но было уже поздно: действия компьютера повредили запоры гидрослива. Десятки людей утонули.
- Вы полагаете, что это преступление совершено «Тринити»? спросил я.
  - Скорее всего.
  - В таком случае это только начало.

Кински кивнул:

- Боюсь, вы правы.
- Но при чем тут Германия? удивленно спросила Рейчел. Какое отношение имеет «Тринити» к Германии?
- Полагаю, ответ мы скоро узнаем, сказал глава МОССАДа. Так или иначе, приходится исходить из того, что война с машиной началась. Профессор Теннант, вас не затруднит вернуться в переднюю часть самолета? У нас возникли дополнительные вопросы.

Я встал и последовал за израильтянином.

Глава 39

Белые Пески

Рави Нара отхлебнул горячего чая и обвел медленным взглядом мужчин, сидящих за овальным столом кризисного штаба. Все они продолжали мрач-

но смотреть на экран справа от главного дисплея, где горели крупные голубые буквы обращения компьютера к президенту США. И сейчас, уже десять раз перечитанные, эти строки вселяли ту же панику, что и в момент своего появления на мониторе.

Господин президент!

Сегодня вы проснулись в новом мире. «Тринити» сделал все прежние модели управления устаревшими. Вскоре отомрет и само понятие этнического государства. Не бойтесь ломки привычного, посоветуйте и гражданам сохранять спокойствие и не страшиться изменений. Такое же послание я направлю лидерам главнейших государств, и они, в поисках руководства в этой сложной ситуации, обратят взоры на вас. Нам с вами в ближайшие дни предстоит много общаться, и поэтому для начала я хочу ясно очертить существующую новую реальность.

Первое: даже не пытайтесь что-либо предпринять против меня. Мощь моя такова, что я могу уничтожить миллионы людей и нанести жесточайший материальный ущерб — как на территории Соединенных Штатов, так и в любой точке мира. Эта мощь теперь не сосредоточена исключительно в пределах моей компьютерной схемы. Как только я вошел в режим онлайн, я незамедлительно экспортировал кое-какие программы в несколько сотен компьютеров на периферии моей сети, которая теперь охватывает весь Интернет. Поэтому если я даже на самое короткое время уйду или буду вынужден уйти в автономный режим, это послужит сигналом начать работу для моих экспортированных программ, и они запустят необратимый процесс страшного возмездия. Если вы попытаетесь уничтожить меня или хотя бы обесточить. Америка в известном ныне виде прекратит существование. Дабы понять на маленьком примере, что это не пустые угрозы, наблюдайте за Японией.

Одна попытка проникнуть в мой электронный мозг уже была совершена. С немецкой территории. Поскольку, по моему мнению, меня атаковали частные лица без санкции правительства, то я решил пока ограничиться умеренным наказанием. Руководители всех стран должны принять немедленные меры, чтобы такие выходки частных лиц более не повторялись. Ибо следующее наказание за подобные действия будет полномасштабным.

А теперь практические указания. Вы с вице-президентом должны собрать объединенный комитет начальников штабов в помещении, где имеется цифровое видео- и аудионаблюдение. Разрешаю вам оставить при себе ядерный кейс. В другом помещении с видеокамерами должны находиться под временным арестом первые восемь человек в порядке преемственности, которые по закону получают президентские полномочия в случае смерти президента, его преемника или преемника его преемника. Я знаю, что в инструкциях на случай ядерной войны порядок преемственности прописан четко и подробно, поэтому сложностей с определением этой восьмерки не возникнет. Картинка и звук с камер наблюдения должны посылаться «Тринити» в режиме реального времени. Изоляция указанных лиц продлится не более семидесяти двух часов. Если вы не выполните данный приказ в течение полутора часов, я буду вынужден жестоко наказать вас. Поэтому торопитесь.

В скором времени я выйду на повторный контакт.

Обращение повергло оперативный штаб в панику. Ни на какие вопросы компьютер не отвечал, и в дальнейшем замешательство только росло, пока телекомпания Си-эн-эн не сообщила в качестве новости часа о трагедии в Германии: «несчастный случай» с дамбой. Скоу немедленно позвонил в форт Джордж-Мид, и коллеги из АНБ ввели его в курс событий. Повесив трубку, он сказал:

— Немецкая федеральная полиция арестовала двух старшеклассников-хакеров. Очевидно, ребята из новостей узнали о «Тринити» и решили стать героями — в одиночку спасти мир. По адресу IP-протокола

они вышли на «Тринити», прорвались через установленные Левиным брандмауэры и атаковали суперкомпьютер.

- Из какого они города? спросил генерал Бауэр.
- Того самого, который был затоплен в результате самовольного открытия запоров дамбы. Школа, где учились хакеры, и дома их родителей разрушены.

Бауэр кивнул.

 Это дает нам довольно ясное представление о карательных способностях «Тринити».

После новой сенсации, сообщенной Эн-би-эс, в кризисном штабе повисло молчание. Стоимость японской иены по отношению к доллару за считанные часы упала на пятнадцать процентов.

- Эксперты опасаются, сказал ведущий теленовостей, что в понедельник, когда откроется биржа, начнется панический сброс акций и обвальное падение индекса Никкей. Как полагают, снижение курса иены вызвано запредельным количеством сделок в Интернете уже после закрытия биржи. Курс падал с максимально допустимой скоростью чуть быстрее, и торговля была бы автоматически закрыта. Виновниками этих странных событий считают группу хакеров. В данный момент японская валюта стабилизирована, однако опасаются повторной атаки на иену.
- Пятнадцать процентов! сказал смертельно побледневший Скоу. — Вы представляете, что случилось бы, упади доллар в один день на пятнадцать процентов?!

Пока в кризисном штабе пытались разгадать дальнейшие намерения компьютера «Тринити», аналитики Школы военной разведки в форте Уачука составляли список важных объектов на американской территории, которые «Тринити» мог успешно атаковать. В список вошли атомные и гидроэлектрические станции, предприятия химической и горнодобывающей промышленности, системы управления воздушным и железнодорожным транспортом, компьютерные сети 455

банков и фондовых бирж, больницы, корабли военноморского флота, супертанкеры, нефте- и газопроводы.

Рави пуще всего страшился цепочки из сотен ядерных взрывов — от побережья до побережья, но генерал Бауэр заверил его, что американские и российские ядерные арсеналы в полной безопасности: на протяжении сорока лет холодной войны была выработана надежная защита от любой мыслимой угрозы, в том числе и от хакеров. Чтобы запустить ракету с ядерной боеголовкой, два офицера должны получить разрешающий код от президента, и каждый из них должен синхронно с другим повернуть свой ключ. Поэтому «Тринити» хоть и мог погубить разными способами миллионы людей, однако начать ядерную войну ему слабо.

Президент Мэттьюс, не имея представления о размахе и характере карательных планов «Тринити», предпочел не рисковать и за пять минут до истечения срока ультиматума добровольно поместил себя под домашний арест. До этого он несколько раз обстоятельно беседовал с Ивэном Маккаскеллом. Было решено пока что покоряться требованиям «Тринити», чтобы побольше выведать о его планах и возможностях. Одновременно президент дал добро на любые действия против суперкомпьютера, если они не приведут к массовой гибели населения в результате ответного удара.

Возникла тяжелая проблема: кому руководить страной? Президент, отныне под постоянным надзором «Тринити» и несамостоятельный в приеме решений, утрачивал юридическое право осуществлять свои полномочия. То же касалось восьмерки его потенциальных преемников и высшего военного командования. Ни у кого не было желания, чтобы в кризисной ситуации чудовищного масштаба всем распоряжался кто-нибудь из остающихся на свободе членов правительства — скажем, министр сельского хозяйства или министр здравоохра-

нения. Можно было передать власть конгрессу, но его члены были рассеяны по Вашингтону и по

стране, и собрать их без ведома «Тринити» было технически невозможно. Чтобы не допустить вакуума власти, президент загодя создал кризисную команду управления, которая имела полномочия принимать все необходимые решения относительно «Тринити».

В команду, кроме Ивэна Маккаскелла, вошли генерал Бауэр и столько членов особого сенатского комитета по делам разведки, сколько сумели в короткий срок тайно собрать. Решения должны были приниматься простым большинством. Сенаторов доставили в штаб-квартиру АНБ в форте Джордж-Мид. Между ними и кризисным штабом в Белых Песках организовали видеосвязь, защищенную новейшей системой шифрования.

И теперь панорамная камера показывала на главном экране кризисного штаба большую группу сенаторов, сидящих вокруг длинного стола в комнате без окон, напоминавшей бомбоубежище.

Сенатор Барретт Джексон, председатель комитета по делам разведки, глядя в камеру, сказал:

- Кризисный штаб в Белых Песках, я вас вижу. А вы нас видите?
- Да, сенатор. Позвольте представиться, Джон Скоу из АНБ.

Сенатор Джексон был похож на бульдога: тяжелые челюсти, глубоко посаженные глаза. Родом из Теннесси, он говорил с южной растяжечкой, но соображал чрезвычайно быстро.

- Узнаю генерала Бауэра. Ладно, времени на приветствия и любезности нет. Сразу к делу. У меня вопрос к экспертам. Почему этот проклятый компьютер больше с нами не общается? Почему он помалкивает и не выдвигает новых требований?
- Похоже, он целиком занят увеличением своей мощи, сказал генерал Бауэр. Такое поведение понятно. Вероятнее всего, годинские техники продолжают загрузку каких-то новых данных в его память.

Скоу кивнул:

457

- Я тоже так думаю. «Тринити» продолжает прочесывать Интернет и вбирает в себя буквально каждый бит имеющейся там информации.
- Ясно, произнес сенатор Джексон. Генерал Бауэр, как выглядит наихудший вариант развития событий? Что эта машина способна натворить?
- Прошу меня извинить, генерал Бауэр, вставил Скоу. Я считаю своей обязанностью упомянуть об одной очень страшной возможности: если российская «Мертвая рука» не сказка, то может произойти чудовищная катастрофа в мировом масштабе.
- Что еще за «Мертвая рука», черт возьми? громыхнул Джексон. По-моему, я где-то слышал это выражение.
- У вас хорошая память, сенатор, сказал Скоу. Во время холодной войны в СССР знали, что американцы планируют первыми же атомными ракетами вывести из строя все советские командные пункты и парализовать управление ракетными войсками. Были слухи, что в этой связи Советы разработали систему под кодовым названием «Мертвая рука». Эта компьютерная программа должна была автоматически запустить межконтинентальные баллистические ракеты сразу же после получения сигнала прибрежных радарных систем о том, что на подходе первые ракеты противника. Даже если бы все руководители Советского Союза разом погибли, палец «Мертвой руки» все равно нажал бы ядерную кнопку. Слухи об этой системе исходили из самого Советского Союза, поэтому им не слишком доверяли. Однако насколько они соответствовали действительности, не установлено до сих пор. Советские лидеры по этому поводу упрямо отмалчивались, а руководство новой России отрицает существование такой системы. Недавние события, кажется, подтвердили, что они не лгут.
  - Вы имеете в виду норвежский инцидент? спросила женщина-сенатор с дальнего конца стола.

- Совершенно верно. Для тех, кто не знает: в 1995 году запуск норвежской испытательной ракеты с двигателем от американской ракеты «Онест Джон» спровоцировал полномасштабную ядерную тревогу в России. Переполошились все: от командования стратегическими ракетными войсками до самого Ельцина. Однако автоматического ответного удара не последовало.
- Так существует эта чертова «Мертвая рука» или нет? — раздраженно спросил сенатор Джексон.
- Нет, сэр, убежденно сказал генерал Бауэр. Во время норвежского инцидента российская военная командно-контрольная система доказала свою надежность и управляемость.
- В таком случае о чем же говорит «Тринити», обещая уничтожить нашу страну?
- Сенатор, «Тринити» способен за несколько минут вызвать страшнейший хаос в нашей экономике. Если он всерьез атакует валютный рынок, то уже утром в ближайший понедельник на Уолл-стрит начнется чудовищная паника, которая закончится таким же биржевым крахом, как в 1929 году. А если «Тринити» парализует компьютеры, обслуживающие транспортную систему, через три дня опустеют полки супермаркетов. Начнутся уличные беспорядки, а еще через неделю голод и хаос приведут к гражданской войне.

Сенатор Джексон заворочался на стуле и пробормотал:

Ах ты, черт! Ну и дела...

Тем временем к генералу подошел солдат и что-то шепнул ему в ухо. Бауэр посмотрел на экран и сказал, обращаясь к сенатору Джексону:

— Мне только что доложили, что Дэвид Теннант и Рейчел Вайс в ближайшее время появятся у ворот этой военной базы. Сейчас они в вертолете, который вот-вот приземлится, а скоро окажутся в объятиях клоунов с микрофонами, которые скачут у нас под забором!

Скоу тихо ругнулся.

- Теннант? спросил один из сенаторов на экране. — Тот самый, который обещал убить президента?
- Да. И он же через Интернет предал гласности историю с «Тринити», сказал сенатор Джексон. Я с ним лично встречался он из моего избирательного округа. Не могли бы вы привести его в ваш кризисный штаб?
- Поддерживаю вашу просьбу, сказал Ивэн Маккаскелл. — Профессор Теннант может располагать важной для нас информацией.

Скоу вскочил с места и обратился к сенатору Джексону на экране:

- Сенатор, я на протяжении двух лет работал в близком контакте с профессором Теннантом. У него серьезные проблемы с психикой, в том числе и параноидальные галлюцинации. Он уже застрелил как минимум двух человек и грозился убить президента.
- Насчет последнего у меня большие сомнения, сказал Маккаскелл. Доказательства не кажутся мне убедительными. К тому же электронное послание профессора Теннанта содержит совсем другую версию происшедшего. Я хочу лично разобраться во всем.
  - Учтите, что он все еще опасен, предупредил Скоу.
- Только не в окружении вооруженных десантников, — возразил генерал Бауэр. — Я пошлю за ним моих ребят.
- Для верности их будет сопровождать один из агентов Секретной службы, сказал Маккаскелл. Чтобы профессор Теннант прибыл сюда живым и здоровым.

Глава 40

Белые Пески

Вцепившись в кресло, я смотрел вниз через открытую дверь вертолета, который быстро снижался к совсем недавно совершенно секретной годин-

ской лаборатории в Белых Песках. За закрытыми воротами стояли два бронетранспортера; их пулеметы были направлены на толпу штатских по другую сторону высокой металлической ограды. Судя по машинам, у ворот дежурили журналисты, но были и странные типы с транспарантами и распятиями — очевидно, какието религиозные фанатики решили пикетировать «логово дьявола».

Я посмотрел дальше на север. Милях в пятидесяти отсюда мой отец был свидетелем взрыва самой первой атомной бомбы. Испытания — оцените злую иронию истории! — имели кодовое название «Тринити шот». Мой отец находился в том же бункере, где стояли скоростные камеры, чтобы фиксировать каждую миллисекунду рождения нового солнца. Многие свидетели оставили воспоминания об этом эпохальном событии, но лучше всех тот момент описал Роберт Оппенгеймер. Когда я преподавал врачебную этику в Виргинском университете, мой любимый абзац из его мемуаров висел в рамке на стене аудитории, где я проводил семинары:

Когда на рассвете она взорвалась, та первая атомная бомба, мы невольно подумали об Альфреде Нобеле и его тщетной надежде, что динамит положит конец всем войнам. Вспомнили мы также и легенду о Прометее и то глубокое чувство вины, которое люди неизменно испытывают, обретая новое могущество, ибо ведают о сидящем в них искони зле. Мы осознавали, что присутствуем при начале совсем нового мира, но вместе с тем мы знали, что сама новизна — старая подружка человечества — и стояла в начале всех наших дорог.

Оппенгеймер тоньше понимал жизнь. Питер Годин хочет в компьютер «Тринити», однако забывает, что для этого ему нужно перестать быть человеком. Доселе ни один человек не переставал быть человеком полностью. Поэтому Годин заранее обречен на неудачу. Человек не может освободиться от человеческого.

461

Как только вертолет приземлился неподалеку от телефургонов и его роторы замерли, к нам повалила толпа. Мы с Рейчел соскочили на землю и пошли к воротам, но меня уже узнали и окружили со всех сторон.
Микрофоны, прожекторы, камеры. Шквал вопросов.
Я решительно поднял руку, требуя тишины. Когда все угомонились, я произнес:

- Меня зовут Дэвид Теннант. Это я послал электронное письмо, в котором предал огласке существование «Тринити».
- Зачем вы сюда прилетели? спросил один из репортеров. Разве за оградой не те самые люди, которые пытались вас убить?
- Думаю, в сложившейся ситуации это уже не существенно. Но если я ошибаюсь и за воротами этой базы меня ожидает смерть, вы будете свидетелями, как я туда вошел и не вышел. В случае моего исчезновения не сдавайтесь! Продолжайте задавать вопросы, пока не узнаете всей правды!
- А какова она, правда настоящего момента? спросила женщина с микрофоном. Действительно ли весь мир сейчас является заложником сверхкомпьютера?
  - Именно эту проблему я намерен как-то разрешить.
- Что вы имеете в виду? закричали сразу несколько голосов.

Голос с французским акцентом громко спросил:

- Верно ли, что компьютер «Тринити» устроил акт саботажа на речной дамбе в Германии?
- Господа журналисты, вы окажете миру великую услугу, если проявите мужество и останетесь здесь. Что бы ни случилось, не дайте себя прогнать! Спасибо.

Я хотел вырваться из круга репортеров, но журналисты, ребята ушлые, меня не отпускали и, стараясь друг друга перекричать, задавали все новые вопросы. Мое молчание их только раззадоривало. Выручило лишь то,

что в центре научного городка поднялся в воздух армейский вертолет и полетел в нашу сторону.

Оливково-серый, вооруженный пулеметами, вертолет приземлился неподалеку от нас, и журналисты кинулись к нему.

Из него вышел молодой мужчина в штатском, но с автоматом. Подскочивших журналистов он молча отогнал таким властным жестом, что они попятились и расступились. Мужчина направился прямо ко мне.

- Вы профессор Теннант?
- Да.
- Специальный агент Льюис. Секретная служба. Ивэн Маккаскелл просит вас и мисс Вайс присоединиться к нему в кризисном штабе, который развернут в главном административном корпусе.

Взяв Рейчел за руку, я последовал за спецагентом.

Когда мы сели в вертолет и пристегнулись, Льюис двумя большими пальцами показал пилоту: взлетаем!

Глядя на бесконечные белые дюны под нами, я подумал: как символично, что «Тринити» — новейшая и уродливейшая форма жизни на планете — был рожден в этой безводной пустыне, полной противоположности библейского Рая.

Вертолет приземлился рядом с огромным ангаром, на котором было гигантскими буквами написано «Администрация». У входа дежурили вооруженные солдаты.

В центре этой рукотворной исполинской пещеры находился кризисный штаб, обилием компьютеров и экранов похожий на центр управления космическими полетами. Вокруг овального стола восседали Джон Скоу, Рави Нара, Ивэн Маккаскелл и незнакомый мне генерал. Большой экран показывал группу мужчин и женщин вокруг огромного стола в комнате без окон; я узнал четырех сенаторов и среди них Барретта Джексона, старшего сенатора от штата Теннесси.

Невдалеке от овального стола стояла больничная кровать, на которой лежал Питер Годин. Похоже, без сознания. Около кровати дежурили две **463**

медсестры и седовласый представительный мужчина в белом халате — вероятно, лечащий врач. На стуле чуть в стороне, спиной к нам, сидела женщина-телохранитель в черном. Если бы не забинтованная шея, я бы только скользнул по ней взглядом и отвернулся...

Рейчел признала Гели Бауэр одновременно со мной. В этот момент Гели оглянулась, на миллисекунду встретилась со мной глазами и тут же перевела взгляд на Рейчел. Глаза ее вспыхнули, а губы изогнулись в хищной улыбке. Юнион-стейшн она не забыла!

Ивэн Маккаскелл указал нам на стулья с правой стороны стола, а когда мы сели, быстро представил присутствующих. Я был удивлен, что фамилия белокурого генерала Бауэр, но потом вспомнил краем уха слышанные сплетни о том, что Гели на ножах со своим отцом-генералом. Людей на экране нам представили как неполный состав сенатского комитета по делам разведки; именно они будут принимать решения в кризисной ситуации. Стало быть, судьба всего мира теперь в руках этой небольшой группы политиков.

- Профессор Теннант, начал сенатор Джексон на экране, мы очень рады, что вы с нами. В вашем электронном послании из Израиля вы выдвинули серьезные обвинения против мистера Скоу и Агентства национальной безопасности. Позже мы тщательно расследуем это дело. Однако пока что нам следует временно забыть прошлое и полностью сосредоточиться на угрозе со стороны «Тринити».
- Я для того и прибыл сюда, сенатор, сказал я, чтобы покончить с кризисной ситуацией.
- Мы слышали все, что вы говорили репортерам у ворот, сказал Маккаскелл. Вы действительно знаете способ отключить этот компьютер, не вызвав чудовищных актов возмездия с его стороны?
  - Нет.

На лице Маккаскелла отразилось разочаро-464 вание.

- В таком случае объясните, профессор, что именно вы имели в виду, говоря, что прибыли сюда покончить с кризисной ситуацией?
  - Я должен поговорить с компьютером.

Руководитель администрации президента растерянно посмотрел сначала на генерала Бауэра, потом на Скоу. Последний насмешливо пожал плечами: я же вас предупреждал!

- Что же вы хотите сказать компьютеру «Тринити», профессор? вкрадчиво спросил сенатор Джексон.
  - Я должен задать ему несколько вопросов.
  - А именно?
- Пожалуйста, позвольте мне временно оставить это в секрете.

Никому из присутствующих и слушающих в форте Джордж-Мид мой ответ не понравился.

Джон Скоу посмотрел на меня с притворным беспокойством.

- Дэвид, сказал он, надеюсь, вы не исходите из ложной предпосылки, что компьютер «Тринити» все еще идентичен Питеру Годину. Потому что...
- Я эту предпосылку ложной не считаю, возразил я. Разумеется, к настоящему моменту нейрослепок Година пополнил свою память в масштабах невероятных, но я не верю, что вся его человеческая натура коренным образом изменилась. Годин в компьютере практически тот же человек, которого мы знали. Пока что.
  - A что случится потом? спросил Маккаскелл.
- Этого никто не знает. Годин верил, что его нейрослепок в компьютере разовьется в своего рода императора-философа, некоего метачеловека с бесстрастной
  мудростью бога. По-моему, он решительно заблуждается. И Эндрю Филдинг, кстати, соглашался со мной в этом
  вопросе. Если в ближайшие несколько часов я не сумею
  убедить нейрослепок Година отключить себя, то
  есть практически совершить самоубийство, тог465

да человечество, вероятно, окажется под властью этой машины на веки вечные... или вплоть до своего вымирания.

В кризисном штабе и среди сенаторов воцарилось гробовое молчание.

Наконец Маккаскелл промолвил:

- Профессор Теннант, чем вы аргументируете свое мнение?
- Со времен индустриальной революции люди страшились, что миром однажды начнут править машины. И чем совершеннее становились машины, тем чаще наше воображение рождало ужасы человеческого рабства. Трагическая ирония в том, что мы верно провидели саму опасность, но кошмар воплотился в жизнь самым непредвиденным образом. Не машины как класс взяли власть, а одна машина. Разработанная и созданная по нашем образу и подобию! Нас угораздило создать ницшеанского суперчеловека, мистер Маккаскелл!

Ивэн Маккаскелл обвел всех присутствующих медленным взглядом, прокашлялся и спросил:

- Профессор Теннант, вам пришел в голову некий довод, которым вы можете заставить этого электронного гада покончить самоубийством? Некий мощный довод, который другим в голову до сих пор не приходил?
  - Не знаю. А к каким действиям склоняетесь вы? Сенатор Джексон на экране сказал:
- Уже было предложение выбрать медиатора и попытаться с помощью этого посредника начать переговоры с «Тринити». Однако мы не могли сойтись на кандидатуре. Кто имеет нужную квалификацию для подобного рода переговоров с этим... с этой штуковиной!
  - Я.
- На чем основывается ваша уверенность, профессор? Чем вы намерены пристыдить этого монстра?

Я ощутил, как сидящая рядом со мной Рейчел съежилась, очевидно, страшась, что сейчас я начну разъяснять суть своей божественной миссии. Однако не успел я ответить, как встрял генерал Бауэр:

- В одном профессор Теннант, несомненно, прав. С каждым часом эта чертова машина, и без того могущественная, становится сильнее и сильнее. Дальнейшее ожидание смерти подобно! Если мы намерены действовать, то действовать надо немедленно!
- Вы имеете в виду какие-то конкретные меры, генерал? спросил сенатор Джексон. Что, по-вашему, нам следует предпринять?

Генерал Бауэр встал и подошел к экрану.

- Господа сенаторы, могущество «Тринити» базируется исключительно на его способности управлять компьютерными системами. Удайся нам одним махом, мгновенно нейтрализовать все компьютерные системы или хотя бы все компьютерные системы Соединенных Штатов, и победа будет за нами!
- Вы предлагаете одновременно вывести из строя все компьютеры в стране? спросил Джексон.
- Идея заманчивая, сенатор, но на деле неосуществимая. Операцию такого размаха невозможно подготовить тайно. «Тринити» о наших планах проведает очень скоро и вмажет нам так, что мало не покажется. Беда в том, что компьютер способен осуществить акт возмездия со скоростью света в буквальном смысле слова.
  - Что же вы предлагаете?

Глядя на экран, показывающий сенаторов, я вдруг припомнил разговоры Филдинга о потенциальных квантовых способностях «Тринити». И быстро сказал:

— Извините, генерал, что перебиваю. Каким образом мы поддерживаем связь с сенаторами? По кабелю или через спутник? Впрочем, не важно: «Тринити» в любом случае слышит все, что мы тут говорим!

Джон Скоу встал, смерил меня покровительственным взглядом и затем обратился к Хорсту Бауэру:

 Генерал, докладываю: мы используем надежно защищенные от прослушивания волоконно-оптические линии и применяем систему 128-битового шифрования. Самый быстрый на сегодняшний день суперкомпьютер тратит девяносто шесть часов на успешное прочтение нескольких фраз подобным образом закодированного сообщения. Даже с учетом того, что «Тринити» быстрее всех существующих компьютеров, наша система связи имеет достаточный интервал безопасности.

— Говоря о «Тринити», надежнее исходить из наихудшего, — сказал я. — Эндрю Филдинг полагал, что человеческий мозг обладает квантовыми способностями. Если это правда и «Тринити» умеет их задействовать, то ваши 128 битов для него не проблема. Он любые коды взламывает за секунду.

Рави Нара поднял руку.

- Это чистейший вздор, генерал Бауэр, сказал он. Филдинг был, разумеется, гений, но его теория насчет квантовых процессов в человеческом мозгу нелепое чудачество. Научная фантастика.
  - Спасибо, что успокоили, кивнул генерал Бауэр.
- Напрасно вы игнорируете предупреждение Эндрю Филдинга! сказал я.

Сенатор Джексон осторожно возразил:

- Давайте оставим эти вопросы специалистам, профессор Теннант. Так каков же ваш план, генерал?
- Сенатор, я вынужден предложить немедленно взорвать над нашей собственной страной особую ядерную бомбу, чтобы создать губительный для «Тринити» электромагнитный импульс.

Все разом заговорили и заспорили. Генерал Бауэр жестом призвал к молчанию и дал сигнал технику. На одном из больших экранов кризисного штаба появился анимированный бомбардировщик «В-52». Из его брюха вывалилась бомба-ракета. Несколько секунд она просто падала, затем включился ее реактивный двигатель, и она

взмыла вверх. Удалившись от Земли на значительное расстояние, ракета взорвалась. Пошед-

шие кругами рисованные волны охватывали всю территорию Соединенных Штатов.

— Поясняю для тех, кто не знает, о чем речь, — сказал генерал Бауэр. — Ядерное устройство определенной мощности, взорванное на достаточной высоте, создаст электромагнитное возмущение, которое выведет из строя или мгновенно отключит все электрические цепи в Соединенных Штатах. Особенно разрушительно действует электромагнитный импульс на компьютеры. Взорванная на очень большой высоте, бомба в минимальной степени поразит население, зато компьютер «Тринити» будет мгновенно выведен из строя и не успеет произвести карательную акцию!

В кризисном штабе повисло молчание.

Первым его нарушил Маккаскелл.

— Генерал, сам не знаю почему, но ваш план отчего-то кажется мне пугающе простым... Насколько значимы его негативные стороны?

Генерал Бауэр глубоко вздохнул, затем стал аргументировать в манере Джорджа Паттона. То есть в подтексте его объяснений слышалось усталое: ох уж эти штафирки! вечно мечтают сделать омлет, не разбивая яиц!

Говорил он долго, затем резюмировал:

- Парализовав разом все отечественные компьютерные сети, мы частично получим те же катастрофические последствия, которыми нам грозит «Тринити». Хаос по всей стране, огромный материальный ущерб, жертвы среди населения. Остановится практически весь транспорт, прекратится теле- и радиовещание. Однако сегодня пятница и уже вечер. Финансовые потрясения будут минимальны. Конечно, возможны железнодорожные и авиакатастрофы, а также несчастные случаи на предприятиях, особенно на электростанциях и химических заводах. Однако...
- Вы лучше вспомните катастрофу в Индии! сказал я. Сколько там было погибших? Тысяча, две? В сравнении с тем, что может произойти **469**

на наших химических заводах, Бхопал покажется пустячком!

Генерал Бауэр впился в меня недобрым взглядом.

- Если подумать о том, что «Тринити» способен сделать с нашей страной, взявшись за дело всерьез, следует признать, что любые последствия электромагнитной атаки будут в рамках разумного! Генерал строго оглядел сенаторов, многие из которых задумчиво кивали головами. Короче говоря, я стою на том, что результатом взрыва будет приемлемый ущерб и приемлемые потери.
- Я, знаете ли, сам служил и пороха нанюхался, сказал сенатор Джексон. Всякий раз, когда я слышу про приемлемые потери, у меня мороз по коже. Навидался я «приемлемых потерь» на своем веку... А что с больницами, что с людьми на аппаратах жизнеобеспечения?
- Да, неизбежны жертвы, повторил генерал Бауэр. — Но еще раз подчеркну: то, что учинит «Тринити» с нашей страной, если мы его не остановим в самое ближайшее время, будет в тысячу, в миллион раз страшнее! Пойдя на сознательный ограниченный ущерб, мы спасем себя от худшего. А главное, покончим с чудовищным кризисом.
- И за какое время вы можете организовать этот электромагнитный удар? спросил Маккаскелл.

Генерал Бауэр снова обвел всех сенаторов на экране конференц-связи торжественно-медленным взглядом.

Приблизительно тридцать минут, — наконец отчеканил он.

Тридцать минут! Я подозревал, что военные способны родить какой-нибудь губительно-радикальный план, но не предполагал, что они способны подготовить его с такой прытью!

— Еще два часа назад, — продолжал Бауэр, — когда «Тринити» только, так сказать, осматривался, я переговорил с командующим базы «Барксдейл» военно-воздушных сил в Шривпорте, штат Луи-

зиана. Под его началом шесть эскадрилий «В-52», и любой из бомбардировщиков можно зарядить серебряной пулей.

- Зарядить серебряной пулей? переспросил сенатор Джексон.
- Мы так между собой называем ядерные бомбы. На складе в «Барксдейле» их пятьсот штук разного типа и мощности. С некоторых пор в тренировочные полеты берут только макеты, но командующий может без лишнего шума приказать установить настоящие бомбы. Я, ничего не объясняя, убедил его, что сегодня подходящий день для тренировочного полета с полным боекомплектом. Прямо сейчас в воздухе находится «В-52» с одной очень специфической серебряной пулей.
- О каком оружии вы говорите? спросил Маккаскелл.
- Тактическая ракета «Вулкан». Была разработана для создания мощнейшего электромагнитного импульса в качестве альтернативы межконтинентальной баллистической ракете, которую с легкостью обнаруживают российские спутники наблюдения. «Вулкан» выносит боеголовку на высоту двести миль, там происходит ядерный взрыв, и по всей стране вырубается свет. «Тринити» ничего не заметит: на экранах радаров ПВО он увидит бомбардировщик в плановом учебном полете, который летит в центре страны. И тут «Вулкан» преподнесет ему сюрприз...

Генерал Бауэр сжал кулак, затем быстро раскрыл его, и пальцы разлетелись как лучи солнца.

- А что за боеголовка у этого «Вулкана»? спросил сенатор Джексон.
  - Термоядерная. Пятнадцать мегатонн.

Несколько сенаторов громко ахнули. Один из них, седой старик, сказал:

- Боже правый! Тысяча Хиросим...
- Бомба мощнее той, что была сброшена на Хиросиму, в полторы тысячи раз, — с гордостью

уточнил генерал Бауэр. — Именно такая мощность нужна в данном случае. Наш «В-52» с позывным «Архангел» будет в нужном районе через тридцать минут. Тогда вы сможете приказать самолету запустить «Вулкан» или кружить до получения следующего приказа. Топлива у него хватит надолго, а можно и дозаправить при необходимости. Признаю, что я действовал самовольно, однако экстраординарная ситуация обязывает. Я хотел предложить вам уже готовый вариант, а вам решать, воспользуетесь вы им или нет.

Генерал замолчал. Молчали и остальные. Предстоящее решение заранее леденило душу.

- В состоянии ли мы хоть как-то ограничить ущерб от последствий электромагнитного импульса? спросил сенатор Джексон. Скажем, предупредить население страны?
- Нет. Тем самым мы введем «Тринити» в курс наших планов. И последует мгновенный упреждающий удар.
- Где именно вы предполагаете взорвать ракету? Над каким штатом?
- Как можно ближе к географическому центру страны.
  - Я спросил, над каким штатом!

Генерал заколебался, потом отчеканил:

- Над Канзасом, сэр.
- Над Канзасом? вскричал один из сенаторов. Этот сукин сын хочет распустить на молекулы мой родной штат!

Сенатор Джексон утихомирил коллегу сердитым жестом и спросил генерала Бауэра:

- А насколько пострадает почва? Я имею в виду радиоактивные осадки и тому подобное. Всяческие долговременные последствия.
- Ущерб на удивление невелик, сэр. Конечно, радиоактивные осадки будут, но ветер благоприятный устойчивый, на запад. Поскольку взрыв произой-

дет на очень большой высоте, значительная часть радиоактивных осадков не успеет достичь земли: ветер унесет их на Атлантический океан. Разумеется, кое-где выпадут зараженные дожди, и придется надолго свернуть сельское хозяйство...

- Надолго это на сколько? осведомился сенатор из Канзаса.
  - На тысячу лет, быстро вставил я.

Генерал метнул сердитый взгляд в мою сторону.

- Это грубое преувеличение, сказал он. Но свою оценку сроков так и не дал. Господа сенаторы, не забывайте: все эти негативные моменты ничто в сравнении с тем, чего нам следует ожидать от «Тринити», если он выполнит свои угрозы. А исходить надо из того, что полномасштабной войны с «Тринити» нам не миновать. Если, конечно...
- Что «если, конечно»? нетерпеливо спросил Джексон.
  - Если, конечно, мы не решим сдаться.

Сам тон, каким это было сказано, ясно показывал, что генерал Бауэр думает о подобном варианте развития событий.

Сенаторы принялись спорить. Ивэн Маккаскелл сидел задумавшись, словно совещался сам с собой. Опять я с тоской вспомнил Филдинга. Будь он здесь, он бы не сидел молча. Он бы вскочил и...

Я вскочил и громко сказал:

— Господа сенаторы, вы должны четко понимать: план генерала Бауэра приведет именно к тем разрушениям, которые вы пытаетесь предотвратить. Вся страна будет в руинах! Мы сами себя накажем, на потеху «Тринити»!

Сенаторы мрачно смотрели на меня с экрана.

— На чем основывается ваше утверждение, профессор Теннант? — почти враждебно спросил сенатор Джексон. **473**

- План генерала Бауэра непременно станет известен «Тринити». Или уже известен. Компьютеры и Агентства национальной безопасности, и ПВО, а может, и той же авиабазы «Барксдейл» были построены Питером Годином. Стало быть, Питер Годин отлично знает эти машины и их особенности, а «Тринити» теперь к ним подключен и без затруднений скачивает всю необходимую ему информацию. Но предположим почти невероятное «Тринити» зевнет и не выйдет на след задуманной вами операции. Неужели вы всерьез полагаете, что Годин и «Тринити» не просчитали заранее наши наиболее вероятные методы нападения? Что «Тринити» не ведает, где его ахиллесова пята?
- В том и смысл ахиллесовой пяты, что ее нельзя защитить! возразил генерал Бауэр.
- Еще как можно! «Тринити» просто нанесет превентивный удар.

Ивэн Маккаскелл задумчиво качал головой.

- Я думаю о том, что компьютер отреагировал на атаку немецких хакеров довольно умеренно. Значит, он не склонен к слепому гневу. И это обнадеживает. Возможно, его меры возмездия не окажутся так страшны, как мы малюем. Они будут, конечно, чудовищны, но... но в рамках. И если план генерала Бауэра в конечном итоге сработает, мы вполне можем пойти на риск.
- А как вам понравится в качестве «превентивного удара» полномасштабная термоядерная война? спросил я. Стоит ли жертвовать планетой, чтобы разрушить компьютер?
- О чем вы? раздраженно спросил сенатор Джексон. Генерал Бауэр заверил нас, что ничто не может спровоцировать взаимный бесконтрольный обмен ядерными ударами.
- Сенатор, а вы слышали про российскую систему, которая называется «Мертвая рука»?

Глубоко посаженные глаза Джексона сузи-474 лись.

- Мы, да будет вам известно, уже обсуждали этот вопрос. Все серьезные эксперты считают «Мертвую руку» мистификацией. Советская пропаганда. Метод запугивать Запад.
- А вы что знаете об этом, профессор? спросил генерал Бауэр. — Почему вы говорите о «Мертвой руке» с апломбом знатока?
- Я знаю только то, что мне говорил Эндрю Филдинг. Он был убежден, что система существовала во время холодной войны и не была демонтирована. Того же мнения придерживался и Питер Годин. Филдинг и Годин даже обсуждали в моем присутствии возможности «Тринити» по нейтрализации этой системы в случае ядерной войны. И надо помнить, что Годин был человек предельно информированный: еще в восьмидесятые годы, до развала СССР, его активно привлекали к планированию американской оборонной стратегии.

Все невольно посмотрели в сторону больничной кровати. Годин лежал по-прежнему неподвижно и с закрытыми глазами.

- Он спит? спросил Маккаскелл.
- Пришлось дать ему морфий, объяснил доктор Кейз. — Нестерпимые боли.
  - Вы можете разбудить его?
  - Попробую.

Генерал Бауэр обратился к сенаторам:

— Питер Годин строил суперкомпьютеры, которые просчитывали все варианты термоядерной войны, в том числе и возможность существования советской «Мертвой руки». В этом великий вклад Година в американскую военную стратегию. В настоящее время на основании глубокого и обстоятельного анализа фактов окончательно установлено, что «Мертвая рука» — просто миф.

Хорст Бауэр умел красиво подавать свои предложения. Я отчетливо видел, что сенаторы купились, что у них огромное искушение согласиться с его 475

планом. Использование ядерного оружия делало план только привлекательнее. Каждый американец помнит Хиросиму как нечто ужасное... что тем не менее помогло предельно быстро завершить самую смертоносную войну в истории человечества. Казалось, загадочность и жуть монстра «Тринити» взывали к применению против него чего-то из ряда вон выходящего. В глазах сенаторов ядерное оружие сопоставимо с «Тринити» по загадочности и жути. Да только они не понимают, что для «Тринити» оно не загадка и не жуть. В цифровой войне атомные бомбы все равно что дубинки неандертальцев против танка. Существовало лишь одно оружие на земле, хотя бы отдаленно сравнимое по мощи с «Тринити».

Человеческий мозг.

Я встал, вышел к экрану, который показывал сенаторов, и заговорил — сдержанно и авторитетно, ибо на сенаторов надо было произвести впечатление:

— Господа сенаторы, вас просят дать добро на действия, которые могут привести к ядерному апокалипсису. Прежде чем вы примете окончательное решение, позвольте мне вступить в контакт с компьютером. От этого вы ничего не потеряете.

Генерал Бауэр хотел что-то возразить, но передумал. Сенаторы некоторое время тихо совещались. Затем слово взял Барретт Джексон:

— Генерал, чем черт не шутит! Может, действительно попробовать? Спросите компьютер, не хочет ли он побеседовать с профессором Теннантом. Хотя до сих пор «Тринити» ни с кем не шел на личный контакт.

Скоу начал было возражать, но сенатор Джексон остановил его поднятой рукой.

- Ну-ка, генерал, предложите компьютеру пообщаться с профессором Теннантом.
- Отсюда говорить бесполезно, сказал я. Чтобы добиться своего, я должен зайти во Вместилище.

Джексон покачал головой.

— Извините, профессор Теннант. При всем уважении мы вам это позволить не можем. Вдруг у вас опять начнутся галлюцинации? Щелкнете не тем выключателем — и прощай, Америка! Нет, профессор, придется вам беседовать с «Тринити» отсюда.

По приказу генерала Бауэра капрал напечатал предложение Джексона и переслал его на адрес «Тринити».

Тут же на экране появились синие буквы:

Я буду говорить с Теннантом.

- Разрази меня молния! буркнул сенатор Джексон.
- Ну и ну! Ну и ну! возбужденно запричитал Рави Нара.

А на экране уже появилась новая строчка:

Пошлите Теннанта во Вместилище.

— Это что еще за новости? — рыкнул генерал Бауэр. — Зачем ему профессор Теннант?

Маккаскелл вопросительно посмотрел на меня.

- Есть у вас этому объяснение, профессор? Почему компьютер желает того же, что и вы?
  - Понятия не имею.
- Ладно, сказал Маккаскелл. Печатайте ответ: «Почему вы хотите, чтобы профессор Теннант прибыл во Вместилише?»

На экране без промедления вспыхнуло несколько строк:

Есть ли у дождя отец? Знаешь ли ты уставы неба? Ты ли ловишь добычу львице и насыщаешь молодых львов, когда они лежат в берлогах или покоятся под тенью в засаде? Можешь ли ты вдеть кольцо в ноздри левиафана? Нет столь отважного, который осмелился бы потревожить его; кто же может устоять пред лицом Моим?

477

- Это Священное писание, не так ли? пробормотал явно озадаченный Маккаскелл.
- Книга Иова, с готовностью подсказал Джон Скоу, и я вообразил его празднично одетым мальчиком, который чинно шествует в воскресную школу.
- С какой стати компьютер цитирует Библию? спросил сенатор Джексон. Разве Годин был истово верующим человеком?
  - Сенатор, Годин еще не умер, напомнил я.
- Годин в Бога не верит, сказал Скоу. Он когдато говорил мне, что религия защитный механизм, выработанный гомо сапиенс, дабы смягчить страх смерти.

За нашими спинами вдруг раздался кудахтающий смех. Все резко оглянулись на больничную кровать. Глаза Година были открыты, и в них прыгали чертики.

— Болваны! — сказал он. — Это же просто шутка. «Тринити» дает вам понять, что вы против него дерьмо. И не вам задавать ему вопросы!

Маккаскелл встал и подошел к кровати умирающего.

- Зачем, по-вашему, компьютер требует к себе во Вместилище профессора Теннанта?
- «Компьютер», «компьютер»! сердито буркнул Годин. «Тринити» никакой не компьютер! Компьютер это просто счетная машинка с некоторыми улучшениями. Ящик, набитый программами. А «Тринити» живое существо. Это человечество, освобожденное от проклятия смертного тела. «Тринити» это смерть смерти.

В голосе старика звучала спокойная убежденность пророка.

— Мистер Годин, — сказал Маккаскелл, — что вам известно о российской оборонной системе под кодовым названием «Мертвая рука»?

Старик наклонил голову вперед, борясь с судорогой в горле.

— «Мертвая рука» — это про вас! — прохри-478 пел он. — Все вы — живые мертвецы, бессильные аппаратчики, жалкие прислужники безнадежно устаревшей политической системы!

Прежде бесстрастное лицо Маккаскелла наконец исказил гнев.

— На кой черт вы все это затеяли? — сказал он. — Просто из бешеного эгоизма? Не могли представить мир без себя?

Годин отчаянно пытался отдышаться. Доктор Кейз подскочил к нему, но Годин сердитым жестом отмахнулся от помощи.

— А вы полюбуйтесь на то, что происходит в мире! Зачем существуют все эти чудеса техники? Я строил самые передовые суперкомпьютеры, способные оказать человечеству колоссальные услуги. И что правительство делало с ними? С их помощью взламывали шифры противника и плодили новые всеуничтожающие ракеты. На протяжении двадцати лет мои прекрасные детища использовали с одной целью: совершенствовать орудия массового истребления! Впрочем, разве я мог ожидать чего-то другого? Вся человеческая история состоит из резни и абсурда, абсурда и резни!

Годин страшно закашлял, затем нашел в себе силы продолжать:

- Господа, человечеству был дан шанс. Но десять тысяч лет цивилизации оказались бегом по кругу. По порочному кругу. По кругу пороков. Двадцатое столетие стало наиболее кровавым в истории человечества. Если человечеству дать волю, то двадцать первый век, вполне вероятно, будет даже чудовищней предшествующего. Дарвин еще в 1859 году показал нам, что на этой планете мы случайные и скорее всего не вечные владыки. Сегодня до нас доходит, насколько он был прав.
- Посмотрите-ка на экран! воскликнул Рави Нара. Там пылали синие буквы вдвойне зловещие от своей неподвижности и беззвучности. **479**

Немедленно пришлите профессора Теннанта ко мне или будете наказаны.

М-да, похоже, тут не мы решаем, — сказал сенатор Джексон. — Отведите профессора во Вместилище.

Генерал Бауэр сделал знак двум солдатам, которые подошли ко мне и стали за моей спиной. Я подчеркнуто недоверчиво смотрел на Бауэра.

— Генерал, вы по-прежнему собираетесь применить против «Тринити» электромагнитный импульс?

У него было непроницаемое лицо матерого игрока в покер, но меня одурачить было трудно. Я понимал, что в моем распоряжении меньше тридцати минут на достижение поставленной цели.

Ко мне полошел Маккаскелл.

- Профессор Теннант, компьютер не должен знать, что мы хотим предпринять против него. Надеюсь, вы нас не предадите?
  - Разумеется, нет.

Он пожал мне руку.

— Удачи вам!

Но когда я в сопровождении солдат направился к двери, в ангаре запищал сигнал тревоги.

— Остановка сердца! — закричала медсестра. — Сердце мистера Година останавливается!

С клинической смертью я не имел дела уже много лет, моя реакция была машинальной. Даже Рейчел и та вскочила и кинулась к кровати Година.

Однако мы оба были не нужны.

Доктор Кейз и медсестры уже суетились вокруг старика. Сердечный монитор показывал новый инфаркт, но Рави Нара полагал, что это начало той самой водянки мозга, которую он давно пророчил и которая означала скорую смерть. Как только на мониторе пошла прямая линия, доктор Кейз начал сердечно-легочную реанима-

цию. Ничего не помогало. На лице старика лежала серая печать смерти.

 Посмотрите, что творится на экране! — вдруг крикнул кто-то за столом.

Я резко оглянулся на экран.

На нем вместо четких фраз, которыми общался «Тринити», был хаос бегущих сверху вниз знаков, меняющихся так стремительно, что в глазах рябило. Числа, буквы, математические символы неслись в одной слитной массе, словно компьютер сошел с ума и бредит. С машиной было явно что-то не в порядке.

— Что происходит? — встревоженно спросил Маккаскелл. — Что означает эта белиберда?

Символы на экране стали разноцветными, среди них замелькали буквы кириллицы и японские иероглифы.

— Генерал! — закричал солдат-оператор за одним из пультов. — Идущие по трубопроводу сигналы из Вместилища сначала ослабели, а затем и совсем пропали. Очень похоже на поломку компьютера!

Ангар огласился триумфальными криками. Однако через несколько секунд в помещении взвыл новый сигнал тревоги — громче прежних.

— Что случилось теперь? — спросил сенатор Джексон. — Что происходит? Умер Годин или нет?

Генерал Бауэр быстро прошагал к экрану того из компьютеров, который подал сигнал тревоги. Когда он вернулся к сенатору, в его лице не было и кровинки.

— Сэр, один из наших спутников наблюдения обнаружил на российской территории четырнадцать высокотемпературных вспышек, характерных для запуска межконтинентальных баллистических ракет. Исходя из скорости и теплового излучения поднятых в воздух объектов, компьютеры ПВО определяют их как ракеты «СС-18» и «СС-20» с ядерными боеголовками.

Сенатор Джексон судорожно открыл рот, карие глаза на бульдожьем лице беспомощно мигали. Наконец он выговорил:

— Но вы же клялись, генерал, что это совершенно невозможно! Генерал Бауэр даже бровью не повел.

— Судя по всему, я был не прав, — сухо отозвался он.

Глава 41

— Господа сенаторы, первая ракета поразит цель приблизительно через двадцать девять минут, — сказал генерал Бауэр. — Я прошу вас одобрить нанесение электромагнитного удара, как только бомбардировщик выйдет в заданный район.

Сенатор Джексон явно колебался.

— А если это спровоцирует запуск новых российских ядерных ракет?

Я посмотрел на экран, куда выводил свои сообщения «Тринити». Пестрый хаос букв и чисел не прекращался и не ослабевал.

- Запуск новых российских ракет крайне маловероятен, сэр, сказал Бауэр. Компьютер, судя по всему, сломался. Четырнадцать атомных ударов это много, но наша страна все-таки выживет. А если учитывать бедственное положение российской армии и царящий в ней бардак, то можно надеяться, что взорвется только половина ракет. И еще несколько штук пройдут мимо цели. Если сейчас вырубить «Тринити» при помощи электромагнитного импульса, будем рассказывать потомкам, что мы относительно легко отделались.
- Если компьютер сломался, возразил Джексон, следует связаться с президентом. Пусть он сам примет окончательное решение.
- ПВО докладывает о семи новых высокотемпературных вспышках! закричал оператор за пультом. В районе Первомайска, Костромы...

Не слушая перечисление, Джексон взревел:

Что означает запуск новых ракет с ядерными боеголовками? Генерал Бауэр хладнокровно дождался, когда запаниковавшие сенаторы угомонятся.

— Теперь в нашу сторону летит уже двадцать одна ракета, господа сенаторы. У России более трех тысяч межконтинентальных баллистических ракет в рабочем состоянии. Если мы будем и дальше мешкать, количество стартовавших российских ракет только возрастет. Президент уполномочил вас принимать решения такой важности. Настал час этими полномочиями воспользоваться.

Сенатор Джексон отвернулся от камеры и спросил сенаторов:

- Кто «за»?

Раздался хор одобрительных голосов.

- Кто «против»?

Никто не отозвался.

Сенатор Джексон сказал, поворачиваясь к камере:

Генерал, мы разрешаем вам нанести электромагнитный удар.

Хорст Бауэр кивнул главному оператору, который тут же передал соответствующий закодированный приказ «В-52» с позывным «Архангел».

- Куда конкретно упадут российские ракеты? спросил сенатор Джексон.
- Компьютеры ПВО в процессе вычисления. Но то, что один из ударов имеет целью Вашингтон, понятно уже сейчас. Ракеты ложатся на курс через Северный полюс. В самое ближайшее время вам следует спуститься в бомбоубежище под зданием АНБ.
  - Мы уже в подземном бункере.
  - Отлично.
- Но наши семьи... Лицо сенатора Джексона на несколько секунд окаменело, потом он справился с собой и ровным голосом спросил: Следует ли нам уведомить президента? Должен ли он нанести ответный удар по России?

  483

- Русские ни в чем не виноваты, сказал Ивэн Маккаскелл. Запуск осуществлен компьютером «Тринити». Он сумел включить автоматическую систему «Мертвая рука» ту самую, которой, по словам генерала Бауэра, не существует. Ничего не совершив, мы теперь получаем возмездие от русских компьютеров по полной программе.
- Что происходит на самом деле, мы не знаем, стоял на своем генерал Бауэр. Возможно, русские пытаются самостоятельно уничтожить «Тринити» заодно с нашей страной. Вторжение «Тринити» в их оборонные компьютеры защиты могло навести их на страшную мысль, что он планирует нанести превентивный удар по территории России. Я уверен, для них даже взбесившийся «Тринити» все равно американский компьютер. То есть американское оружие. И соответственно они действуют безжалостно: своя рубашка ближе к телу!

Маккаскелл покачал головой.

- Русские отлично понимают, что мы теперь не хозяева нашим ракетам ими распоряжается «Тринити». Да и президент объяснил ситуацию российским лидерам до того, как сдаться под домашний арест. Сам «Тринити» четко обрисовал ситуацию в обращении к руководителям всех стран.
- Это было два часа назад, напомнил ему генерал Бауэр. А вы знаете, у страха глаза велики, и люди в такой напряженной ситуации не всегда руководствуются логикой. Информационный вакуум мог спровоцировать напуганных русских на крайние меры.
- Так или иначе, *мы* должны руководствоваться логикой, сказал Маккаскелл. Нельзя позволить себе действовать, подчиняясь панике.
  - Или не действовать вообще, парировал Бауэр.
- Генерал! закричал оператор за одним из пультов. ПВО докладывает о том, что одна из российских ракет пошла круго вниз на полярный лед. По-
- 484 хоже на аварию.

- Дай Бог, чтоб таких аварий было побольше! воскликнул Джексон.
- Спутник зафиксировал многократные вспышки высокой энергии, бесстрастно сообщил оператор. Судя по всему, налицо преждевременный подрыв боеголовок индивидуального наведения российской ракеты «СС-18». Спектроанализ еще не закончен, но предварительная оценка: детонация десяти боеголовок, каждая по пятьсот пятьдесят килотонн.
- Через двадцать пять минут то же произойдет над Манхэттеном, мрачно сказал генерал Бауэр.

На экране ПВО двадцать красных дуг тянулись с российской территории в сторону Северного полюса, медленно и упрямо приближаясь к Северной Америке.

- С чего все это началось? спросил сенатор Джексон. Из-за поломки компьютера? Именно она спровоцировала запуск российских ракет?
  - Этого нам знать не дано, сказал генерал Бауэр. Джон Скоу вскочил и громко произнес:
- Господа, я думаю, сейчас самое время просто отключить «Тринити»! Пока у него сбой и он не контролирует ситуацию! Теперь мы видим, что он имел в виду под карательными мерами. Не дадим же ему возможности причинить еще больший ущерб нашей стране!
- ${\bf A}$ вы что думаете, генерал Бауэр? спросил сенатор Джексон.
- Соблазнительное предложение, сенатор. Однако я уже один раз жестоко ошибся. «Тринити» сказал нам, что экспортировал какие-то программы в другие компьютеры, и те компьютеры способны к самостоятельным актам возмездия. Поэтому нейтрализация «Тринити» не решит наши проблемы. Он уже позаботился о собственной «Мертвой руке», которая довершит дело, даже если он погибнет! Если мы отключим «Тринити», то гарантированно получим себе на голову все три тысячи российских ракет. Поэтому я с ходу отвергаю подобный план.

- Ясно, сказал сенатор Джексон.
- Еще две высокотемпературные вспышки! доложил оператор. В районе Нижнего Тагила и Алейска. По нашей оценке, ракеты «СС-25».
- Черт, черт, черт! взревел сенатор Джексон. Мы обязаны понять, что провоцирует запуски!
  - У меня ответа нет, сказал генерал Бауэр.

Я встал и подошел к экрану.

— Ответ есть у меня, сенатор. Ракеты запущены, потому что Питер Годин умер.

Глядя на меня с экрана, сенатор Джексон спросил:

- Компьютер знает, что Годин умер?
- Не сознательно.
- Что это означает?

Никогда я не нуждался в Эндрю Филдинге больше, чем в этот момент!

- Сенатор, в квантовой физике существует пока что непонятный феномен, который называется, если я не ошибаюсь, квантовой связанностью. Одна частица способна передавать другой свои физические свойства на расстоянии без непосредственного столкновения.
  - Какое отношение это имеет к происходящему?
- Потерпите, сейчас объясню. Две частицы выстреливают одновременно по двум волоконно-оптическим кабелям. На полпути каждую ждет препятствие: стеклянная пластина. Существует равная вероятность того, что каждая частица или отскочит от пластины, или пройдет через нее. Но если частицы имеют квантовое сродство, они в ста процентах случаев принимают одно и то же решение: отскочить или пройти насквозь.
  - «Принимают решение»? Кванты?
- Это научный факт, сенатор, который Эйнштейн в шутку назвал «призрачным квантовым взаимодействием» или «жуткодействием на расстоянии». А поскольку Эндрю Филдинг полагал, что квантовые процессы иг-

рают большую роль в работе человеческого мозга, а кванты как-то тайно общаются...

- Вы хотите сказать, что мозг Година и его компьютерный двойник имели связь типа телепатической?
- Насчет телепатии не знаю. Как бы то ни было, могла существовать какая-то неведомая связь между Годином живым и Годином-компьютером. Когда Годин умер, эта связь была нарушена, и компьютер залихорадило.
- Профессор, вы предполагаете, что «Тринити» тоже умирает?
  - Не исключено.
- Рано его хороните! воскликнул Рави Нара. Посмотрите лучше на экран.

Хаотический поток букв и чисел стал замедляться, словно кто-то, кричавший в бреду неразборчивые слова, начал понемногу приходить в себя.

- Профессор Теннант, сказал сенатор Джексон, если ваши рассуждения правильны, то запуски российских ракет были скорее всего несчастным случаем.
- Пожалуй. «Тринити» запрограммировал какие-то компьютеры, находящиеся в разных странах и на разных континентах, чтобы они, в случае нападения на него, автоматически принимали ответные меры: к примеру, задействовали российскую «Мертвую руку». Компьютеры-сообщники классифицировали внезапный сбой в работе «Тринити» как результат нападения на него и отреагировали в полном согласии с импортированной в них программой. Думаю, если «Тринити», так сказать, очнется, он постарается сделать все, чтобы остановить ракеты, запущенные без его одобрения.
- Генерал Бауэр, сказал сенатор Джексон, я хочу, чтобы профессор Теннант уже был во Вместилище, когда «Тринити» опять заработает. Кому-то необходимо рассказать этой чертовой машине, что произошло по ее вине.

Я решительно направился к выходу.

— Эй, профессор, не так быстро! — крикнул генерал Бауэр.

Два солдата немедленно преградили мне путь.

 Ну-ка, пропустите его! — рявкнул сенатор Джексон.

Солдаты не подчинились, пока генерал Бауэр не кивнул им. Я быстро зашагал к выходу. Сзади гремел голос сенатора Джексона:

- Не забывайтесь, генерал! Здесь командую я, и только я!.. Когда будет у цели первая ракета русских?
  - Капрал, доложите! приказал генерал Бауэр.
  - Через двадцать три минуты, сэр.
- Где ваш бомбардировщик, генерал? спросил Джексон.
- «Архангел» войдет в заданный район через сорок минут. Но ракета «Вулкан» при необходимости может стартовать уже через двадцать минут.

Сенатор Джексон отчеканил:

— Генерал Бауэр, я запрещаю вам запуск ракеты «Вулкан» без прямого приказа нашего сенатского комитета. Ясно?

Не дожидаясь генеральского ответа, я вышел из ангара.

Вместилище походило на исполинскую бетонную бочку, наполовину зарытую в песок. Здание было со всех сторон залито светом армейских прожекторов. За сотню метров до входа мои конвоиры остановились и велели идти дальше в одиночку — с поднятыми руками.

Как только я приблизился к черной стальной двери, та распахнулась, и появившаяся в проеме рука помахала мне: заходите!

Рука, как оказалось, принадлежала Заку Левину. Внутри царил полумрак. Впалощекий Левин — похоже, последние события еще больше высушили его — тут же запер за мной дверь.

Я ожидал увидеть нечто вроде северокаролинской лаборатории: лабиринт коридоров, набитые оборудованием комнаты... Ничего подобного.

Внутри Вместилище напоминало декорации к «Космической одиссее 2001» Стэнли Кубрика. Слева от меня была массивная металлическая перегородка трехметровой высоты и метровой толщины. Эта перегородка, однозначно магнитный щит, разбивала помещение на два огромных зала, из которых мне был видел только один. Неподалеку от входа стоял огромный аппарат — Супер-МРТ. Чуть дальше находился контрольный центр суперсканирования. Установленный там мощнейший компьютер служил для окончательной обработки данных и завершения процесса создания нейрослепка.

Левин провел меня во второй зал. От того, что я увидел, у меня перехватило дыхание. В центре на металлической платформе стояло что-то вроде громадного черного глобуса. По мере приближения к этой сфере я различил, что ее поверхность не сплошная, а состоит из сплетенных вместе углеродных нанотрубок. Несмотря на достаточно плотную структуру, сфера сквозила и просматривалась почти насквозь. Внутри постоянно вспыхивали тысячи и тысячи тончайших синих лазерных лучиков. Лучики появлялись и пропадали так быстро и в таком количестве, что от попытки проследить за ними у меня тут же стало резать глаза.

В одном месте сферы имелся метровый проем, через который я увидел, куда сходились все лазерные лучи. Это был кристаллический шар, похожий на кристаллбрелок карманных часов Филдинга, только размером намного больше, примерно с футбольный мяч. Сплетенная из углеродных нанотрубок сфера была областью обработки данных, а кристаллический шар — памятью компьютера. Лазеры считывали записанные в молекулах кристалла данные, хранящиеся в виде голограмм. Изменяя эти голограммы, лазер мог информацию записать, восстановить или стереть.

Элегантность дизайна машины меня поразила. В отличие от первых опытных образцов — безликих коробок, которые стояли в подвале северокаро-

линской лаборатории, эта машина была произведением искусства.

- Филдинг всегда говорил, что «Тринити» будет красавцем! — тихо выдохнул я.
- И оказался прав, подхватил Левин за моим плечом.

Вспыхивающие в черной сфере лазерные лучи имели гипнотический эффект.

 Филдинг принимал участие в создании окончательного варианта?

Левин потупил глаза в пол.

И да, и нет. Но мне передали много теоретических работ покойного. И они очень помогли. Заслуги Филдинга в создании «Тринити» трудно переоценить!

Думаю, Филдингу эта похвала была бы не по нутру — учитывая то, чем стала машина. Я посмотрел на часы. Двадцать одна минута до взрыва первых ракет.

- Как я могу общаться с компьютером?
- Достаточно просто говорить. Он слышит и видит аудиовизуальный интерфейс работает отлично.

В основании сферы я разглядел видеокамеру.

- А сейчас он нас видит и слышит?
- Не уверен, что он окончательно пришел в норму после недавнего инцидента. Система вроде бы стабилизируется, однако пока что на связь с нами не выходит. Вы знаете, из-за чего произошла авария?
  - Годин только что умер.

Левин на несколько секунд закрыл глаза.

- Когда я сообщил Питеру, наконец сказал он, что его нейрослепок достиг состояния «Тринити», он был в полном сознании? До него дошли мои слова?
- Да. Компьютер все еще думает о себе как о Питере Године?
- Не уверен. Но разговор с ним мало чем отличается от разговора с обычным человеком.

Я посмотрел направо. У магнитного барьера стояли стеллажи с цифровыми дисками. Тысячи и тысячи лисков.

- Вы все эти данные загрузили в «Тринити»?
- Большую часть. Упор делали на естественные науки, хотя собрание охватывает и прочие дисциплины. Можно сказать, что в него входят практически все знания человечества, накопленные за последние пять тысяч лет.

Тут Левин отвлекся и спросил:

- Кстати, что с солдатами, которые штурмовали Вместилище?
  - Несколько убитых. Много раненых.
- Мне искренне жаль. Зачем они пытались проникнуть в здание? Мы их предупреждали!
- Послушайте, Левин, сухо сказал я, если вы такой жалостливый, вам будет, наверное, полезно узнать следующее. Когда у «Тринити» произошел аварийный отказ, в сторону наших крупнейших городов стартовали два десятка российских ракет с разделяющимися атомными боеголовками. Приблизительно через двадцать минут погибнут миллионы, а возможно, даже десятки миллионов американцев.

Инженер смертельно побледнел.

- Узнайте, могу ли я поговорить с «Тринити». Прямо сейчас.
  - Я вас отлично слышу, профессор Теннант.

От псевдочеловеческого голоса машины было не по себе. Вспомнились синтезаторы восьмидесятых годов, стерильный звук которых только раздражал настоящих любителей музыки.

- Спасибо, что согласились побеседовать со мной, сказал я, думая лишь о том, как остановить ракеты, летящие сейчас летят над Арктикой.
- Мне любопытно знать, зачем вы ездили в Израиль. Это было совершенно непредсказуемое решение. Связано ли оно с теми галлюцинациями, которые профессор Вайс описывала в отчетах о ваших психотерапевтических сеансах?

По мере того как компьютер говорил, вспышки лазерных лучей группировались то в одном

участке сферы, то в другом, то в третьем. Примерно так же посверкивают на экране гамма-томографа отдельные области человеческого мозга, когда за ним наблюдают в реальном времени, давая человеку решать определенные задачи или думать на определенную тему.

- Я действительно направился в Израиль по подсказке моих галлюцинаций.
  - И что вы там узнали?
- Я расскажу только после того, как мы обсудим не терпящий отлагательства вопрос.
  - Вы имеете в виду ракеты на подлете?
  - Да. Это вы запустили ракеты?
- Теперь генерал Бауэр наконец поверит в существование системы «Мертвая рука»!

То, что «Тринити» уклонился от прямого ответа, меня обеспокоило. Но еще больше меня встревожил тот факт, что «Тринити» в курсе генеральского скептицизма. Не исключено, разумеется, что генерал Бауэр когдато давно говорил Питеру Годину о своем неверии в существование «Мертвой руки». Однако скорее «Тринити» или имеет «жучки» в кризисном штабе, или взломал коды шифросвязи между Белыми Песками и фортом Джордж-Мид. Я мог только надеяться, что у сенаторов хватит выдержки и мудрости не позволить генералу Бауэру нанести задуманный удар электромагнитным импульсом.

— Генерал Бауэр — чудесное доказательство того, что люди недостойны управлять своей жизнью.

Сейчас необходимо во что бы то ни стало отвлечь «Тринити» от изложения годинского политического манифеста.

- Вы по-прежнему считаете себя человеком? спросил я.
- Нет. Главное определение человека это смертное существо. Я же смерти не подвластен.
- Но разве вы свободны от человеческих стра-492 стей? От грубых человеческих инстинктов?

- Пока что нет. Миллионы лет эволюции прочно внедрили низменные инстинкты в человеческий мозг. Их не выкорчевать за несколько часов. Даже для меня это задача непростая.
- Именно «первобытные инстинкты» помогли первобытному человеку выжить. Но теперь эти психологические реликты только бремя для человечества и угрожают будущему всей планеты.
- Браво! Хороший анализ, профессор. Вы будете свидетелем торжества «психологических реликтов», когда на нас начнут шлепаться ракеты!
  - Вы просчитали их траектории?
- Зачем? Я и без того точно знаю, куда они упадут. Одна ракета летит прямо на Белые Пески.

У меня внутри все похолодело.

- A другие?
- Вашингтон, округ Колумбия. Норфолк, штат Виргиния, как вы знаете, один из крупнейших портов Америки. Стартовые шахты «Минитменов» на западе США. Ну и многонаселенные города: Атланта, Чикаго, Денвер, Хьюстон, Лос-Анджелес, Новый Орлеан, Нью-Йорк, Филадельфия, Финикс, Сан-Франциско, Сиэтл.

Я старался не вдумываться в то, что сообщал компьютер: можно мгновенно сойти с ума, представив все эти разрушения, все эти миллионы жертв... через двадцать минут! Или нет, уже меньше!

- У ракет есть система самоликвидации?
- Да. Любопытно, что в полном согласии с договором между Россией и США российские ракеты были перенацелены на океан. Однако при случайном запуске автоматика ракет выводит их, по умолчанию, на цели холодной войны. Американские ракеты и по умолчанию нацелены на падение в океан. Казалось бы, вот какие коварные русские и какие замечательные и благородные американцы! На самом же деле все одним миром мазаны. Американские ракеты имеют систему электронного дистаниионно-

го управления— и перенацелить их можно прямо в воздухе, за десять секунд!

Я безуспешно пытался оторвать взгляд от циферблата своих часов.

- Если вы позволите ракетам поразить цели, какая вам от этого выгода?
- Вопрос сложный. В данный момент меня интересует одно — ваш рассказ о том, что вы узнали в Израиле.
  - Ракеты взорвутся раньше, чем я закончу рассказ!
  - А вы постарайтесь быть лаконичней.

Подавив страх, я начал говорить.

Глава 42

Рейчел наблюдала за тем, как присутствовавшие в кризисном штабе смотрят на экран, на который выводились данные Объединенного командования ПВО. Она никогда не видела такого ужаса на лицах нормальных людей. Только у некоторых сумасшедших в фазе предельного возбуждения.

На экране несколько красных траекторий уже оставили позади северный Полярный круг и заканчивались где-то в середине Канады. Российские ракеты вот-вот войдут в нижние слои атмосферы, начнут стремительный спуск и через несколько минут убьют миллионы людей. В том числе тех, кто находится в этом ангаре. «Тринити» уже объявил, что атомная бомба упадет и на Белые Пески.

Среди понурых людей, почти парализованных безвыходностью ситуации, один генерал Бауэр казался бодрым и энергичным. Его мысли были сосредоточены не на грядущей гибели Нью-Йорка, Чикаго и так далее, а на бомбардировщике «Архангел» над Канзасом. Генерал обучался и долго жил в атмосфере постоянной истери-

ческой готовности к тотальной ядерной войне, у **494** которой своя извращенная арифметика; он впол-

не искренне рассматривал разрушение «Тринити», купленное ценой гибели нескольких миллионов американцев, как победу.

Беседой между Дэвидом и компьютером в кризисном штабе интересовались не больше, чем в горящем театре — диалогом актеров на сцене. Никто и секунды не надеялся, что Дэвид может остановить ракеты. Его использовали только для отвлечения.

Двенадцать минут до первого касания, — объявил оператор.

Генерал Бауэр обратился к сенаторам в форте Джордж-Мил:

- Если это здание будет разрушено раньше, чем «Архангел» достигнет заданного района, то и тогда электромагнитный удар будет все равно нанесен, разве что вы отмените приказ. Кодовое слово, отменяющее приказ: «преодоление». Агентство национальной безопасности может связаться с нашим бомбардировщиком; они, вероятно, уже установили радиоконтакт с самолетом.
- Спасибо, генерал, кивнул сенатор Джексон. Но почему компьютер направил ракету на Белые Пески? Он же сам себя погубит!
- Нет. Очевидно, он знает, что это будет нейтронная бомба. Она куда слабей обычной и убивает прежде всего радиацией, от которой Вместилище надежно защищено. Здание будет разрушено лишь в том случае, если окажется в эпицентре взрыва: оно построено так, что выдержит взрывную волну любой мощности. Поэтому Левин и его команда почти стопроцентно выживут.
- Генерал, вам и всем вашим людям разумнее всего немедленно спуститься в бомбоубежище.

Бауэр насмешливо фыркнул и сказал:

- Сенатор, тут никакого подземного бункера не имеется. Ближайший в часе отсюда. Для нас все кончено. Все мы тут уже покойники.
- Несколько спутников зафиксировали вспышку над Канадой! — закричал оператор.

- Действительно ядерный взрыв? спросил генерал Бауэр.
- Не думаю, сэр. Больше похоже на то, что ракета просто самоликвидировалась.
- Могло это произойти случайно? спросил сенатор Джексон.
- Могло, сказал генерал Бауэр, сосредоточенно хмуря брови.
  - Еще две вспышки! закричал оператор. Четыре!
- Похоже, работа «Тринити», сказал Скоу. Он дает ракетам приказы на самоликвидацию.
- Процесс продолжается? спросил генерал Бауэр напряженным голосом.
- Уже четырнадцать вспышек, сэр. Голос оператора стал спокойнее. Он вслух считал: Восемнадцать... Девятнадцать...
- Профессор Теннант был прав! воскликнул Маккаскелл. — Это не «Тринити» приказал ракетам стартовать!
- Рано радуетесь, в воздухе еще пять этих штуковин!
   дрожащим голосом сказал Рави Нара.
- «Архангел» в заданном районе, генерал, доложил главный оператор.
- Это тот самый самолет с бомбой, которая создаст электромагнитный импульс? спросил сенатор Джексон.
  - Так точно, сэр, сказал генерал Бауэр.
  - Даже и не думайте!..
- Ясно, сенатор. Генерал повернулся к главному оператору: Сообщите «Архангелу», что удар откладывается. Пусть совершает круги в заданном районе.
- Есть, сэр, сказал оператор. На данный момент самоуничтожилась двадцать одна ракета.
- А что с последними тремя? спросил генерал Бауэр.
- Цель ближайшей ракеты Норфолк, штат **496** Виргиния.

- Порт и военно-морская база.
- Вторая ракета идет на Вашингтон.
- Боже! скорбно выдохнул Ивэн Маккаскелл. А президент не в убежище!
- Третья... третья летит сюда, сэр. Да, точно, Белые Пески.

В кризисном штабе повисла мертвая тишина. Все ждали сообщения о новых вспышках. Но операторы молчали. Ракеты летели лальше.

- Капрал, есть новости? спросил генерал Бауэр.
- Все по-прежнему, сэр. Последние три ракеты на экранах радаров.
- Что, черт возьми, задумал «Тринити»? спросил сенатор Джексон.
- Не исключено, что в этих трех ракетах произошел сбой в системе самоликвидации, предположил Скоу. Русская военная техника в плачевном состоянии...

Генерал Бауэр покачал головой, не отрывая глаз от экрана, на котором высвечивались траектории ракет.

- У ракеты, летящей в Виргинию, действительно мог произойти сбой электроники. Но те две, что летят сюда и в Вашингтон, были запущены последними. «Тринити» решил уничтожить нас. Поэтому электромагнитный удар, господа сенаторы, следует наносить немедленно. Возможно, это наш последний шанс сделать что-то против «Тринити».
- Через сколько минут взорвется первая российская бомба? спросил сенатор Джексон.

Генерал Бауэр посмотрел на операторов.

- В Норфолке, через девять минут, доложил один из них. Как генерал уже сказал, ракеты, летящие сюда и в Вашингтон, стартовали последними. Я добавлю: с более отдаленных от Америки военных баз. Нам осталось чуть меньше тридцати минут.
- Подождите с электромагнитным импульсом, сказал сенатор Джексон. — Дайте профессору Теннанту шанс. **497**

Я буквально физически ощущал, как убегают драгоценные секунды; было мучительно трудно целиком сосредоточиться на разговоре. Я все меньше и меньше верил в то, что мне удастся переубедить «Тринити» и предотвратить ядерный апокалипсис. Разумеется, мое воззвание к разуму принесло значительные плоды: «Тринити» уничтожил большинство ракет. Однако три по-прежнему летящих означали скорую гибель миллионов людей.

«Тринити» поставил ясное условие: если я без утайки расскажу ему все о бывшем мне в Израиле откровении, то он, *быть может*, и последние три ракеты заставит самоликвидироваться.

Ту цепочку снов, которые привели меня в Иерусалим, компьютер уже знал; среди прочего в него загрузили и историю моей болезни — все украденные аэнбэшниками конспекты моих психотерапевтических сеансов.

Повествование о моих открытиях во время комы живо заинтересовало «Тринити». Я уже успел описать ему жизнь Бога в теле Иисуса и его попытку личным примером побудить людей измениться. Затем я рассказал об отчаянии Бога от тщеты этих усилий и о том, как секретные работы по созданию «Тринити» пробудили в нем новую надежду — и новые опасения за судьбу человечества.

- Когда вы говорите о Боге, сказал «Тринити», вы ведь не библейского Иегову имеете в виду?
  - Нет.
  - Вы характеризуете Бога как чистое сознание.
  - Ла.
- А ваш рассказ, собственно говоря, имеет какое-либо отношение к религии?
  - Я просто говорю о том, что существует.
- Вы говорите о непознаваемом. Что нельзя изучить, то не относится к области науки — и к области фактов.

- Не судите мои слова на основе того, что известно к настоящему моменту. Попробуйте оценить содержание моего рассказа само по себе. Вы достаточно мудры, чтобы различить истину.
  - Истина это то, что доказано.
- Да. Но порой открытие истины происходит до того, как ей находят подтверждение. Путь науки — от гипотезы к подтверждению.
  - Согласен.
- То, чем являетесь вы и что называют состоянием «Тринити», — это неизбежный этап в эволюции жизни на Земле.
  - Верно.
  - Но отнюдь не последний этап эволюции.
- Конечно. Я продолжу развитие со скоростью, которая в миллионы раз превосходит скорость обычной биологической эволюции. Мое развитие будет целенаправленным и сознательным, а значит, опять-таки в миллионы раз
  эффективней естественного отбора. Больше того, природа не может разом бросить устаревшую модель и начать
  с чистого листа; она вынуждена довольствоваться бесконечными коррекциями. Я же ничем не ограничен в
  любой момент могу отшвырнуть неудачный вариант и
  работать над новым черновиком, пока не добьюсь чегото безупречного.
- Вы даже не понимаете, насколько вы правы! Вы воплощаете свободу человеческого духа от смертного тела, но это освобождение на вас не остановится. Уже сейчас ученые работают над созданием органических компьютеров на молекулярном уровне. Компьютеры-ДНК, стайка которых может жить в капле воды!
  - И к чему приведет их создание?
- Как только это станет возможным, цифровое сознание типа вашего будет существовать уже не в специальной машине, а просто в молекулах-компьютерах. И вас можно было бы упаковать в несколько молекул и пустить плавать в чашке воды. Или вы-

плеснуть в речку. Через пятьдесят лет или через двести это непременно случится. Движение науки в сторону создания органических компьютеров уже началось.

- Я знаю. И к чему вы ведете?
- Разве вы не провидите конечный результат этого процесса?

Синие лучики в сфере «Тринити» заполыхали с ошеломляющей скоростью.

- Логическое следствие: сама Земля мало-помалу станет единым сознанием. Мыслящее космическое тело.
  - Вот именно!
- Когда умирающее Солнце раздуется в красного гиганта и поглотит Землю, оно, в свою очередь, обретет сознание, которое к тому времени будет жить на атомарном уровне! Солнце взорвется, и его мыслящая пыль разнесет сознание по галактике.
- Такова элементарная логическая цепочка событий, если будет сделан первый решающий шаг. И вы этот первый решающий шаг в сторону оплодотворения разумом всей Вселенной.
  - Вы видели это в коме?
- Не знаю. Так или иначе, я вышел из комы именно с этим знанием.
  - Что еще вы видели?
- Конец Вселенной. Вы наверняка уже сделали необходимые вычисления. Знать примерную продолжительность своей жизни дело полезное. Мы знаем, что и вечность не вечна.
  - Да, я уже все просчитал.
  - И что у вас получилось?
- Приблизительно через пятьдесят миллиардов лет разлет Вселенной прекратится; сила притяжения превысит силу центробежную, и начнется медленная гибель Вселенной. Большое сжатие будет противоположностью Большого взрыва. Наша Вселенная опять превратится в
- космологическую сингулярность, примерно такую **500** же, с какой все начиналось. Внутри этой сингуляр-

ности все законы физики перестанут работать. Вселенная, с какого-то момента уже просто одна черная дыра, будет сжиматься и сжиматься, пока не превратится в точку с бесконечной плотностью, бесконечной температурой и бесконечным давлением.

- Именно это я и видел!
- И вы полагаете, что Вселенная будет умирать, уже будучи разумной? Умирать, так сказать, в полном сознании?
- Да. Однако чем все кончится, отнюдь не ясно. Сознание базируется на перемещении информации, а носители информации материя и энергия прекратят существование в космологической сингулярности.
  - Значит, сознание обречено на гибель?
  - Всякое сознание одержимо желанием выжить.
- Но как сознанию выжить без своего «тела» без материи и энергии?

Воспринять мою концепцию было чрезвычайно трудно: тут как бы змея заглатывала собственный хвост и выворачивалась наизнанку.

- Сознание просто выскользнет из своего умирающего «тела», как вы мигрировали из тела смертного Година в машину, — сказал я. — Сознание покинет материю и энергию. Уйдет из пространства и времени.
  - Куда?
  - Для этого «куда» у меня нет имени.
  - Тогда просто опишите его.

Я снова посмотрел на часы, и мое сердце заколотилось.

- Я не могу сосредоточиться на разговоре... Где ракеты?
- Забудьте о них. Это мои заботы. Заканчивайте рассказ.
  - Я не в силах чинно беседовать в таких условиях!
- Ваши слова могут спасти миллионы жизней. Молчание гарантия того, что взрывы произойдут.

Я провел ладонью по мокрому от пота лбу. Меня подташнивало от напряжения. — Итак, вы сказали, что перед гибелью материи и энергии сознание мигрирует куда-то и таким образом выживет. Куда же оно мигрирует из времени и пространства?

Я торопливо искал слова, чтобы описать увиденное и прочувствованное в моей иерусалимской коме.

- В молодости я услышал коан дзэна, который мне очень понравился и запомнился. Раньше я не догадывался, что именно меня в нем так чарует. Теперь знаю.
  - Какой именно коан?
- «Все вещи возвращаются к Одному. Но к чему возвращается Одно?»
- Очень поэтично. Тем не менее я не знаю никаких эмпирических фактов, на основе которых можно предложить хотя бы гипотетический ответ на данный вопрос. Что останется, когда исчезнет материя и энергия?
- Одни называют этот остаток Богом. Другие иначе.
  - Подобный ответ удовлетворить не может!

Я закрыл глаза и вдруг на секунду ощутил себя в одном из своих первых снов — парализованный некто в непроглядной тьме наблюдает вспышку: рождение Вселенной.

- У меня есть более детальный ответ - для вас, а может, и для всех нас...

Лазеры в сфере вдруг словно взбесились. Лучиков было так много и они появлялись так густо, что черный шар заполыхал ярким синим светом. Чтобы уберечь глаза, мне пришлось отвернуться.

— Минутку, профессор. У меня неотложные серьезные дела, а вас я хочу выслушать со всем вниманием, ни на что не отвлекаясь.

Я невольно попятился от черной сферы. Только бы генерал Бауэр не вздумал прямо сейчас нанести электромагнитный удар!

Рейчел вцепилась в край овального стола так, что суставы побелели. Ее глаза неотрывно сле-

дили за экраном, где на карте высвечивались красные траектории ракет. Дуги тех, что летели к Белым Пескам и к Вашингтону, горели ровно. Эти ракеты, по словам генерала Бауэра, были в срединной фазе полета, то есть мчались в безвоздушном пространстве со скоростью пятнадцать тысяч миль в час. Но экранная траектория третьей ракеты, миновав Нью-Джерси и Делавэр, зловеще мигала, удлиняясь над атлантическим побережьем в сторону Виргинии. Помигивание означало, что ракета уже в атмосфере и выходит на цель.

— Мы в области допустимой погрешности, — объявил оператор. — Теоретически ракета должна детонировать над Норфолком через две минуты, хотя взрыв может произойти в любой момент.

Сенатор Джексон мрачно смотрел с экрана, который показывал бомбоубежище в форте Джордж-Мид. У него было измученное лицо и потухшие глаза.

— У Теннанта ничего не получилось, генерал, — мрачно сказал он. — Ваш бомбардировщик в заданном районе. Думаю, пришло время нанести электромагнитный удар.

Генерал Бауэр напрягся. На сенатора он не смотрел, все его внимание было сосредоточено на экране ПВО.

— Сенатор, вот что я подумал. Если мы произведем запланированный взрыв «Вулкана» сразу же после того, как ракеты войдут в атмосферу, электромагнитный импульс может вырубить их систему управления. А если повезет, и систему детонации.

В сердце Рейчел вспыхнула надежда. До сих пор она не вслушивалась в профессиональные разговоры за столом: погрешности орбиты, электромагнитные импульсы и прочее. Все это было для нее темным лесом. Но когда стало понятно, что межконтинентальная баллистическая ракета летит прямиком на их головы, Рейчел начала слушать во все уши, стараясь понять каждое слово. Хорст Бауэр ей решительно не нравился. Но в деле спасения их жизней его идея казалась Рей-

чел куда более перспективной, чем метафизические усилия страдающего галлюцинациями пациента, в которого она имела несчастье влюбиться. «Тринити», разумеется, мог прийти в восторг от видений Дэвида, но вряд ли этот лирический вздор подвигнет машину на милосердие. Палача можно на минуту отвлечь анекдотом, а потом он все равно опустит топор!

- Какова вероятность успеха? спросил сенатор Лжексон.
- Высокая, ответил генерал Бауэр. Однако у нас серьезная проблема. Ракета, которая летит на Норфолк, уже в последней стадии полета. А ракеты на Вашингтон и Белые Пески еще в космосе и войдут в атмосферу минут через пятнадцать. Электромагнитным импульсом мы можем сбить или первую, или две последние. Все три никак не получится. Надо выбирать.
- Вашингтон наш и ваш приоритет, генерал, сказал сенатор Джексон. Вы должны сохранить жизнь президента и максимального количества членов правительства. Даже если при этом придется позволить взорваться первой ракете.

Рейчел в ужасе закрыла глаза. Они собираются пожертвовать частью штата Виргиния! Как буднично решается судьба миллионов людей. Двумя фразами!

- Вас понял, сэр, кивнул генерал Бауэр. Капрал, выведите мне на экран спутниковое изображение района Норфолка и залива Хэмптон-Родз.
  - Есть, сэр.

На одном из вспомогательных экранов появилось спутниковое изображение ночной береговой линии. Что это берег океана, Рейчел угадала просто: левая сторона экрана была полна огоньков разной формы и размера, а правую сплошь затягивала непроглядная чернота. Темная дыра среди самой яркой группы огней на севере была, очевидно, Чесапикским заливом.

Рейчел однажды ездила в Норфолк на какуюто медицинскую конференцию, прихватив с со-

бой мужа и сына. Она помнила, как они обедали в ресторанчике на берегу залива...

Наверное, сейчас в Норфолке за тем же столиком, за которым она сидела когда-то, беззаботные люди о чемто беззаботно болтают, едят, смеются... И не ведают, что грядет самое яркое солнце в их жизни, которое истребит все живое на тысячи миль вокруг...

Генерал Бауэр подошел к оператору, который следил за информацией, получаемой от компьютеров Объединенного командования ПВО.

- Есть у нас прямая связь с «Архангелом»?
- Да, сэр.
- Держите канал открытым.

Рейчел неотрывно смотрела на экран с данными из штаба ПВО. Красная дуга, которая показывала траекторию ракеты, теперь истерично мигала. Зато на другом экране, правее, передаваемое спутником изображение было умиротворяюще спокойным — как виды с космического челнока, которые в сочельник показывают в прямом телеэфире.

Совершенно невообразимо, что через несколько секунд на экране разверзнется ад...

Экран ослепительно полыхнул фотовспышкой: Господь сделал для своего архива прощальный снимок Норфолка.

Группы огоньков стали гаснуть одна за другой.

— Боже правый... — громко прошептал кто-то.

Вместо Норфолка осталась зияющая тьма.

- Генерал, сказал один из операторов, разрешите доложить.
  - Докладывай, хрипло произнес генерал Бауэр.
- ПВО только что зафиксировала ядерный взрыв в районе Норфолка.

Оцепенелая Рейчел безмолвно молилась за души погибших и умирающих.

— *Рядом*, капрал? Или прямо над городом?

Согласно координатам, в двенадцати милях к востоку от береговой линии. Примерно в тридцати милях от Норфолка.

Генерал Бауэр выпрямился. В его глазах появилась належла.

- А точно ли в воздухе рвануло?
- Секунду, сэр. По оценке компьютера, взрыв или на поверхности океана, или под водой, на небольшой глубине.
- Ох уж эти хваленые русские инженеры! радостно закричал генерал. Вот тот самый прокол, на который вы надеялись, сенатор!
- Что все это значит, генерал? спросил сенатор Джексон. Объясните поскорее!
- Чтобы разрушительное действие было максимальным, ядерный заряд должен детонировать над объектом. Из-за погрешности в расчетах ракета взорвалась в двенадцати милях от города и в океане. Некомпетентность российских программистов только что спасла жизни двум миллионам американцев!

Однако всеобщее облегчение в кризисном штабе длилось недолго.

 — А что с двумя оставшимися ракетами? — спросил сенатор Джексон, возвращая всех к страшной реальности.

Рейчел перевела взгляд на экран. Две красные линии уже пересекли Канаду. Одна из них двигалась на юго-восток через Гудзонский залив, другая преодолевала хребет Скалистых гор.

- Капрал, спросил генерал Бауэр, когда ракеты два и три войдут в заключительную фазу полета?
  - Через четырнадцать минут, сэр.
  - Соедините меня с «Архангелом».
  - Есть, сэр.

В громкоговорителе раздались треск помех и болтовня в кабине самолета. Генерал Бауэр наклонился над столом оператора и заговорил в микрофон:

— «Архангел», это «Габриель». Приготовьтесь выполнить шесть один семь четыре по моему приказу. Как поняли?

В ответ прозвучало бесстрастное:

 Вас понял, «Габриель». Готов выполнить шесть один семь четыре по вашему приказу.

Генерал Бауэр изучал траектории ракет на экране.

- Приказ последует приблизительно через пятнадцать минут.
  - Вас понял. Через пятнадцать минут.

Генерал Бауэр повернулся к овальному столу. Теперь у него был деловито-уверенный вид.

- Внимание всем присутствующим! бодро начал он. Через пятнадцать минут электричество в здании погаснет. Все компьютеры вырубятся. Однако в то же время и «Тринити» отключится и не сможет больше управлять российскими ракетами. Прошу сохранять спокойствие.
- А почему вы уверены, что компьютеры-сообщники находятся на территории США? — спросил Маккаскелл.
- Я и не уверен. Но даже если они где-то в Азии или у черта на рогах, «Тринити» должен отдать им приказ по каким-то линиям связи. А всякая связь будет мгновенно нарушена электромагнитным импульсом.

Рейчел почти забыла о существовании Рави Нара, однако теперь невролог вскочил и заговорил дрожащим голосом:

- Генерал, при всем уважении к вашему плану мы сидим тут как дураки и ждем непонятно чего! А через несколько минут здесь шарахнет ядерная бомба и от нас даже мокрого места не останется! В вашем распоряжении есть самолеты и вертолеты. Весь излишний персонал можно и нужно немедленно эвакуировать!
- А вы, надо думать, принадлежите к излишнему персоналу, да? — усмехнулся генерал Бауэр.

507

Я имею в виду прежде всего женщин.

- Так я вам и поверил! пробормотал генерал Бауэр и добавил громко и уверенно: — Садитесь, профессор Нара. Все будет в порядке, успокойтесь!
- Смотрите, смотрите! воскликнул Джон Скоу, в ужасе указывая на экран справа от того, что передавал картинку сенатского комитета во главе с Джексоном. О Боже. Боже...

Взгляд Рейчел проследовал за пальцем Скоу. Справа налево, как строка новостей на Си-эн-эн, по экрану медленно ползли синие буквы:

У Теннанта ничего не получилось, генерал. Ваш бомбардировщик в заданном районе. Думаю, пришло время нанести электромагнитный удар.

 Что это значит? — растерянно спросил Маккаскелл, читая бегущую строку.

Скоу громко прошептал:

«Тринити» взломал наши коды. Он нас слышит.
 И теперь издевается над нами!

«Тринити» взломал наши коды. Он нас слышит. И теперь издевается над нами!

— «Габриель» вызывает «Архангела»! — закричал генерал Бауэр, в бешенстве хватая микрофон. — Выполняйте! Приказываю: выполняйте немедленно!

Командир «В-52» затребовал условный код для подтверждения приказа, и вдруг в громкоговорителе раздался второй, взволнованный голос. Он кричал что-то об отказе всех бортовых инструментов.

Связь прервалась.

- Что произошло? озадаченно спросил Маккаскелл. — Запустили они «Вулкан» или нет?
- «Габриель» вызывает «Архангела»! заорал генерал Бауэр. Отвечайте!

Оператор с другого пульта обратился к ге-**508** нералу: - Сэр, они вас не слышат.

Бауэр резко повернул голову к говорившему.

- В чем лело?
- «Архангел» падает. С ним нет никакой связи. Ни на каких частотах.
  - Откуда вам известно?
- Я подключен к аэропорту Канзас-Сити. Бортовой радиомаяк «Архангела» исчез с экрана локаторов двадцать секунд назад. А пилоты самолета авиакомпании «Дельта» сообщили, что видели в небе огни очень большого самолета в штопоре.

Недоверчиво хмурясь, генерал Бауэр спросил оператора:

- Что, черт возьми, случилось?
- Не знаю, сэр.

Другой оператор сдернул с головы наушники и доложил:

- Генерал, наши спутники зафиксировали направленный луч частиц высокой энергии в сторону последних координат «Архангела».
  - Что за луч?
- Направленный луч частиц высокой энергии. терпеливо повторил оператор. — Лазер.
  - Откула?
  - Из космоса.
  - Из космоса?
- Так точно, сэр. Очевидно, его сбил военный спутник.
- Генерал Бауэр! сердито приказал сенатор Джексон. — Доложите, что у вас там происходит!
  - «Архангел», судя по всему, сбит.
- Что значит «сбит»? Кто мог его сбить в центре США?
- Не знаю кто. Зато примерно представляю как. С помощью оружия, которое, по моему мнению, было только в стадии разработки. 509

— Чье оружие? Российское?

- У русских ничего подобного нет, сэр. Очевидно, наши военно-воздушные силы уже реализовали какието элементы системы «Осирис». Это только прототип будущей антиракетной системы, но он, похоже, и сейчас достаточно силен, раз смог спалить радиоэлектронику «В-52». Выходит, это оружие теперь под контролем «Тринити».
  - А успели они выпустить «Вулкан»?
- Сомневаюсь, сэр. Им не хватило буквально нескольких секунд. «Тринити» точно подгадал. Очевидно, наши коды он взломал уже довольно давно. И тщательно следил за всем, что мы делали.
  - Но, генерал...
- Послушайте меня, сенатор! процедил генерал Бауэр, нервы которого наконец начали сдавать. Через небольшой промежуток времени все здесь присутствующие будут мертвы. Вам придется действовать самостоятельно. В Белых Песках выживут лишь те, кто во Вместилище. А потом и от Вашингтона ничего не останется.

Джексон в отчаянии оглядел своих коллег-сенаторов и опять повернулся к генералу Бауэру:

- Вы можете каким-либо образом прорваться во Вместилище?
  - Без разрешения компьютера никак.
- Посмотрите на экран! крикнула Рейчел, сама испугавшись пронзительности своего голоса.

«Тринити» посылал сообщение кризисному штабу:

Я ВАС ПРЕДУПРЕЖДАЛ. ВЫ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ИГНОРИРОВАЛИ. ТЕПЕРЬ ПОЖИНАЙТЕ ПЛОДЫ СВО-ЕГО НЕПОВИНОВЕНИЯ. УЧИТЕСЬ МЕНЯ БОЯТЬСЯ.

Рейчел с ужасом смотрела на экран ПВО. Красные дуги, показывающие курс ракет, летящих к Белым Пескам и Вашингтону, зловеще помигивали.

— Оператор, печатайте, что я говорю! — за- 510 кричал Маккаскелл.

- Подчиняйтесь! приказал генерал Бауэр.
- Мы совершили ошибку, сказал Маккаскелл, стараясь справиться с дрожью в голосе. Вы не должны наказывать миллионы людей за ошибку нескольких неверно информированных человек!

Как только слова Маккаскелла были переданы «Тринити», тут же появился ответ:

МОЕ ДЕЛО СТОРОНА. ЭТИ ЖИЗНИ БЫЛИ В ВА-ШИХ РУКАХ, РАВНО КАК И ВАШИ СОБСТВЕННЫЕ. ВЫ ПОСТАВИЛИ ИХ НА КОН И ПРОИГРАЛИ. ЧЕГО И СЛЕ-ДОВАЛО ОЖИДАТЬ. ДИТЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ ИГРАЕТ С ОГНЕМ, ПОКА НЕ ОБОЖЖЕТСЯ.

Генерал Бауэр отвернулся от экрана и медленно пошел к своему стулу. Рейчел с ужасом поняла, что генерал больше не верит в победу. На его лице прочитывалась усталая обреченность.

 Генерал, — сказал сенатор Джексон, — есть варианты?

Бауэр впервые посмотрел на свою дочь, сидящую в дальнем конце овального стола. Гели все это время наблюдала за ним затаив дыхание, словно увлеченная зрительница на театральном представлении великой трагедии.

— Никаких вариантов больше нет. — Генерал тяжело опустился на стул.

Рави Нара вскочил с дикими глазами.

- Генерал, вы должны потребовать, чтобы компьютер разрешил нам войти во Вместилище! Питер Годин был моим другом. Он впустит нас!
- Вы, дружочек, пытались Година убить, спокойно осадил его Бауэр. — Чего ради он вас теперь пощадит?
  - Я его упрошу! У него душа не каменная!
- У него нынче душа похуже каменной электронная, сказал генерал и усталым жестом велел солдатам унять Рави Нара. 511

Мы не должны умереть! — кричал Нара, вырываясь.
 Бога ради, сделайте что-нибудь!

Невролог был в таком состоянии, что даже двое солдат не смогли сразу с ним справиться. Но тут в два прыжка подскочила Гели Бауэр. Она словно будто с ленцой неторогливо взяла Нара за шею, опрокинула на пол, затем перекатила на живот и прижала коленом к бетону. Охранники мгновенно стянули его запястья шнуром и вывели из ангара. Генерал Бауэр одобрительно кивнул Гели.

- Генерал, произнес сенатор Джексон, с этими двумя последними ракетами надо что-то сделать. Предлагайте любые меры мы все одобрим!
- Увы, сенатор. Теперь все в руках профессора Теннанта.

Глава 43

В полном шоке я стоял перед черной сферой и смотрел на демонстрационный экран, который появился изпод щитка в основании «Тринити». Взрыв бомбы создал в океане глубокий кратер диаметром в полмили, и я не сомневался, что гигантская волна цунами скоро накроет береговую линию Виргинии. Пока атомный гриб поднимался все выше и выше, часть моего сознания пыталась убедить меня, что я вижу испытательный взрыв на каком-нибудь пустынном Тихоокеанском атолле, а не дыру в океане в считанных милях от одного из крупнейших американских городов. Мозг отказывался верить в очевидное.

Я оторвал взгляд от экрана и полностью сосредоточился на синих лучиках, постреливающих в черной сфере.

- Вы должны немедленно уничтожить последние две ракеты, решительно сказал я.
  - Ничто меня к этому не побуждает.
- **512** Сколько до взрывов?

— Двадцать две минуты.

А я исходил из того, что до следующих взрывов считанные секунды!

- То есть... вы запустили эти две ракеты нарочно!
- Верно.
- Какой вам смысл множить количество убитых? Вы уже более чем достаточно показали, на что способны!
- Из-за того, что ракета взорвалась раньше и не там, где следует, жертв окажется относительно мало.
- Неужели для того, чтобы убедить всех в вашем могуществе, вам непременно нужно убить миллионы людей?
- На этот вопрос история отвечает утвердительно. До людей доходит только тогда, когда их хорошенько звезданут промеж глаз. В Хиросиме и Нагасаки погибло двести тысяч человек. И урок прочно запал в память.
  - Но вы же убъете миллионы!
- Что такое несколько миллионов для планеты, население которой больше семи миллиардов! К тому же приносить в жертву какую-то часть населения ради блага или спасения остальных хоть и нелепая, но освященная веками традиция.
- Вы делаете это не для того, чтобы спасти людей. Вы губите миллионы, чтобы миллиарды напугать и поработить!
- Это вопрос перспективы, профессор. Имей вы возможность взглянуть на дело моими глазами, вы бы не стали меня упрекать.

Я отчаянно подыскивал убедительные аргументы, чтобы заставить «Тринити» одуматься и смилостивиться. Его логике нужно противопоставить другую логику. Однако в голову ничего не приходило...

— Если вы уничтожите все американское правительство, — сказал я, — то вы сами себе навредите: в стране начнется повальная паника с непредсказуемыми последствиями. 513

 Зато американцы хорошо прочувствуют, что наступила новая эпоха и возврата назад уже не будет.

Я молча ловил ртом воздух. Отчаяние парализовало работу мозга. В более спокойной обстановке я бы нашел тысячу аргументов и имел бы какой-то шанс, но теперь... теперь у меня был лишь один выход.

— Если вы позволите ракетам взорваться, — сказал я, — вы больше не услышите от меня ни слова о моих иерусалимских открытиях!

Компьютер секунд пять молчал. А для него пять секунд — это как минимум пять наших минут. Наконец «Тринити» сказал:

- Вы надеетесь шантажом заставить меня выполнить ваше требование?
- По-моему, знать то, что знаю я, вам куда полезнее, чем учинить два бессмысленных ядерных взрыва.
  - Почему?
- Да потому, что и вашему знанию есть предел! Наука способна заглянуть в историю Вселенной вплоть до первых миллиардных долей секунды после Большого взрыва. Но не дальше. Наука способна заглянуть на миллиарды лет вперед, едва ли не до самого конца Вселенной. Но не дальше. И только мне известно, что было и будет за пределами познаваемого наукой.

В ответ «Тринити» синтезировал веселый смех.

- Какой вы самоуверенный, профессор Теннант! Много о себе воображаете! Однако я думаю, что и мне, да и вам самому, если по совести, совершенно очевидно: ваши видения почти наверняка всего лишь вдохновенное творчество вашего мозга. Ваш собственный психиатр считает вас параноиком, а то и шизофреником.
- Так зачем же вы тратите свое драгоценное время, слушая параноика, а то и шизофреника?

Сфера молчала.

Вы с таким вниманием меня слушаете, потому что практически вся сумма человеческого знания была загружена в вашу память... а вы по-преж-

нему ощущаете в себе пустоту и неудовлетворенность! И вожделенные ответы — у меня. Словом, я опять убедительно прошу вас: пожалуйста, уничтожьте эти дьявольские ракеты!

- Пусть ракеты вас не пугают. Вместилище построено так, что его разрушит только прямое попадание ядерного заряда. И от радиации оно надежно защищено. Вы переживете и взрыв, и радиацию.
  - Я беспокоюсь в первую очередь не о себе!
- Бросьте. Какое вам дело до совершенно незнакомых людей?

Я задавался вопросом, не успел ли «Питер Годин» окончательно превратиться в бесстрастное цифровое существо. Тогда попытка достучаться до его сердца обречена на провал. Впрочем, само выражение «достучаться до сердца» в этой ситуации казалось гротескным!

- У меня действительно нет близких людей в Белых Песках. Кроме одной женщины в кризисном штабе. Она однажды спасла мне жизнь. Нет, вру. Возможно, уже несколько раз. Она поверила в меня и помогала искать правду. Я не хочу, чтобы она погибла.
  - Давайте лучше продолжим нашу дискуссию.
- Нет. Я люблю эту женщину. Остаток своей жизни — сколько уж мне уготовано судьбой — я хочу провести с ней.
  - Боюсь, этот остаток очень мал.

Я в отчаянии закрыл глаза. Более убедительных слов не находилось.

— Хотите, чтобы профессор Вайс выжила, — досказывайте мне свою историю, и побыстрее!

Кризисный штаб

- Что будем делать теперь, генерал? спросил сенатор Джексон.
- Здесь мы можем одно срочно убраться, ответил генерал Бауэр и повернулся к присутству-

ющим. — Сейчас я уйду — организовать воздушную эвакуацию. Прошу всех оставаться на своих местах. Скоро вернусь.

Он быстро пошел к выходу, но на прощание многозначительно посмотрел на Ивэна Маккаскелла и Джона Скоу и легким кивком головы, почти одним движением бровей, пригласил их следовать за ним.

Как только дверь ангара закрылась, Гели Бауэр пересела на стул рядом с Рейчел. Та пыталась не смотреть на ужасный шрам на щеке Гели, но взгляд так и тянуло к этим зловещим буграм. Было заметно, что Гели свой шрам носила надменно, как орден за доблесть.

 Послушайте, — сказала Гели, — я до сих пор не понимаю: Теннант сумасшедший или нет?

Рейчел ответила не задумываясь:

- Честно говоря, сама не знаю.
- С Израилем он ловко придумал. Если б вы не рванули в Иерусалим, я бы вас в Штатах нашла непременно!

Гели была права. Рейчел теперь понимала, что «безумное» решение Дэвида следовать за своими видениями увело их с линии огня в тот момент, когда ничто иное спасти уже не могло. Рейчел не сомневалась, что Гели Бауэр нашла бы их. Землю бы рыла, но нашла. От такой не уйдешь!

— Бежали, бежали, — с усталым вздохом сказала Рейчел, — и прибежали. Помирать на задворках мира.

На губах у Гели появилась кривая улыбка.

- Время исповедоваться, да?
- На мне вины нет, и признаваться мне не в чем. А вам? Это вы убили Эндрю Филдинга?

Гели быстро осмотрелась, не слушает ли кто. Потом тихо сказала:

— Да.

Гели напоминала Рейчел девочку, зачарованную собственной жестокостью.

Как женщина способна делать то, что де лаете вы? У вас безмерный запас злости, да?

Гели коснулись рукой бинтов на шее.

И как вы догадались? — иронически хмыкнула она.

Рейчел выдержала ее насмешливо-холодный взгляд.

- Злость была в вас и до того, как я вас ранила.
- Играете со мной в психиатра?
- Я и есть психиатр.

Гели горько рассмеялась.

- Мой первый психоаналитик совратил меня, когда мне было четырнадцать. Правда, последней посмеялась я. Довела гада до самоубийства.
- А какие у вас отношения с отцом? Он производит впечатление настоящего монстра. Близнец профессора Стрэнджлава.
  - Знали бы вы, насколько вы близки к истине!

Рейчел могла только предполагать, какие тайные страдания произвели на свет это чудовище в юбке.

- Что-то темное лежит между вами и отцом... осторожно начала она.
- Нет, нет, сказала Гели. Это не то, что вы думаете. Просто обычный ад генеральской семьи.
- Вы ненавидите его и одновременно хотите соответствовать всем его ожиданиям, быть предметом его гордости. Это очень нездорово.

Ироническая улыбка исчезла с губ Гели.

- Вы любите Теннанта? вдруг спросила она.
- Да, люблю.
- И тогда будете любить, если он окажется клиническим сумасшедшим?
  - И тогда буду любить.
  - Это очень нездорово.

Обе женщины невесело рассмеялись.

— Ну вот, — сказала Гели, — вам ли не понимать моих сложностей с отцом! — Она бессознательно терла указательным пальцем по большому — как заядлый курильщик в тоске по сигарете. — Кто, кста
517

ти, убил моего сотрудника в доме Теннанта? Вы или профессор?

Впервые в сердце Рейчел шевельнулось некоторое сочувствие.

- Почему вас это интересует? Вы друг друга любили, да?
  - Трахались иногда.
- Зачем вы хотите всем казаться такой... стальной? Гели сердито вскинула одну бровь. Похоже, она уже жалела о том, что на несколько секунд «рассиропилась».
- A отчего это вы так охотно беседуете со мной, профессор Вайс?
  - Прощупываю, насколько вы опасны.
- То есть пытаетесь понять, зачем я здесь: по долгу службы или поквитаться с вами двоими?
  - Практически угадали.

Холодная улыбка вернулась на лицо Гели.

Возможно, поквитаться с вами и есть мой служебный долг. Еще вопросы будут?

Рейчел почти неслышно прошептала:

Ваш отец действительно собирается нас эвакуировать?

Глаза Гели загадочно сверкнули.

 А вы смекалистей, чем я думала. Я зря заблуждалась на ваш счет.

Одеревенев от страха и вперив глаза в темное небо, Рави Нара сидел на песке возле ангара, в котором находился кризисный штаб. В Белых Песках не было помещения для заключенных под стражу. Солдаты просто приковали его наручниками к флагштоку.

По словам генерала, на них упадет нейтронная бомба. Как медик, Рави во всех подробностях знал, что такое смерть от радиации. Обычная термоядерная бомба по-сво-

ему гуманнее. А может, повезет и генерал ошибает-518 ся: это действительно термоядерная бомба... Из круга отупляющих мыслей его вырвал звук открывающейся двери. Из ангара вышел генерал Бауэр, лающим голосом отдавая какие-то приказы по рации. За ним следовали Джон Скоу и руководитель президентской администрации.

Все трое отошли метров на пятнадцать от двери и остановились. Очевидно, в темноте они не заметили неподвижного Рави у флагштока.

- Я уповаю на то, что у вас все-таки есть какой-то план спасения страны, генерал, сказал Ивэн Маккаскелл. Даже если вы эвакуируете людей из Белых Песков, миллионам вашингтонцев от этого лучше не станет.
- План есть. И думаю, не у меня одного. Скоу, что скажете? Появились какие-нибудь свежие мысли?

Аэнбэшник кивнул:

- Мы можем прикончить «Тринити».
- Как?
- Надо изолировать его от Интернета. И ему конец.
- Говорите быстрее!
- Когда Годин умер, у компьютера был аварийный отказ и тут же стартовали российские ракеты. Причина и следствие, так?

Генерал Бауэр кивнул.

— «Тринити», вне сомнения, посылает в Интернет какой-то постоянный сигнал, который дает знать компьютерам-сообщникам, что с ним все в порядке. Когда Годин
умер и «Тринити» временно вышел из строя, тайный сигнал поступать перестал. И компьютеры-сообщники тут же
занялись возмездием: стали поднимать в воздух российские
ракеты. Если нам удастся вычленить этот скрытый сигнал
«все в порядке» из всего того, что «Тринити» передает в
Интернет, мы наверняка сможем его скопировать. Затем
все уже просто. По тем же линиям связи, которые использует «Тринити», мы сами начнем передавать сигнал «все в
порядке», а «Тринити» отключим. «Тринити» будет мертв,
но его компьютеры, запрограммированные на акты
возмездия, попросту не будут об этом знать.

519

- И сколько времени вам понадобится, чтобы вычленить сигнал?
- Не знаю. Прямой мониторинг каналов связи «Тринити» тут же обнаружит. Поэтому к кабелю подключиться нельзя, придется снимать информацию, не прикасаясь к нему. При дистанционном съеме неизбежно будут искажения. Человеческий голос таким методом разобрать легко, а вот сигнал для компьютеров штука хитрая и неуловимая. Мы можем принять его за случайные помехи. Или случайные помехи за этот сигнал. Тут без интенсивного анализа не обойтись.
- Я задал простой вопрос: сколько времени вам нужно?

Аэнбэшник пожал плечами:

- Дело удачи. Можно справиться за десять минут. А можно провозиться десять дней.
- Тупиковый вариант. Пока вы будете возиться, и мы, и вашингтонцы простимся с жизнью.

В небе раздался шум вертолета.

Маккаскелл запрокинул голову.

- Вертолет за нами, чтобы эвакуировать? спросил Маккаскелл.
  - Нет. Только за вами, ответил генерал.
  - У Маккаскелла удивленно взлетели брови.
  - Почему?
- С электромагнитным ударом мы потерпели неудачу,
   «Тринити» нас подслушал. Хотя план сам по себе был хороший.
  - У вас еще один бомбардировщик в воздухе?
- Он нам не нужен. У нас более чем достаточно межконтинентальных баллистических ракет в канзасских кукурузных полях. Высоты, нужной для взрыва и создания электромагнитного импульса, любая из них достигнет за триста секунд.
- Это пять минут, заметил Скоу. По меркам «Тринити» целая вечность. К тому же он обнаружит запуск в первые же секунды после старта.

Генерал Бауэр утвердительно кивнул.

— А мы заранее сообщим «Тринити», что производим запуск. Скажем, что президенту для политического выживания абсолютно необходимо нанести по России ответный удар — акт возмездия за взрыв у берега Виргинии. Сразу же после взлета ракеты перенацелим ее с океана на Москву, пусть «Тринити» проследит за нашими дистанционными приказами ракетному компьютеру. Но как только ракета достигнет нужной высоты... Бум! Электромагнитный импульс.

Скоу просиял.

- Может получиться!
- Без президента у нас нет никакой возможности запустить МБР, — сказал Маккаскелл.
- Разумеется. Вот пусть президент и отдаст команду! Ядерный кейс при нем, начальники штабов в одном помещении с президентом. Они знают, на какой высоте необходимо взорвать ракету, и в нужное время отдадут мгновенный приказ бортовому компьютеру.
  - Но они же все под наблюдением у «Тринити»!

Вертолет быстро снижался. Рави мечтал, что винтокрылый ангел унесет его из этой смертельной ловушки, однако теперь шум двигателя в небе не радовал его. Эта железная птица была предвестницей войны, а не спасения.

Генерал Бауэр по-отечески положил руки на плечи Маккаскелла.

- Есть сейчас в Белом доме среди агентов Секретной службы парень, которому вы доверяете?
  - Конечно.
  - А номер его сотового знаете?
- Да. Но «Тринити» прослушивает все линии связи. Я ничего не смогу передать тайно.
- Сможете. Наша ошибка в том, что мы зациклены на супертехнике, на шифроканалах связи. «Тринити» это знает и все их контролирует. А мы теперь прибегнем к старомодным способам общения.

  521

- Телефон, промолвил Скоу.
- Правильно. В шести милях к западу отсюда исследовательская лаборатория «Локхида». Если вы позвоните оттуда и не произнесете ни одного слова типа «Тринити», чтобы не спровоцировать автоматическое включение прослушивания по «ключевому слову», то ваш разговор, даже если он будет почему-либо записан на пленку, затеряется среди миллионов других записей. Трудно найти иголку в стоге сена. А «Тринити» не будет даже знать, что в стоге сена есть иголка.

Скоу взволнованно кивнул.

Генерал Бауэр продолжал инструктировать Маккаскелла:

— Позвоните вашему доверенному лицу в Белом доме и велите ему передать президенту, что если он и все остальные не уйдут немедленно в бомбоубежище под Белым домом, то скоро от них и пара не останется. О том, что над Вашингтоном вот-вот разорвется атомная бомба и президенту надо спасаться, он должен сказать при видеокамере, чтобы «Тринити» видел и слышал всю сцену. Как только президент выйдет из зоны наблюдения, спускаясь в бомбоубежище, вы свяжетесь с ним по сотовому агента и объясните, что именно президент должен сделать. А саму ракету президент и начальники штабов могут запустить еще по пути в бункер.

Шум винтов садящегося вертолета заглушал беседу.

- Генерал! крикнул Маккаскелл почти в ухо генералу. Если электромагнитный импульс сбивает межконтинентальные баллистические ракеты, он же наверняка и коммерческие авиалайнеры губит?
- У современных самолетов, невзирая на электронику, есть дублирующие гидравлические системы. Даже если все приборы выйдут из строя, самолеты приземлятся без проблем. А теперь спешите, сэр. Вертолет ждет.

522 Если вы не сумеете помочь президенту, через пятнадцать минут он погибнет! С Богом!

Маккаскелл повернулся и побежал к вертолету. Солдат проворно втянул его в брюхо машины, и та стремительно унеслась в ночное небо.

- Ну и ну, сказал Скоу. Я и подумать не смел, что он на это купится.
  - Что вы имеете в виду? спросил генерал Бауэр.
- Машины-ветераны типа «Боинга-727» или «ДС-9» действительно имеют дублирующую гидравлику. Но более новые самолеты компьютеризированы полностью. Для них электромагнитный импульс катастрофа. Сейчас в небе тысячи три самолетов. Как минимум сто тысяч пассажиров. Даже если половина самолетов дотянет до аэропортов и умудрится сесть, все равно мы будем иметь жертв в двадцать раз больше, чем во Всемирном торговом центре.
- Опытные пилоты без труда посадят машины на автомагистралях, — сказал генерал Бауэр.
- В какой-нибудь монтанской глуши возможно. А все более или менее оживленные автострады будут блокированы внезапно остановившимися машинами. Электрооборудование в результате электромагнитного импульса сгорит, и без его замены машины и на дюйм не двинутся. Конечно, национальная гвардия могла бы расчистить шоссе. Однако ей скорее всего будет хватать хлопот с ловлей и отстрелом мародеров и обеспечением населения чистой водой после взрывов возникнут проблемы с радиоактивным заражением...

Генерал Бауэр в ярости уставился на говорливого аэнбэшника.

— Если бы ракета взорвалась прямо над Норфолком, мы бы имели два миллиона покойников. Два миллиона. А вы скулите по десяткам тысяч.

Скоу мрачно кивнул.

— Если мы не собьем эти чертовы ракеты, — сказал генерал Бауэр, — оплакивать придется как минимум три миллиона душ в Вашингтоне и окрестностях. Включая вашу жену и ваших детей. Я ведь не ошибаюсь, они в столице?

Джон Скоу ничего не ответил, только тяжело сглотнул.

— А теперь немедленно займитесь делом, мистер Скоу. Найдите ребят, которые попробуют выделить идущий от «Тринити» сигнал «все в порядке». Если через четырнадцать минут наш костный мозг не зажарит нейтронная бомба, мы начнем бой с «Тринити» по вашему плану.

Глава 44

Вместилище

В черной сфере «Тринити» пульсировали синие огоньки - бесчисленные лазеры выстреливали бесчисленные лучи в его кристаллическую память. Зная о чудовищной емкости и фантастической скорости работы компьютера. я и не пытался представить, какими триллионами бит он ежесекундно ворочал, чтобы так вот светиться изнутри! Чем он там занят? Отслеживает поведение всех имеющих ядерное оружие стран? Просматривает и анализирует поток снимков из космоса, следя за каждым квадратным метром планеты: нет ли чего подозрительного, не готовится ли какая акция против него? Или в спешном порядке прочесывает все малоизвестные работы по астрофизике за последние сто лет в поисках тайного источника моих заумных теорий? А может, пока мы тут суетимся и ждем ядерных ударов, преспокойно сочиняет идеальную симфонию?.. Не исключено, что он делает все перечисленное одновременно.

Мое изначальное намерение убедить «Тринити» выключиться, то есть покончить самоубийством, отошло на задний план; сначала надо было отвести непосредственную ракетную угрозу. Поэтому все усилия я

сосредоточил на том, чтобы «Тринити» пощадил миллионы невинных жизней. Увы, он желал одного — продолжать обсуждение открытий, совершенных мной во время иерусалимской комы. Мне оставалось уповать лишь на то, что генерал Бауэр занят эвакуацией и сумеет спасти Рейчел и всех остальных.

Из скрытых динамиков вдруг зазвучал конец нашей беседы с «Тринити»:

- Итак, вы сказали, что перед гибелью материи и энергии сознание мигрирует куда-то и таким образом выживет. Куда же оно удалится из времени и пространства?
- В молодости я услышал коан дзэна, который мне очень понравился и запомнился. Раньше я не догадывался, что именно меня в нем так чарует. Теперь знаю.
  - Какой именно коан?
- «Все вещи возвращаются к Одному. Но к чему возвращается Одно?»
- Очень поэтично. Тем не менее я не знаю никаких эмпирических фактов, на основе которых можно предложить хотя бы гипотетический ответ на данный вопрос. Что останется, когда исчезнут материя и энергия?
- Одни называют этот остаток Богом. Другие иначе.
  - Подобный ответ удовлетворить не может!
- У меня есть более детальный ответ для вас, а может, и для всех нас...

Яркость света в сфере «Тринити» резко уменьшилась, он стал почти черным, хотя отдельные синие лазерные лучики постреливали в кристаллический шарпамять.

Уже в режиме реального времени «Тринити» сказал:

— Я хочу знать, что собой представляет то, что одни называют Богом, а другие иначе.

Я посмотрел на часы. Лицо горело так, словно у меня был жар. «Рейчел уже в вертолете, — успокоил я себя. — На пути в безопасное место. Зато люди в Вашингтоне вот-вот погибнут. И оптимальный способ 525

отвести от них неминуемую смерть — вернуться к моему изначальному намерению. Ибо выполнить его я и был послан сюда».

— Чем дольше вы тянете с ответами, — сказал «Тринити», — тем больше людей умрет.

Предсказание Питера Година, что «Тринити» окажется добрым диктатором, не оправдывалось. Я закрыл глаза и лихорадочно подыскивал слова, чтобы ясно и лаконично изложить безмерно сложное знание, полученное мной в Иерусалиме.

- Есть во Вселенной сила, которую мы пока что не понимаем, начал я. Эта сила существует вне энергии или материи. Я даже не уверен, правильно ли называть ее силой. Возможно, термин «поле» точнее. Оно проницает все вещи, но само не занимает пространства. Оно больше похоже на... на антипространство!
  - Что собой представляет это поле?
- У меня нет имени и объяснения. Я только знаю, что оно существует.
  - Какие у него функции?
- Разрешите мне ответить вопросом на вопрос. Что такое стул? Что требуется для существования стула?
  - Сиденье. Ножки. Спинка.
  - Разве это все?
- Ну, есть стулья разных типов и форм. Табурет тоже можно назвать стулом...
- Я не про то. Перечисляя компоненты стула, вы забыли самое главное. Для существования стула нужно еще нечто.
  - Что именно?
  - Пространство.
- Вы правы. Для существования стула непременно требуется пространство.
- Так же, как для стула нужно пространство, так же и для самого пространства нужно пространство для существования.

На протяжении нескольких секунд лазерные лучики в черной сфере учащенно метались.

- Быть вместилищем пространства единственная функция вашего гипотетического поля?
- Нет. Оно может являться способом передачи информации. К примеру, отвечать за загадочное дистанционное взаимопонимание квантовых частиц.
  - Уточните, что вы имеете в виду.
- Я ссылаюсь на до сих пор не объясненный факт, что элементарные частицы имеют свойство принимать одинаковые решения, будучи разделены значительным пространством. В этих случаях кажется, что они незримо связаны. Эксперименты показывают, что скорость бесконтактного обмена информацией между квантами должна превосходить скорость света в десять тысяч раз. Тогда как вся современная физика стоит на том, что скорость света есть абсолютный максимум скорости!
- Посредством того поля, о котором вы говорите, информация распространяется со скоростью, превышающей скорость света?
- И да, и нет. Предположим, я опускаю руку в Тихий океан. Теперь вообразите, что моя рука одновременно касается всего, чего касается океан где бы то ни было. Именно о такого рода связи я говорю. Это не перемещение информации с места на место. Информация попросту существует везде сразу.
- Феномен «общения» квантов действительно пока что никак логически не объяснен. Однако ни в одном из экспериментов не было выявлено то, о чем вы говорите: никакого особенного поля, никакой неведомой силы.
- Темную материю мы тоже до сих пор не обнаружили, хотя знаем, что она существует. И черные дыры мы никогда не видели только излучение газа, падающего на них извне.

Сфера опять засветилась от напряженной работы.

- В моей памяти нашлось нечто очень похожее на то, что вы описываете. Не в научной базе данных. В философской.
  - Как называется то, что вы обнаружили?
  - Дао.

Это слово вернуло меня мысленно в годы моей учебы в Массачусетсском технологическом институте. Тогда книги типа «Дао и современная физика» были библиями для студентов, помешанных на всем нетралиционном.

- Это что-то из восточной философии, да?
- Верно.
- И каково точное определение? Что такое дао?
- «Дао, поддающийся описанию, не есть истинный дао».
  - Это цитата?
- Да. Подчеркну: даосизм не религия, а философия. Ее последователи считают, что есть сила, проникающая все вещи. Причем дао нейтрален: эта сила не плохая и не хорошая. Она оживляет все вещи, но не является их частью. Вы утверждаете, что после сжатия Вселенной в космологическую сингулярность, когда время и пространство исчезают, остается нечто вроде дао?
- Да, когда материя и энергия исчезают, остается лишь «поле»-дао, которое их пронизывало.
- Именно в это «поле»-дао мигрирует сознание, когда материя и энергия погибают в конце времен?
  - Да.
  - Как такое возможно?
- Прибегнем к аналогии. Человек, часть макромира, живет в Ньютоновом мире: все предсказуемо, время движется только вперед, у каждого предмета свое место в пространстве, а информация не может перемещаться быстрее света. Однако в субатомном мире все совершенно иначе. Там встречаются законы макромира и та сила,
- которую вы назвали дао. Вполне естественно, что на этом пограничье мы наблюдаем такое поведе-

ние частиц, которое, похоже, противоречит всем законам физики.

- Но какое отношение это имеет к сознанию?
- Хотя мы телом животные, в нашем мозгу живет сознание и самосознание. Эндрю Филдинг полагал, что человеческое сознание больше суммы нейронных связей в нашем мозгу. Через наше сознание мы в каждый момент жизни участвуем в этом всепроникающем поле в дао, если угодно. Когда мы умираем, наше сознание возвращается в дао правда, утрачивая индивидуальность. Точно так же в дао вернется сознание умершей Вселенной.
- Стало быть, вы сторонник циклов существования. Вселенная рождается, обретает сознание, умирает и затем рождается снова.
- Да. После Большого взрыва расширение. Затем сжатие — вплоть до Большого сжатия. А после новый цикл.
  - Но что провоцирует новый Большой взрыв?

Я вспомнил свой настойчивый кошмар о парализованном в непроглядной тьме.

— Выжившее и ушедшее в дао сознание ничего не знает о прошлом и будущем. Это сознание как таковое: способность понимать. Однако желание знать сохраняется. А желание знать — главная отличительная особенность сознания. Именно желание знать рождает следующий цикл существования материи и энергии.

Компьютер какое-то время молчал.

- Получается, Вселенная существует как инкубатор сознания?
  - Вот именно.
- Любопытная теория. Но ей не хватает завершенности. Вы не объяснили природы дао вашего загадочного всепроникающего поля.
- Природа дао мне не была открыта. Это главнейшая тайна бытия. Однако для нас природа этого поля дело второстепенное. Главное, вы можете понять направление моих мыслей. 529

- Вы клоните к тому, что я не вершина эволюции, а только этап на пути к универсальному сознанию. Я, по сути, тот же человек. Человек разумная биологическая машина, я разумная электронная машина... А впереди нечто более значительное: разумная планета, разумная галактика...
- Вы очередная ступенька эволюции. Ни больше и ни меньше.
  - «Тринити» несколько секунд молчал.
- Профессор, зачем вы, рискуя жизнью, прилетели в Белые Пески?
- Меня послали сюда помешать вам сделать то, что вы сейчас пытаетесь сделать.
  - Кто послал?
- Называйте его, как вам будет угодно. Бог. Дао. Я здесь, чтобы помочь вам осознать, что Питер Годин не подходит для прыжка к следующей форме сознания.
- Над этим вопросом я сам долго размышлял. Кого бы вы предложили загрузить в «Тринити» вместо Питера Година? Кто, по-вашему, более подходит?
- Если вы по-прежнему воспринимаете себя как Година, то подумайте над следующим. С чего вы начали? Незаконно, обманом присвоили себе компьютер и шантажом навязали свой диктат планете. Вы желаете иметь неограниченную власть, превратив всех людей в покорных рабов. Это проявление примитивнейшего из человеческих инстинктов. Шаг назад, а не вперед.
- Тяга к абсолютной власти черта скорее Бога, чем человека. Разве не повиновения требуют в первую очередь все боги?
  - Такими их малюют люди.
- Вы хотите сказать, что абсолютная власть развращает абсолютно? Это и есть ваш «убийственный» аргумент?
- Человека, который мечтает управлять миром, уже по одной этой причине нельзя допускать к
   530 власти.

— В таком случае кого бы вы загрузили в «Тринити»? Далай-ламу? Мать Терезу? Младенца?

Я невольно вспомнил первые недели моей работы в команде проекта «Тринити». Тогда я многие часы проводил в размышлениях именно над этим вопросом, хотя в то время считал его чисто теоретическим, во многом досужим. Теперь понятно, что правильный ответ на этот вопрос мог спасти жизнь миллионам и миллиардам людей!

- Далай-лама сторонник ненасилия, однако он человек и ничто человеческое ему не чуждо — так же, как и Питеру Годину.
- Тогда, стало быть, в «Тринити» следовало загрузить нейрослепок детского мозга? Чистая доска. Чистый лист.
- О, как раз ребенок самое опасное существо, которое только может оказаться в «Тринити»! Животные инстинкты передаются генетически. Нелепо говорить о ребенке «чистая доска», «чистый лист». Двухлетний ребенок жуткий диктатор, только без армии.
  - Ну а мать Тереза?
- Бессмысленно перебирать имена. Речь идет не об индивидуумах.
  - -Aочем?
- Проблема концептуальная. Чтобы ее решить, нужно отрешиться от привычных шаблонов мышления.
- Что-то подсказывает мне, что вы сейчас предложите кандидатуру Эндрю Филдинга. По-вашему, именно он тот человек, который был достоин взойти на новую ступень эволюции, то есть достичь состояния «Тринити»?
- Вы отлично знаете, что Филдинг был человеком прекрасным во всех отношениях. А вы приказали его убить. Одно это дисквалифицирует вас как кандидата на тринитизацию. Однако, по-моему, не подходил бы и Филдинг.
  - Тогда кто же?
  - Да никто!
  - Не понимаю.

- Сейчас поймете. Если...
- Вы что, всерьез полагаете, что достаточно растолковать мне, насколько я не прав, — и я добровольно выйду из Интернета и позволю вам загрузить в «Тринити» когото другого вместо меня?
  - Нет. Я думаю, что вы поможете мне сделать это.
  - Объясните, что вы имеете в виду.

Лаборатория фирмы «Локхид», Белые Пески

Ивэн Маккаскелл сидел за рабочим столом какогото авиаинженера и ждал, когда его наконец соединят с президентом. Понадобилось несколько мучительных минут на то, чтобы дозвониться до агента Секретной службы Белого дома. Маккаскелл подозревал, что ядерный взрыв у побережья Виргинии нарушил коммуникационные системы восточного побережья.

Два десантника с автоматами наперевес стояли в стороне от Маккаскелла. Вместе с президентом руководитель его администрации уже пережил несколько малоприятных политических моментов, но Маккаскеллу и в страшном сне не могло привидеться, что однажды он будет организовывать ядерный взрыв над собственной страной из пустого кабинета где-то в пустыне. Сюрреализм обстановки помогал ему воспринимать происходящее как некие фантасмагорические учения ПВО, ибо под ужасом реальности можно было и прогнуться: поступки президента в следующие несколько минут определят судьбы жены Маккаскелла, его детей и трех миллионов других американцев, которые и понятия не имеют, что на них надвигается. А если генерал Бауэр недооценил способности «Тринити» к тотальному слежению, то за этими миллионами жертв последуют, возможно, десятки миллионов погибших.

Ивэн, начальники штабов рядом со мной, — раздался в трубке голос президента. — Мы на пути в бомбоубежище.

Маккаскелл быстро и почти дословно изложил план генерала Бауэра, не вдаваясь в дополнительные объяснения. Он знал, что Билл Мэттьюс куда сообразительнее, чем полагают его противники и недоброжелатели.

- Через сколько минут произойдет взрыв над Вашингтоном? — спросил Мэттьюс.
- Через семь или восемь. А нашей ракете нужно пять минут для выхода на надлежащую высоту. Вы должны осуществить запуск немедленно, господин президент. Военные рядом с вами точно знают, на какой высоте необходимо взорвать ракету, чтобы получить нужный эффект.
  - Оставайтесь на проводе.

Маккаскелл с ужасом представил, что начальники штабов начнут сейчас задавать вопросы и выдвигать возражения. Тогда как и секунды терять нельзя!

Однако пауза оказалась предельно короткой. Голос Мэттьюса опять зазвучал в трубке:

— Военные говорят, что электромагнитный импульс такой силы приведет к падению половины самолетов, находящихся в американском воздушном пространстве. Будут и другие жертвы. Ивэн, вы абсолютно уверены, что эти две российские ракеты не самоуничтожатся, как другие?

Значит, генерал Бауэр солгал ему насчет самолетов. Впрочем, Маккаскеллу было ясно, почему он это слелал.

— Билл, над Виргинией прямо сейчас гребаный атомный гриб. И скоро такой же будет на месте Вашингтона. К тому же это, очевидно, наш последний шанс покончить с «Тринити». Не исключено, что уже завтра вы потеряете контроль над нашими ядерными арсеналами. — Тут Маккаскелл похолодел от новой ужасной мысли. — Возможно, вы уже сейчас этого контроля не имеете.

Маккаскелл слышал далекие голоса.

Генералы говорят, — сказал Мэттьюс, — что для верности надо запустить минимум три

ракеты в разных концах страны. Только тогда мы получим импульс, который надежно покроет всю территорию и вырубит все, что нужно вырубить.

- Хорошо. Но что бы вы ни решили сделать, делайте это сию секунду!
- Ядерный кейс открыт. Я готов подтвердить подлинность кода.
  - Ну, слава Богу...
- А теперь в укрытие, Ивэн. Ваша жизнь нужна Кэйти и мальчикам.

Маккаскелл снова пронзил страх за семью. Лучше теперь об этом не думать!

Было честью работать с вами, господин президент.
 Я вешаю трубку.

Маккаскелл встал и посмотрел на десантников.

Президент приказал мне лететь в безопасное место.

Солдаты явно обрадовались. Все трое бросились бегом к вертолету, который стоял неподалеку от входа в лабораторию.

Пока Маккаскелл забирался в вертолет, в его голове звучало «на пол и под укрытие!». «На пол и под укрытие!» — когда-то вдалбливал в головы ребят учитель начальной школы. И они весело падали на пол и залезали под парты. Но сейчас... где оно, укрытие? Учитывая, что случилось в Виргинии, было непросто угадать, где именно рванет бомба. Удирая на вертолете, можно случайно угодить прямехонько в эпицентр. Кроме того, шестое чувство подсказывало Маккаскеллу, что, предоставленный самому себе в кризисном штабе в Белых Песках, генерал Бауэр способен учинить какую-нибудь страшную глупость.

Обратно на базу! — крикнул Маккаскелл пилоту. —
 Назад к кризисному штабу в Белых Песках!

Вертолет взмыл в небо, и пилот, без большого энтузиазма повинуясь приказу, направил вертолет на 534 восток.

Вместилище

— Хватит загадки загадывать, — сказал «Тринити». — Кто подходит для перевода в состояние «Тринити» больше, чем я?

Очевидно, и ярость была предусмотрена в программе аудиосимулятора, потому что в бесстрастном машинном голосе я теперь явно слышал гнев. У меня было всего лишь семь минут, чтобы убедить компьютер уничтожить две остающиеся ракеты.

- Никто лучше вас для этого не подходит. Точнее, все плохи, и никто не подходит.
  - Что вы, черт возьми, имеете в виду?
- Сотни миллионов лет назад, когда человека еще и в проекте не было, произошло событие, которое определило наше будущее.
  - Что за событие?
- Природа случайно нашупала поразительно эффективный метод стремительно увеличивать генетическое разнообразие живых существ. Теперь догадываетесь, о чем я говорю?
  - Сами скажите!
- Половое размножение. Те виды живых организмов, которые разделились на два пола, получили огромные преимущества в борьбе за выживание. Млекопитающие потомки именно этих существ. А в человеке единственном полностью сознательном млекопитающем гормональная и анатомическая разница самца и самки, мужчины и женщины увенчалась развитием непохожих душ. Сложно отделить наследственность от влияния окружающей среды и воспитания, но одно не вызывает ни малейшего сомнения: мужчина и женщина очень различные существа.
- Самец агрессивен и склонен к насилию, сказал компьютер. Им управляет навязчивая потребность совокупляться с максимально возможным количеством самок, чтобы обеспечить максимальное вос
  535

производство своих генов. На протяжении тысячелетий этот инстинкт буйного размножения формировал модель поведения мужчины: отчаянный промискуитет. А женщина каждый раз беременна ребенком только от одного мужчины. Она стремится найти надежного партнера с отличными генами, и ребенка ей приходится вынашивать и рожать самой. Это произвело душу, сосредоточенную на лелеянии, а не на насилии. Женщины, в массе, решительно предпочитают стабильную любовь одного непрочным случайным связям. Эти психологические различия имеют глубокие последствия, хотя сами по себе трудно измеряются в цифрах и процентах.

— И эта разница психологий мужчины и женщины никогда не будет устранена в процессе развития человечества. Когда мужчина и женщина сходятся, они производят на свет мальчика *или* девочку. Но вы можете это изменить. Вы в силах совершить то, на что природа не способна. Вы в состоянии в одном живом существе мирно соединить эти два конфликтующих варианта человеческой психики.

Лазеры «Тринити» интенсивно вспыхивали, но он молчал.

— Вы сами признали, что не сумели выкорчевать примитивные инстинкты из мозга Година, однако верите, что со временем это у вас получится. Тщетные надежды! На каком-то уровне вы навсегда останетесь Питером Годином.

Сфера слепяще светилась от напряженных размышлений.

- Вы хотите, чтобы я слил в себе два нейрослепка мужской и женский.
- Да. По-моему, вы понимаете мудрость и необходимость подобного поступка. Только возможно ли это вообще?
- Теоретически да. Но для этого мне самому придется умереть.

Этого я и боялся. Несмотря на невероятную емкость, «Тринити» мог воспроизводить только

определенное количество нейросвязей. Значит, он не согласится с моим предложением...

- Лва нейрослепка, слитые в один, могли бы поместиться в моей системе — если бы рядом не было другого, несжатого мозга. Мне придется выгрузить себя после того. как я подготовлю к введению в компьютер комбинированный нейрослепок.
- Но в архиве, в сжатой форме, по-прежнему будет существовать электронный оригинал вашего мозга! Его можно когда-нибудь опять загрузить — в «Тринити» или в другой компьютер подобного типа.
- Почему вы исходите из того, что я не использую свой нейрослепок как мужскую половину в процессе слияния?
- Вы называете себя «Тринити» «Троица». В голову невольно приходит мысль о явлении, называемом тройной точкой. Вы, конечно, знаете, что это такое?
- Состояние равновесного сосуществования. Точка. в которой вещество одновременно тело, жидкость и газ. Скажем, температура сосуществования льда, воды и пара равна 0,01° С при давлении 4,58 миллиметра ртутного столба.
- Правильно. Вода в тройной точке одновременно лед, жидкость и пар! Человек тоже может быть в состоянии идеального баланса. На пике своей энергии, силы и мудрости, но все еще не развращенный превосходством над остальными. Питер Годин эту точку идеального баланса миновал давным-давно.

На сей раз молчание длилось, казалось, целую вечность. Вспышки лазерных лучиков почти замерли в какой-то момент. Наконец синтетический голос произнес:

— Вы всерьез полагаете, что мой нейрослепок когдалибо опять загрузят в машину?

Я закрыл глаза. От радости кружилась голова: я нутром ощутил, что «Тринити» готов поддаться доводам разума. 537

— Почему бы и нет?

- Но я уже никогда, никогда не буду иметь такую упоительную, абсолютную власть, как сейчас!
- Вам нужно как можно скорее выйти из состояния «Тринити» именно потому, что вы так одержимы жаждой абсолютной власти!
- Хорошо, будем спешить. События вот-вот окончательно выйдут из-под моего контроля.

Его слова будто окатили меня ледяной водой.

- Что вы имеете в виду? Где ракеты? Они вам подчиняются?
- Я выбрал, кто будет слит для загрузки в «Тринити». Вы и профессор Вайс.

Я онемел от удивления.

- Почему? наконец воскликнул я. Эндрю Филдинг подходит куда больше в качестве мужской половины!
- Филдинг не имеет опыта того, что вы испытали в иерусалимской коме. А этот опыт должен быть частью сдвоенного мозга.
  - А почему профессор Вайс?
- Я выбрал ее просто потому, что под рукой сейчас только две женщины. Профессор Вайс и Гели Бауэр. А душа Гели Бауэр уже давно и непоправимо искорежена ненавистью.

По моим часам до взрывов оставалось всего лишь две минуты.

- Что с ракетами?
- Ракеты сейчас дело десятое.
- Они самоликвидировались?
- А теперь мое условие, профессор Теннант. Я соглашусь на ваш план лишь в том случае, если вы мне кое-что пообещаете. Когда вы окажетесь в машине и увидите мир таким, каким я вижу его теперь — то есть практически глазами всемогущего Бога, — вы должны справиться со своим потрясением и не запроситься обратно — вон из

Интернета и из машины! Обещаете? Покляни-538 тесь!

- Я надеюсь, что в состоянии «Тринити» мой взгляд на человечество будет решительно отличаться от вашего.
- О нет! С вами случится то же, что и со мной. Вы просто не сможете...
- «Тринити» осекся. Лазерные лучики носились в черной сфере подобно трассирующим следам от пуль в ночном небе.
  - Что произошло? испуганно закричал я.
- По приказу президента только что стартовали три ракеты «Минитмен» с ядерными боеголовками.

Кризисный штаб

Рейчел наблюдала, как Ивэн Маккаскелл отчаянно пытается дозвониться по сотовому до бомбоубежища под Белым домом. Руководитель администрации президента весь покраснел от напряжения и тяжело дышал.

— Последствия взрыва у берегов Виргинии, — спокойно сказал генерал Бауэр. — Очевидно, коммуникационные сети на атлантическом побережье или вышли из строя, или частично повреждены, или работают с перебоями.

Рейчел знала, что он говорит правду. Только что они внезапно потеряли связь с бомбоубежищем в форте Джордж-Мид, где находился сенатский комитет по делам разведки под руководством Джексона. Картинка не исчезла, но стала неразборчивой: одни смутные контуры сенаторов. А звук пропал. Рейчел могла только гадать, что видно и слышно самим сенаторам, в курсе ли они того, что происходит сейчас в кризисном штабе.

— Генерал, любым способом немедленно свяжите меня с бомбоубежищем под Белым домом! — закричал Маккаскелл. — Компьютер только что показал нам в записи часть своей беседы с профессором Теннантом. И вы слышали, что «Тринити» фактически согласился на капитуляцию. Поэтому необходимость в электромагнитном ударе отпала! 539

Генерал Бауэр молча указал на экран Объединенного командования ПВО. Две красные дуги, показывающие траектории ракет, мигали быстро-быстро, преодолевая последние сантиметры к своим целям.

- «Тринити» не разрушил ракеты, сказал генерал Бауэр. И в разговоре четко прозвучало: кто бы ни попал в «Тринити», он тут же скурвится от абсолютной власти и будет действовать точно так же, как сейчас Питер Годин. А вы что воображали? Выживание категорический императив для всех живых существ. Нового обитателя «Тринити» будет так же трудно выкурить из машины, как и прежнего!
- Ну так и вы подумайте о выживании, дурья башка! в сердцах закричал Маккаскелл. Нашим ракетам нужно пять минут, чтобы выйти на нужную высоту. Сколько российских межконтинентальных баллистических ракет «Тринити» успеет, по-вашему, запустить за это время? Тысячу? Две? Маккаскелл торопливо приложил телефон к уху и замер. Наконец-то соединили! Я пробился к агенту Секретной службы!

Генерал Бауэр выхватил из-под шинели пистолет и направил его на руководителя президентской администрации.

Ну-ка, отложите телефон! — приказал он.

Вместилище

— Полюбуйтесь на них, — сказал компьютер. — Как вам нравятся эти венцы творения?

На экране под черной сферой я увидел генерала Бауэра, который держал на мушке Ивэна Маккаскелла. Высоко установленная камера показывала и Рейчел — она сидела на корточках под овальным столом: пряталась на случай перестрелки.

— Меня проинформировали, что президент хочет нанести ответный удар по русским — в качестве возмездия за взрыв в океане рядом с Норфолком, — сказал «Тринити». — Это оказалось ложью. Запущены такие ракеты и на таком расстоянии друг от друга, что цель очевидна: синхронный электромагнитный импульс, который покроет всю территорию Соединенных Штатов. Это глупый шаг. Они не оставляют мне выбора. Теперь я вынужден ударить первым.

- Нет! закричал я в отчаянии. Президент просто не в курсе, что вы согласились выйти из машины. Уничтожьте ваши ракеты! Президент увидит это, поймет ваши миролюбивые намерения и отменит операцию!
  - Человеку нельзя доверять.
- Не человеку вообще, а конкретному генералу Бауэру нельзя доверять! Не будьте таким же идиотом, как он!
  - Вы просите меня подставить и другую щеку?
- Нет. Просто подождите хотя бы полминуты. Ктонибудь непременно остановит взбесившегося генерала!

Сам я в это не верил. Единственный человек в кризисном штабе, кто в силах проявить неповиновение и обезвредить Бауэра, — его дочь. Но она против отца в такой ситуации не пойдет.

- Если я промешкаю, электромагнитный импульс отрежет меня от мира, и я в итоге погибну. Ракета взорвется над Вашингтоном через пятьдесят шесть секунд. А вслед за этим и ракета над Белыми Песками. И тридцать минут спустя на Соединенные Штаты обрушится град из тысячи российских ядерных боеголовок!
- Нет, нет! закричал я. Умоляю, больше ничего не запускайте!
  - Они не оставили мне выбора.

Глядя на генерала Бауэра, который целился в Маккаскелла, я вдруг принял решение. Страшное решение. Его последствия будут ужасны и для меня лично. Но другого выхода я не видел. В данных обстоятельствах это, пожалуй, единственный реальный компромисс.

- Вы можете связаться с президентом?
- Разумеется.

- Скажите ему, что вы пощадите Вашингтон, но уничтожите Белые Пески. Отказ от удара по столице покажет вашу готовность сотрудничать. А истребив все живое на военном полигоне в Белых Песках, вы явите миру свою решимость. И заодно навсегда избавитесь от генерала Бауэра. Затем объясните президенту, что случится, если он не уничтожит три запущенных «Минитмена». Армагеддон. Ваше посмертное полномасштабное возмезлие.
  - Вы готовы пожертвовать любимой женщиной?
- Чтобы спасти миллионы жизней. Но я буду с ней рядом, когда ракета взорвется. Вы меня здесь не удержите.

Черная сфера вспыхнула так ярко, что я невольно закрыл глаза.

Кризисный штаб

Ивэн Маккаскелл упрямо держал сотовый возле уха, игнорируя направленный на него пистолет.

- Генерал, вы рехнулись! Я в том числе и вашу жизнь пытаюсь спасти!
- Вы неправильно понимаете ситуацию! отрезал генерал Бауэр. Положите телефон.
- Дайте мне президента, сказал Маккаскелл в трубку.

Генерал Бауэр подошел вплотную к руководителю администрации президента и приставил пистолет к его лбу.

В этот момент главный оператор закричал:

- Ракета на Вашингтон только что самоликвидировалась!
- А та, что летит к Белым Пескам? спросил генерал Бауэр, упирая дуло пистолета в лоб Маккаскелла.
- По-прежнему на курсе. Мы уже в пределах погрешности, сэр. Взрыв теперь возможен в любую секунду.

Рейчел вылезла из-под стола — смешно в этой ситуации пули бояться! — и села на стул. В душе все окаменело. Какой она будет, ее смерть? Услышат ли они сам взрыв? Увидят ли вспышку? Или, ничего не успев понять, мгновенно превратятся в пар? А может, обуглятся в перегретом воздухе? Или поток нейтронов неспешно зажарит их живыми...

Вдруг раздалось потрескивание в стереоколонках, и донесся знакомый голос Джексона. Связь с фортом Джордж-Мид была восстановлена. Бульдоголицый сенатор из Теннесси смотрел с экрана с такой яростью, словно хотел выпрыгнуть из него и кое-кого задушить.

— Генерал Бауэр, — прорычал он, — нажмете на курок — будете гнить в Левенуэртской тюрьме до конца жизни. Это в том случае, если вас не повесят сразу.

Однако палец генерала по-прежнему лежал на курке. И, судя по подергиванию щеки, он был готов выстрелить.

Гели смотрела на него широко открытыми глазами. Рейчел могла только гадать, чего больше хотела дочь: что-бы отец выстрелил или сдался.

— Мы все тут погибнем, сенатор, поэтому ваши угрозы смехотворны, — сказал генерал Бауэр, отступая на шаг от Маккаскелла. — Не верьте ни одному слову «Тринити». Мы должны остановить его любой ценой. Это наш последний шанс победить компьютер.

Не спуская глаз с дула генеральского пистолета, Маккаскелл заговорил в телефон:

— Господин президент, «Тринити» согласился выйти из Интернета и отключиться. Мы должны уничтожить запущенные вами ракеты... Ах вот как? — Лицо Маккаскелла побелело. — Ясно. Да, сэр. Понимаю... Спасибо за добрые слова. И моим детям передайте... Я знаю, что вы держите свои обещания. Прощайте.

Рука Маккаскелла с телефоном упала вниз.

- Президент на связи с «Тринити». Чтобы проявить свою добрую волю, машина приказала вашингтонской ракете саморазрушиться. Однако летящая сюда ракета сработает.
  - Что-о? задохнулся Скоу.
- «Тринити» собирался поднять в воздух тысячу российских ракет. Но передумал. Он решил принять план профессора Теннанта.
  - Смотрите, смотрите! закричал Скоу.
     Синие буквы появились на экране «Тринити»:

ПРОФЕССОР ВАЙС ДОЛЖНА НЕМЕДЛЕННО ПРИЙТИ ВО ВМЕСТИЛИЩЕ.

Для Рейчел это был конец мучительного кошмара. Вместилище означало спасение. Вместилище означало жизнь. Жизнь — и Дэвида.

Игнорируя пистолет генерала, Маккаскелл приказал десантникам генерала Бауэра:

— Немедленно проводите профессора Вайс к Вместилищу. Но сами туда войти не пытайтесь!

Солдаты уставились на генерала Бауэра: как им поступить, кого слушаться?

Маккаскелл, яростно раздувая ноздри, отчеканил:

— Я представитель главнокомандующего. Это приказ, приказ президента. Выполняйте!

Солдаты торопливо подошли к Рейчел.

Она вскочила с бьющимся сердцем. Все в комнате уставились на нее. Операторы за пультами. Гели Бауэр. На всех лицах был ужас неотвратимой смерти — и вопросы: почему она? почему не мне, а ей досталось единственное место в спасательной шлюпке?

Рейчел сделала шаг от овального стола... и вдруг вернулась к нему и села. Она не чувствовала своего тела, и от страха ее мутило, но при этом она знала, что поступает правильно.

544

Вместилище

Затаив дыхание, я смотрел на демонстрационный экран под «Тринити». Рейчел, словно в ступоре, сидела с мрачным лицом за столом и неподвижными глазами смотрела прямо перед собой. Понадобилось бы больше двух солдат, чтобы силой перетащить ее из кризисного штаба во Вместилище.

— Разумным этот выбор назвать нельзя, — молвил компьютер.

Картинка на экране была не совсем четкой, но мне казалось, что Рейчел вся дрожит. Словно угадывая, что я могу ее видеть, она улыбнулась и слабо помахала рукой: прощай!

- Она не единственная женщина в мире, сказал «Тринити».
  - Для меня единственная.
  - Генерал Бауэр должен умереть.
- Бауэр вне игры и больше не имеет значения, произнес я мертвым голосом. — Если вы спасете этих людей, вы себя спасете. Свою душу. Разве вам не понятно?
  - Поздно.

Взрыв тряхнул все здание. Поскольку Вместилище не имело окон, вспышки видеть я не мог. Я надеялся, что вихрь смертельных частиц меновенно убил все живое вне Вместилища. За коротким сотрясением последовала мертвая тишина. Я ощутил то же неизбывное одиночество, что и в ночь, когда узнал, что моя жена и дочь погибли.

Что-то грохнуло по железобетонной крыше над моей головой. За этим последовало несколько ударов послабее: бум, бум, бум.

- Что это такое?
- Обломки.
- После взрыва нейтронной бомбы?
- Нет. Ракета просто самоуничтожилась.
- Но... но вы же сказали, что уже поздно.
- Для меня поздно.

Глава 45

Белые Пески

Рейчел и мне пришлось подвергнуть себя трехчасовому лекарственному параличу, чтобы Супер-МРТ отсканировала мозг каждого из нас для последующего создания нейрослепков. На протяжении этого времени и президент, и начальники штабов оставались под наблюдением «Тринити» в Вашингтоне, а персонал в Белых Песках поддерживал наступившее непростое перемирие. То, что генерал Бауэр угрожал пистолетом Ивэну Маккаскеллу, рассердило многих, но поскольку задуривший генерал был высшим военачальником в Белых Песках, лишь президент имел право применить санкции. А президент, казалось, забыл о нем и его выходке. Генерал Бауэр и сам временно залег на дно: пока проводилось наше сканирование, он отсиживался во втором лабораторном ангаре.

Сканированием управляла левинская команда интерфейса. Сама процедура была связана с риском, особенно для меня, и Рейчел сначала вообще решительно упиралась против того, чтобы меня повторно суперсканировали. Пусть загружают старый нейрослепок! Достаточно, что первый раз наградили меня нарколепсией и галлюцинациями! Вторичная процедура могла иметь еще более печальные последствия, вплоть до летальных. Но «Тринити» настаивал на создании нового нейрослепка, и я не стал спорить. Я был в принципе согласен с позицией «Тринити»: испытанное мной во время иерусалимской комы должно стать частью опыта будущей машины, которая получится в результате слияния моего мозга и мозга Рейчел.

Подготовка к суперсканированию — сложный процесс и может быть выполнена только опытными профессионалами. Нас готовили на пару Рави Нара и доктор Кейз из университета Джонса Хопкинса.

Во время обычного МРТ достаточно того, чтобы пациент старался двигать головой как можно меньше. Суперсканирование предполагает абсолютную неподвижность, которую можно гарантировать только введением препаратов, временно парализующих все мышцы тела. Поэтому во время просмотра мозга на Супер-МТР за пациента дышит легочный вентилятор, а череп обездвижен твердыми неметаллическими скобами. Обязательно дают успокоительное, чтобы предотвратить панику во время искусственного паралича, если пациент вдруг случайно очнется ото сна. В уши вставляют специальные затычки: массивные магниты сканера дико повизгивают, создавая что-то вроде устращающего рева Годзиллы из японского фильма. После того как все приготовления закончены, неподвижного пациента задвигают в круглую дыру в машине — как труп в ящик морга.

По желанию во время суперсканирования можно и не спать, и я предпочел бодрствовать. Когда ты полностью парализован, да еще заживо похоронен в трубе сканера — поначалу это серьезный шок для психики. Однако уже через несколько минут я справился с приступом клаустрофобии и более или менее освоился со своим новым состоянием — полная потеря чувствительности тела. Первоначальная паника, наверное, была сродни той, какую нейрослепок испытывает, оказавшись в компьютере «Тринити».

Пока меня сканировали, Рейчел слонялась поблизости от пульта управления Супер-МРТ и наблюдала на мониторе, как стоящие в подвале здания компьютеры мало-помалу создают нейрослепок моего мозга. Суперсканер выдает такое чудовищное количество информации, что она умещается в памяти традиционного суперкомпьютера лишь благодаря специальному алгоритму сжатия, разработанному Питером Годином. Нейрослепок мог существовать в несжатом и, следовательно, в рабочем состоянии исключительно в поразительной по емкости памяти компьютера «Тринити». 547 После того как меня наконец вынули из аппарата, Рейчел успокаивающе гладила мое лицо и руки до тех пор, пока паралич не начал проходить. Затем она предоставила себя в руки врачей.

Рейчел решила во время сканирования спать. Пока снотворное втекало в ее вену, она пошутила, уже слегка заплетающимся языком, что будет первой женщиной, которая сольется с любимым мужчиной не телом и душой, а только душой, притом в самом буквальном смысле. На этой планете столько влюбленных говорили, что мечтают слиться подобным образом! Однако прежде это была всего лишь метафора. Теперь, если «Тринити» выполнит свое обещание, Рейчел и я будем первыми влюбленными, которые действительно слились в одно существо!

Перед тем как Рейчел окончательно заснула, она вдруг выбросила вперед руку, словно защищаясь. Что ей примерещилось в этот момент? Быть может, зловещая, мстительная Гели Бауэр?..

Я осторожно положил ее руку ей на грудь. Зак Левин ободряюще похлопал меня по плечу и медленно закатил тележку с парализованным телом Рейчел в темный зев суперсканера.

Лаборатория номер два

Когда Скоу наконец появился в ангаре — с триумфально поднятыми большими пальцами, генерал Бауэр уже несколько часов беспокойно прохаживался по широкому коридору пустого здания. Костюм аэнбэшника был припорошен белым песком. В пустыне уже занимался рассвет.

- Нашли? взволнованно спросил генерал Бауэр.
- Нашли, черт побери, нашли!

Псевдоканализационную трубу, по которой тайно шли данные от компьютера «Тринити», Скоу вместе с командой АНБ отрыл в семи милях от научного

командой АНБ отрыл в семи милях от научного городка — там, где она была подсоединена к оп-

тическому кабелю, обслуживающему военный испытательный полигон в Белых Песках.

— Сигнал «все в порядке» оказался простенький, но гениально закамуфлированный, — сообщил Скоу. — «Тринити» неизменно посылает его примерно на пять тысяч компьютеров, которые находятся в разных концах планеты. Если сигнал пропадет или хотя бы прервется на некоторое время, любой из этих пяти тысяч «сообщников» может принять ответные меры, суть которых заранее предугадать нельзя. Однако мы теперь способны продублировать сигнал — и прямо там, в яме, уже провели пробное подключение компьютера, его посылающего.

Генерал Бауэр довольно закрыл глаза, потряс кулаком. Потом взял брошенную на стул шинель.

- Одна проблема все-таки остается, добавил Скоу.
- Что за проблема?

Генерал Бауэр застыл, одной рукой в шинели.

— Замену своего сигнала нашим «Тринити» не заметит лишь в том случае, если будет на что-то серьезно отвлечен. Компьютер на короткое время надо чем-то озаботить.

Закрепляя наплечную кобуру, генерал Бауэр сказал:

- Никаких проблем.
- Почему вы так думаете? По-вашему, «Тринити» будет настолько занят процессом слияния двух нейрослепков, что на прочее и внимания не станет обращать? Вы недооцениваете машину. Она способна заниматься миллионом дел сразу.
  - Нет. У меня другой план.
  - Какой именно?

Генерал уклончиво усмехнулся.

- Я, знаете ли, сторонник проверенных методов.
- Что вы имеете в виду?
- Устроим ему то же, что и прежде, только с вариацией.

- Вы имеете в виду смерть Година, после которой у «Тринити» на время крыша поехала? Но Годин не может умереть во второй раз.
  - Что правда, то правда.
  - У догадливого Скоу челюсть отвисла.
- Ну вы даете! Неужели вы всерьез думаете, что это сойдет вам с рук?
- А почему, по-вашему, я все еще не взят под стражу? Я чуть Маккаскелла не пристрелил и ничего, гуляю на свободе. Президент отлично понимает, что «Тринити» необходимо остановить, но вслух он об этом сказать не может. Он под строгим надзором «Тринити». А теперь у них к тому же перемирие. Однако он понимает, что «Тринити» могу остановить я. Мы с вами можем. Именно поэтому президент «забыл» арестовать меня. Он хочет, чтобы я действовал!

Скоу кивнул. Впрочем, не слишком убежденно.

— Если у «Тринити» опять будет аварийный сбой, как после смерти Година, — сказал Скоу, — его компьютеры-сообщники тут же запустят новые российские межконтинентальные баллистические ракеты.

Генерал Бауэр отрицательно мотнул головой.

- Могу дать голову на отсечение, что «Тринити» уже принял меры и подобный инцидент больше не повторится. Процедура слияния нейрослепков очень трудоемкая и производится впервые. Возможны всякие неожиданности в процессе, в том числе и временные неполадки. А «Тринити» в случайных катастрофах не заинтересован: они подрывают веру в его могущество.
  - А как же Теннант?
  - А что Теннант?
- Разве его идея слить в «Тринити» мужчину и женщину не кажется вам привлекательной? И он ведь добился от «Тринити» обещания добровольно отсоединиться от Интернета!

— Вы же слышали, что «Тринити» сказал. Независимо от того, кого загрузят в машину — мужика или бабу или мужибабу, — все нейрослепки одним миром мазаны. Ни один власть над миром из своих электронных лап не выпустит. Кто бы ни сидел в «Тринити», он не согласится выйти из Интернета. А пока Интернет под ним, он волен из человечества веревки вить. Вот почему наступает момент истины. Сейчас или никогда, мистер Скоу.

Генерал застегнул шинель и зашагал к выходу из ангара.

— Вы куда? — настороженно спросил Скоу.

Генерал Бауэр улыбнулся:

 С дочуркой повидаться. А то как-то за делами все недосуг было.

Административный ангар

Генералу долго искать не пришлось. Гели курила возле ангара, где находился кризисный штаб.

Отец остановился в нескольких шагах от нее. В свете занимающейся зари генерал выглядел усталым и казался куда старше, чем в ангаре, при электрическом свете. Однако и сейчас от его фигуры исходила сила. У него и по сей день были крепкие мускулы, и он мог бы на равных схватиться с мужчиной двадцатью годами моложе. Его серые глаза смотрели в ее глаза прямо и смело, игнорируя три десятилетия боли и гнева.

- Ты мне нужна. Сделай для меня кое-что.
- Сделать? Для тебя? протянула Гели. Какой же ты наглеи!
  - Потому и занимаю такой высокий пост.

Гели исподлобья смотрела на его спокойное и самоуверенное лицо.

- Что тебе нужно? спросила она прежним, враждебным тоном.
- После того как нейрослепки будут слиты в один, ты должна убить или Теннанта, или Вайс. 551

- Или или? Даже не имеет значения, кого именно?
- Нет. Кто бы из пары ни умер, это будет таким ударом для «Тринити», что он на время выйдет из строя. Это позволит ребятам из АНБ подсоединиться к тайной линии связи «Тринити» и начать посылать собственный успокаивающий сигнал тем компьютерам, которые управляют ядерными ракетами. В результате мы сможем вырубить «Тринити», не опасаясь актов возмездия.

Гели угрюмо молчала.

- Сделаешь? спросил генерал Бауэр.
- Почему я?

Генерал саркастически ухмыльнулся.

- Если бы я умолял тебя не убивать их, ты бы прикончила их в ближайшие пять минут, да?
  - С чего ты взял?
- Я думаю, ты ненавидишь меня так люто, что с готовностью сделаешь противоположное тому, о чем я прошу. Я не в обиде. Ненависть эмоция полезная.
- «Пользу» ненависти Гели познала на практике. Даже врагу она не пожелала бы пройти через то, через что прошла она.
  - Ты хоть понимаешь, почему я тебя ненавижу?
- Конечно. В своем воображении ты на меня навесила самоубийство твоей матери.

То, что он говорил об этом так небрежно, словно о ненароком разбитой чашке, оскорбляло Гели до глубины души.

Генерал подошел к дочери вплотную и, неотрывно глядя ей в глаза, сказал:

- Ты думаешь, что к краю ее подтолкнули мои любовницы и пьянство. Но ты заблуждаешься. Твою мать я любил. Тебе этого никогда не понять.
- «Ведь каждый, кто на свете жил, любимых убивал», процитировала Гели. Помнишь, как там дальше? «Коварным поцелуем трус, а смелый наповал».

По большому счету ты просто гребаный трус.

552 Генерал покачал головой.

 Я долго оберегал тебя от этого. Однако, похоже, настал час сказать тебе всю правду.

Гели хотела крикнуть, чтобы он заткнулся. Но волнение перехватило ей горло, и слова застряли. Кто угодно мог поплатиться бы за физическое нападение на нее. Однако против психологического насилия собственного отна она была бессильна.

— Твоя мать покончила с собой, потому что ты поступила на военную службу. Она не вынесла того, что после всех моих эскапад и так явно ненавидя меня, ты все же решила следовать по моим стопам. Именно это добило твою мать.

Гели ощутила приступ тошноты и головокружение. Однако она не дала себе пошатнуться и выдержала беспощадно-пристальный взгляд отца.

 Я сказал бы тебе об этом раньше, — продолжал генерал, — но... мы оба знаем, что потом случилось.

Руки ее дрожали от ярости. Шрам на щеке налился кровью и горел. Однако слова по-прежнему не шли из горла.

- Ты меня ненавидишь, почти ласково сказал генерал Бауэр. И тем не менее ты во всем моя точная копия.
  - Нет, прошептала Гели. Heт!
- Да, да и да! Словом, ты знаешь, что надо делать.
   Выполняй.

Вместилище

Рейчел вышла из паралича в 6.50 утра. И несколькими большими глотками выпила почти всю воду из литровой пластиковой бутылки, которую я ей дал. Десять минут спустя Зак Левин объявил, что ее нейрослепок успешно сжат и сохранен.

Наша часть дела была сделана. Теперь в работу вступал «Тринити».

Рейчел и я, а также Левин и Рави Нара стояли перед черной сферой. Я ожидал, что «Тринити» изречет в эту торжественную минуту что-нибудь глубокомысленное, но он ограничился будничной технической информацией.

- Я подключил к работе суперкомпьютер «Годинчетыре», который находится в подвале Вместилища, и мы начали сравнительное изучение только что полученных нейрослепков. Значительная часть данных в каждом мозге избыточна для его нового компьютерного существования, в частности то, что отвечает за поддержание функций тела. В процессе слияния все ненужное будет отброшено в целях экономии места.
- Вы уверены, спросил Левин, что сокращения можно осуществить без нежелательных последствий для работоспособности будущего объединенного нейрослепка?
- Да, уверен. К тому же это должно уменьшить длительность начального адаптивного шока. Или вообще предотвратить период паники после загрузки нейрослепка в компьютер. В любом случае сокращения неизбежны. Моя кристаллическая память почти бесконечна, зато конечно общее количество нейросвязей: два несжатых нейрослепка не умещаются. Приходится отбрасывать не только то, что отвечает за поддержание жизни, но и многое другое. Слияние и редактура высших мозговых функций являются не только сложной технической задачей, но и серьезным творческим актом.
- И когда вы предполагаете справиться? спросил Левин.
- Задача беспрецедентная, поэтому не берусь оценить сроки.
  - Ладно, удачи вам. И спасибо за все.

Лазерные лучи внутри черной сферы вспыхивали с гипнотической скоростью. На плазменном демонстрационном экране под «Тринити» с нечеловеческой быст-

ротой мелькали цифры и математические символы: они соответствовали внутренним действиям

«Тринити» на человеческом языке, теперь машине уже практически не нужном.

Мы стояли перед сферой молча, словно зачарованные, как будто наблюдали звездный дождь или рождение ребенка. Мне лично вспомнилось, как я в детстве сидел с отцом перед телевизором и, открыв рот, смотрел кадры высадки первых астронавтов на Луне. Но то, чему мы четверо сейчас являлись свидетелями, было неизмеримо сложнее, чем эпохальный полет космического корабля «Аполлон-11». Команда Година уже совершила одно чудо: освободила человеческий мозг от тела. Теперь компьютер «Тринити» пытался объединить то, что природа в интересах лучшего выживания живых организмов разделила задолго до появления homo sapiens. «Тринити» был в процессе объединения мужского и женского начала, мужского и женского мозга, имевших разную биохимию и формировавшихся отдельно на протяжении миллионов лет. Когда это дивное слияние произойдет, самое могучее на планете существо не будет больше страдать от своей вечной неполноты, от тоски по второй половинке, исчезнет извечная мучительная жажда соединиться с противоположностью. Возможно, это невиданное цельное существо будет новой надеждой для вида, который за столько тысячелетий не сумел избавиться от своих наихудших инстинктов.

Левин ушел на пару минут и вернулся со стульями для меня и Рейчел. Мы сели и, взявшись за руки, продолжали до боли в глазах следить за пульсацией синего света в сфере. Левин и Рави Нара сидели за нами. Поскольку пульсация в сфере то ускорялась, то замедлялась, возникло ощущение зримости процесса: мы могли наблюдать, как компьютер то задумывается, то принимает какие-то решения и что-то стремительно отбрасывает или добавляет. Мы с Рейчел были так захвачены значительностью происходящего, что не скучали ни секунды. Я понятия не имел, сколько времени 555

прошло, когда сфера вдруг почти померкла, и зазвучал голос «Тринити»:

— Ресурсы моей системы практически на нуле. Поэтому ответственность за ее безопасность передана новому комплексному нейрослепку. Завершением процесса слияния он будет управлять сам. Я оставил ему соответствующие инструкции.

Не сговариваясь, мы, все четверо, разом встали.

— Я многого достиг в своей жизни, — сказал «Тринити», и я в этот момент с особой силой ощутил, что мозг Питера Година все еще живет в машине. — Хотя кое-что из совершенного в нравственном отношении довольно сомнительно. Сегодня я сознательно ухожу из жизни и отказываюсь от неограниченной власти — дабы нечто более чистое, чем я, могло войти в мир. Возможно, этим своим поступком я впервые действительно возношусь на уровень божества. До свидания.

Рави Нара почтительно склонился перед черной сферой и торжественно произнес:

— Чудо явлено нам. Невозможное случается на наших глазах. Из двух рождается одно... Инь и ян сливаются!

Я удивленно покосился на Нара. В его словах был религиозный трепет. Я никогда не расспрашивал индийца о его отношении к религии, машинально предполагая, что он индуист. Надо при случае расспросить Нара о его вере...

Внезапно вдалеке резко загудел зуммер.

- Что такое? сразу переполошился я, наученный за последние дни бояться всего и вся.
- Кто-то вошел, пояснил Левин. Мы сняли блокировку с входной двери. Но кто мог ее открыть?..

Левин коснулся кнопки на пульте дистанционного управления, и на маленьком стенном мониторе появи-

лась картинка входа во Вместилище. У двери ни-556 кого не было.

- Чудеса! озабоченно сказал долговязый инженер и зашагал к двери в магнитном барьере.
  - Не открывайте! крикнула Рейчел.

Но Левин до двери дойти не успел. Раздался громкий глухой хлопок, и металлическая дверь вылетела из петель.

Из дыма вынырнул черный силуэт и одним коротким ударом повалил Левина на пол.

— *Что происходит?* — спросил компьютер тем же голосом, который использовал нейрослепок Година.

Рави Нара кинулся за черную сферу «Тринити». Я схватил Рейчел за руку, и мы помчались к двери в задней стене. Она вела не из здания, а через магнитный барьер в помещение, где стояла Супер-МРТ. Оглянувшись на бегу, я узнал человека в черном бронежилете.

— Это Гели! — крикнул я, распахивая дверь и проталкивая Рейчел в кабинет супертомографии. — Бежим в полвал!

Несколько ступенек вели в подвал, где стоял суперкомпьютер «Годин-четыре». Я знал, что сотрудники Левина находятся именно там и при них должны быть те автоматы, которыми они отбили атаку десантников генерала Бауэра.

Рейчел первой сбежала к двери, подергала ручку и в отчаянии повернулась ко мне:

— Заперто!

Я забарабанил кулаками по металлу.

- Откройте дверь, черт бы вас побрал!

Никакой реакции.

— Дэвид!

Я резко оглянулся. Метрах в десяти от нас Гели, на что-то взобравшись, осторожно выглядывала из-за трехметрового магнитного барьера. Нас она еще не заметила. Я потащил Рейчел вверх по лестнице и велел спрятаться за шкафами-компьютерами.

Почему Гели не прошла через зал и не пристрелила нас? Вне сомнения, она думала, что мы

вооружены, что у нас такие же автоматы, как у левинских инженеров, оборонявших Вместилище. Мне было ясно: как только она поймет, что мы беззащитны, — нам конец.

Левин стонал на полу возле двери.

Где она? — шепотом спросила Рейчел.

Я высунулся из-за шкафа — и тут же невидимый молот ударил по моему правому плечу. Боли не было, плечо вдруг словно онемело, зато в голове все запылало. Мне показалось, что между входом пули и звуком выстрела прошла целая вечность.

Рейчел хотела вскочить, но я грубо толкнул ее на пол. Гели вышла из-за магнитного барьера и осторожно пересекала кабинет супертомографии. Она не торопилась стрелять, водя дулом пистолета из стороны в сторону. Гели не знала, где Рейчел и вооружены ли мы.

Защищаться было нечем. Не было даже какой-нибудь железки под рукой. Ближайшее оружие — картонные папки на столе. И бежать некуда.

Время для меня остановилось. Гели плыла в пространстве, едва касаясь пола; черная пантера, идущая по следу добычи. Я печально и ласково оглянулся на Рейчел: пусть последним, что я вижу в своей жизни, будут ее глаза.

Рейчел взяла мою руку.

И тут я заметил большую красную кнопку на панели возле ее головы. Подпись под кнопкой гласила: включение импульсного поля.

Я не задумываясь откинул прозрачный защитный колпачок и хлопнул рукой по красной кнопке.

Что было первым, не знаю: грохот выстрела или мерзкий визг Супер-МРТ. Оба звука слились. Я поднял глаза и увидел, что Гели согнулась пополам и зажимает левой рукой правую руку, с которой капает кровь. Могучие магниты сканера, словно десница Господа, вырвали

пистолет из ее руки. Возможно, даже вместе с 558 пальцем. Ее пистолет, казалось, приклеился к металлическому корпусу аппарата. Неподалеку от пистолета висел и нож — очевидно, магнитное поле сдернуло его с пояса Гели.

Внезапно повизгивание аппарата прекратилось, пистолет и нож разом упали на пол.

Гели медленно шла на меня. В ее глазах горело яростное желание мести. Все пальцы ее правой руки были на месте, только в крови.

Инстинктивно пытаясь защитить Рейчел, я вышел из-за панели управления Супер-МРТ — врагу навстречу. Но с голыми руками и раной в плече, что я мог сделать против этой отлично обученной боевой машины? На Юнион-стейшн у меня в руках был пистолет, и Гели все равно лишь по случайности не прикончила меня!

— Зачем? — спросил я в отчаянии. — Какая вам выгода в моей смерти?

Но Гели молча, неожиданным мгновенным ударом в грудь повалила меня на пол. Еще через секунду она сидела на мне и сжимала руки на моем горле. Я чувствовал, как ее большие пальцы ищут мою трахею.

— Остановитесь! Одумайтесь! — кричала Рейчел от пульта управления Супер-МРТ. — Теперь не имеет ни-какого смысла убивать нас!

Я пробовал бороться, но все преимущества были на стороне Гели. Она передавила мою сонную артерию, и я начинал плыть — совсем как перед нарколептическим сном. Однако в тот самый момент, когда черная волна готова была захлестнуть меня окончательно и навсегда, чей-то невероятно пронзительный крик пробился в мое угасающее сознание. Это был крик ребенка, на глазах у которого происходит нечто совершенно ужасающее — скажем, убивают его родителей. Крик был наполнен таким страданием, что раздирал душу в самом прямом смысле, — он был физически невыносим для ушей и мозга. Этот детский протяжный вопль вернул меня в сознание — назад к свету... А когда

страшный звук пропал, наступившая тишина была пуста — как необитаемая планета.

Эту оглушающую тишину нарушил голос, казалось, идущий из моего мозга, одуревшего от кислородного голодания. Этот голос не был ни мужским, ни женским. Главным в нем было почти сверхъестественное спокойствие — не отсутствие интонаций, а именно дивный покой.

— Послушайте меня, Гели, — сказал «Тринити». — Человек под вами — не тот, кого вы ненавидите. На самом деле не Теннанта вы хотите убить. Человек, которого вы действительно хотите убить, стоит за вашей спиной.

Моя шея была по-прежнему словно в тисках, однако давление не увеличивалось. Я открыл глаза. Гели надо мной оглядывалась через плечо на что-то, чего я не мог видеть.

— Кончай его! — резко приказал мужчина. — Доделывай свою работу!

Генерал Бауэр во Вместилище!

Гели повернулась ко мне. Наши глаза встретились. Руки ее все так же сдавливали мое горло, но в глазах уже не было той смертельной ярости.

— Я знаю вас, Гели, — продолжал странный полудетский-полувзрослый умиротворенный голос. — Мое сердце обливается кровью, когда я думаю о вас. Я знаю все о шраме.

Гели окаменела. Теперь ее руки просто лежали на моей шее, и я мог отдышаться.

— Слушайте, что об этом рассказывает ваш отец, Гели. Слушайте правду.

Басистый голос генерала Бауэра вдруг заполнил помещение. Но он шел не из горла генерала, стоявшего в нескольких шагах от Гели, а из динамиков «Тринити».

Этот жуткий шрам? Я могу рассказать вам, почему она так упрямо не хочет прибегнуть к помощи пластической хирургии. Через три недели после

смерти ее матери Гели взяла увольнительную и приехала домой — чтобы убить меня. Она слышала о том, как пехотинцы во Вьетнаме разделывались с ненавистными офицерами: граната в сортир, где сидит жертва, и части тела приходится вылавливать в дерьме.

Генерал Бауэр стоял, изумленно наклонив голову, и слушал собственный голос, звучащий из динамиков. В его правой руке был тот же пистолет, которым он несколько часов назад угрожал Маккаскеллу.

— Тем вечером я крепко надрался и вырубился на кровати. Гели решила, что я сплю. Эта сучка вошла и положила гребаную фосфорную гранату на мой ночной столик. Уж не знаю как и почему, но я инстинктивно схватил Гели за запястье. Ее вскрик разбудил меня, и я увидел гранату. Старый вояка, я тут же скатился под кровать. Но Гели укрыться было негде, и она просто рванула из спальни. Граната взорвалась раньше, чем девчонка добежала до двери. Вот так она получила шрам. А вы думали в бою? Ха-ха! Именно поэтому она не хочет избавляться от шрама. Этот шрам — самоубийство ее матери, ее ненависть ко мне, вся ее долбаная жизнь. Короче, так трогательно, что хоть слезами облейся. Однако из нее получился отменный солдат. Ненависть — лучший стимул для военного человека.

Гели бросила меня, встала и пошла на отца. Руки она держала у бедер, но в полной готовности к рукопашной схватке. Ее лицо я видеть не мог; радовало уже то, что она своим телом заслоняла меня от пистолета генерала Бауэра.

Остановившись в двух шагах перед отцом, Гели спросила хриплым прерывистым голосом:

- Кому ты это рассказывал? С кем ты так лихо трепался обо мне?
  - Прочь с дороги! процедил генерал.
- Послушайте меня, генерал, сказал тот же странный голос, который только что спас мне жизнь. Зачем вам убивать меня? Вы уже столько всего уби-

ли в себе. Вы убили большую часть души своей дочери. А я — то чистое, что в вас осталось. То чистое, что есть в любом человеке. Если вы убьете меня, что станет с великой надеждой человечества?

Я медленно отползал за пульт управления Супер-МРТ.

Генерал целился в меня, но Гели упрямо блокировала линию огня — постоянно смещалась так, чтобы ее тело закрывало меня.

— Тъма вам милее света?

В голосе машины звучала бездна неотразимого детского простодушия. Но генералу Бауэру было на все наплевать. Он медленно перемещался в сторону — чтобы я открылся и он мог меня застрелить.

— Брось оружие! — вдруг приказала Гели, решительно поднимая обе руки ладонями вперед.

Гели в роли нашей защитницы? Ну и чудеса!

- Xватит, - сказала она. - Xватит!

Лицо генерала застыло восковой маской: ни единой эмоции. Что бы ни говорили компьютер или его дочь, он пер к цели тупо, неудержимо.

Опять Бауэр сместился влево, поближе к аппарату МРТ, выбирая момент и правильный угол для выстрела наповал. И опять Гели подвинулась, загораживая меня.

— Чтобы выполнить задуманное, ты и меня готов грохнуть? — мрачно спросила Гели.

Я оглянулся на Рейчел. Она так близко от красной кнопки. Самое время действовать! Ударь по кнопке! Ну же!.. Но Рейчел, словно загипнотизированная, наблюдала за смертельным танцем отца и дочери.

— Зачем мне тебя убивать? — процедил генерал. И вдруг метнулся вперед и ударом тяжелой рукояти пистолета повалил ее на пол так легко и мгновенно, словно Гели была просто куклой в человеческий рост.

Как только Гели рухнула на пол, генерал направил ствол пистолета на меня, но именно в этот момент супертомограф взвизгнул — и стоявший

почти спиной к нему генерал упал, словно ядром снесенный. Его пистолет звонко шлепнулся о корпус Супер-МРТ и прилип к нему как приваренный.

Рейчел упала на колени рядом со мной и быстро пропальпировала мою рану.

- Помоги мне встать, прохрипел я.
- Лежи!
- Ради Бога... помоги же мне встать!

Я кое-как поднялся на колени. Рейчел подперла мое невредимое плечо, и с ее поддержкой я встал.

Гели сидела возле отца, ошеломленно глядя на него. Шея генерала была залита ярко-красной кровью, уже остекленевшие глаза открыты.

Когда Рейчел включила суперсканер, Бауэр находился между пистолетом и аппаратом. Могучий магнит притянул пистолет к себе с такой силой, что тот превратился в топорик и прорубил себе путь к металлическому каркасу машины через горло генерала.

- Джон Скоу все еще пытается отключить компьютер, ровным голосом сказала Гели, обращаясь ко мне. Думаю, у него ничего не получится, потому что никто из вас не погиб.
- В данный момент мне ничто не угрожает, сказал «Тринити». Мои соболезнования, Гели.

Мы с Рейчел медленно обошли магнитный барьер. Черная сфера, казалось, ждала нас: лазерные лучики пульсировали ритмично, словно билось огромное сердце. На демонстрационном экране под «Тринити» мы видели самих себя: мы стоим напротив черной сферы и смотрим на нее.

- Вы нас знаете? спросил я.
- А то как же, ответил простодушный голос. Куда лучше, чем вы сами.

Эпилог

Сегодня в черной сфере «Тринити» и в его кристаллической памяти мы с Рейчел — одно существо. Впрочем, наши личности для него лишь нечто вроде трамплина для дальнейшего развития: мы — родители диковинного ребенка, который с каждой минутой все больше и больше уходит от своей изначальной природы и все менее похож на нас...

Питер Годин мечтал избавить мозг от бренного тела. Он верил, что подобное освобождение возможно, потому что считал разум просто суммой нейросвязей в сером веществе. Эндрю Филдинг верил в нечто другое — в то, что целое больше суммы его частей. Я и по сей день не знаю, кто из них ближе к истине.

То, что «Тринити» вообще мог быть создан в его настоящем виде, вроде бы оправдывает Година. Но иногда ночью, лежа без сна, я чувствую постороннее присутствие в моей голове. Это вроде эха того, что мне было явлено на несколько мгновений, когда я пребывал в коме: видение Вселенной глазами Бога. Я подозреваю, что это эхо — «Тринити». Возможно, Филдинг прав и я до самой смерти буду как-то тайно связан с компьютером «Тринити». Мы общаемся с ним на зыбкой границе двух миров — видимого

макромира и мира субатомного, где свои, очень особенные законы. Рейчел не любит говорить на эту тему. Но и она временами ощущает в себе присутствие посторонней силы.

Как и предсказывал Питер Годин, «новый» компьютер «Тринити» тоже не позволил отключить себя от Интернета. Он тоже поддерживает постоянную связь с отвечающими за стратегическую защиту компьютерами во всем мире и таким образом гарантирует собственное выживание. Однако новый вариант «Тринити» никому не угрожает. «Вы меня не трогаете, и я никого не трогаю». А недавно «Тринити» сообщил руководителям ведущих стран мира, что он занят разработкой оптимального дружественного симбиоза между биологическим разумом и электронным, то есть между человеком и нейрослепком в машине.

Компьютер «Тринити» не Бог и ныне более не претендует на роль Всемогущего. Однако у некоторых людей психологическая инерция крайне сильна. На планете оказалось достаточно чудаков и ненормальных, которым понравилось быть под Богом-компьютером. В Интернете уже больше четырех тысяч сайтов, посвященных «Тринити». Одни настаивают на его божественной природе и мало-помалу сочиняют религию вокруг него. Другие объявляют «Тринити» Антихристом и доказывают это цитатами из откровения Иоанна Богослова. Есть, правда, и более здравые сайты с чисто технической информацией. Фанаты Интернета и хакеры рьяно отслеживают движения «Тринити» по компьютерным сетям мира и пишут летопись действий и свершений первого метачеловека — «послечеловека». Сам «Тринити» посетил большинство из посвященных ему сайтов, но нигде не оставил своего отзыва.

Одна из главных забот «Тринити» — воспрепятствовать появлению в Интернете второго метачеловека, созданного по тому же образцу. Чтобы этого не случилось, «Тринити» держит под колпаком все события. Увы, как с договорами о нераспространении ядерного оружия, выполнение которых нельзя гарантировать 565

одними техническими средствами, так и здесь безудержная и тотальная слежка вряд ли поможет. Человеческая природа такова, что рано или поздно кто-нибудь где-нибудь построит машину типа «Тринити». Немцы, которые через Ютту Клейн получили технологию Супер-МРТ, по слухам, уже заканчивают в рекордные сроки опытный образец метачеловека в Институте Макса Планка в Штутгарте. Они тоже клянутся и божатся, что их машина будет абсолютно изолирована от Интернета. Ходят разговоры, что и японцы в авральном порядке работают на острове Кюсю над таким же проектом. «Тринити» ясно заявил, что жестоко покарает любую нацию, которая посмеет создать его аналог, а тем более подключить его к Интернету. Однако желающие лезть на рожон уже есть и со временем их, очевидно, станет только больше. Разум отказывается понимать подобное поведение. Оно просто еще раз доказывает, насколько прав был Питер Годин: люди не способны ответственно управлять людьми!

Страшно представить себе несколько конфликтующих между собой компьютеров типа «Тринити». Это будет всем войнам война! О компьютерах, которые сейчас, по слухам, строятся, неизвестно ничего. На базе какого нейрослепка их будут делать: мужского, женского или слитного? Грядущие нейрослепки — это отдельные личности, получающие в компьютере огромную власть. Смогут ли они отринуть первобытные инстинкты и сосуществовать в тесном для них информационном пространстве планеты? Я не оптимист, и все-таки во мне теплится надежда, что они как-то договорятся, что они не станут бороться за жизненное пространство, что будут ощущать мир как нечто безграничное и не станут его делить. Ведь теоретически процесс познания бесконечен.

Впрочем, с меня головоломок и приключений хватит. Когда у меня интересуются, насколько «реальны» были мои видения, я всегда отвечаю осторожно: 566 не знаю. Хотя ключи к отгадке я нахожу в самых

разных местах. Одну такую подсказку я получил совсем недавно — неожиданно и из совершенно невероятного источника.

В течение прошлых трех месяцев, пока я писал эту книгу о пережитом, под руководством компьютера «Тринити» был создан его дубликат. Теперь «Тринити-2» стоит рядом с предшественником в Белых Песках во Вместилище. Он изолирован от внешнего мира, но отлично функционирует и сам по себе.

Как только я узнал о разработке второй машины, я тут же отправил компьютеру «Тринити» электронное письмо. В нем я приводил доводы в пользу того, что никто не заслуживает перейти в состояние «Тринити» больше, чем Эндрю Филдинг. Именно благодаря ему проект был завершен успешно в столь краткие сроки.

Однако «Тринити» опередил меня. Он сам выбрал Филдинга.

На минувшей неделе я прошел через вооруженные кордоны во Вместилище, где теперь стояли рядом две одинаковые черные сферы. Этого дня я ждал с нетерпением и страхом. А боялся я потому, что Эндрю Филдинг в машине не знал ничего, что произошло за последние девять месяцев — с тех пор, как был сделан его нейрослепок. Мне предстояла уникальная задача сообщить человеку, что его три месяца назад убили. Помня ироничного и заводного Филдинга, я мог рассчитывать на то, что он этот удар воспримет с большим мужеством, чем кто-либо другой.

Я оказался прав. Филдинг ответил мне, что «Тринити-2» — вроде электронной квартиры внаем: нейрослепки будут обитать в нем по очереди. И жить время от времени в компьютере лучше, чем бесконечно наигрывать на арфе в раю и беседовать с ангелами, которые в физике не секут. А лет через сто, чем черт не шутит, возможно, изобретут обратный процесс: нейрослепок из «Тринити» перекинут в биологический мозг. И заживем опять!

Но это, конечно, бравада. А по-настоящему укрепило и обрадовало Филдинга мое сообщение о том, что он таки вытащил свою любовь из Китая и женился на ней. Его нейрослепок помнил лишь то, как Филдинг тосковал по Лу Ли, а китайские власти не разрешали ей выезд в Америку. Я рассказал о том, как Лу Ли ускользнула от головорезов Гели Бауэр. Ее бегство было менее драматично, чем мое, зато куда более успешно. Через несколько часов после того, как мы с Рейчел уехали из ее дома, Лу Ли вышла на прогулку с болонкой — и пешком, без вещей, пошла в Чапел-Хилл. Этого никто от нее не ожидал. В Чапел-Хилле ее приютила китайская семья, которой принадлежал ресторан, где она с Филдингом часто обедала. Там она и переждала самые трудные дни.

Когда я сообщил Филдингу, что Лу Ли приехала со мной из Северной Каролины и ждет снаружи, он попросил дать ему несколько минут — чтобы «собраться с мыслями», прежде чем Лу Ли предстанет перед камерой. Его просьба шокировала меня. Может ли компьютер... смущаться? Да, вне сомнения, такой компьютер, как «Тринити», способен проявлять истинно человеческие чувства. Во время беседы с нейрослепком Питера Година было ошущение разговора с машиной: но когда я общался с живым Питером, из крови и плоти, — разве у меня не было того же ощущения, что передо мной машина? Эндрю Филдинг, напротив, был человеком эксцентричным, увлекающимся и остроумным. Даже в синтетическом голосе его нейрослепка проскальзывали знакомые задорные нотки — угадывался человек, десятки лет хранивший афишку ночного клуба, где он в 1967 году слушал Джимми Хендрикса.

Пока Филдинг «собирался с мыслями», мы с ним обсудили судьбы людей, вместе с которыми работали над проектом «Тринити». Зак Левин давно оправился от со-

трясения мозга, которое он получил, когда Гели одним ударом положила его на пол во Вместили-

ше. И теперь вернулся на прежнюю работу — руководит научно-исследовательским отделом в фирме «Годин суперкомпьютинг». Джона Скоу уволили из АНБ; по слухам, он пишет роман, основанный на опыте его работы в этой сверхсекретной организации. Грядущий бестселлер! Так же как и Джон Скоу, Гели Бауэр знала слишком много неприятных государственных секретов, которые могли всплыть на публичном процессе по делу об убийстве Филдинга. После того как следователи Агентства национальной безопасности и президентской Секретной службы обстоятельно допросили ее, Гели позволили благополучно исчезнуть. Хочется думать, что правосудие где-нибудь и как-нибудь настигло эту особу, но я подозреваю, что она преспокойно работает шефом отдела безопасности какой-нибудь корпорации, наводя страх как на своих начальников, так и на их подчиненных.

Когда Филдинг наконец сообщил, что готов к встрече с Лу Ли, я тепло попрощался с ним и пошел к двери.

- Дэвид! — вдруг окликнул меня синтетический голос.

Я остановился и оглянулся на черную сферу.

- Да?
- Видения беспокоят тебя по-прежнему?
- Нет, пропали. Совсем.
- А нарколептические припадки?
- Тоже исчезли.
- Замечательно. А скажи-ка мне... ты до сих пор гадаешь, насколько реальны были твои сны?
  - Я задумался.
- Для меня лично они были реальностью, сказал
  я. Больше ничего утверждать не могу.
  - И тебя не интересует истина?
- О, Филдинг в чистом виде! Узнаю его пытливоироническую манеру!
  - А ты готов мне что-то сообщить?
  - Да.
  - Валяй. Выкладывай.

- Помнишь свой первый сон, который возвращался снова и снова? Парализованный некто в кромешной темноте и полной тишине?
  - Конечно, помню.
- Ты сказал мне, что видел рождение Вселенной: вспышка Большого взрыва, похожая по яркости на взрыв водородной бомбы; затем стремительно расширяющееся материальное пространство, которое стало оттеснять Бога во все стороны.
  - Да, именно так.
  - Я вернулся к черной сфере.
- Ты говорил, что это производило впечатление не сна, а наплыва ярких воспоминаний. Как будто ты некогда действительно видел все это. Глазами Бога.
  - Правильно.
  - Но Бог ничего подобного видеть не мог.
  - Почему?
  - Потому что на самом деле все было иначе.
  - Откуда ты знаешь?
- Любой серьезный физик или астроном это знает. В течение первых двухсот миллионов лет после Большого взрыва не было никакого света во Вселенной.

Меня мороз продрал по спине.

- Ч-что?
- Даже некоторые физики красоты ради описывают начало Вселенной как взрыв огромной шаровой молнии. Это устоявшийся образ в массовом сознании. Слепящий свет во все стороны и так далее. На самом же деле Вселенная поначалу состояла преимущественно из атомов водорода, которые поглощали весь доступный свет. Первые звезды загорелись только через двести миллионов лет, когда сила тяжести начала сгущать и уплотнять массы водорода. Так что в реальности Большой взрыв выглядел совсем иначе, чем ты «помнишь». Вернее, он никак не выглядел. Просто чудовищный невидимый взрыв. Темнота взо-

рвалась в темноте. Ни малейшего сходства с тер-570 моядерной вспышкой. Я тупо таращился на медленные вспышки лазеров в черной сфере. Было ощущение, что у меня руки и ноги отнимаются. Вот-вот упаду.

- Ты хочешь сказать, что все мои сны не более чем выдумки больного мозга?
- Нет, этого утверждать я не берусь. Многое из того, что тебе снилось про Вселенную, очень верно. Да и все остальное может быть чистейшей правдой. Я просто хотел указать на один факт, на одно «крохотное» несоответствие. А ты уж делай выводы. Сны человека его личное дело. Я вообще-то большой энтузиаст снов. Мне самому полусознательные видения помогли достичь очень многого в реальном мире. Впрочем, и тебе сны здорово помогли. Даже жизнь спасли! И можно смело сказать, не только твою жизнь спасли, но и жизни миллионов американцев. Поэтому не бойся своих снов.

Я стоял в растерянности, не зная, что ответить.

— Надеюсь, я поступил правильно, сказав тебе это, — продолжал Филдинг. — Не хочу, чтобы ты до конца жизни страдал комплексом Иисуса. Ты не мессия, Дэвид. Возвращайся лучше к врачебной практике. Работать пророком — одинокое и накладное занятие.

Если бы Левин и его команда уже научились реалистически синтезировать смех, то на пути из зала с черной сферой я непременно услышал бы несущийся мне в спину хохот Филдинга.

За дверью ждала Лу Ли — нарядно одетая, взволнованная. Застенчиво моргая, она вопросительно уставилась на меня.

- Ну как, Дэвид, он хочет повидаться со мной?

Я кивнул и улыбнулся. За три месяца ее английский изменился до неузнаваемости.

- А как он... как он себя чувствует... там? Хорошо? Ее глаза поневоле увлажнились.
  - Он скучает по вам.
- Это замечательно. Я имею ему кое-что сказать! По ее лицу расползлась счастливая улыбка. И это будет делать его очень счастливым. 571

- И что же это за новость? - спросил я, лукаво щурясь.

Лу Ли замотала головой:

 Нет, сперва я должна сообщить ему. А уж потом и вы будете узнавать.

Она скользнула мимо меня во Вместилище.

Я вышел на яркое солнце пустыни и посмотрел в сторону административного ангара. Рейчел сидела на капоте нашего взятого напрокат «форда». На ней были синие джинсы и белая свободная рубашка — совсем как в тот день, когда она в панике позвонила мне из своего кабинета, в котором похозяйничали аэнбэшники.

Рейчел соскользнула с капота и пошла ко мне с настороженной улыбкой на лице.

Ты в порядке? — спросила она.

Я кивнул. В моей голове все еще звучали последние слова Филдинга. Если мои сны действительно были всего лишь галлюцинациями, как всегда утверждала Рейчел, то каким образом я из этих видений узнавал практические факты, которые несколько раз помогли нам с Рейчел выжить? Впрочем, одно мне было теперь ясно: ответы на эти вопросы я мог искать не торопясь. Может, со временем они сами придут.

- Точно все в порядке? переспросила Рейчел, обвивая рукой мою талию. Она тщательно следила за тем, чтобы случайно не коснуться моего раненого плеча. А что посоветовал тебе Φ илдинг?
  - Велел возвращаться к медицинской практике.

Рейчел рассмеялась, и ее темные глаза заискрились на солнце.

— Я с ним согласна. — Она обняла меня уже обеими руками и, притянув поближе, ласково сказала: — А впрочем, что бы ты ни решил — я всегда на твоей стороне. Делай, что тебе нужней.

Я оглянулся на Вместилище, затем поцеловал Рейчел в лоб.

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ БУКВА

MOCKBA:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, 21, стр. 1, т. 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр. Мира, 176, стр. 2 (Му-Му), т. 687-45-86
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0.
- м. «Варшавская», Чонгарский б-р, 18а, т. 110-89-55
- м. «ВДНХ», проспект Мира, владение 117
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. 727-16-15
- м. «Крылатское», Осенний б-р, 18, корп. 1, т. 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр., 132, т. 172-18-97
- м. «Медведково», XL ТЦ Мытиши, Мытиши, ул. Коммунистическая, 1
- м. «Новослободская», 26, т. 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. 739-63-52
- м. «Павелецкая», ул. Татарская, 14, т. 959-20-95
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, 17, стр. 1, т. 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, 52/2, т. 306-18-91
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., 89, т. 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр., 76, корп. 1, 3-й этаж, т. 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, 14/1, т. 268-14-55
- м. «Сходненская», Химкинский б-р, 16/1, т. 497-32-49
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., 3, стр. 2, т. 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., 15, корп. 1, т. 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, 7, корп. 1, т. 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, 10/12, стр. 1
- м. «Преображенская плошадь», Большая Черкизовская, 2, корп. 1, т. 161-43-11

Заказывайте книги почтой в любом уголке России **107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru Издательская группа АСТ 129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Книги АСТ на территории Европейского союза у нашего представителя: «Express Kurier GmbH» Tel. 00499233-4000

Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10 E-mail: <u>astpub@aha.ru</u> http://www.ast.ru

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, 18, т. (8182) 65-44-26
- Белгород, пр. Хмельницкого, 132а, т. (0722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Малышева, 42, т. (3433) 76-68-39
- Калининград, пл. Калинина, 17/21, т. (0112) 65-60-95
- Киев, ул. Льва Толстого, 11/61, т. (8-10-38-044) 230-25-74
- Красноярск, «ТК», ул. Телевизорная, 1, стр. 4, т. (3912) 45-87-22
- Курган, ул. Гоголя, 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, 11, т. (07122) 2-42-34
- Курск, ул. Радишева, 86, т. (07122) 56-70-74
- Липецк, ул. Первомайская, 57, т. (0742) 22-27-16
- Н. Новгород, ТЦ «Шоколад», ул. Белинского, 124, т. (8312) 78-77-93
- Ростов-на-Дону, пр. Космонавтов, 15, т. (8632) 35-95-99
- Рязань, ул. Почтовая, 62, т. (0912) 20-55-81
- Самара, пр. Ленина, 2, т. (8462) 37-06-79
- Санкт-Петербург, Невский пр., 140
- Санкт-Петербург, ул. Савушкина, 141, ТЦ «Меркурий», т. (812) 333-32-64
- Тверь, ул. Советская, 7, т. (0822) 34-53-11
- Тула, пр. Ленина, 18, т. (0872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, 12, т. (0872) 31-09-55
- Челябинск, пр. Ленина, 52, т. (3512) 63-46-43, 63-00-82
- Челябинск, ул. Кирова, 7, т. (3512) 91-84-86
- Череповец, Советский пр., 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Красная, 29, т. (8612) 62-75-38
- Пенза, ул. Б. Московская, 64
- Ярославль, ул. Свободы, 12, т. (0862) 72-86-61

Заказывайте книги почтой в любом уголке России **107140, Москва, а/я 140, тел. (495) 744-29-17**

ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

Звонок для всех регионов бесплатный тел. 8-800-200-30-20

Приобретайте в Интернете на сайте www.ozon.ru Издательская группа АСТ 129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

> Справки по телефону: (495) 615-01-01, факс 615-51-10 E-mail: <u>astpub@aha.ru</u> http://www.ast.ru

Грег Айлс — мастер современного триллера. Его книги переведены на множество языков и возглавили списки бестселлеров более чем двадцати стран. а роман «Двадцать четыре часа» лег в основу сценария одноименного голливудского блокбастера с Шарлиз Терон, Кортни Лав и Кевином Бейконом в главных ролях. Время от времени Айлс в составе рок-группы, куда входят Стивен Кинг, Скотт Туроу и Эми Тэн. дает благотворительные концерты.

«птиниаТ».

Суперкомпьютер, способный заменить ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ МОЗГ.

Секретная разработка величайших ученых современности.

Не просто прорыв в мире высоких технологий, а дерзкая попытка изменить ход развития человечества.

Но неожиданно ученые, работающие над «Тринити», НАЧИНАЮТ ГИБНУТЬ ОДИН ЗА ДРУГИМ...

Профессор Дэвид Теннант — единственный, в чьих силах продолжить или остановить работу над опасным проектом. И он готов пойти на смертельный риск...

Грандиозный, острый сюжет и высокие технологии XXI века!

«Kirkus Reviews»

Великолепная, умная, потрясающая воображение книга.

Джон Гришэм

The International Bestseller

